В155 407

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

МОНГОЛЫ

МОНГОЛО-ОЙРАТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1634/5

В155 407

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

МОНГОЛО-ОЙРАТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ПЕРЕВОД, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ — МСМХХIII — МОСКВА

1634/5
3-й экз

Отпечатано 5150 экз.
в тип. фабр. „Светоч"
Гиз. 4559. Петрооблит.
№ 5362. Петроград

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
758290

МОНГОЛО-ОЙРАТСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ ЭПОПЕИ

БУМ-ЕРДЕНИ
ДАЙНИ-КЮРЮЛЬ
КИГИЙН-КИЙТЮН-КЕКЭ-ТЭМЮР-ЗЕВЕ
ЕГИЛЬ-МЕРГЕН
ЕРГИЛЬ-ТЮРГЮЛЬ
ШАРА-БОДОН

ПРЕДИСЛОВИЕ

I.

Венецианец Марко Поло, знаменитый путешественник XIII-го века, рассказывая об одном сражении, подробно говорит о том, как монголы играли перед боем на музыкальных инструментах и пели песни. Не рассказал, правда, нам Марко Поло, что́ это были за песни, никто их тогда не подслушал, но тем не менее мы все-таки можем судить о них, этих песнях, которые распевали монголы той отдаленной эпохи, готовясь к своим прославленным атакам. Не один Марко Поло говорит нам о монголах. Обширные завоевания столкнули монголов с самыми разнообразными культурными народами Азии и Европы: с китайцами, грузинами, армянами, с различными представителями мусульманского мира; а создание монголами в XIII-м веке огромной империи со стройной организацией, империи, связывавшей культурные области Дальнего Востока и Центральной и Ближней Азии, еще больше способствовало самым тесным сношениям монгольских завоевателей с разными цивилизованными народами. Скоро и Европа, так или иначе, должна была столкнуться с этим народом, чудесным образом вышедшим из неведомых степей Средней Азии. А монгольские походы на Россию, Польшу, Венгрию, с одной стороны, и их войны с мусульманами на Ближнем Востоке — с другой, наполняли душу тогдашнего европейца то ужасом, то надеждой, надеждой на то, что подымается новая страшная сила на неверных. И монголами живо интересовались, к ним отправлялись посольства, о них писались книги, о них бродили рассказы, иногда волшебные, фантастические, которые часто принимались за истинные, потому что отвечали народным чаяниям,—иногда же правдивые, вдумчивые, привозимые людьми, много лет прожившими среди монголов, как, например, Марко Поло; но правда часто принималась за выдумку, фантастику, потому что тогдашнему человеку, к какому бы он классу ни принадлежал в Европе, трудно верилось, что

где-то далеко, в Азии, в „языческом“ мире существует государство, во главе которого стоят вчерашние кочевники, дети степей, но которое в культурном отношении далеко превосходит тогдашнюю Европу: страна Великого Хана монгольского знает и стройное государственное устройство, и налаженные пути сообщения, определенную финансовую систему, правильное регулярное войско с гвардией; знает порох и артиллерию, книгопечатание и бумажные деньги; Великий Хан не христианин, но в своем царстве, даже в своем роде, в своей гвардии, в своих канцеляриях он терпит и христиан, и мусульман, и буддистов.

И вот благодаря тому, что монголам пришлось в XIII и XIV веке сыграть значительнейшую роль в истории Азии и отчасти Европы, вырастает о них обширная литература на разных языках. На основании этих-то данных, среди которых особенно надо отметить труды персидского историка Рашид-ад-дина (конец XIII—начало XIV в.) и анонимного грузинского историка (XIV в.), мы можем притти к заключению, что монголы той эпохи переживали период эпического творчества. Эпические настроения и эпические сюжеты, распространенные, очевидно, у них, как и у других азиатских кочевников и звероловов, развиваются теперь, т. е. начиная с конца XII, начала XIII века, необычайно, выливаются в определенные, более сложные формы: начинают создаваться большие эпические песни, былины, может быть, эпопеи. Не одни только военные походы, обширные завоевания, вся эта бранная жизнь, боевая слава создают условия, удобные для развития эпических сюжетов. Более значительную роль в данном случае сыграло то обстоятельство, что образовался могучий общественный класс, который стал носителем и вдохновителем эпических настроений. При Чингис-хане, можно сказать, возродился и окреп класс степной аристократии; он был организован Чингисом, Чингис указал ему пути господства, организовал сильное аристократическое государство. Монгольская степная аристократия со своим гениальным предводителем—Чингисом, являющимся выразителем ее чаяний, носителем ее идеалов, идеальным аристократом, создает тот междуплеменной класс, который позволяет опершемуся на него быстро объединить разные племена, роды, кости, семьи монгольского или полумонгольского происхождения. Степная аристократия помогает созданию войска Чингис-хана, она созидает его знаменитую гвардию и идет за своим ханом хоть на край света, и в Китай, и в Персию, за осуществлением идеала истинного степняка-кочевника. Степной монгольской аристократии нужны вольные степи и удобные места для своих стад, ей нужны пастухи; но ей, как производящей мало, а имеющей разные потребности, нужны также люди, умеющие кузнечить, приготовлять ткани; значит, надо иметь у себя в подчинении области с оседлым населением, которое бы служило своим вольным кочевым господам. Но, даже получив все это, степная аристократия понимает, что подобное положение

возможно только при прочном общественном порядке: она стремится к тому, к чему, казалось-бы, никак не способен стремиться кочевник,— к созданию прочного государства. Правда, это—особое государство, о котором мечтает монгольская аристократия со своим гениальным предводителем Чингисом: оно рисуется ей в образе вотчины-поместья, где владельцы они, а вотчина чуть не целый мир.

И вот этот-то класс монгольской степной аристократии и делается носителем и вдохновителем эпических настроений; сказания о тех и других ее предводителях, о славных боях и хитроумных советах, апофеоз кочевой жизни, особенно легкий и реальный, потому что постоянные победы монголов доставляют им тучные пастбища, вольные степи и обильную добычу,—все это не только находит себе отклик в недрах монгольской аристократии, но в значительной степени является и ее прямым созданием. Она не только хранительница, распространительница эпических сказаний, но и создательница. Монгольский аристократ не только совершает богатырские подвиги, но и поет героические сказания, эпические песни о славных витязях своего рода, о богатстве их кочевий. Благодаря счастливой случайности до нас даже дошел памятник эпического творчества монголов той эпохи. Ориенталистами открыто было, записанное в 1240 г. богатырское предание монголов, переделанное отчасти в „историческое“ сказание. На этом, без сомнения, самом замечательном произведении монгольской литературы, носящем название „Сокровенное сказание о монгольском народе“, отразились не только эпические черты, но и национальное самосознание, вызванное блестящим царствованием Чингис-хана, обширными завоеваниями, общим напряжением, объединением и подъемом монгольского мира. Монгольские царевичи и аристократы хотят слышать не только воспевания отдельных богатырей, отдельных родов, они хотят национальной эпопеи—национальной истории; тогда эти понятия не различались. „Сокровенное сказание“ не есть все-таки настоящая эпопея, это не монгольская Илиада, для этого она слишком „исторична“, местами слишком прозаична; но это и не „история“, ни в каком случае не летопись или что-либо подобное; „Сокровенное сказание“ слишком наполнено эпическим настроением, эпическими мотивами, слишком напоминает своим складом эпическую былину и, несмотря на некоторую обработку с определенной тенденцией стать „историей“ рода Чингиса, остается верной выразительницей идеалов степной монгольской аристократии. И лучше всего остановиться для „Сокровенного сказания“ на определении „богатырское сказание“, как это делает В. В. Бартольд, первый определивший характер и значение этого любопытного памятника степного творчества.

Дошли до нас и еще несколько эпических произведений старой монгольской литературы, напр. поэмка о двух конях Чингис-хана, некоторые отрывки летописей и еще кое-что но относительно этого

материала мы поставлены в условия, требующие от нас большой осторожности; дело в том, что нам совершенно неизвестно время составления этих произведений. И только по общему духу, по ярко эпическому настроению, а подчас и по мотивам, так сближающим их с соответствующими местами „Сокровенного сказания", отчасти и по языку—можем высказать мы предположение, что и эти произведения относятся к раннему периоду монгольской истории, когда монгольский народ переживал эпическую стадию своего развития.

Но вот разбивается на части когда-то единая и мощная монгольская империя; монгольский элемент в государствах, образованных монголами в западной части Средней Азии, исчезает; клонится наконец к упадку их власть и в Китае. Опять монголы в своих степях. Проходит еще ряд лет, которые монголы заполняют междоусобными войнами, набегами на Китай, далекими, далекими перекочевками и опять войнами и набегами. Распространяется среди них буддизм в той форме, в которую он вылился в Тибете; еще ведут монголы междоусобные войны и войны с манджуро-китайцами; еще раз мы их видим совершающими далекие перекочевки. И двадцатый век застает их такими же кочевниками, какими они были в XIII-м веке, но потерявшими вместе со свой независимостью и весь розмах, былое красочное богатство кочевой жизни, все у них мельчает. И часто глазу европейского путешественника теперешние монголы представляются совершенно первобытным, пастушеским народом, давно утратившим все былое, даже самое память об этом прошлом. Неподготовленный европейский путешественник может не заметить, что этот пастушеский народ имеет свою литературу, своеобразную цивилизацию, имеет буддийские монастыри, где занимаются не только культом, но и изучением разных отделов знания. Такой путешественник, наверное, будет удивлен, когда узнает, что в буддийских монастырях серьезно изучают теорию познания и что там нетрудно найти лиц, занимающихся вопросами о существовании чужого „я", или теории поэзии. Да, Монголия за последние столетия благодаря влиянию Тибета стала живой старой Индией во многих отношениях; благодаря изменившимся историческим условиям монголам не приходится вести уже войн, совершать отдаленные походы, завоевывать богатые области.

Что же сталось с монгольским эпосом, угас ли он, забыли ли монголы свои старые героические эпопеи? Угасло ли их эпическое настроение, которое владело ими когда-то, которое создавало известное миросозерцание? Ведь исчезли же эпосы других народов; французы не поют уже песни о Роланде, о подвигах Гийома, нет больше певцов Нибелунгов, хитроумного Одиссея; эпические песни исчезают даже и у первобытных народов; все труднее и труднее теперь найти, например, певца героических сказаний у Алтайских теленгитов. Наконец один и тот же народ за продолжительное время своего существования, будучи поставлен в различные исторические условия, созидает совершенно отличные эпосы; ничего ведь нет общего между Илиадой, Одиссей и средневековыми и новыми греческими эпическими песнями. Что же находим мы у монголов?

II.

Монгольская литература дает нам, начиная с XIV века, чрезвычайно мало материала для какого бы то ни было суждения по этому вопросу. Несколько эпических произведений, небольших, случайно до нас дошедших, никак не могут характеризовать состояние эпоса, положение эпической традиции за несколько сот лет существования. Их малое количество и небольшое распространение не может даже служить косвенным доказательством падения героического эпоса у монголов, потому что мы хорошо знаем, что богатырские эпосы часто столетиями живут среди народа, никогда не будучи записаны, оставаясь совершенно чуждыми литературе того народа; русские былины служат отличным примером. А монгольская литература была к тому ж такова, что именно менее всего годилась к созданию условий, когда бы в ней могло появиться то или другое течение, которое бы обратилось к народным героическим песням. После падения монгольской династии в Китае, после того как монголы были опять оттеснены в свои степи и горы, после того как на историческую арену выдвинулись новые монгольские племена, до тех пор жившие совсем первобытной жизнью, наступает темный период монгольской истории, монгольский народ быстро теряет все свои приобретения, во всех отраслях жизни наступает быстрый регресс, падение. И кажется, что монголы очень скоро дойдут до того состояния, из которого их вывели исторические обстоятельства и гений Чингис-хана в XII—XIII веке. Затем с конца шестнадцатого столетия начинается монгольское возрождение, которое идет под духовным руководством тибетского буддизма. Довольно быстро возрождается у монголов литература, но эта литература прежде всего служит буддийской церкви, и она становится и в последующем своем развитии распространительницей буддийской догматики и литургики, буддийских воззрений, буддийских сказаний; она удовлетворяет новые жизненные запросы монгольского общества, создает новые, помогает старым высказываться в буддийском духе. Быстро создаются внешние формы, формы нового литературного языка, которые делаются в среде, где грамотность развита сравнительно мало, незыблемыми нормами и накладывают свою печать почти на все роды письменности. Монгольская литература отвечает и служит только одной стороне души монгола: ее буддийским настроениям; монгольская письменность служит еще, по необходимости, государству и обществу в разных канцеляриях: но она остается далека широкой жизни монгола; настоящая степная кочевая жизнь не находит в ней отражения. Монгольская литература—

создание буддийского монастыря и княжеской канцелярии, от нее не веет „ароматом степи". Можно, конечно, при более пристальном взгляде найти и другие течения, но они будут, повторяем, редки и случайны. Напрасно, таким образом, искать монгольские эпические произведения в монгольских книгах и рукописях, старых и новых; нет, если они сохранились, то только в устах народа, за ними надо итти не в книгохранилища, а в юрты кочевников, подслушать, когда и при каких обстоятельствах поют и сказывают монголы свои богатырские эпопеи.

Очень долгое время среди востоковедов держалось убеждение, что монголами в настоящее время героический эпос забыт, забыт совершенно. Некоторые путешественники и исследователи указывали, правда, на лиро-эпические песни, которые они находили изредка то у того, то у другого монгольского племени; востоковедам была даже известна одна эпопея, встречавшаяся в калмыцких степях, но тем не менее признавалось, что вообще монголы в настоящее время героического эпоса, эпических песен не имеют, а то, что у них было когда-то, погибло бесследно. Такое мнение продержалось до самого последнего времени, когда появилась новая школа ориенталистов, начавшая более внимательно изучать жизнь народных масс Востока с разных точек зрения, когда нашлись исследователи жизни монголов, обратившие особое внимание на живой язык и народное творчество разных монгольских племен. Кроме того, к тому же времени народилась и монгольская интеллигенция из среды бурят и калмыков, которая с увлечением обратилась к изучению родной народной жизни, собиранию произведений монгольского народного творчества. Обоюдными усилиями этих исследований удалось скоро установить ошибочность прежнего мнения относительно монгольского героического эпоса. Оказалось в действительности, что монголы не забыли своих богатырских песен, оказалось, что во многих местах, населенных монгольскими племенами существует еще в полной силе героический эпос, в разных стадиях своего развития; существуют еще монгольские племена, где героический эпос живет в устах своих профессиональных певцов настолько полной жизнью, что до сих пор продолжает развиваться эпическое творчество: перелагаются старые эпопеи, создаются новые, степная аристократия дает еще выдающихся певцов-творцов и исполнителей.

Теперь, когда прошло 20—25 лет усиленных работ в этой области, когда скопился значительный материал по монгольскому живому богатырскому эпосу, записанный, собранный, кроме того, в разных частях Монголии, когда вообще заметно расширились наши познания о Центральной Азии, мы можем иметь довольно точное представление о том, где, как, в каких размерах и в каких условиях существует у монгольских племен героический эпос.

В настоящее время в монгольском мире, поскольку мы его знаем, существуют три области, три района, где живут или еще бытуют героические эпопеи, где встречаются профессиональные певцы былин, отли-

чающиеся друг от друга многими особенностями. Носителями этих трех видов и форм монгольского эпоса являются следующие монгольские племена: буряты как Иркутской губернии, так и Забайкальской области, волжские калмыки (ойраты), вместе с теми, которые во второй половине XVIII века укочевали вон из России и живут теперь в Джунгарии и на Тянь-Шане, и, наконец, ойраты Северо-Западной Монголии, вместе с некоторыми омонголившимися турецкими племенами. В каждом из районов, населенном одним из этих племен, мы встречаем героический эпос, органически выросший, имеющий определенную свою историю и сохраняющийся или живущий теперь в той или другой характерной форме. Среди других монгольских племен, напр. среди халхасов, населяющих Центральную и Восточную Монголию, среди чахар и других племен, живущих в Южной и Юго-Восточной Монголии, наконец среди хотогойту, кочующих между халхасами и ойратами в Северо-Западной Монголии, тоже попадаются эпические песни, эпопеи. То там, то здесь среди этих племен можно встретить отдельных лиц, принадлежащих к самым разнообразным классам общества, самых различных состояний, знающих, а иногда умеющих и петь отдельные небольшие былины. Но эти былины являются, по большей части, случайными отрывками когда-то распеваемых больших эпопей, они не приурочены к определенному району, не являются достоянием того или другого племени, того или другого рода, какой-нибудь определенной школы. Обо всех этих частях Монголии можно сказать, с большей или меньшей уверенностью, что героический эпос там позабыт, он вымер, но вместе с тем надо прибавить, что там попадаются отдельные личности, знающие по тем или другим обстоятельствам отдельные героические песни, былины, которые по большей части оказываются обрывками. Наконец, существуют еще области, монгольские племена, о которых наши сведения в этом отношении очень недостаточны, и мы почти ничего не можем сказать, в каком положении находится там героический эпос. Что мы знаем в отношении героического эпоса о монголах, кочующих близ оз. Куку-нор? А о монголах в Тибете? Об афганских моголах? Ничего.

Несмотря на то, что у нас нет прямых указаний каких-либо памятников, мы можем утверждать, что героический эпос бурятских племен в том виде, в каком мы находим его теперь, есть наследие давних веков. Бурятский эпос существовал издавна, развивался, подчинялся тем или другим влияниям, принимал в себя разные напластования, вылился, наконец, в форму больших эпопей и теперь заметно начинает клониться к упадку, забываться, исчезать. Трудно, конечно, при настоящем состоянии наших знаний представить себе точно историю развития бурятского героического эпоса, это — дело будущего, может быть и не очень отдаленного, тем не менее анализ бурятских эпопей и сравнительное изучение их вместе с другими эпическими произведениями монгольских и турецких племен совершенно определенно пока-

зывают, что эти, казалось бы, первобытные поэмы, созданные первобытным племенем, прожили долгий век, что они результат длительного творчества, при чем с грустью можно еще установить, что дальнейшее развитие их закончилось; просуществовав некоторое время в определенной форме, в которую эти эпопеи вылились, они начинают уже гибнуть, забываться. Пройдет еще немного лет, и то, что верно теперь для халхасов и южных монголов в отношении героического эпоса, станет верным и для бурят.

Бурятскому эпосу, в частности, бурятским героическим эпопеям — посчастливилось. Нашлись среди бурят лица, которые еще в середине прошлого века заинтересовались ими и стали их записывать. Было затем кое-что сделано русскими исследователями и бурятскими на русском языке. Но в полной мере бурятский богатырский эпос открылся только тогда, когда приступил к его собиранию и изучению Ц. Ж. Жамцарано, направивший затем на этот путь целый ряд своих соотечественников. В предисловии к вышедшему уже в свет первому тому собрания бурятских былин, изданному нашей Академией Наук, Ц. Ж. Жамцарано дает интересный и живой очерк своей родной былинной поэзии, предоставляя и незнающим монгольского языка возможность ознакомиться, хотя бы и в общих чертах, с этим видом народного творчества.

В настоящее время у бурят как иркутских, так и забайкальских, разделяющихся на разные племена и роды, которые заметно отличаются друг от друга и по языку, и по религии, и по культуре, героический эпос является в виде больших стройных поэм, богатырских эпопей, составленных стихами, которые по большей части распеваются рапсодами, иногда под аккомпанемент музыкальных инструментов и только очень редко, или в исключительных случаях, или в некоторых определенных районах—„сказываются", рассказываются. По содержанию своему бурятские эпопеи напоминают произведения героического эпоса других народов—греков, германцев, славян, турок. Буряты так же, как и другие народы, воспевают в своих былинах богатырские подвиги своих героев, описывают их приключения, любуются красотою их жен, с увлечением рассказывают об их лихих и мудрых конях. Подобно героическим эпосам других народов бурятские эпопеи выводят иногда на сцену действия фантастические, волшебные существа, которые то вредят, то помогают героям. Выступают в этих эпопеях и боги, по большой части первобытного шаманского пантеона, иногда даже они, их сыновья, являются главными героями больших эпопей, и действие захватывает не только землю, но и небо, и преисподнюю. Но на ряду с шаманскими духами, на ряду с картинами первобытной жизни зверолова—встают в бурятских эпопеях и другие личности, выявляется и другая жизнь, отражающая иные культурные условия жизни бурят. В общем же, можно сказать, бурятский героический эпос, бурятские эпопеи представляются нам удивительно первобытными, архаичными, несмотря на некоторые позднейшие напластования, легко отличимые,

переносящими нас в среду простой, первобытной звероловной жизни, с необыкновенной яркостью и рельефностью рисующими не только внешние формы этой жизни, всевозможные случаи и эпизоды, но в душу человека этой жизни. С одной стороны, эти эпопеи воспевают своих героев, не царей, ханов и повелителей, а только самых сильных, самых смелых, самых лучших из звероловного и кочевого народа, „кроткого как жеребенок"; с другой стороны, эти эпопеи увлекают слушателя в идеальный мир, который может только мерещиться скотоводу и охотнику: богатые пастбища, вольная степь, юрты, где сладостно отдохнуть после облавных охот; а богатыри хранят, стерегут эти богатства, совершают подвиги ради защиты своих имений или приобретения новых стад, новых кочевий. Но как шаманы под звуки гудящего бубна увлекают в иной туманный мир духов и чудесных животных, так и эти эпопеи уводят слушателя из грез о рае скотовода-зверолова в странный и страшный, туманный шаманский мир. Наивная, первобытная поэзия и этот волшебный мир создает так, как нашептывает окружающая тайга,—страшные невиданные образы часто страшны только на первый взгляд, страшны на словах, на деле же они таковы, как и все вокруг; но тем не менее стремление человеческого духа к чудесному, потустороннему, стремление убаюкать или ужаснуть себя фантазией ярко отражается в бурятских эпопеях. Несмотря на свою удивительную первобытность, не смотря на то, что они сохранились с самами незначительными изменениями и напластованиями с давних, давних времен, бурятские эпопеи являются результатом продолжительного творчества, результатом, завершающим длинный период развития в других формах. Бурятские эпопеи—настоящие эпопеи; это название к ним так же применимо, как к созданиям французского эпоса, французским эпопеям. И, конечно, так же, как последние, они не могли явиться сразу, а должны были сложиться постепенно, постепенно вылиться в эти формы, в каких мы застаем их ныне. Они, бурятские эпопеи, остались первобытны, грубы и по сюжету, и по своему духу, по своей поэтике; даже в том, что они заимствуют, в том, что на них напластовывается, заметна их первобытность; но тем не менее это не первое, начальное творчество, а результат долгой и сложной творческой жизни: бурятский богатырский эпос всегда жил в простонародной среде, его певцами всегда были случайные выходцы из народа, благодаря тому или другому обстоятельству изучившие эти огромные, порой, эпопеи и исполнявшие их для простого народа. Буряты, действительно, почти не знали аристократии, а в тех местах, где она нарождалось, эта аристократия по своим вкусам, по образу жизни ничем не отличалась от окружающей ее массы простого народа. Бурятскому героическому эпосу негде было подвергнуться литературной обработке, утончиться, рафинироваться; он остался первобытным. Это обстоятельство не помешало ему создать в области стиха и слога замечательнейшие образцы. На бурятские эпопеи, повидимому, оказали большое влияние тунгусы; существуют даже предания о том, что буряты

прямо заимствовали свой героический эпос у последних. Несомненно имели влияния и разные сказания и легенды, позаимствованные вообще всеми монголами из Тибета и через его посредство из далекой Индии. Например, имя одного героя колоссальной бурятской эпопеи, далеко превосходящей размером Илиаду, вместе со многими мотивами сказочной его истории попал к бурятам через монголов из Тангута — Тибета. Это знаменитый Гесер-хан, тибетский Кесар, герой обширных сказаний, зародившихся, повидимому, в Тибете и теперь широко распространенных в Тибете, Ладаке, Амдо, Монголии, Китае, Манджурии; самое имя Гесер-Кесар, как думают некоторые, есть не что иное как греческое кайсар-кесар.

Если обратимся мы теперь к волжским калмыкам и их родичам кочующим в Джунгарии и на Тянь-шане, то нам представится совершенно другая картина состояния героического эпоса. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что калмыки (т. е. ойраты—западные монголы) на Волге знают только одну эпическую поэму, Джангариаду. Имеются у них, правда, и другие эпические песни, напр. поэма о Мазан-батыре, но они значительно отличаются от типичных произведений героического эпоса и приближаются скорее всего к роду лиро-эпических песен, распроетраненных в известной степени среди разных монгольских племен, халхасов, бурят, хотогойту, ойратов Западной Монголии и т. д. Во всяком случае, эти поэмки волжских калмыков типа Мазан-батара отличаются уже тем, что несомненно создались в недавнее время, что они „историчны", воспевают как героев исторические личности, жившие сравнительно недавно. Эти калмыцкие поэмки очень удобно сравнить с русскими историческими песнями, напр. об Иване Грозном, о Скопине, о Петре Великом; и отношение их к героическим былинам будет то же самое, какое мы находим между русскими былинами, напр., об Илье-Муромце, об Алеше-Поповиче, и „историческими песнями".

Итак, наши волжские калмыки знают одну героическую поэму, которую называют по имени ее главного героя Джангара—Джангариадой, Джангаром. Нельзя сказать, чтобы она оставалась совсем неизвестной европейскому обществу,—несколько раз появлялись переводы на немецком и русском языках отрывков этой степной поэмы, а Стасов использовал их в своей известной и пламенной статье о происхождении русских былин. Но полного перевода Джангара до сих пор ни на каком языке не появлялось; даже более того,—до самого последнего времени не были записаны все песни, составляющие Джангариаду, и только совсем недавно эта работа была выполнена Номто Очировым и В. Л. Котвичем, которые и издали значительную часть записанного текста.

Еще не так давно, по свидетельству лиц, сталкивавшихся с калмыками, путешественников, исследователей и по заявлению самых калмыков—любителей старины, Джангар был очень распространен в при-

волжских степях. Везде существовали и соперничали между собой так называемые „джангарчи", т.-е. певцы Джангариады, знавшие по нескольку песен поэмы, а часто и всю поэму целиком. Народ любил слушать сказание о Джангаре, к хорошим певцам ездили издалека, приглашали их на пиры, на свадьбы, на общественные празднества. Еще более ценила их калмыцкая аристократия, князья—нойоны и дворяне — зайсанги, иногда державшие при себе постоянно одного или нескольких „джангарчей"; ни одно празднество, ни один пир в ставке нойона не обходился без выступления певца Джангариады. Эти певцы выходили почти всегда из простого народа обучались по призванию искусству петь национальную поэму и затем, очень часто жили этим искусством или же порой исполняли Джангар из любви к этому народному достоянию, ради славы. Но за последнее время произошла крутая перемена. Дворянство калмыцкое измельчало, появились новые интересы и заботы у народа, жизнь стала быстро меняться под напором новых условий, под натиском русских поселенцев, и вместе с тем стал быстро падать интерес к Джангару; народ охладел к нему. Повымерли старые „джангарчи", а новых почти не появлялось, а если оказывались любители, то они, не поддерживаемые общим настроением, не усовершенствовались, забывали изученное, и Джангариада стала умирать в калмыцких степях. Все там теперь знают о Джангаре, слыхали кое-что о его богатырях, но очень трудно в настоящее время найти не только хорошего „джангарчи", но просто знающего более или менее полно всю поэму. Относительно того, в каком положении находится героический эпос у тех калмыков—ойратов, которые укочевали с Волги и живут теперь в Джунгарии и на Тянь-Шане, у нас имеется очень мало данных. По слухам они, как это и следовало бы ожидать, принесли с собой на новую родину с Волги и Джангар; поэма эта известна, и до сих пор распевается главным образом там, где поселились торгуты, одно из калмыцких племен, считающее Джангар за свою национальную торгутскую эпопею. Однажды на западных склонах южного Алтая пришлось мне встретиться с молодым торгутом, выходцем из джунгарских калмыков; он знал отрывки из Джангариады и даже мог петь их (довольно скверно) под аккомпанемент домбры. По его рассказам, на его родине Джангар до сих пор хорошо известен, его поют на пирах как в ставках князей, так и в юртах простого народа.

Теперь, что же представляет собою эта Джангариада, эта героическая поэма торгутов, волжских калмыков вообще? Умышленно мы не называли ее эпопеей, потому что она представляет много особенностей, препятствующих признать ее эпопеей. Джангариада, это—цикл былин — поэм, вполне самостоятельных, связанных между собой только тем, что во всех этих отдельных поэмах является Джангар-хан; богатыри, герои отдельных поэм, все служат одному хану Джангару. Джангариада состоит из нескольких песен — отдельных

Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики

поэм, число которых обычно называют двенадцать, но которых было и бывает большим; при чем обычно эти песни-поэмы начинаются или описанием дворца Джангара, его кочевий, его пиров, или же описанием детства и первых подвигов хана Джангара; очень часто эти вступления становятся „общими местами“ и без изменений повторяются во всех песнях. Далее песни-поэмы переходят к своему главному сюжету описанию геройских подвигов богатырей Джангара, а иногда и самого Джангара. В общем же все песни тесно связаны зависимостью своих героев от хана Джангара; сам Джангар со всем своим величием так или иначе присутствует в каждой песне и делает ее главой, может быть и самостоятельной, но все-таки главой циклической поэмы. В Джангариаде мы имеем образчик, и очень притом яркий, героического эпоса, прошедшего все стадии циклизации и готового создать или одну огромную эпопею, или несколько отдельных эпопей. Но вот жизнь эпоса показывает и еще одну возможность,—возникает не грандиозная эпопея, в роде индийской Махабхараты, и не цикл эпопей, в роде французского цикла о Гийоме Оранском и его „линии“, а эпический цикл особого рода. Но вместе с тем эпическая циклизация, которую мы встречаем в Джангариаде отличается сильно от типа циклизации, известной нам, например, по русским былинам. Мы знаем былины Владимирова цикла; это самый крупный и яркий цикл русского богатырского эпоса; здесь отдельные былины, самые разнообразные, разного происхождения, отличные и по сюжету, и по настроению, замыкаются в цикл тем, что их герои—богатыри группируются вокруг Владимира Красное-Солнышко, ездят в Киев, ко двору ласкового князя. На первый взгляд очень много похожего на то, что только-что пришлось сказать о Джангариаде. Но на самом деле еще больше отличий, показывающих, что калмыцкий эпос в своем развитии перешел те формы, в которых судьба оставила русские былины. Дело в том, что в Джангаре гораздо больше внутреннего сходства действия отдельных поэм-песен, они связаны не только внешней связью — одним и тем же ханом, — каждая из них является естественным продолжением, развитием предыдущей, почти не встречается противоречий; певец, исполняя одну какую-нибудь песню, как бы помнит о других, они как бы рисуются ему на дальнем плане; настоящий „джангарчи“ тот, кто знает и ясно представляет себе всю поэму, весь этот цикл и в тоже время может исполнить перед слушателями любую песню Джангариады так, что она будет вполне понятна и произведет цельное впечатление. Наконец Джангариада отличается от русского былинного цикла еще тем, что Джангар-хан оказывается действительным героем, главным действующим лицом поэмы; правда, он как бы отходит в иных песнях на задний план, уступая место тому или другому богатырю, но все-таки он повсюду появляется действующим героем. Наконец, песни — главы Джангариады заранее определены, сциклизированы определенным

количеством ближних богатырей Джангара, героев этих отдельных песен.

Известны нам и другие типы циклизации героического эпоса, и об одном из них стоит упомянуть, потому что встречаем мы его у народа, очень близкого к калмыкам и этнически, и по языку, и по условиям жизни, народа, с которым, наконец, калмыки не раз сталкивались,— именно у кара-киргизов. Надо обратить внимание на кара-киргизский эпос и его циклизацию еще и потому, что, по всей вероятности, калмыцкая Джангариада, калмыцкий богатырский эпос прошел, и сравнительно недавно, через подобную же стадию развития. У кара-киргизов, у которых богатырский эпос развит и распространен необычайно, он является, как показывает нам такой выдающийся исследователь и собиратель народной словесности турецких племен, как В. В. Радлов, в виде различных песен-поэм, так или иначе связанных с одним героем Манасом; рядом с этим существуют песни, связанные с героями Йолой и Тэштюк. Вот—как бы три цикла, но невозможно представить себе кара-киргизский богатырский эпос в виде этих трех циклов, как нельзя и вообще представить себе весь этот эпос таким, каким он живет в народе. Существует ряд песен—эпизодов из жизни, напр. Манаса, но эти песни постоянно изменяются в устах певцов, переплетаются между собой, образуя новые эпизоды, увеличиваются или уменьшаются, и общим и постоянным остается только картина, эпическая картина жизни, отражающая эпические настроения народа, выявляющие эпические мотивы, распространенные среди народа, ему знакомые, им любимые. Общими остаются, помимо эпической поэтики и языка, и любимые герои, напр. Манас. По многим признакам, мне кажется, мы имеем право предполагать, что калмыцкий богатырский эпос прошел через подобную стадию своего развития. Но затем отдельные эпизоды в устах искусных профессиональных певцов стали обретать все большую и большую определенность, стали фиксироваться; с одной стороны слушатели стали все более и более привыкать к определенной последовательности любимых и знакомых сюжетов, с другой стороны стала падать способность к поэтической импровизации певцов и заменяться более тщательной отделкой, заботой о структуре. В результате этих процессов и явился поэтический цикл—Джангариада, не совокупность песен-эпизодов из жизни одного героя, а цепь поэм, тесно связанных между собою в один круг.

Калмыки—народ кочевой, но далеко не первобытный; они пережили много с того момента, как исторические обстоятельства вывели их на арену истории. Они знали и условия жизни отдельными, раздробленными племенами, они проходили стадию образования государства — племенного союза и делали попытки создания крепкого кочевого царства. Пришлось им в своих обширных перекочевках видеть много земель, сталкиваться с разными народами, с китайцами, с киргизами, с кавказкими горцами. Калмыки так же, как и другие монголы, в свое

время подверглись влиянию буддийской, тибетско-индийской культуры, они сумели вместе с кочевым бытом соединить известные культурные приобретения, напр. национальную письменность, начатки образованности. Давно у них произошло расслоение общества, они имеют обширную аристократию, знают и другие сословия. Все эти условия жизни калмыков должны были отразиться и отразились на их национальном героическом произведении, на их поэме о Джангаре. Это уже не первобытная, хотя и величественная, увлекательная, порой прекрасная по стиху, но все-таки первобытная эпопея бурята, эпопея первобытного таежника. В Джангариаде отражается гораздо более сложная кочевая жизнь, жизнь не только кочевника, но кочевого государства. Еще более яркой, чем в бурятских эпопеях, является перед нами здесь картина кочевого быта. Здесь ее настоящий апофеоз; четко и определенно, совершенно реально и жизненно рисуется в Джангариаде идеал кочевника, идеал этой привольной степной жизни, полной своеобразной поэзии. „Ароматом степей" настоящим, не стильно-созданным, но стихийным, только укрепленным стилем, веет от песней Джангариады. Эта идеальная, патетическая картина кочевой жизни является перед нами уже и сложной и пестрой; видно, что грезит о ней не народ-зверолов наполовину и кочевник наполовину, раскинувший свои одинокие юрты по предгорьям лесистых сопок, как в бурятских эпопеях, а народ, видевший пышные ставки могучих степных ханов, окруженные коновязями ханских ратников, ханских придворных и челяди, народ, проживший жизнью организованного кочевого государства. Джангариаду надо признать удивительной выразительницей народного духа, стремлений народа, его чаяний, она рисует его настоящий мир, вот эту его повседневную, настоящую жизнь, но только возведенную в идеал; она является действительно национальной поэмой. В Джангаре очень мало волшебного, чудесного, фантастические мотивы почти отсутствуют; описания чудесных свойств героев, их чудесной силы скорее являются фигурными выражениями, гиперболами, чем действительно описаниями волшебных свойств; даже баснословные существа, грозные, чертовские „шулмусы" и „мангусы" как-то незаметно превращаются просто в страшных, свирепых врагов; поэма хотя и наделяет их порой волшебными качествами, но в то же время заставляет их жить и кочевать так же, как и подданных славного хана Джангара. Мы не встречаем здесь совершенно шаманских божеств, вообще этого странного шаманского мира тайги и грез первобытного человека; в этом отношении между буряцкими эпопеями и Джангариадой лежит целая пропасть. На Джангаре зато гораздо заметнее буддийское влияние, хотя бы и чисто внешнее; так, Джангар и его богатыри рисуются поклонниками Будды, то там, то здесь упоминаются лица буддийского пантеона, говорится о буддийских монастырях; на описаниях княжеских ставок, утвари, а также на описании той или другой местности лежит налет

буддийской культуры,—если не буддийского мировоззрения, то во всяком случае буддийской манеры выражаться.

Устанавливая это, мы приближаемся к очень трудному, теперь совершенно неразрешимому вопросу об элементах Джангариады, заимствованных от чужих народов; именно: какие мотивы, а может быть и сюжеты попали в Джангар со стороны, что это были за источники и какими путями попали они в калмыцкую поэму? Затем возникает вопрос о самом основном мотиве поэмы, не позаимствован ли и он? Откуда эти детали, эти дворцы, эти описания битв и пиршеств, все ли это свое или здесь много заимствованного от чужих народов? Кроме того за долгое время своего создания в устах певцов Джангар должен был подвергнуться разным изменениям, напластованиям, переработкам. Как, каким образом, под влиянием какой неписанной поэтики все это выработалось? Все это очень трудные вопросы для всякого эпоса вообще, в отношении же калмыцкого героического эпоса они пока неразрешимы потому, что недостаточно еще изучена жизнь, живая старина, история калмыков и окружающих их народов, слишком в зачаточном состоянии находятся сравнительная этнология Центральной Азии и сравнительная история литератур. Но тем не менее, как бы мы мало ни знали в настоящее время, все-таки мы можем не только ставить вопросы, но и намечать некоторые решения. Так, например, уже теперь мы можем с большей долей вероятия предполагать влияние персидского эпоса, Шах-намэ, на Джангариаду. Конечно, это влияние было не непосредственно, а происходило через турецкие народности, с которыми калмыкам приходилось постоянно сталкиваться, жить вместе и которые сами давно уже подвергались воздействию культуры Ирана. Еще большее влияние имели эти самые турецкие народы, жившие, как киргизы или кара-киргизы, в условиях почти тех же, что и калмыки. Самое имя Джангар есть заимствованное персидское Джехан-гир (завоеватель мира). Несомненно также влияние, обнаруживаемое на Джангариаде, героического сказания о Гесер-хане, о котором упоминалось уже выше.

Это сказание, зародившись повидимому в Тибете, особенно полюбилось монголам, оно рано было переведено на монгольский язык; сказание это было представлено и ойратской - калмыцкой письменностью. Сказания о Гесер-хане широко распространились среди всех ойратских племен, в том числе и среди ойратов, укочевавших на Волгу. Параллельно с распространением книжным путем это излюбленное в Центральной Азии сказание распространялось и устным, путем устного пересказа, потому что всегда находились и находятся умелые сказатели, которые в состоянии передать почти дословно, а иногда,—чему мне самому приходилось быть свидетелем,—абсолютно дословно знаменитую повесть о святом герое Гесер-хане. И вот разные черты этого иноземного, хотя и прочно привившегося на монгольской почве, сказания отражаются на Джангаре. Влияние это

сказывается не столько на каких-либо мотивах, сколько на разных деталях, напр. на описаниях, на описаниях сражений, на описаниях вооружений. Многие „общие места“ Джангара, его эпитеты являются прямо заимствованными, перенесенными из Гесер-хана. Влияние это сказывается и на общей структуре поэмы, на манере развития ее действия, на всей поэтике Джангара. Действительно, перед певцами Джангариады всегда был всеми любимый образец героического сказания, освященный еще к тому же буддийской церковью, потому что Гесер-хан не только тибетский, но и буддийский герой, хотя ему и приходится воевать с одним гением буддийского пантеона. И вот невольно начали они заимствовать из него разные черты, переносить их в свой Джангар; делалось это тем более легко, что Гесер-хан так вошел в дух монгольского народа, был так им усвоен, что казался своим, национальным.

Джангар обыкновенно поется под аккомпанемент музыкального инструмента, чаще всего домбры, рода балалайки. В том виде, в каком он дошел до нас, известен по старым и новым записям, он обладает особым ритмом, но стих, стих с монгольской точки зрения, т.-е. с рифмой в начале, своего рода акростих, часто прерывается прозой. В этом отношении Джангариада походит на ирландские героические поэмы.

Теперь мы, обозрев вкратце героический эпос бурят и калмыков, должны перейти к третьему центру монгольского богатырского эпоса, к ойратам Северо-Западной Монголии. Так как содержанием этого тома являются переводы эпических произведений ойратов С.-З. Монголии, среди которых мне пришлось прожить довольно долго, записать самому и разобрать их героические эпопеи, то мне представляется возможным остановиться более подробно на описании этого рода монгольского богатырского эпоса. К этому побуждает меня и то обстоятельство, что нигде в Монголии эпос не достигает такой завершенности, такого развития, как среди ойратских племен С.-З. Монголии, и нигде нет тех особых условий, которые способствовали не только сохранению, но и жизни героического эпоса, как на его родине, на Алтае и Хангае, теперешних кочевий ойратов.

III

Ойраты, населяющие теперь Кобдоский округ Северо-Западной Монголии, живут в этих местах с недавнего времени, с половины XVIII века, перекочевав на новую свою родину из Джунгарии и других местностей Западной Монголии. Разбитые на отдельные племена, очень близкие во всех отношениях друг другу, ойраты С.-З. Монголии живут в условиях, в общем очень похожих на условия жизни других монголов, хотя бы халхасов. Но тем не менее нельзя не отметить и важных особенностей. Так, большинство ойратов занимающего нас района до

сих пор сохранило родовой быт с экзогамией; благодаря этому, а также и другим обстоятельствам, гораздо лучше сохранилась всякая старина, свежее память о недавнем, более славном прошлом, когда ойраты пытались создать и созидали большое кочевое государство, сильнее вера в то, что славное царство, „четырех ойратов“ возродится снова и жизнь опять потечет счастливо и покойно, как об этом поется в старинных былинах. У ойратов С.-З. Монголии, как бы ни измельчала их жизнь теперь, как бы ни приблизились условия их существования к обще-монгольским, живо все-таки недавнее прошлое, о котором и рассказывают и поют песни, идеалы которого до сих пор близки и дороги широким народным массам, и есть будущее, фанстастическое, но страстно любимое, желанное народом, будущее, которое рисуется восставшей во всем своем блеске славной стариной; и в это будущее, как и в прошлое верят, о нем говорят, рассказывают, о нем составляют легенды, предсказания о нем ищут в старинных былинах.

Среди ойратов С.-З. Монголии распространены не только различные легенды и сказания и лиро-эпические, „исторические“ песни, но и героические эпопеи, которые живут в устах специальных певцов, знакомы всему народу, который любит их, считает своим национальным достоянием, героические эпопеи, которые заменяют историю, которым верят, которые удовлетворяют высшим эстетическим потребностям духа. Ойраты рассматриваемого района не вышли до сих пор окончательно из „эпического“ периода, до сих пор „эпические“ настроения, „эпический“ уклад жизни если не совсем владеют ими, то во всяком случае им близки, им понятны и любимы.

Героические эпопеи распространены почти среди всех ойратских племен С.-З. Монголии, но особое развитие и распространение они имеют, с одной стороны, среди баитов и дэрбэтов, кочующих в горах и долинах по соседству с озером Убса, и среди ойратов, кочующих по реке Булгуну, по ту сторону Алтайского хребта, омонголившихся урянхайцев, торгутов и хошутов. И из этих районов героические эпопеи распространяются среди других ойратских племен Западной Монголии и заимствуются иногда и другими монголами, напр. халхасами, хотогойтами, так что иногда баитская богатырская эпопея может попасть далеко от гор Хан-Хухей, родины баитов, и остается по разным обстоятельствам бытовать в том районе.

Героические эпопеи ойратов С.-З. Манголии, имея свои мелкие особенности в зависимости от мест, где они встречаются, от племен, которые являются их носителями, все обладают одними и теми же общими чертами, особенностями, которые определенно выделяют их из среды эпических произведений других монгольских племен.

Ойратская эпопея („тули“) всегда является большим строго определенным поэтическим произведением, составленным в двустишных строфах, размеры которых бывают различны в зависимости от различных условий. Богатырские эпопеи ойратов в С.-З. Монголии никогда не

рассказываются, их всегда поют; поют под аккомпанемент музыкального инструмента, балалайки („т о б ш у р“) или, что гораздо реже, скрипки („х у р“). Мелодия как самого пения, так и аккомпанемента бывает различной в зависимости, во-первых, от района, племени, среди которого бытует та или другая эпопея, во-вторых в зависимости от содержания самой эпопеи, от хода развития ее сюжета, действия.

Богатырские эпопеи ойратов Западной Монголии исполняют обычно профессиональные певцы, „т у л ь ч и“, но тем не менее героические былины очень часто бывают знакомы и простым любителям, даже женщинам, которые иной раз рискуют выступать с их исполнением в более тесном, интимном кругу. Иногда даже трудно бывает провести грань между любителями и профессиональными певцами. Поются героические эпопеи у ойратов Кобдоского округа при самых различных обстоятельствах, в самой разнообразной обстановке. Богатырские былины поются и на общественных и частных пирах, празднествах, просто на случайных пирушках, исполняются они, при удобных обстоятельствах, на всяких сборищах и собраниях, в случаях какой-либо многолюдной и долгой поездки, на караулах и в военных лагерях. Но чаще всего и притом торжественнее, с соблюдением всех старинных правил и обычаев, исполняются ойратские героические эпопеи в ставках князей. Ойратские князья, а часто и соседние князья других монгольских племен проявляют обычно особый интерес к героическому эпосу, они постоянно приглашают известных певцов—т у л ь ч и в свои ставки петь былины не только на праздники или по случаю какого-либо особого происшествия, но часто просто так, в самое обычное время. Очень часто князья являются сами отличными знатоками богатырского эпоса, очень интересуются поэтому новыми, остававшимися им неизвестными былинами или новыми вариантами; они любят толковать о различных особенностях тех или других эпопей с певцами и другими знатоками родной старинной поэзии. Наконец, князья сами иногда являются искусными исполнителями героических эпопей; конечно, благодаря своему положению правителей уделов, им неудобно бывает выступать публично с исполнением былин, но это не мешает им петь эпопеи у себя дома, в интимном кругу друзей и домочадцев. Всякий сколько-нибудь известный певец—т у л ь ч и гордится тем, что он постоянно приглашается тем или другим сильным, или могущественным князем, является как бы его „придворным“ певцом, с другой стороны и князья считаются с тем, что о них идет слава как о любителях и ценителях родной эпической богатырской поэзии, и потому всячески привлекают к себе известных певцов. Профессиональные же певцы эти выходят из разных классов общества, из простолюдья, из среды буддийских монахов, из рядов наследственной аристократии—т а й д ж и е в. Положение певца героических эпопей почетно, из какого бы он сословия ни происходил, везде и всюду принимается он с уважением, с честью, и звание свое певца—т у л ь ч и носит он как славный титул. На своих

певцов богатырских былин ойраты Западной Монголии никогда, ни при каких обстоятельствах не смотрят как на наймитов,—наоборот, их считают людьми высшей породы, облюбованными сверхъестественными силами, чтобы поддерживать и хранить преданья славного прошлого, чтобы сохранять истинный дух ойратов; и князья, и народ считают себя обязанными перед певцами—т у л ь ч и за их дар, они, эти певцы, дарują благо, и поэтому долг каждого чтить их, делать им подарки; это не плата за пение, певца нельзя „нанять“, это почетный дар, дар—знак почтительности, благодарности.

Такому положению певцов—т у л ь ч и способствует то обстоятельство, что они очень часто выходят из среды наследственного дворянства—т а й д ж и е в, из рядов кочевой аристократии, часто даже из семей владетельных ойратских князей.

Современное ойратское общество С.-З. Монголии хотя и разбивается на разные классы, хотя оно давно уже, исторически, диференцировалось в классовом отношении, тем не менее, в общем, благодаря особенностям и состоянию своей культуры живет одной и той же жизнью, имеет одни и те же идеалы, духовные запросы и возможности их удовлетворения; главная разница—материальное состояние, но условия кочевого быта и родового строя и в этом отношении влияют очень сильно уравнивающим образом; сегодняшний богач в силу тех или других обстоятельств завтра же становится бедняком, а круглый бедняк быстро достигает среднего и даже зажиточного состояния. Поэтому можно сказать, что все в ойратской Западной Монголии—и бедные, и богатые, знатные и незнатные, сановные и простые—живут одной и той же жизнью и почти не имеют возможностей выйти за заповедный круг, как кочевник-скотовод не может выйти за грани своих заповедных перекочевок, если только не захочет совсем порвать со своей родиной. Тем не менее, несмотря на такое единство ойратского общества, все-таки можно отметить известный отбор определенных семей, которые по наследству считают себя и считаются „лучшими“; это по большей части степные аристократы—т а й д ж и и и старые семьи, выставлявшие ряды чиновников, породнившихся с правящей княжеской семьей; наконец сами княжеские семьи в узком смысле этого слова, потому что все дворяне—тайджии данного племени или удела считаются одной родственной семьей. Среди этих „лучших“ людей, среди этой ойратской аристократии, наследственной и, так сказать, служилой, гораздо лучше, чем в остальной народной массе поддерживаются старые традиции, память о старине, живее образы прошлого, доступнее, ближе и понятнее былые славные личности, потому что все они вышли из их же среды, среды кочевой аристократии, и теперешние их потомки и те, кто за долгое время, благодаря своей службе, присоединился к ним, поддерживают и берегут традиции, дух своего класса, своего рода, а феодальный строй, до сих пор еще не разрушенный жизнью, продолжает питать и вскармливать эти стремления. Манджуро-китайское пра-

вительство за последние полтора века приложило много усилий для того, чтобы превратить монгольских феодалов в чиновников, степной феодализм—в наследственный бюрократизм, и во многих местах достигло в этом отношении значительного успеха. Но в Западной Монголии, в этом „глухом углу" Монголии, в этих алтайских и хангайских трущобах феодализм остался незатронутым и только в самое последнее время начал явно клониться к упадку.

„Лучшие люди" западно-монгольских ойратов, эта степная аристократия, как хранительница заветов старины и является главной носительницей героического эпоса. Она или выставляет из своей среды профессиональных певцов былин, или поддерживает, покровительствует им; она считает, что старые богатырские эпопеи воспевают ее героев, высказывают ее идеалы, взгляды на жизнь, она считает героический эпос не только национально-ойратским, но прежде всего „своим" достоянием, достоянием своего класса, своего рода. Кого же воспевают старинные богатырские песни, как не ее предков, как не степных аристократов; кто эти богатыри, герои эпопей, как не вожди, князья, аристократы. В героических эпопеях ойратские „лучшие люди" узнают себя, т. е. видят себя в ореоле, в апофеозе мощи, богатства и славы, это идеальные, правда, они, но все-таки они — люди белой кости, судьбой предназначенные к тому, чтобы руководить народами „четырех ойратов". Что из того, что теперь, в это трудное, жалкое время, когда ушли из жизни былые богатыри, когда пришлось ойратам оставить свою счастливую отчизну, Джунгарию, когда пало царство ойратов, что из того, что теперь природный кочевой аристократ, может-быть сам владетельный удельный князь, ведет такую же жизнь, как его простой сосед и подданный, так же пасет коней, беспокоится о пропаже пары волов, унижается,—все-таки он потомок славного рода, хранитель и продолжатель его традиций, а главное,—он самой судьбой предназначен стоять во главе, он родился с этим правом, он знает это право и признает некоторые вытекающие из этого положения обязанности. И вот выражением духа, стремлений, чаяний и идеалов ойратской аристократии и являются их богатырские эпопеи. Они не национальны, они принадлежат одному классу; но этот-то класс, класс степной аристократии является и являлся раньше, может быть даже в большей степени, чем теперь, выразителем национального характера, всей национальной жизни. Степной аристократ-кочевник не только теперь, но и раньше, в период наибольшего процветания ойратского феодализма, всегда был, по условиям кочевой жизни, близок народу, жил всегда с народом, как и живет теперь одной с ним жизнью, деля одни и те же скорби и радости. Поэтому он не только предводитель, но и представитель простого народа, его живой голос. И создания кочевой аристократии делаются поэтому созданиями всего племени, всего народа; они принадлежат уже не одному только классу, но и всему обществу, всему племени, или народу. И действительно, ойратские героические эпопеи в С.-З. Монголии, так ярко выражающие дух степной аристократии, воспевающие богатырские подвиги князей, созданные в среде аристократии, наиболее поддерживаемые в княжеско-дворянском обществе, тем не менее также любимы и распространены и в простом народе. Простой народ также считает эти богатырские эпопеи своим национальным и дорогим достоянием, любит их, отдыхает душой, слушая их исполнение, с волнением следя за приключениями богатырей, также восхищается ими, питается их идеями, их жизненной указкой. Так же, как и из среды аристократии, из простого народа выходят вдохновенные певцы героических эпопей, и они не вносят при этом ничего своего, ничего не меняют, вполне следуют указаниям старой аристократической школы. Все это возможно потому, что до последнего времени у ойратов С.-З. Монголии аристократически-феодальный строй, с родовым бытом, стоял незыблемо, потому, что простой народ и аристократия там одно неразрывное целое и князья являлись действительно национальными предводителями и представителями своего народа. Созданные и поддерживаемые ойратской аристократией героические эпопеи, повторяем, являются в С.-З. Монголии не только произведениями классовыми, но и национальными.

Довольно значительную роль в деле распространения героического эпоса у западно-монгольских ойратских племен играют буддийские монастыри. Главная их роль заключается в том, что они не гонят и не гнали любимых всеми богатырских былин, а оказывали и продолжают оказывать им приют и гостеприимство. Ойратские монастыри не только в одной С.-З. Монголии, но и в других местах, населенных ойратами, всегда имели некоторое стремление покровительствовать национальным духовным течениям. Эта черта сказалась и в отношении западно-монгольского ойратского буддийского духовенства к героическому эпосу. В противоположность буддийским монастырям других монгольских племен ойратские монастыри не стремятся бороться с богатырскими былинами, монахи совсем не считают своей обязанностью презирать, глядеть свысока на эти народные поэтические произведения, считать их греховными, запрещать их исполнять в своем присутствии. Наоборот, ойратские буддийские монахи монастырей С.-З. Монголии вполне разделяют любовь своего народа к героическим эпопеям, очень часто, в определенное время, приглашают известных певцов исполнять былины в монастыри; очень нередки случаи, когда сами монахи, в особенности низших степеней, оказываются исполнителями, даже профессиональными певцами героических эпопей. Но ойратские монастыри пошли и еще дальше по этому пути покровительствования национальной эпической поэзии. В некоторых монастырях С.-З. Монголии рассказывают легенды о том, что тот или другой богатырь, хорошо известный по той или другой эпопее, перерождается теперь, как святой лама, в том или другом буддийском монастыре; например, ходит легенда о том, что известный богатырь Дайни-Кюрюль, огромная эпопея, героем

которой он является, необычайно распространенная среди бантов и дербэтов, возрождается теперь в баитском монастыре Пе-чже-лин, где и носит титул бакши-гегена. Такое признание, освящение буддийскою церковью ойратских героических эпопей дает им в среде, где буддизм властвует над умами и сердцами безраздельно, еще лишнюю поддержку и крепость.

Героические эпопеи ойратов Северо-Западной Монголии, к какому бы району они ни принадлежали, будь то баитские, распеваемые на реке Тесе и в горах Хан-Хухей, или урянхайские, которые поет рапсод в теснинах рек Булгуна и Чингиля, все отличаются своей сложностью, своей сложной и совершенной структурой. Каждая эпопея даже в устах не особенно опытного и искусного певца оказывается строго-определенным поэтическим произведением, в котором сюжет развивается гармонично, в котором все части построены соответственно с общим планом, на котором ярко лежит отпечаток создания сообразно какой-то определенной, неписанной поэтики. В этом отношении ойратские героические эпопеи С.-З. Монголии сильно отличаются не только от поэм-песен калмыцкой Джангариады, но и от бурятских героических эпопей. Ойратские богатырские эпопеи являются еще более „литературно“ отделанными, еще более стройными и изящными произведениями и представляются, по сравнению с бурятскими, дальнейшим шагом вперед по пути эпического развития. На западно-монгольских ойратских героических эпопеях ярко отразилось то обстоятельство, что создавались они, передавались и передаются в сравнительно культурной среде, что они были духовным сокровищем господствующего класса наследственной и служилой аристократии; на них лежит след их пребывания в степных княжеских ставках. Это прежде всего сказывается на их более совершенной обработке, на их сложной и определенной поэтике и, наконец, на их языке. Все эти особенности разбираемого героического эпоса заставляют думать, что то, что является теперь перед нами, что теперь существует в устах ойратских певцов С.-З. Монголии, прожило долгий век, слагалось постепенно, развивалось в течение многих веков, подчиняясь тем и другим влияниям, и вылилось наконец в эту форму больших, сложных и стройных героических эпопей, в которой мы их застаем ныне. Когда-нибудь, может быть и не через такое уж продолжительное время, будет написана история развития этого богатырского эпоса, пока же мы должны ограничиться более или менее подробным анализом его теперешнего состояния и выяснением условий его существования, его жизни; конечно, и теперь мы можем иметь некоторые суждения о его прошлом, о тех или других напластованиях и влияниях, отразившихся на нем, об общем ходе его развития, но, повторяем, детальная история развития ойратского героического эпоса—дело будущего.

Ойратские героические эпопеи С.-З. Монголии, посвященные описаниям богатырских подвигов, славе, богатству и могуществу своих

витязей, картинам боевой и мирной жизни, всегда сложны по своему содержанию, очень часто сюжет эпопеи настолько осложняется и развивается, что эпопея превращается в, так сказать, героический роман, нисколько при этом не утрачивая всех отличительных особенностей богатырской эпопеи. Ойратские западно-монгольские героические эпопеи обычно заняты поэтической историей только одного героя, тем не менее сюжет их остается очень сложным, потому что эпопея дает обыкновенно описание значительной части жизни своего богатыря, очень часто начиная с его рождения, уводит его в разные страны и царства заставляя испытывать различные приключения, побеждать всевозможные препятствия, сталкиваться с разными личностями. Сюжет эпопеи осложняется еще более, если она посвящена целой „линии“ героев, если дает поэтическую историю целой богатырской семьи, отца и сына, по крайней мере. Описывая рождение, молодость, первые подвиги своего героя, ойратская богатырская эпопея только подготовляет слушателя к описанию главных, важнейших частей своего сюжета, к описанию женитьбы героя на чудесной красавице, которую он добывает только после долгой борьбы, после ряда усилий и разнообразных приключений. Иногда события осложняются еще вмешательством волшебных, сверхъестественных сил, или главный сюжет принимает побочные мотивы, развивая и обрисовывая их довольно подробно. И несмотря на все это, на такую сложность, ойратские героические эпопеи поражают своей стройностью, своей гармоничной композицией; они всегда построены так, что ход действия постепенно и увлекательно для слушателей развивает главный сюжет эпопеи, отдельными эпизодами и отдельными мотивами только яснее оттеняя и очерчивая важнейшую сторону. При этом в структуре большинства ойратских героических эпопей нельзя не видеть известной несколько утомительной схематизации, потому что она постоянно и в неизменных чертах проявляется во всех эпопеях. Не будет большим преувеличением сказать, что почти все ойратские героические эпопеи, которые теперь можно слышать в С.-З. Монголии, построены по одному плану, по одной общей схеме. Сильно разнятся детали, отличаются описания тех или других эпизодов жизни героев, отличаются и сами богатыри, но схема эпопеи остается все та же, и очень редкая эпопея представляет нам пример обратного явления. Очень часто поэтому ойратские героические эпопеи представляются нам точно созданными одним лицом, кажутся нам не произведениями „народного“, а единоличного творчества. Даже более того—кажется, что все ойратские эпопеи С.-Западной Монголии вышли из одной школы, от одной группы поэтов, единоличных творцов, но связанных единством метода композиции своих произведений.

Как уже было сказано выше, профессиональные певцы героических эпопей—тульчи—ойратов С.-З. Монголии бывают людьми самых разнообразных состояний, происходя изо всех классов общества. Собственно говоря, их не совсем удобно называть „профессиональными“ певцами,

потому что очень, очень редко случается, что кто-либо из них снискивает себе пропитание исполнением богатырских эпопей, живет своей профессией. Но все-таки, несмотря на это обстоятельство, тульчи являются именно „профессиональными“ певцами, потому что специально изучают свое искусство, проходят известную школу, затем, начав выступать публично, получают общественное признание певцов, получают это звание как титул и носят это звание певца — тульчи как титул или чин, хорошо и определенно показывающий их положение в обществе. Певцом — тульчи назовут среди ойратов С.-З. Монголии только такого исполнителя героических эпопей, который заведомо был признан таким другими старыми выдающимися певцами и знатоками родной старины, от которого можно ждать исполнения богатырских поэтических сказаний согласно веками освященной традиции. Певец — тульчи является как бы добровольным представителем, ответчиком за целый класс, целую школу таких же, как он, певцов, связанных между собой одной судьбой.

Героические эпопеи у ойратов С.-З. Монголии обычно изучаются в молодых годах. Чаще всего случается так, что лицо, почувствовавшее интерес и любовь к этим произведениям национального творчества, начинает в шутку исполнять отдельные отрывки эпопей, подражая знакомым, часто слышанным им певцам — тульчи. Затем молодой ойратец, в случае если он находит в себе дар, способности и любовь стать певцом богатырских сказаний, обращается к какому-нибудь известному певцу и поступает к нему в обучение. Нередко сами певцы — тульчи подыскивают себе преемников, присматриваясь к молодежи, не найдется ли среди нее такого, кому можно было бы передать чудный дар исполнения этих величественных сказаний. Поступив в обучение, молодой человек прежде всего стремится освоиться с сюжетом какой-нибудь облюбованной им эпопеи, с ходом развития ее действия. Тут он вначале практически, а затем и теоретически знакомится со схемой, планом эпопеи, а далее и эпических эпопей вообще; приучается уметь разбивать, для того, чтобы ориентироваться, эпопею на составные части,—на приступ, главную часть и побочные эпизоды; научается выделять разные описания, например, какой-нибудь местности, коня, красы какой-нибудь царевны от описания подвигов героя эпопеи — главного ее сюжета. Овладев этим и твердо запомнив ход развития действия в эпопее, молодой ученик приступает к изучению „общих мест“ и „украшений“—фигуральных выражений. Желающий стать певцом ойратских героических эпопей должен усвоить себе, что определенные места в эпопее постоянно повторяются, что они могут встречаться и в других эпопеях; вместе с тем ученик не может не заметить, что хороший, опытный певец умеет в эти часто повторяющиеся места вносить известные оттенки, разнообразить их и всячески оживлять. Начинающий изучает, усваивает разные повторяющиеся „общие места“, например, „приступы“, воспевание родины героя, описание его

коня, картину борьбы двух богатырей. Усваивает он затем ряды поэтических выражений, фигур, эпитетов, пытается приладить все это к знакомому сюжету. Тут молодой певец — ученик обычно часто начинает удаляться в уединенные места, в степь и горы, и здесь с тобшуром в руках делает попытки пропеть изучаемую эпопею так, как подобает это настоящему певцу, т. е. ничего не упуская, не выбрасывая ни одного эпизода, удачно варьируя „общие места“ описаний и украшая излюбленными эпитетами и другими фигурами. При хорошей памяти, любви и вдохновении, которое в этом деле особенно ценится, молодой человек может очень быстро, следуя указаниям наставника, выучиться петь, и петь недурно, большую героическую эпопею, насчитывающую четыре—пять тысяч стихов. Но это еще только начало, — такому молодому певцу, выучившемуся петь какую-нибудь эпопею, еще далеко до того, чтобы получить общее признание настоящего певца — тульчи.

Настоящий певец ойратских героических эпопей — тульчи обязательно знает несколько эпопей, он может позабыть то одну, то другую эпопею из своего репертуара, но зато также легко и приобрести знание новых. Затем настоящий певец носит в себе большой запас всевозможных „общих мест“; описаний разных местностей, восхвалений, описаний битв и состязаний также богат запас, который предоставляет ему его поэтика, и щедрой рукой он сыплет где надо свои „украшения“. Настоящий певец — тульчи то по вдохновению, то вполне сознательно, по искусному расчету может выявлять свои способности, свои богатства при воспроизведении эпопеи. Все его искусство и проявляется теперь в умелом и увлекательном для слушателей способе пользования „общими местами“ и „украшениями“. Певец то нанизывает их как бисер, удлиняя и растягивая разные эпизоды, то делает свое описание сухим и обрывистым, и ведет его быстро, бегло. Одну и ту же героическую эпопею опытный певец может пропеть в одну ночь и в три—четыре ночи, при чем все детали сюжета останутся теми же самыми. Ойратские певцы никогда не позволяют себе как-нибудь сокращать, изменять самый сюжет эпопеи, выбросить тот или другой эпизод; это считалось бы делом недостойным, даже греховным. Нет, сюжет эпопеи незыблем, его менять невозможно, но зато все остальное зависит от самого певца, от силы его вдохновения, от уменья пользоваться поэтическими средствами.

Для того, чтобы лучше представить облик ойратского певца — тульчи, позволю себе рассказать биографию одного знаменитого сказателя из племени бант, Парчена, с которым мне пришлось сойтись довольно близко и от которого я записал все распеваемые им героические эпопеи. Он рассказывал мне не раз разные эпизоды своей жизни, подробно описывая, как он стал певцом—тульчи. Наконец, я сам имел возможность наблюдать за Парченом в течение нескольких лет [1]).

[1]) Много материалов для биографии Парчена любезно доставил мне исследователь С.-З. Монголии А. В. Бурдуков.

Известный во всем Кобдаском округе С.-З. Моиголии певец героических эпопей Парчен-тайджи родился в 1855 г.; принадлежит он к племени баит и происходит из княжеского рода кости цорас. Парчен является дядюшкой владетельному князю Тюмен-Банру. Как младший сын, он был предназначен стать монахом и был отдан в родной баитский монастырь лет десяти; до той же поры он прожил в семье, пас баранов.

Еще девятилетним мальчиком запомнил он хорошо одну героическую эпопею, Ергиль-Тюргюль, исполнение которой привелось ему слышать в ставке своего князя. Эпопея и ее исполнение произвели на мальчика очень сильное впечатление, и он затем все старался припомнить былину и пропеть ее, подражая настоящему певцу. Вслед за тем удалось молодому Парчену выучить еще одну небольшую эпопею, которую он тоже все пытался исполнять как настоящий певец—тульчи.

Когда Парчен попал в буддийский монастырь и был посвящен в монашескую степень гецеля, произошло с ним одно событие, оставившее яркий след на всей его дальнейшей жизни. В баитский монастырь приехал однажды петь богатырские эпопеи известный в ту пору певец Бурул-Сесрин, родом баит с реки Нарин. Молодой Парчен впервые услыхал исполнение хорошим рапсодом большой героической эпопеи, а именно Бум-Ердени, которую, слушая с волнением, запомнил он сразу и тотчас же принялся напевать, то сидя у себя, то шатаясь по дворам знакомых монахов. Когда Бурул-Сесрин узнал по рассказам, что молодой Парчен, которому было тогда 13-14 лет, все пробует петь былины, призвал его к себе и заставил спеть что-нибудь. Тогда Парчен исполнил перед ним, как умел, только-что выученную эпопею Бум-Ердени, чем чрезвычайно поразил старого рапсода. Бурул-Сесрин слушал исполнение эпопеи со слезами, растроганный; по окончании былины он поднес Парчену приветственный плат („хадак"), назвал его своим преемником и выразил свою радость, что любимые им эпопеи не умрут вместе с ним. С этого времени Парчен и получил звание „тульчи"—певца героических эпопей; ему было тогда всего четырнадцать лет.

Вскоре после этого Парчен уже в качестве настоящего певца был приглашен баитским князем Да-бейсе в его ставку петь былины: Парчен стал, таким образом, общепризнанным рапсодом. В ставке князя Парчен прожил почти всю зиму, распевая былины и находясь в постоянном общении с Да-бейсе. Несомненно это посещение баитского князя имело огромное значение для Парчена, как певца героических эпопей. Князь Да-бейсе, довольно значительный феодал, принадлежал к семье, в которой издавна, по традиции, особенно чтили и берегли старину, любили свою национальную литературу как книжную, так и живую, народную. В этой княжеской семье и сами занимались литературной работой, собирали рукописи, и с особой любовью

относились, конечно, к своим национальным героическим эпопеям. Сам Да-бейсе вполне разделял традиции своей семьи, особенно же он любил исторические предания и легенды ойратов и их богатырский эпос. Князь обратил внимание на молодого монашка, который подавил надежды стать выдающимся певцом былин, был, кроме того, смышлен, боек, легко все усваивал, да к тому же благородного происхождения. И Парчен от Да-бейсе получил очень многое по части ойратской старины, почерпнул много драгоценных сведений об ойратском героическом эпосе, о структуре и поэтике богатырских эпопей. Но главное заключалось в том, что при дворе этого князя молодой рапсод мог особенно близко познакомиться со старым духом ойратской аристократии, с ее идеалами. Проживая у Да-бейсе, наш Парчен имел еще возможность изучить одну героическую эпопею, Хан-Харангуй, которую он выучил по рукописи. Прощаясь с Парченом, князь Дабейсе наградил его разными подарками и поднес ему приветственный плат—„хадак" со словами: „Будь тульчи (рапсодом) и пой наши родные эпопеи!"

Вернулся затем Парчен в свой монастырь, но монашеская его жизнь не налаживалась, плохо шло у него дело и с изучением обязательных молитв и вообще круга знаний, требуемых от каждого буддийского монаха, давшего полные обеты. Парчен постоянно отлучался из монастыря под разными предлогами, проживая так в степи по целым месяцам. Во время одной такой своей поездки удалось ему выучить еще одну большую богатырскую эпопею, одну из самых замечательных у ойратов С.-З. Монголии, Дайни-Кюрюль. Былину эту знал некий Шериб, тоже монах, живший в степи, родом баит того же княжества—удела, что и сам Парчен. Шериб согласился обучить Парчена этой эпопее под условием, что Парчен будет собирать ему топливо во все время обученья. Парчен с радостью согласился, и они зажили вместе. Днем наш молодой рапсод собирал топливо и отдыхал, а по ночам слушал исполнение Шерибом эпопеи Дайни-Кюрюль, вникал, расспрашивал и запоминал. Семь дней и семь ночей, прошли таким образом, и Парчен оказался усвоившим эту огромную знаменитую эпопею.

После этого он окончательно стал самым известным певцом эпопей—„тульчи" во всем округе. Баитские и дэрбэтские князья стали постоянно приглашать его к себе, в свои ставки петь богатырские эпопеи в особенности в зимнее, скучное для кочевника время. Как настоящий певец—артист, Парчен всегда с охотой отправлялся к князьям петь свои эпопеи; привлекало его, быть может, и то обстоятельство, что князья богато одаривали его и он не раз возвращался домой из таких поездок, ведя по нескольку подаренных ему коней, привозя халаты шелк и другие подношения. Впрочем, эти дары не улучшали его материального положения: легкомысленный человек и большой мот, Парчен обыкновенно быстро проживался. В это время он выучил еще

три героические эпопеи, при чем одну от известного знатока ойратского героического эпоса, отца одного из теперешних важных баитских князей.

К этому времени Парчен совсем отбился от монастыря; проводя жизнь в постоянных разъездах, он все больше и больше стал входить в жизнь мирян, а легкий и веселый нрав увлекал его в общество; постепенно стал он попивать, главным образом, в летнее время, когда у монголов имеется много водки — самогонки. Тогда родственники Парчена решили, что ему не следует быть ламой-монахом, что ему более подходящей является жизнь мирянина. Сам Парчен тоже вполне присоединился к этому мнению и, воспользовавшись удобным случаем, оставил монастырь совершенно, отпустил себе косу и стал мирянином, „черным человеком", как говорят монголы. Вскоре после этого Парчен женился и зажил привольной жизнью степняка, прикрашиваемой его даром певца. Его происхождение, а также обширные связи помогали ему стать довольно значительным человеком в общественной жизни своего княжества, к которой он имел большое пристрастие, постоянно участвуя в судах, угонах скота, поездках с разного рода делами к различным властям, в поимках воров и т. п. Пережил он и одно несколько необычное для монгола любовное увлечение.

Когда в 1912 году у монголов началась война с Китаем за независимость, Парчен отправился в поход вместе с ойратским ополчением под Кобдо, занимая важную воинскую должность, и участвовал в штурме крепости. Говорят, однажды во время осады, затянувшейся довольно долго, какой-то дэрбэт стал петь в лагере героическую эпопею Бум-Ердени, пел плохо, без прикрас, многое перевирая. Услыхав такое исполнение любимой былины, Парчен, придя в сильное возбуждение, выхватил у певца его балалайку, настроил и запел ту же эпопею, Бум-Ердени. Монгольские воины, которых собралось там много, сразу поняли, кого они видят перед собой. Парчену удалось не только показать свое искусство, развернуть красу монгольской эпопеи, но и воодушевить своих слушателей, поднять их боевой пыл. Говорят, все бывшие тогда в лагере ойратские воины пережили момент сильнейшего одушевления, готовы были тотчас итти на штурм крепости и клялись разметать китайское гнездо. — Невольно, слушая рассказ об этом эпизоде, вспоминается легенда о том, как певец возбудил воинский пыл норманнов перед боем при Гастингсе исполнением „Песни о Роланде".

Вернувшись после удачного похода на родину, опять к обычной своей жизни, Парчен в 1913 году по моей просьбе составил эпопею о взятии Кобдо монголами; новая эпопея была им спета в довольно значительном кругу лиц, из числа которых многие сами принимали участие в войне с китайцами и походе на Кобдо, и вызвала всеобщий восторг и удивление.

IV

Приходилось мне встречаться с разными ойратскими певцами из различных местностей С.-З. Монголии; разные это были люди, по различному складывалась их жизнь, но всегда повторяется у каждого рапсода в его биографии рассказ о том, что он учил, изучал героические эпопеи, так или иначе проникался старым эпическим и аристократическим духом. Конечно, вдохновенье и у ойратских тульчи—рапсодов играет большую роль, и невозможно стать хорошим, настоящим певцом эпопей лицу, неспособному вдохновляться, петь, исполнять былину, хотя бы порой, с истинным вдохновением, в котором эпос, эпические картины не вызывали бы ярких эмоциональных переживаний: тем не менее настоящий певец прежде всего должен хорошо знать свой предмет, знать эпопею, а затем уметь ее передавать так, чтобы она производила действие над слушателями, уметь пользоваться для того разными поэтическими средствами.

Ойратские героические эпопеи прошли разные стадии своего развития и теперь вылились в формы определенных, стройных поэм, как бы составленных по плану какой-то поэтики. Современный ойратский героический эпос совсем нельзя поэтому причислять к так называемому „безыскусственному" народному творчеству; наоборот, героические эпопеи современных ойратов Западной Монголии именно искусные и искусственные произведения, изучать которые их исполнителям приходится, как настоящие литературные произведения. Да, героические эпопеи ойратов и есть не что иное, как настоящие литературные произведения только не записанные, сохраняющиеся не на бумаге, или пергаменте, а в памяти профессиональных исполнителей. Профессиональные же певцы ойратских былин или сами выходили из рядов кочевой аристократии, или были тесно с ней связаны, служили ей, вполне проникались ее идеалами, а главное жили вместе с ней совершенно одной жизнью. А мы знаем, что ойраты — народ исторический, давно уже вышедший на историческую арену.

Неписанная поэтика ойратских героических эпопей—тоже, конечно, продукт их созидания, жизни и развития среди довольно культурного общества, переживавшего известные литературные влияния. На эпической же поэтике особенно сильно сказалось внешнее, тибетское, буддийское влияние. Влияние это могло притти прямо вместе с тибетскими буддийскими сочинениями, довольно значительное количество которых было переведено на монгольский и ойратский языки, с тибетскими сочинениями в роде сказаний о Гесер-хане, о котором уже приходилось говорить выше. Буддийские сказания, легенды и сказки, поэмы и оды оказали огромное влияние на живую народную словесность всех монгольских племен, в том числе и на ойратов; творения далекой Индии и Тибета заполонили монгольский фольклор, пробра-

лись они и в героические эпопеи ойратов и принесли с собой многие приемы индийской поэтики.

Но, кроме того индийская поэтика повлияла на творчество ойратских эпопей и другим, более непосредственным образом. Дело в том, что индийская поэтика, как теория, изучается в буддийских монастырях Тибета и Монголии, оказывая свое влияние на сочинения, которые пишутся по-тибетски как в самом Тибете, так и Монголии. Индийская поэтика через посредство буддийских монастырей оказала известное влияние на ойратскую эпопею потому, что ойратские ламы, в противоположность буддийским монахам других монгольских племен, покровительствовали национальной эпопее, потому что из их же ламской среды выходили знатоки и певцы ойратских героических эпопей. Влияние индийской поэтики обнаруживается, главным образом, в тропах и фигурах, всяких фигуральных выражениях,—словом, во всем том, что ойратские певцы героических эпопей называют „украшениями“ (чимек), именуя так apparatus poeticus своих былин; индийское, санскритское название поэтики — „аламкара“ тоже буквально значит: „украшение“. Иногда в ойратских эпопеях встречаются эпитеты и другие фигуральные выражения, являющиеся прямо переведенными с индийского, с санскритского.

Что касается языка ойратских героических эпопей С.-З. Монголии, то и в этом отношении эпопеи эти обращают на себя внимание. Действительно, во всех районах С.-З. Монголии, где только ни встречаются среди ойратских племен богатырские былины, исполняются эти героические эпопеи не на обыкновенном разговорном наречии, а на особом языке, на особом говоре. Слушая певца, поющего богатырскую эпопею ойратов, очень легко всякому, знакомому с ойратскими диалектами Западной Монголии, заметить, что певец поет ее не на своем родном говоре и не на каком-либо другом ойратском или вообще монгольском, а на каком-то особом языке,—наречии, отличающемся от языка повседневной речи, но в то же время отличающемся и от литературного языка как ойратского, так и монгольского. Что же это за эпический язык? У ойратов С.-З. Монголии на ряду с их обычной речью, на ряду с их говорами, на которых их носители говорят обычно, существует особый, отличающийся своей грамматикой и словарем, язык, употребляемый ими в торжественных случаях, в минуту аффекта, когда человек хочет говорить красно, возвышенно или трогательно, когда просто хочет произвести впечатление своей речью. Этот-то особый язык находит себе особое применение в произведениях народной словесности, в песнях, в сказках, пословицах и поговорках, в героических же эпопеях он употребляется по преимуществу. Поэтому этот особый язык можно с полным правом назвать живым, устным литературным языком. Этот устный литературный язык, отличающийся большими архаизмами, не похож, не тождественен ни с живыми теперешними говорами ойратов С.-З. Монголии, ни с их литературным ойратским языком и его диалектическими вариациями. Повторяем: это совершенно особый

язык; он сохраняется по традиции, передаваясь вместе с теми или другими произведениями народной словесности; несмотря на различие ойратских наречий и говоров С.-З. Монголии, этот устный литературный язык является почти одинаковым в устах представителей разных ойратских племен, вернее сказать, обладающим одними и теми же особенностями. Этот живой литературный язык, сохраняющийся по традиции, очень неопределенен и неустойчив, и владеют им самым разнообразным образом, по разному применяется он и в произведениях народной словесности. Все зависит от искусства, от дарования исполнителя, от того, в какой мере он проникся этим особым литературным языком, в какой мере усвоил его обороты, его словарь. Особое применение находит себе живой устный литературный язык в героических эпопеях, этих самых значительных, самых любимых и уважаемых, самых эмоциональных произведениях ойратского народного творчества. Но тем не менее отнюдь нельзя представлять себе, что все ойратские эпопеи в С.-З. Монголии сплошь составлены на этом особом языке; нет, этот устный литературный язык только проявляется постоянно то здесь, то там, то по желанию певца, пожелавшего оттенить тот или иной эпизод, момент эпопеи, или без воли певца, случайно, по привычке, или под влиянием вдохновения, аффекта. Героические эпопеи ойратов, значит, поются на смешанном языке, состоящем из элементов какого-нибудь ойратского говора и устного литературного языка.

Профессиональным певцам ойратских эпопей как в отношении структуры былин, так и в отношении поэтического стиля приходится держаться одного правила: стараться как можно лучше усвоить заповедное. Тем не менее не возможно считать ойратских певцов героических эпопей за простых исполнителей выученного наизусть, только повторяющих вытверженное. Нет, за ними во многом остается творческое начало; обучение, школа должна только помогать проявляться этому творчеству. Настоящий певец — „тульчи“ несет в себе запасы разных „общих мест“ и фигуральных выражений и рифм, а также планов, схем различных описаний и мотивов, комбинируя и подбирая эти элементы при каждом исполнении эпопеи по-разному; в зависимости от настроения и от состава слушателей, певец и „созидает“ эпопею, накладывает на канву рассказа различные краски. В этом, главным образом, и заключается творчество певца. Для того, чтобы притти в состояние возбужденного вдохновения, когда слова эпопеи точно сами собой укладываются в мерный размер, когда рифмы так стройно следуют друг за другом, когда одна картина сменяется другой и так легко передается слушателям привычными словесными фигурами,—для певца нужна соответствующая обстановка. Певец — „тульчи“ должен чувствовать, что он в центре всеобщего внимания, ему необходим круг слушателей, которые бы с захватывающим интересом слушали его исполнение, порой выражали бы свой восторг громкими возгласами одобрения. Тогда при благоприятных обстоятельствах ойратский певец

делается точно одержимым, забывает все вокруг себя и весь отдается процессу творчества. Сами ойраты С.-З. Монголии таким образом и смотрят на своих певцов,—они признают, что разные сверхъестественные силы, духи внушают певцам во время экстаза эти образы, картины, эти звучные строфы, даруют им силы выдержать страшное напряжение. Вот что рассказывал, например, не раз Парчен-тайджи об одном знаменитом ойратском певце героических эпопей Этэн-Гончике происходившем из племени баитов.

Будучи маленьким мальчиком, Этэн-Гончик пас, по обычаю, баранов в степи. Однажды летом увидел он, что подъезжает к нему великан верхом на драконе. Мальчик впоследствии никак не мог объяснить, видел ли он это видение наяву или во сне. Великан подъехал к оторопелому Этэн-Гончику и спросил его, хочет ли он стать певцом эпопей, хочет ли он научиться петь богатырские эпопеи. Мальчик ответил, что он давно уже сильно желает научиться петь былины. Тогда великан заявил, что научит мальчика петь разные эпопеи, если тот отдаст ему большого „посвященного" царю драконов козла. Мальчик с радостью согласился. Великан тогда ударил Гончика по плечу и скрылся. Через некоторое время мальчик пришел в себя, осмотрелся: кругом никого, нет никакого великана, но невдалеке волк пожирает задавленного им большого козла, как-раз того, на которого только-что указывал в видении великан. С этого времени Этэн-Гончик почувствовал в себе способности петь героические эпопеи, стал знаменитейшим рапсодом и признавал, что дар этот получил от самого царя драконов, являвшегося к нему под видом великана.

Один певец героических эпопей, из южных урянхайцев, Джилькер, отец и дед которого тоже были профессиональными сказителями, говорил мне, что. выучивая какую-нибудь эпопею, он прежде всего, после того как раз выслушивал ее исполнение, старался повторить наедине ее содержание, вспомнить собственные имена и приладить к новой фабуле, к новому сюжету всегда готовые у него „общие места". Задумываясь над какой-нибудь эпопеей, над ее сюжетом, он обыкновенно видел его во сне, и тогда уже эпизоды прочно запоминались. В этом Джилькер видел благодетельную помощь духов и самих былинных богатырей.

Все виденные мной певцы героических эпопей придавали огромное значение балалайке — тобшуру, говоря, что без нее очень трудно, почти невозможно вдохновиться, разгорячиться. Диктует мне однажды баитский рапсод эпопею и замечает особенности этой былины: одно действие, нет разных эпических подробностей, повторений, прославлений. Но, прибавляет сказатель, если бы ему пришлось петь эту эпопею с тобшуром, то наверное бы он вставил много постороннего, явившегося под влиянием вдохновения, т. е. опять бы появились обычные „общие места", приноровленные к тому или другому моменту

эпопеи, коню, отчизне богатыря, бою и т. д. Рапсоды настолько привыкают исполнять свои эпопеи с „тобшуром", что порой чрезвычайно затрудняются „рассказывать" былины, а тем более диктовать. Сколько раз приходилось мне наблюдать такую сцену: диктует мне певец героическую эпопею, знает ее мастерски, диктует превосходно, и вдруг остановка, минутная забывчивость, нить рассказа прервалась; берет тогда рапсод свой „тобшур" и поет последние продиктованные мне только-что стихи, и тотчас дальнейшее приходит ему на память, и он опять может продолжать диктовку былины в течение нескольких часов вплоть до новой подобной же заминки. Для ойратского певца героическая эпопея связана с аккомпанементом, с „тобшуром" в неразрывную ассоциацию; аккомпанемент и слова эпопеи для ойратского рапсода одно и то же, одно слитое вместе и неразрывное.

Действительно, мелодия играет в ойратских эпопеях огромную роль, преобладая над размером и темпом. Поэтому вне мелодии трудно и говорить об эпическом стихосложении ойратов. Настоящий стих выявляется только при пении, когда эпопею распевают под аккомпанемент музыкального инструмента. Все остальное играет второстепенную роль, и темп, т. е. одинаковое количество времени, необходимое для произнесения параллельных стихов, и размер—стихи в 6, 7, 8 и более слогов. Рифма часто отсутствует, своеобразная рифма монгольского стиха, останавливающая внимание не на конце, а на начале стиха: в ойратских эпопеях рифмуются обычно по началу два стиха, образуя одно целое, строфу.

Из всего вышесказанного вытекает, что героический эпос ойратов Западной Монголии обязан своим существованием аристократическому классу, его традициям и школам певцов. Сами же эти эпопеи являются настоящими литературными произведениями, только поставленными в совершенно особые условия. С одной стороны, они уже созданы, закончены, обрели свои определенные рамки и вылились в определенную форму; с другой стороны, они не только с каждым новым поколением, с каждым новым певцом, но и с каждым выступлением одного и того же певца меняются, точно пересоздаются снова, точно творятся сызнова; новые узоры накладываются на старую канву, новыми красками расцвечиваются старые рисунки, и порой трудно уже становится разобрать эти старые основы. Жизнь героических эпопей поэтому очень напоминает жизнь языка, в которой каждое новое поколение в своем стремлении выучиться говорить так, как говорят старшие, все-таки вносит свое, новое, которое с течением времени обнаруживается все яснее и яснее. Бывают такие моменты в жизни разных языков, когда под влиянием разных обстоятельств, главным образом под влиянием социальных изменений, языки начинают „изменяться" быстрее, начинают появляться инновации в огромном количестве в пределах небольшого числа лет; наблюдаются в жизни языков явления и противоположные. То же самое можно видеть и в жизни эпопей. Когда под влиянием ка-

ких-либо обстоятельств, главным образом, конечно, социальных и исторических, меняется класс профессиональных певцов, меняются условия их жизни, их состояния и их идеалов, быстро начинают соответственным образом меняться и героические эпопеи, носителями которых они являются; при чем, конечно, не всё старое, даже противоположное, враждебное и непонятное новому, исчезает бесследно,—оно так же, как и в жизни языков, сохраняется, сохраняется упорно, иногда явным, иногда же скрытым образом.

Ойратские певцы героических эпопей в С.-З. Монголии прилагают все усилия, чтобы запомнить и уметь представить национальные былины так, в таком виде, в каком получили их от старшего поколения, в каком дошли они, по их понятиям, из глубокой древности. И все условия для такой „сохранности" эпопей, как мы видим, налицо; патриархальный уклад жизни, традиционная аристократия, профессиональное обучение певцов, их общественное положение. Но тем не менее сохранить в полной неизменности свои старые эпопеи певцам ойратов не удается. Очень любопытны з а п и с и героических эпопей, сделанные самими ойратами. Вне всякого сомнения, записи эти были сделаны, подобно первоначальным спискам старо-французских эпопей, для нужд певцов—т у л ь ч и, для того, чтобы они имели возможность лучше запомнить, не искажать давней стариной заповеданных былин о славных витязях, предках, может быть, настоящих князей, богатырях, ставших теперь святыми—гениями. Чаще всего, конечно, записывались такие эпопеи, сюжет которых почему-либо вызывал разные опасения, опасения, как бы не произошло чего-либо худого от его искажения. Вообще же, по понятиям современных ойратов, как-либо искажать эпопею—большой грех, за который можно понести кару от гениев-хранителей и от самих богатырей, которых воспевают в той или другой эпопее. Вообще же, можно сказать, к записям прибегали очень редко,—не было для этого особой надобности, раз налицо были условия, описанные выше. Подобные списки героических эпопей почти исключительно составлялись при ставках князей, любителей старины и национального эпоса, очень ревниво относящихся к его искажению. В настоящее время не слышно, чтобы где-либо в Западной Монголии эпопеи записывались ойратами по собственной инициативе.

Каждый опытный певец, повторяем, легко выучивает новую, понравившуюся ему почему-либо, эпопею, но создать сам, составить новую эпопею не может уже никто, да никому и в голову, думается, в ойратской Западной Монголии не может притти подобная мысль. Героическая эпопея—результат многовековой жизни, это—старое, старое литературное произведение. А все-таки недавно в интересующем нас районе создалась совершенно новая былина, и хотя была она составлена при совершенно особых условиях, совершенно отличных, тем не менее она очень любопытна для решения и освещения различных вопросов, связанных с героическим эпосом ойратов С.-З. Монголии.

Осенью 1913 года я обратился к баитскому былинщику П а р ч е н у, о котором говорилось выше, с просьбой описать поход монголо-ойратов против китайцев и осаду и взятие города Кобдо, последовавшую в 1912 году; сам П а р ч е н был не только свидетелем, но и участником этих событий. Рапсод согласился. Обдумав некоторое время, в течение которого он усиленнее обыкновенного занимался пьянством, П а р ч е н явился ко мне с готовым произведением, с готовой былиной, которую он вначале пропел перед большим собранием, а на следующий день продиктовал мне; месяца через два, три он, по его собственному заявлению, совершенно уже позабыл свое произведение.

Сочиненная им былина оказалась небольшой, до 800 стихов, но очень стройной. П а р ч е н смело отступил от обычного плана ойратских героических эпопей, так как сам сюжет никак не позволял ему этого. Поэтому он, ловко пользуясь „восхвалениями", описал участников Кобдоского похода, затем бои под Кобдо, штурм и возвращение князей-воителей на родину, отягощенных добычей. Война с китайцами представлена у него в виде молодецкого набега, он воспевает удаль и грабеж, но в то же время пытается придать действию характер борьбы за восстановление славного царства „четырех ойратов", главный герой эпопеи является носителем этих идеалов. Былина П а р ч е н а вышла похожей на отдельный эпизод обычной ойратской героической эпопеи. Но зато она в отношении своей техники вполне подходит к любой эпопее, распеваемой „т у л ь ч и"—сказателем в пределах ойратской С.-З. Монголии. Тот же язык, этот особый живой литературный язык, те же обороты речи, те же „общие места" и эпитеты, словом, тот же подбор средств неписанной эпической поэтики. П а р ч е н у пришлось только, что он и сделал с большим искусством, приладить все это к необычной для героической эпопеи обстановке современной, хотя и „маленькой", но все же современной войны и текущим событиям и теперешним деятелям.

Из этого примера мы видим, какую силу, гибкость и какой простор дают умелому певцу героических эпопей ойратов С.-З. Монголии изучаемые ими приемы, вся эта „поэтика" героического эпоса.

Ойратские героические эпопеи С.-З. Монголии воспевают богатырей, богатырские деяния, скорби и радости славных воителей, воспевают этот славный мир великих героев. Содержание этих эпопей довольно разнообразно, различны герои и их кони, приключения и обстановка; тем не менее во всех почти героических эпопеях рассматриваемого района можно подметить общие черты. Почти всегда эпопея начинается с описания младенчества главного героя и переходит затем к описанию его первой богатырской поездки, которой завязывается узел дальнейших событий. В общем же по содержанию, по сюжету и по действующим лицам ойратские эпопеи С.-З. Монголии разделяются на три группы.

К первой группе эпопей должны мы отнести такие, в которых если не главными героями, то все же важными персонажами являются

небесные силы, духи; герои ведут борьбу, слушаясь велений неба; они сами или сыновья этого неба, небесных духов, или сами перевоплотившиеся на земле духи. Повидимому, эпопеи такого рода до сих пор сохраняют отголоски старой, шаманской ойратской, может быть, и общемонгольской мифологии. Впрочем, былины этого рода сохранились в самом небольшом количестве и сохранились плохо. Вернее сказать, плохо сохранились эти старые элементы, описания борьбы небесных духов. Вместе с падением шаманства и распространением ламаизма началось забвение и искажение героических эпопей этого рода; шаманский дух стал исчезать из них вместе с исчезновением персонажей шаманского пантеона, который стал постепенно заменяться более близкими, понятными и любимыми гениями, духами и святыми ламаизма. Порой такая замена происходила чисто механически, топорно, и потому получалось то, что буддийскому святому навязывалась совершенно необычная роль. Иногда же эти замены обнаруживают перед нами наивную душу кочевника, который только-что бросил свою „черную веру“ шаманов и трогательно уверовал в Будду; и вот порой ойратская героическая эпопея выводит самого Будду-Шакьямуни, который далеко не похож на Будду многочисленных и хорошо всем известных легенд; это—особый ойратский „Будда“, „Будда“ кочевников степей и гор Западной Монголии, такой, какой представился им впервые, образ какого поразил их воображение. А далее, несмотря на то, что понятия о Будде, о его биографии распространились и среди ойратов, этот первый былинный образ остался попрежнему в устах певцов, хотя бы они принадлежали сами к буддийским монахам, как завет старины, дорогой и любимой. Еще чаще персонажи шаманского и буддийского пантеона перепутываются в героической эпопее, черты одного переносятся на другого так, что теперь было бы трудно определить точно тот или другой образ. В общем же, можно сказать, что ойратские героические эпопеи этого первого рода все больше и больше приближаются, теряя свои „мифологические“ черты, к группе эпопей, воспевающих уже исключительно мир богатырей—людей, хотя, конечно, и в этом мире постоянно встречаются сверхъестественные силы, появляются иногда и духи. Трудно бывает порой провести разницу между эпопеями этих двух групп, решиться отнести эпопею к той или другой группе. Тем не менее, несомненно раньше, в былые годы, разница эта была более заметной, да и теперь хорошие певцы и знатоки героического эпоса в С.-З. Монголии считают возможным выделять эпопеи, в которых действуют небесные силы, в особую определенную группу.

Ко второму роду героических эпопей ойратов С.-З. Монголии принадлежит наибольшее количество былин, распространенных, бытующих во всех местностях Кобдоского округа, наиболее характерно представляющих современный героический эпос ойратских племен. Эпопеи этой группы воспевают славных богатырей-аристократов, рисуют нам

их жизнь, их подвиги и приключения, порой чудесные, фантастические, описывают их борьбу с различными соперниками и врагами, тоже порой волшебными, чудесными; им помогают, им дают советы духи и святые; но все-таки мир, описываемый, изображаемый в этих эпопеях,—мир людей, тот самый мир, в котором живут теперь потомки этих славных и мощных воителей. Главные моменты действия эпопей этого рода—борьба, борьба для того, чтобы добыть себе славное имя богатыря, добыть себе красавицу, чудесную жену, чтобы захватить тучные пастбища, стада и народ, поразить и уничтожить зловредных врагов в округе и водворить мир и благоденствие. И эпопеи этого рода всегда заканчиваются описанием мирной, тихой и привольной жизни, которая наступила как результат борьбы и деятельности героя-богатыря, когда он может расседлать своего боевого коня, отпустить его на волю, потому что не надо уже ему делать наездов: его красавица с ним, вот возвышается ее белая и соболевая ставка, его подданные, его стада неисчислимы, нет по соседству злых недругов, и он сам, и народ может наслаждаться миром.. Пиры и забавы, спокойная, привольная жизнь кочевого феодала—вот теперь его удел.

К третьей, последней группе ойратских героических эпопей С.-З. Монголии принадлежат былины-новеллы. Их не так много, их не так любят, они не вызывают при своем исполнении таких сильных эмоций у слушателей, как „настоящие“ героические эпопеи. Но зато они обыкновенно отличаются большой стройностью и красотой. Это те же героические эпопеи, что и былины второй группы; те же герои, те же описания, тот же дух, те же настроения. Нет только описаний битв, описаний сражений, борьбы с противниками и разными чудищами. Эпопеи этого рода посвящены описаниям картин мирной жизни, они только именуют своих героев богатырями и витязями, но не заставляют их обнаруживать перед слушателями своей страшной силы,—слушатель должен верить так, на слово, сам заключать из описания достоинств героя, его богатств, его положения, что перед ним не простой человек, даже не степной аристократ, а настоящяй богатырь. Чаще всего такие эпопеи-новеллы описывают рождение героя, восхваляют его самого, его отчизну, описывают затем его поездку в дальнюю страну, которая и оканчивается женитьбой на чудесной красавице. Некоторые из таких эпопей-новелл представляют собою не что иное, как подробное и патетическое поэтическое описание, изображение ойратской свадьбы, всех перипетий свадебного действа. Но так как на разных моментах этого действа лежит отпечаток „героических“ подвигов, так как многие обряды знаменуют, символизируют борьбу и победу жениха, то и эпопее-новелле приходится вводить описания „борьбы“ своего героя. Но чаще всего такая „борьба“ низводится просто к исполнению того или другого поручения, угадыванию тех или других действий родителей невесты, разгадыванию хитро-задуманных вопросов и т. д. Если и тут попадается соперник, то он обыкновенно уступает богатырю, будучи

подавлен одним его видом, или богатырь побеждает его легко в единоборстве-поединке, никогда не кончающемся смертью поверженного. Это даже не бой, а именно „борьба“, состязание.

Главными героями ойратских былин С.-З. Монголии, к каким бы они группам ни принадлежали, являются богатыри, без них, без этих персонажей не может быть эпопеи, не может быть героического эпоса. Все эти герои, все эти богатырские фигуры ойратских эпопей удивительно похожи друг на друга. Рисует ли нам эпопея витязя Дайни-Кюрюль, этого счастливого красавца, одаренного сверхъестественной силой, которому приходится выдерживать борьбу за борьбой с разными врагами, людьми и духами, встречаемся ли мы с богатырем Бум-Ердени, который сражается с грозной шаманкой, или с Хан-Харангуй, который вызвал на бой сына небожителя, всегда перед нами точно одно и то же лицо, только принявшее разные имена. Даже Кийтен-Кэкэ-Зеве, история которого так необычно для ойратских эпопей поэтична, даже и он в общем мало чем отличается от обычного былинного богатыря.

Богатыри ойратских героических эпопей разнятся только силой, мощью и способностями, своим состоянием, наконец своими похождениями, но не душевными качествами, не особенностями характера; если читать записи отдельных эпопей подряд, можно получить впечатление, что рассказ идет все об одном и том же лице, об одном и том же герое-богатыре. В этом отношении ойратские эпопеи резко отличаются от классических типов Илиады и Одиссеи и отчасти приближаются к картине, представляемой старо-французским героическим эпосом. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы характер, тип былинного богатыря был очерчен в ойратской эпопее слабо, туманно, не достаточно рельефно. Наоборот, богатыри ойратских эпопей С.-З. Монголии представлены ясно и определенно, это — живые люди, правда могучие, сильные, необыкновенные, но все-таки люди, со всеми их слабостями, несмотря на все свои огромные достоинства и содействия сверхъестественных сил. И в этом особая прелесть ойратского героического эпоса, его большая жизненная сила: представляемые им герои-богатыри не туманные фантастические образы, а живые, настоящие люди, каких, правда, нет теперь, но которые были, „могли“ быть еще, люди, которых так легко представить себе, если только постараться вызвать перед собой облик хотя бы современного человека, только откинув всю его мелочность и слабость. Но этот мощный, живой и жизненный тип выступает везде и всюду, он один во всех ойратских эпопеях.

Богатырь („батар“, „ере“) ойратского героического эпоса С.-З. Монголии является олицетворением национального идеала мужа; „лучший из мужей“ — обычный эпитет витязя ойратской эпопеи. Он обязательно должен быть знатного происхождения, сыном степного хана или князя, представителя степной аристократии, он обладает

страшной силой и мощью, волшебными свойствами, он богат, его окружает степная роскошь, у него богатырский конь такой же могучий, как его хозяин; славное имя богатыря уже в его младенчестве гремит по всему Алтаю и Хангаю. Но всего этого еще недостаточно, чтобы стать настоящим богатырем,—мало быть сильным, могучим, знатным и богатым. Настоящий витязь тот, кто сознал, почувствовал себя богатырем, понял свое богатырское призвание, кто открыто выступил на этот путь „богатырства“. Поэтому богатырь должен быть не только силен, но и беззаветно храбр, храбр и настойчив в достижении поставленной цели, он не должен знать никаких колебаний; твердость, верность замыслу или слову — первая добродетель, отличительная особенность богатыря героической эпопеи. Цели, которые ставит себе былинный витязь, — прославить свое имя созданием такой жизни, когда бы мирное счастье, истинно прекрасное, спокойное бытие утверждались бы всюду, когда бы везде, везде кочевник видел бы осуществление своих заветных мечтаний. Для достижения поставленной себе цели богатырь идет прямой дорогой, действуя неуклонно и необузданно. Если ему и приходится хитрить, то только лишь временно, чтобы затем с еще большею страстью кинуться к намеченной цели. Впрочем, далеко не все богатыри прибегают к хитрости, в этом можно, пожалуй, видеть различие их, различие их характеров; но зато все богатыри ойратского эпоса хитрости осуждают, считая, что это не их дело, что победить хитростью бесславно; их удел — открытая борьба, открытый образ действий.

Былинный богатырь прост и прямолинеен, ему незнакомы утонченные чувства, он знает яркие цвета и не ведает оттенков. Вот злой мангус, чудище страшное и богатое,—значит надо его истребить и завладеть его скотом; вот слышит богатырь, что в такой-то стороне живет волшебная красавица,—значит надо добыть ее себе в жены, а если встретится соперник, то его убить. Видит он, что исхудал его боевой конь, он горюет, даже плачет; попадает витязь на пир, он радуется и напивается пьян. Дал он слово убить своего врага, „выпить его красную кровь, пожрать его черное мясо“, и он готов привести в исполнение свой замысел, несмотря ни на что, несмотря даже на то, что противник его покорился, что он оказался достойным стать его названным братом, несмотря на заступничество своего богатырского коня. Задумано—сделано, сказано—тоже сделано. С другой стороны, с такою же страстностью и прямолинейностью бросается богатырь ойратской эпопеи в разные опасности для спасения или помощи своему другу, своему названному брату; он защищает слабых, милует подчиняющихся. Он горд, вспыльчив, необуздан в гневе, но зато неизменно верен. Эпический ойратский богатырь вместе с тем должен быть образцом исполнения долга, должен высоко ставить честь. Впрочем, в ойратских героических эпопеях с особой яркостью и настойчивостью подчеркиваются самые эгоистические черты богатырей, их совершенно

утилитарный взгляд на жизнь. Больше всего ойратская эпопея любуется тем, как ее герой добывает себе жену-красавицу с богатым приданым, как добывает себе подданных и стада, как ревниво заботится о преуспеянии своего достояния.

Очень часто рядом с богатырем, главным героем эпопеи, в ойратском эпосе появляется фигура богатыря—друга главного витязя. Очень часто в той или другой эпопее фигура эта представляется нам очень хорошо и рельефно очерченной, характер ее обрисован прекрасно, эпопея рассказывает нам об этом побочном герое много различных подробностей. Этот особый эпический тип—богатырь-друг главного героя—появляется точно для того, чтобы оттенить всю непреклонность главного героя, подчеркнуть его ничем несокрушимую волю к достижению поставленных себе целей. Обычно этот побочный герой делается другом главного богатыря, его названным братом после поединка, в котором терпит поражение после упорной и страшной борьбы. Он также могуч, силен и мужествен этот второй богатырь, он тоже „лучший из мужей", он тоже обладает вещим боевым конем. Наконец он такой же сын кочевого князя, такой же степной аристократ. Мы можем говорить об этом побочном герое как об одном лице, потому что в тех эпопеях, где он появляется, он везде более или менее одинаков, подобно главному герою эпопеи, везде и всюду представляясь одним и тем же лицом. Опять можем мы констатировать различные особенности, смотря по былине,—один сильнее, другой умнее, у одного такой-то конь, у другого такие-то подвиги. Но в общем перед нами опять один и тот же тип, тип „второго" героя ойратской эпопеи, тип богатыря—друга главного героя; такими являются, например, Замбулин в эпопее Дайни-Кюрюль, Хаджир-Хара в эпопее Бум-Эрдени. Особенно любопытен этот тип богатыря тем, что героический эпос ойратов С.-З. Монголии окружает эти второстепенные персонажи каким-то особым ореолом. Эти „вторые" богатыри, оставаясь такими же эпическими богатырями, как и „первые", тем не менее обладают большей душевной гибкостью, большей утонченностью натуры. Они гораздо в большей степени поддаются чувству любви и жалости, они не так необузданно алчны и эгоистичны; порой эпопеи рисуют нам их трогательные душевные порывы, изображая их, можно сказать, натурами поэтическими. Но симпатии певцов эпопей и народа, конечно, на стороне „первых" героев,—они непреклонны, они побеждают, это они даруют благо счастливой жизни хотя бы тем, что устраивают свою собственную жизнь.

Есть одно обстоятельство, которое заставляет особенно внимательно присмотреться к этим „вторым" богатырям—друзьям главных героев ойратских эпопей, которое не позволяет видеть в выведении на сцену этих персонажей искусства, литературного приема, ставшего шаблоном, подчеркивать необходимейшие черты личности главного героя путем противопоставления. Дело в том, что в древнейшей монгольской эпопее, записанной в 1240 году, хотя бы и в несколько переделанном для известных целей виде, в „Сокровенном сказании о монгольском народе", о котором говорилось уже выше, на ряду с главным героем, Чингис-ханом, выступает его друг и противник Джамуха, образ которого окружен каким-то особым ореолом. Он так же, как и „вторые" богатыри ойратского героического эпоса С.-З. Монголии, в противоположность непоколебимому Чингис-хану, неуклонно стремящемуся к созданию кочевой империи, из-за поэтического чувства дружбы может даже вредить себе, вредить своему делу. Будущим исследователям предстоить решить вопрос, поскольку Джамуха „Сокровенного сказания" соответствует историческому противнику Чингис-хана и какие исторические черты, какие условия создали эпический тип „второго" героя ойратских эпопей Западной Монголии.

Что касается других персонажей рассматриваемого эпоса, то они обычно очерчиваются в эпопеях уже не так рельефно, не так четко. Но зато и они все одни и те же типы во всех ойратских эпопеях, разнясь между собой только мелочами или чаще внешней обстановкой, среди которой им приходится действовать. Они, как шахматные фигуры, всегда имеют один и тот же облик, действуют в одном и том же направлении. Таковы побочные персонажи, например, отец, или дед главного героя-богатыря, его табунщик, неизменно носящий почти во всех ойратских эпопеях из С.-З. Монголии турецкое имя Ак-сахал (Белая борода), таковы князья и ханы, с которыми приходится сталкиваться герою.

„Отец" богатыря, например, там, где он появляется, всегда рисуется нам типом, хорошо известным разным эпосам различных народов, классическим образцом которого является царь Кайкаус иранской „Рустемиады", или Владимир Красное Солнышко наших былин. „Отец" героя тоже именуется богатырем, но богатырства своего не обнаруживает, о нем только говорят. Наоборот, он слаб и труслив, слаб духом, часто жаден и завистлив; тем не менее и ему приписываются те или другие добрые или славные поступки, он все-таки отец и хан. Близко приближается к этому типу и образ отца невесты героя, тоже часто повторяющийся в ойратских эпопеях.

Наоборот, с особой любовью ойратская былина останавливается на „лучшем из табунщиков" старце Ак-сахале, который с такой ревностью заботится о главном достоянии героя, об его табунах, который помогает ему найти достойного богатырского коня. Иногда этот табунщик прямо заменяет отца героя, оттесняет того на задний план; он дает советы богатырю, герой его чествует и чтит как отца. Аристократической былине тогда делается неловко, и она возводит Ак-сахала в ранг аристократии, делает его родственником, например, дядюшкой героя. Это явная инновация; образ „табунщика" для нас ясен,

и мы можем определенно указать, какие исторические условия его создали; сами эпопеи дают нам этот материал.

Помимо своего иноземного имени табунщик носит еще порой прозвище „хотон“, т. е. туркестанец, турок из Туркестана. В некоторых же эпопеях, правда очень немногочисленных, этот „табунщик“ вдруг изменяет герою, предает своего богатыря. Очевидно в этом образе „табунщика“ ойратских эпопей мы имеем отражение исторических условий, когда ойраты владели Восточным Туркестаном, брали там пленных и вассалов, которым, как более цивилизованным, приходилось порой играть большую роль в хозяйственной жизни кочевников.

Довольно однообразно и тоже недостаточно рельефно и четко очерчены в ойратских эпопеях С.-З. Монголии женские типы, да и роль их невелика и выступают они по большей части пассивно; даже главные героини, эти волшебные красавицы („дагини“), добывать которых богатыри отправляются в далекие страны, даже они действуют в эпопеях очень мало, они совсем не „богатырши“, не похожи на воинственных дев бурятского эпоса. Зато ойратские эпопеи описывают их чудесную красоту, их прелесть и волшебные свойства, их пышное богатство; всегда они — и это любопытно отметить — являются горячими поклонницами буддийских святынь, они везут с собой на родину героя золотые Ганджур и Данджур—буддийский канон. Очень редко ойратские эпопеи описывают чувства, дают романтические картины, воспевают любовь. Такие сцены, какие находим мы в эпопее Дайни-Кюрюль, сцены знакомства и первой любви богатыря и прекрасной Толи-Го, в которых красавица играет не пассивную роль, редки и необычны в ойратском героическом эпосе. Второстепенные женские типы обычно ничем не характерны.

Ойратский героический эпос изображает не какой-нибудь фантастический, туманно-очерченный мир, а мир реальный, совершенно определенный, описываемый яркими красками. Ойратская эпопея из С.-З. Монголии совсем не стремится увлечь слушателей вдаль от этой обыденной жизни в далекий мир грез и фантазий,—нет, она развертывает перед нами образы знакомой, действительной жизни, дает самое живое, выпуклое и сочное изображение повседневного бытия. Жизнь, рисуемая героической эпопеей,—это та-же самая кочевая, родная, знакомая жизнь со всеми ее радостями и невзгодами, только преображенная, освещенная особым веселым светом радостного довольства, укрепленная сознанием своей свежей силы и мощи, та же самая кочевая жизнь, только представленная в идеальном освещении, о которой рассказано патетически, восторженно. В изображениях различных картин кочевой жизни в ойратских героических эпопеях лучше и ярче чем в чем-либо высказались народные монгольские идеалы, чаяния, народные представления о „настоящей“ прекрасной жизни. С особой любовью, с особым искусством и изобразительностью описывают наши эпопеи стада своих богатырей, эти источники благоденствия кочевников. Затем

идут красочные описания перекочевок, где с необыкновенной подробностью рассказывается о всех мелких деталях, говорится даже, как верблюды пофыркивают, да как помахивают хвостами, и для всех этих описаний подбираются звучные и уместные выражения, меткие эпитеты; описание мелких подробностей не уничтожает общей полной картины. Рисуют эпопеи и другие сцены, другие картины, столь знакомые кочевнику по жутким воспоминаниям, но и на этот раз они преображены, доведены до глубокого драматизма. Каждый степняк знает, что значит, когда его конь вдруг начнет „приставать“, тощать в глухой гоби. И вот в своих эпопеях он с наслаждением находит поэтические описания подобных же случаев и с замиранием сердца следит, как могучий богатырь выходит из беды. А вот другая картина, так часто развертываемая ойратской эпопеей, и в то же время столь хорошо знакомая, так горько изведанная теперешним кочевником: возвращается богатырь на родину, он готов уже увидеть свою высокую белую юрту, вокруг которой теснятся юрты приближенных, стоят коновязи, он готов уже увидеть вдали свои стада — свою отраду, и вдруг вместо всего этого—пустыня, на месте стоянки юрт выросла трава, повысох помет, все укочевали; куда и зачем?

Одна за другой в ойратских эпопеях С.-З. Монголии следуют картины кочевой жизни, жизни действительной и реальной: вот угон коней и погоня, вот лихая скачка, далее идет красочное описание пира, свадьбы, вот ловят неука... Эпопеи захватывают всю жизнь степняка, дают ее полное, живое, всеобъемлющее представление, развертывают ее во всех деталях. Они вместе с тем и превозносят, прославляют эту жизнь, вдохновляют, дают силы для того, чтобы переносить невзгоды бытия. Действительно, ведь эта простая кочевая жизнь может стать такой полной и прекрасной, вот такой, какой изображают ее героические эпопеи; а ведь они изображают именно эту самую живую жизнь, только изображают ее,—добавим мы,—в идеальном освещении. С какой яркостью и определенностью рисуется в ойратских героических эпопеях быт, с такой же рельефностью и полнотой изображаются в них и все социальные отношения. По ойратскому героическому эпосу можно судить о жизни былинного общества с такой же подробностью, как по Илиаде и Одиссее о жизни ахеян, и гораздо лучше, чем по старо-французским эпопеям о феодальном средневековом строе.

Ойратские героические эпопеи никогда не называют народа или племени, даже рода, из которого происходят их герои, не называют никогда и имена подчиняющихся им племен. Говорится только, что действие происходит на Алтае и Хангае, но часто можно заметить, что эти географические имена употребляются нарицательно; нарицательными являются они часто в устах современного ойрата из Западной Монголии. Но певцы и народ верит и знает, что их эпопеи поют про их предков, про ойратских князей, про ойратский народ, поэтому это все так и любо в них, все так понятно.

По героическим эпопеям ойратов мир представляется огромным кочевым царством, разбитым на отдельные независимые владения разных ханов и просто степных аристократов. То здесь, то там живут страшные многоголовые мангусы, грозные чудовища—людоеды. Но и они, несмотря на всю свою фантастическую природу, являются такими же кочевыми аристократами, имеют свои кочевья („н у т у к"), свои стада, своих подданных, из которых многие—люди, простые смертные. Степной аристократ, будь то могущественный хан или простой витязь-силач, является всегда более или менее богатым хозяином стад; поэтому у него всегда есть вассалы, которые служат ему в ставке, пасут его скот. Чем могучее аристократ, чем смелее и удачливее, тем больше у него вассалов, он может уже говорить о своих подданных, о своем народе. У такого степного феодала, хана могут появиться помощники для управления народом, своего рода чиновники, его челядь получает организацию, у него есть и телохранители, и кравчии, и женская прислуга.

Степной аристократ, хан ли он или просто удалец с малым числом вассалов, не подчиняется уже никому и никого не признает выше себя, если только не покорит его соседний такой же, как он, степной феодал и не превратит его в своего вассала или даже просто в раба. Порой степному аристократу приходится вступать в союз с кем-либо из ближних или дальних соседей для обороны или ради лихого наезда; такой союз часто выливается в форму объединения двух аристократических семей, которые ради тех или других выгод начинают кочевать вместе, кочуют тогда, конечно, вместе и их вассалы, их подданные. Или союзные семьи порой роднятся, и тогда получается более сильный и многочисленный род, с большим количеством стад и подданных; и правит этим аристократическим родом не старший, а сильнейший, тот, кто храбрее и смышленнее всех, кто наиболее потрудился над делом объединения семей, и передает уже власть по наследству своему сыну. Возникают таким образом вассалы — аристократы, которые появляются также и потому, что отдельные не очень удачливые аристократы являются иногда к более могучим и сильным и становятся в ряды их вассалов.

Степной аристократ относится к своему народу, к своим подданным, как к своему имуществу, как к своему скоту. Народ должен беспрекословно исполнять волю своего повелителя, по одному его слову он должен бросить свои насиженные места и укочевывать в далекую страну. Феодал может дарить своих подданных своим друзьям, отдавать в приданое своим дочерям. Подданные кроме того обязаны содержать своего господина, доставлять припасы для его широв, служить в ставке и при перекочевках должны снабжать своего повелителя лучшим вооружением, шить ему одежды, готовить разные припасы. Но даже при таком положении, при состоянии абсолютной зависимости подданных от воли феодала, все-таки можно видеть некоторые формы

нормы связи степного господина со своими подданными и вассалами. Степные аристократы признают некоторые свои обязанности по отношению к своим подданным. Степной феодал обязан защищать своих подданных от внешних врагов, обязан заботиться о безопасности кочевий, должен прилагать усилия к тому, чтобы лучшие пастбища и места для охоты были в распоряжении его вассалов. Поэтому война и военная слава—главный удел, главная забота кочевого аристократа. Простой народ в этих битвах и наездах играет пассивную роль, легко переходя из рук в руки аристократических господ. Простой народ выставляет иногда ополчения, но и они, эти ополчения, в битвах богатырей не играют почти никакой роли и легко разгоняются одним богатырем-аристократом, лучше вооруженным, более воодушевленным жаждой славы и добычи, настоящим воякой.

Ойратские эпопеи С.-З. Монголии ясно и полно отражают тот период или периоды жизни монгольского народа, когда он жил отдельными кланами, отдельными родами, во главе которых стояла недавно народившаяся и продолжающая крепнуть степная аристократия. В таком состоянии находилось, например, значительное количество монголов в эпоху, когда родился среди этих номадов Чингис-хан. „Сокровенное сказание о монгольском народе" рисует нам, и рисует необычайно ярко, картину социальной жизни, чрезвычайно близкую к той, которая развертывается в современных ойратских героических эпопеях Западной Монголии. Те же формы и нормы общежития, те же идеалы и чаяния. И ойратские эпопеи являются поэтому прямыми наследницами, продолжателями того „литературного" течения, которое так прекрасно проявилось на заре монгольской истории. Прямая нить соединяет монгольскую эпопею XIII века с героическими эпопеями ойратов С.-З. Монголии.

Еще одна чрезвычайно любопытная черта, наблюдаемая в эпопеях рассматриваемого района, тоже отражающая условия былого быта, теперь уже совершенно исчезнувшего. Ойратские эпопеи очень часто и довольно подробно рисуют нам охоту, притом так, что можно догадываться, что занятие охотой было одним из главных для того общества, которое рисуется в эпопеях. Нередко говорится в былинах Западной Монголии, что ставка того или другого богатыря была построена из рогов и костей диких животных и обтянута шкурами. Можно почти с уверенностью утверждать, что в данном случае, в случае подобных описаний, мы имеем перед собой отголоски далекого прошлого, далекого состояния монгольских племен. Действительно, мы знаем, что монголы, и в особенности ойраты, прежде чем стать вполне скотоводами, кочевым народом, долгое время были и охотниками-звероловами.

В некоторых эпопеях ойратов С.-З. Монголии описывается борьба былинных богатырей с шаманами. Случаи таких описаний немногочисленны в героическом эпосе ойратов, но, например, в эпопее Бум-Ердени подобный мотив развит достаточно пространно. Любопытно

при этом отметить то обстоятельство, что богатырь Бум-Ердени, как и другие эпические витязи других эпопей, борется с шаманами вовсе не во имя буддизма, не в защиту буддийской веры, вообще отнюдь не по религиозным побуждениям. Шаманы некоторых ойратских эпопей те же степные аристократы, они то „мангусы"—чудовища, то люди; они также живут в кочевых ставках, имеют своих подданных, заботятся о своих кочевьях и стадах. Трудно сказать под влиянием каких отношений, каких исторических и случайных событий сложились подобные сказания ойратских эпопей. Во всяком случае не следует забывать того обстоятельства, что порой шаманы среди монгольских племен приобретали и политическое значение и начинали играть роль вождей. На основании разных исторических памятников и на основании „Сокровенного сказания" мы знаем, что Чингис-хану пришлось вступить в борьбу с таким шаманом, который пытался превратиться и в вождя.

Мир, рисуемый ойратскими героическими эпопеями С.-З. Монголии, населенный богатырями—аристократическими предводителями кланов, борящихся с разными чудищами, и подобными же им степными аристократами, мир, как идеальный мир кочевой жизни, давно уже ушел из действительности, он стал мечтою, стал „былью". Но он все-таки чрезвычайно близок и понятен и дорог современному ойрату С.-З. Монголии потому, что во многом условия его теперешней жизни не ушли от тех, которые изображаются в его героическом эпосе. Ойратские эпопеи представляют мир, в который народ твердо верит как в действительность, они соответствуют его идеалам, его иллюзиям.

Но, несмотря на все это, на все эти условия, нельзя не заметить того обстоятельства, что героический эпос ойратов С.-З. Монголии явно клонится к упадку. Вымирают старые славные певцы и не передают своих эпопей певцам-наследникам,—молодежь не хочет учиться; все реже и реже появляются профессиональные певцы из молодых людей. Начинает пропадать интерес к героическому эпосу и в народе. Князья, старые хранители стародавнего ойратского духа, постепенно сходят со сцены, наследующие им молодые уже редко когда приглашают в свои ставки певцов героических эпопей, они их уже не интересуют. Общее равнодушие к эпической поэзии начинает постепенно наблюдаться везде и всюду, среди всех ойратских племен С.-З. Монголии. Вероятно, пройдет еще десяток, другой лет, и на Алтае и Хангае, на горах Хан-Хухей, на реке Тесе и в Улан-гоме, где теперь еще можно услышать исполнение героических эпопей в торжественной обстановке, среди возбужденных слушателей, позабудут былинных богатырей, исчезнут профессиональные певцы, и только кое-где, как теперь в Халхе или Южной Монголии, будут помнить те или другие эпические мотивы, сохранятся отдельные обрывки когда-то стройных и величественных эпопей. Это хорошо сознают и сами ойраты С.-З. Монголии, и певцы, и любители старины, и простой народ: „ничего нет в мире вечного".

Ойратский героический эпос Западной Монголии представляется, таким образом, одним из самых интересных среди эпосов других монгольских племен. Более подробное изучение его должно пролить свет на решение самых разнообразных вопросов народной литературы, истории, этнологии и языковедения монгольского мира. Но, кроме того, изучение ойратского богатырского эпоса, прожившего столько столетий и до сих пор достаточно живого, должно, конечно, оказать большое влияние и на область общих вопросов, связанных с эпической поэзией вообще, всех времен и народов.

Предлагаемые, впервые на русском, да и вообще на европейском языке, переводы ойратских героических эпопей сделаны возможно близко к подлиннику. При этом переводчик должен предупредить читателя, что в значительной мере обаяние этих былин—творений сынов вольных степей—утратилось в переводе. Текст эпопей, как это можно было представить себе на основании всего вышесказанного, представляет огромные затруднения для перевода на русский язык, затруднения часто непреодолимые. Переводчик, хорошо сознавая, что его работа является лишь первым опытом, все-таки решился обнародовать свой перевод, потому что не имел никакой уверенности в том, что лучшие переводы появятся в ближайшем будущем.

Самый текст ойратских героических эпопей был записан переводчиком от разных рапсодов во время его поездок по Западной Монголии в 1911 г. и 1913—1915 г., и предполагается к печатанию в серии „Образцы народной словесности монгольских племен", издаваемой Российской Академией Наук.

Б. Владимирцов

БУМ-ЕРДЕНИ

лучший из витязей, сын Бурхан-хана и Бурам-ханьши

В промежутке между концом давних, прежде минувших, истинно прекрасных десяти тысяч веков и началом теперь приходящих прекрасных тысяч веков, в одно хорошее время, непоколебимое, истинно спокойное, когда жили сотни тысяч многих лет мира и благополучия, когда обладали десятью тысячами полных, нерасходуемых даров добродетели, во время, преисполненное спокойной великой радости, время богатых, широкославных богатырей - воителей... В одно прекрасное время, когда заново утвердились лучи солнца, когда заново начали жить по восьмидесяти тысяч лет, когда сызнова стали проповедывать собрание восьмидесяти четырех тысяч учений, утвердились, говорят, держава правления и вера.

Возвышается пятидесятиголовый, сокровенный Хангай, выросший сразу без скатов - увалов; подымаются нагроможденные Алтайские горы, выросшие все вместе без проходов-перевалов; возвышаются семьдесят глухих белых утесов, темнеют пятьдесят непроходимых черных зарослей кустарников; радостные леса-чащи услаждают глаз; белеют пятьдесят возвышенностей со снеговыми хребтами; возвышаются восемьдесят утесов с ледяными обухами. Вот радостная, прекрасная отчизна!

Плавно колышутся десять великих, целительных вод-морей; белеют кругами десять тысяч прозрачных озер-прудов; текут, крутясь, сто больших рек, которым дали имена; сливаются, кипя и пенясь, сотни тысяч пробившихся ключей; цветы всех красок распускаются и колышутся; текут, струясь, источники, целебные от всех болезней. Вот каковы благословенные воды: преисполнены они восьми разных вкусов.

Алоэ и кипарисы повыростали вместе, и не было, говорят, имени и числа другим прекрасным деревьям. Степные полынь и ковыль повыростали вместе, и в тучной, прекрасной траве совсем

не было, говорят, пустого промежутка-пространства. Ревут, ища пищи, силой страшной обладающие дикие звери; шумят и поют звонкоголосые птицы; шестидесяти родов жаворонки чирикают и забавляются; семидесяти мастей-антилопы идут, пасясь, друг за другом. Вот всерадостная, прекрасная отчизна; вот как говорят о ней!

Наполняя северные отроги Алтая и Хангая, посреди той страны, говорят, вырос и завладел той местностью, табун пестрых и вороных с гнедыми коней; они были одарены признаками коней Аранзала, сзади у них хвосты как падающие звезды; они были одарены приметами коней Кудурзала, и имели они вид знаменитых скакунов; они были одарены приметами коней Наринзала, имели они приметы коней Набчи-Кюдюр; восемь раз теряли им счет.

Красные и желтые верблюды выросли, наполнив гоби на северных склонах белого Хангая; величиной они с гору, втулки у них из маслянистого ясеня, с кляпами из чистого золота, повода из шелковых шнурков; они товарищи-состадники девяносто девяти пепельно-черных, лысых верблюдов-жеребцов, одаренных силой взбесившихся от страсти слонов. Кладеные верблюды и верблюдицы ходят отдельно табуном в сотни тысяч; трехгодовалые верблюды и верблюдицы выделяются табунами в пять да пять —десять тысяч; однолетки и двухлетки ревут табунком в сотни тысяч; на местах с диким чесноком они кормятся и жиреют; на местах же с хворостом они лежат отдельно друг от друга; на местах с худжирной пылью они сходятся вместе и прыгают, с ревом расходятся и, труся, сбегаются вместе. Эти красные и желтые верблюды выросли, говорят, завладев той стороной.

А если сказать о красных коровах, неспокойно бегающих, счет которым пять раз теряли, то, скажем, были они товарищами-состадниками безрогих красных быков; выросли они, совсем заполнив ширину равнин степи и речные ущелья. Черные и сивые быки ревут так, что стон стоит; по узким теснинам, встретившись друг с другом, бодаются; куцые волы,—а их, много с намордниками и без намордников,—мычат и бодаются; четырехлетние бычки и коровы-четырехлетки бегают в перегонку по горным террасам; трехлетние бычки и коровы-трехлетки прыгают по ложкам и балкам; а двухлетки и малые телята прыгают, скачут и трусят на сырых лукоречьях. Этот красный рогатый скот вырос, говорят, завладев той стороной.

А белые как раковина овцы выросли, наполнив и заняв подъемы тринадцати Алтайских перевалов; целая область народа караулила их и наблюдала за ними; кладеные бараны и козлы ходят отдельно; барашки и козлятки блеют; без числа лет прошло, как потеряли им счет; когда-то было то время, как меру им потеряли; не знают, сколько годов ушло с тех пор, как перечень им потеряли. Вот скот, невозможно сказать, как его много! Вот как говорят о белых овцах, о конях, коровах, о верблюдах, обо всем скоте четырех мастей!

На южном скате черной краевой горы, на северном скате черной закрайной горы, на широкой желтой равнине, на берегу целительного вещего моря возвышается огромный белый храм-собор; на его вершине блистают золотые и серебряные ганджиры. Сверкают крутые крыши хрустальных прекрасных храмов, разносится запах курительных свечей Шинкам-гунчиб; сияют крутые крыши прекрасных сандаловых храмов, и разносится благовонный запах курительных свечей Замлин-гунчиб. Эти храмы, этот скит-монастырь высоко-могучие воздвигли, а благословили их бодисатвы десяти сторон. Если посмотрит на них чистый человек осмысленно, то покажутся ему градом-городом Майдари-бурхана; а коль посмотрит простой человек, да не подумавши, то покажется ему, что на них потрачены труды, которых невозможно совершить, что они произведения искусства, которого невозможно изобрести, чудо, которое невозможно восхвалить, они крепки так, что не обветшают и и не обрушатся, они стойки так, что никогда не разрушатся и не упадут. И много, много, говорят, было таких прекрасных храмов!

В этом монастыре такой устав: ударяют в грозный бронзовый барабан, дают знак, собирают иноков семи земель; трубят в белоснежную раковину, собирают положенный по времени хурал. И тогда в величественный белый храм-собор шествуют все иноки и занимают места по порядку, от начала до конца, на четырнадцати седалищах. Грозный, в желтых одеяниях уставщик, который владеет тремя тяжелыми желтыми подушками-подстилками в самой середине правого ряда, гремящий голосом тридцати трех драконовых громов, начинает тогда духовный пир; а семьдесят тысяч монахов вслед за ним подымают молитвенный говор-чтение; колени свои, как писчие кисти, они держат в ряд, свои губы, красные как плод бимба, они выровнили. А грозный желтый благочинный, что непрестанно шестислоговую молитву устами читает, а в сердце ее созерцает, перебирает в левой руке сто восемьдесят шесть четок, а в правой руке держит сандаловый жезл—джавук. Выпрямил он свою шапку с желтой гривой, ровно запахнул полы своего плаща и обходит, ничего не упуская, четырнадцать седалищ от начала до конца; следит, чтобы не забыли ни одного стиха, ни одного полустишия. Этот уставщик славно и достойно утвердил там, говорят, веру-религию.

Возвышаются палаты старшего, славного ламы, подымаются палаты иноков, которых так много, что счет им потеряли. Такова-то там утвердилась, говорят, вера!

Посреди прекрасного царства-государства, по северной стороне от главного храма, воздвигнут был, говорят, ханский дворец, его семидесятиэтажный золотой желтый терем с восьмьюдесятью восьмью лесенками, главой своей смыкался с небесными белыми тучами.

А коль сказать о том, кто родился князем-нойоном прекрасного царства-государства, кто родился владыкой Хангая, отчизны прекрасной, кто родился нойоном—князем бесчисленных подданных, кто родился владыкой высокого, богатого Алтая отчизны, то был он, говорят, лучший из витязей, трехлетний Бум-Ердени (Сто тысяч драгоценностей); а батюшкой его был Бурхан-хан (Будда-хан), а матушкой Бурум-ханша (Сахарный тростник-ханша). Когда появлялся он на свет, то, говорят, родился, приняв такую клятву: «Если я дам маху и меня опрокинет молодец с могучими плечами, так и останусь там, сломив себе плечи, лопатки; если дам себя подстрелить молодцу с могучим большим пальцем, так останусь там, отрубив себе большой и указательный палец!»

На макушке у него выявился Ваджрадара, на темени Дзонкава, на челе Махакала, на горле Хоншим-бодисатва, на обоих плечах проявились двадцать одна Дара-еке; в руках у него проявлялась сила гаруда и тигра, в костях рук воплотилась сила тридцати трех драконов, в лопатках проявлялась мощь царственной гаруда. В нежном младенчестве рос он забавляясь, в малых, малых годах рос он капризничая, лучший из витязей, трехлетний Бум Ердени.

С тех пор как появился на свет, Бум Ердени до трехлетнего возраста все пировал, не упустив празднества ни одного дня, не упустив наслаждения ни одной ночи. А простой народ, его подданные, сильно одурялись водкою, за вином сильно призадерживались, знатные и простые, старые и молодые, все, все, кто там был, предавались забаве и наслаждению.

Засмеялся Бум Ердени: ха-ха-ха,—блеснул белыми зубами величиной с оконце; стряхнул косички на чело, просветлели его красные как мясо щеки; стряхнул он косички на уши, просветлели его красные как кровь щеки. Зашумел он как темно-черный беркут, когда пустят его, сняв шапочку; качнулся как ловчий желтый сокол, когда пустят его, сняв путы, и говорит:—«Братья старшие — вельможи и подданные — народ мой! ничего не упуская вы слушайте, я же не запинаясь скажу вам: Славное, великое имя мое в десяти странах света прогремело, а великая, неизбывная добродетель моя наполнила Алтай и Хангай. Но огромную силу свою великую нигде я еще не показал. Теперь отправлюсь я поискать, нет ли где славного витязя, что с криком наскакивает; оружия-вооружения, что звенит, приближась, ездового коня, что с грохотом скачет. Теперь скорее соберите и пожалуйте мне вершнего коня, узду, седло—оседлать, полное вооруженье — вооружиться. Если окажусь я могучим, славным витязем, то вернусь я с добычею, стадами скот пригоню, областями народ приведу; вернусь я, завладев многими подданными, юрта за юртой народ будет кочевать ко мне! А коль еще мне говорить, так вот что: укажите-ка мне, где красавица моя суженая, где красавица предопределенная?»

Как сказал он, не было ни одного человека, который бы крякнул, который бы бросил взгляд. И вот тогда заговорил дядюшка Ак-сахал (Белая борода), лучший из табунщиков, триста семьдесят семь лет ему, три поколения караулил он табуны:—«Дорогой мой Бум Ердени! Черное, как свеча курительная, мясо твое еще не совсем мясом стало, восемь крепких берцовых костей твоих еще не совсем стали костями, темно-красная кровь твоя еще не загустела. Ты этот год пережди, отправляйся себе на будущий год!» — У Бум-Ердени тогда внутри гнев закипел чугуном семи цветов, разгневался он: «Старый сопляк! Отца своего мясо съел, зубы-то у тебя как решето, слюни петлей! Если родится муж — витязь, то родится с совершенными костями, кровью, мясом. После своего рожденья кто мог добыть себе еще костей, крови, мяса? Пустяки ты говоришь, старикашка! Сиди да помалкивай!» — Лучший из табунщиков, старик Ак-сахал тогда трижды повел по черным, милым усам и бороде, три раза расправил их и говорит:—«А, мой Бум-Ердени! Мои слова для меня были правыми словами, а для тебя, должно быть, оказались противными. Теперь, чтобы и для тебя стали правыми, я скажу тебе одно слово!»— После этого продолжает он:—«Что касается хорошего, славного коня, годного для того, чтобы тебе на нем ездить, так вот есть теперь бедовый серый Лыско величиной с гору; родился он от серого с яблоками жеребца величиной с сокровенный Хангай и серой с полосками кобылицы, родился вместе с тобой, в тот день, когда и ты появился на свет. Когда родился он, землю покопал—огонь зажегся; как появился он на свет, стал валяться—водяные струи закипели; заржал он на том месте, где родился—занялся пожар. Вот славный конь, судьбой предназначенный для тебя. А что касается твоей суженой красавицы, красавицы тебе предопределенной, так на юго-восточной стороне, в стране далекой, куда надо девяносто девять лет ехать, куда большая птица долетит в изнеможении и куда хороший витязь доедет в расстройстве, куда плохенький витязь совсем не доедет, осла-

бев и заблудившись,—там живет красавица Тюк-тюмен Солонго (Десять тысяч радуг), дочь хана Тэб-Джиргал (Правое блаженство). Щеки у нее красные как молодые стебельки, свет от них юрту насквозь проходит; глаза у нее черные как у теленка, лучи их насквозь проходят. Оживляет она умерших, подымает павших, на сухом дереве заставит листья распуститься, на сухом русле заставит воду побежать,—такая, говорят, волшебная красавица; она-то и есть, говорят, твоя суженая!»— Как кончил он говорить, Бум-Ердени расхохотался так, что стон пошел, тигровым голосом, рассмеялся так, что треск пошел, голосом диких коней; выхватил из-за пазухи платок-хадак, которым сам пот вытирал, Намджу-бандан, а длиною в восемь саженей, и поднес его старику дядюшке:—«Кто выйдет из послушания,—сказал он,—моего престарелого дядюшки, тому отрежу я язык, отрублю уши. Я ставлю его наместником своим в царстве-государстве, для всех его делаю начальником.— Мне же, дядюшка, старичок мой,—обратился он,—пожалуй, да наладь мне все вооружение, черный панцырь, как огнистая сера, шлем, седло седлать, узду!»

Старик Ак-сахал назад обернулся и открыл с треском замковым сундук белый со львами, который не двигали уже десять лет. Отбросил он белые и красные шелковые покрывала, а затем вытащил и пожаловал зеркально-серебряную узду, которую двухгодовалый верблюд и не поднимет, удила у нее из черного булатного железа, кольца из твердой стали, зеркально-серебряные кружки набиты, тонкие, маленькие бляшки из медибронзы прикреплены. Затем с грохотом вынул он и пожаловал черное хангайское седло, крепкое как наковальня, похожее на ущелье; ложи у него из костей слона, луки из сандалового дерева излучиной; на луках у него вырезана веющая царственная гаруда, на ложах вырезаны два перевившихся дракона; подушка обита кармазиновым сукном. Следом затем вынул он, да пожаловал черную мангудскую плеть; сплетена она была туго с внутренним проплетением из шкур трех волов; золотом прибили, да шлейку приставили; серебром отлили, да пуговину насадили; и била та плеть так, что отделяла мясо от костей. После того вынул он, да пожаловал ватный нежный, белый потник, широкий как степь. Бум-Ердени схватил пальцами правой руки, как быстрый беркут когтями сцапал, и выбежал вон. Остановился он в тени развесистого сандалового дерева с густыми корнями, с непролазными ветвями, и встряхнул прекрасную серебряную уздечку, три раза заставил ее зазвенеть, три раза заставил ее загреметь.

Тогда бедовый серый Лыско величиной с гору, находясь среди табуна пестрых и вороных с гнедыми коней, что вырос, напол-

нив Алтай, тотчас все уразумел: «А, милостивый владыка мой, должно быть, собирается в чужеземную, далекую страну! Пора настала, должно быть, повытянуть мои черные, да белые жилы!»— Так подумал конь, бедовый Серко; на главном солончаке раз, другой перевернулся и схватил раз, другой свежей, зеленой травы; трижды встряхнулся, трижды зевнул и поскакал, колыхаясь, как пегий олень, выставляясь как возвышенности Алтая и Хангая; вышел он на распутье золотисто-желтых дорог, поднял свои красивые уши как очиры колокольчиков, разинул рот, что ущелье, блеснул зубами-резцами величиной с лиственницу и пошел прекрасной рысью-поступью, как овцы, лисьей скачкой проскакал, пробежал волчьим ходом, полной иноходью прошелся и достиг того места.

Бум-Ердени схватил бедового серого Лыску за длинную, красивую гриву, поднял черную серебряную уздечку, прижал черными удилами червленые губы, стукнул ими о яшмовые зубы и дал забрать в рот, похожий на ущелье; заставил он коня выставить четыре зуба-резца величиной с лиственницу, придавил змеистый красный язык, столкнул с крайними желтыми задними зубами; поднял он узду на крепкое, как наковальня, темя, перетянул за подвижные красивые уши, закрепил на шее и так взнуздал. Змеистый пестрый подскульник застегнул под черемуховым красивым подбородком. Нежные шелковые повода перебросил он через драгоценную голову коня, и завязал счастливым узлом за восемь начальных прядей гривы; обошел кругом, остановился и стал разбирать приметы:—«А, у него нос с извилинами что раковина,—сказал он,—глаза что подзорные трубы, уши как очиры колокольчика, слышат они звуки далекой страны, мясо на затылке полное, жилы на икрах совершенные, родился он таким, что нет промежутка у него между ребрами, нет слабости в черном сердце; тело у него как у дикого козла, грудь как у аргали, в глухую далекую страну может он скакать не споткнувшись; в светлую далекую страну может он скакать не притомившись; во вражью дальнюю страну может он скакать не поколебавшись; черные копыта у него высоки, крепки как наковальня; пышная, красивая у него грива, с прекрасным он пушистым хвостом; мудрый это бедовый серый Лыско величиной с гору!»

Так он сказал и поднял нежный белый потник, широкий как степь, положил его как-раз посредине спины, направил его вдоль широкого хребта. А когда он наложил черное хангайское седло, крепкое как наковальня, придавил он им мясо на лопатках, придавил верхушки удивительных ребер. Потянул седло назад, взял тонко-серебряную падфею с шестьюдесятью четырьмя пуговками, гремящую в ветреный день, которую веселый

богатырь прицепляет, отправляясь в поход; поддел ее под пышный хвост, застегнул все пряжки и закрепил падфею, белую как фарфор. Потянул седло вперед, натянул подгрудник на средину широкой, каменисто-беловатой груди, привесил красный бунчук величиной с конскую голову, подтянул пряжки и наладил подгрудник. Подтянул он затем заднюю подпругу, подтянул переднюю подпругу, сдавил, сжал широкий живот. Развязывает он нежные шелковые повода, навешивает на них черную мангудскую плеть, закладывает повода за черную луку, прикрепляет к одному из восьми крепких тороков. Берет славный витязь черный пращевой чумбур в пять саженей и привязывает петлей за ветвь ветвистого сандалового дерева. Привязал Бум-Ердени, отошел на шаг, посмотрел, видит: бедовый серый Лыско легкие белые тучки небесные бьет своей прекрасной, пушистой челкой. Увидел это Бум-Ердени и подумал про себя: «Понесет этот конь меня в безлюдную, далекую страну и не отощает, будет другом для меня, родившегося одиноким мужем; понесет он меня в далекую, чужеземную страну, будет милым дружком для меня одинокого, этот конь величиной с гору, мудрый, бедовый серый Лыско!»

Подумав так, вбежал он в золотой желтый дворец отца хана и сел с грохотом на священный золотой престол с восьмью ножками. В щегольскую, пеструю фарфоровую чашу, которую не могли поднять вместе семьдесят человек, велел он налить красной, дважды перегнанной водки и выпил разом. Тогда лучший из табунщиков, старик дядюшка Ак-сахал открыл белый со львами ящик, которого не двигали десять лет, и достал оттуда бледно-синий серебряный шлем, а был он точно вершина снежного Хангая. На боковых сторонах шлема были прибиты десятки тысяч звезд, на козырьке выбиты благодатные солнце и луна, крепко гвозди насажены, кольца продеты, надето забрало, опущен назатыльник. Когда пожаловал его дядюшка, Бум-Ердени взял тот шлем, встряхнул так, что семь раз сверкнул огонь, и надел на свою черную голову, сдвинул к правой брови. А затем, далее, достал Ак-сахал и пожаловал черную, как сера, бронзовую, огненную кольчугу. На вороте у нее насажены схватившиеся слон и лев, на части, прикрывающей живот, парящий самец гаруда; на части, прикрывающей горло, насажено изображение Хоншим-бодисатвы, на плечах набито изображение двадцати одной Дара-еке, на спине насажен ужасный черный мангус вниз головой, на подоле — все вредоносные вниз головой. Имела она сорок четыре пряжки, четыре тысячи привесок и четыре тысячи пуговиц. Принял ее Бум-Ердени, встряхнул так, что засверкал огонь семи цветов, набросил, прямо покрывая блеск своих широких лопаток,

и надел кольчугу. Принимает он затем тридцать белых стрел, а главная стрела — самая быстрая, белая бешенная стрела. Тысячи перьев на них, золотые у них развилинки, как горные перевалы; синие стальные наконечники, с древками из легкого дерева. Берет их Бум-Ердени и закладывает в богатый сагадак, величиной с мех для кумыса. Вынул затем дядюшка Ак-сахал, и пожаловал могучий желто-пестрый лук. На крыльях его вырезаны бодающиеся баран и козел, на подставочках два рысящих борова, черный и желтый, на ухватах были вырезаны схватившиеся тигр и дракон, на наставных же концах были вырезаны бьющиеся крылами ворон и гусь. Для того, чтобы был он могучим, поставлена обшивка из жил лихих коней и богатырей; чтобы был он удобен, внутренняя сторона была обложена рогом пятьсот девяти хайнаков; а чтобы был он крепок, был поставлен стержень из камыша реки Хатун. Взял его Бум-Ердени и прицепил за спину к богатому сагадаку величиной с мех для кумыса.

Затем достал дядюшка Ак-сахал черный стальной меч, покрывающий при одном ударе головы тысячи пятисот чертей. Дэрбэтский кузнец сорок лет отбивал его на наковальне, китайский кузнец выбил узоры-линии, а русский кузнец обделал искусно, непальский же кузнец выбил мелкие узоры, элэтский кузнец дал обделку, а халхаский выбил кружечки. Острие у него из черной стали, обух из твердой стали, резьба из червленого серебра, эфес из яшмы, на острие огонь горит. Чтобы был он крепок, закалили его на самой середине Хатун-реки, чтобы был он прям, закалили его в озере Тэгрюк (Круглое). Вдвинул старик Ак-сахал со звоном меч в золотые ножны, прикрепил к золотой бабке-застежке, и так пожаловал. Бум-Ердени принял его, привесил за спину, точно макуша лиственницы выглянул он там.

Следом затем достал дядюшка Ак-сахал бьющую прямо красную пику;—древко ее было из темно-рыжего сандального дерева в сто саженей, острие из каленого железа в шестьдесят саженей, красная кисть на ней величиной с голову жеребенка; окраска на пике — человечья кровь, значок — хорьковая шкура.

Взял ее Бум-Ердени и выбежал вон, воткнул ее в лоно земли на восемьдесят восемь локтей вглубь и вбежал обратно. Сел он на священный золотой престол с восьмью ножками, раз за разом велел себе семьдесят восемь раз налить виноградного черного вина, поглядев на которое можно было опьянеть, и проглотил единым разом. После того соизволил сказать любимый Бум-Ердени всем подданным своим, своему народу:—«Ну, вы все живите спокойно, безбоязненно; наслаждайтесь в добром здоровье, ничего не упуская! Пока я не вернусь, никак не пре-

рывайте этого пира!»—Тогда лучший из табунщиков, старец-дядюшка, Ак-сахал, трехсот семидесяти семи годов, соизволил так сказать:—«Ну, дорогое дитятко мое Бум-Ердени! Чужая сторонка трудна, все чужие люди заносчивы. В далекой, чужой стране береги дорогого богатырского коня! Коль встретишь крепкого врага-неприятеля, бейся с ним стойко, непоколебимо! В далекой, пустынной стране береги мудрого боевого коня! Коль придется столкнуться с лихим, большим врагом-неприятелем, бейся и сокруши! Когда ты вернешься? Укажи нам срок перед отъездом!» — «Мой ближний срок, — говорит Бум-Ердени, — через восемь суток; а неполный срок — через семь суток». — Сказал так Бум-Ердени, пожелал благоденствия хану-дядюшке, всем духовным, всем мирянам, качнулся он как тонкая ива, и вышел, блистая как цветок, сияя как небесное солнце, сверкая как алмазная черная скала.

Увидел Бум-Ердени, что бедовый серый Лыско, мудрый, с гору величиной, играет головой, поводит бедрами, прыгает, не может стоять на месте, и подумал: «Под ветром рожденный так ярится; а я-то в радости рожденный, я что делаю?» — Тотчас потянул он с треском олений черный чумбур, повернул коня как следует и, не касаясь носком своего сафьянного сапога, с ароматом курительной свечки, до подножья стремени, бронзового-серебряного, вскочил в седло как тушканчик, как пущенная стрела. Бедовый серый Лыско потянул удила направо, потянул налево, прыгнул, вскочил, затрусил и пошел скакать. Бум-Ердени крепко потянул удила налево, дотянул до левого колена, потянул удила направо, дотянул до правого колена, взял прямо бьющую красную пику под мышку. Таким путем, в единый миг проскакивает он земли великие. Потряс он Синее Вечное Небо, заставил дрожать великую золотую землю — земную поверхность. Тяжелая черная пыль вилась за ним, а спереди слышался топот сотен тысяч воинов; красная пыль поднялась за ним, а спереди послышались звуки — шумы многих тысяч воинов. Рысью идет Бум-Ердени, тянет повода так, что кривится красивый рот коня, блестят его ровные, белые зубы; напрягает повода так, что разевает конь рот что кабчал-ущелье, блестят его четыре зуба-клыка что лиственницы; каменья на возвышенностях отскакивают, мелкие от крупных отделяются; едет-едет рысью Бум-Ердени. На твердой, крепкой земле ноги коня проваливаются по бабки; на мягкой, рыхлой земле по колена. Рысит конь так, что кожа простроченного кичима раздирается, ослабевают гвоздочки на обрати с колечками. По степной, равнинной местности пускает Бум-Ердени бедового серого Лыску вскачь, летом пускает, потягивая, на откосах, погоняет на вольной степи, на перевалах заставляет рысью итти, выдвигаясь. Трое суток, днем и ночью, сплошь скакал он.

И вот поперек пути показывается спереди глухая синяя гора, как туча. С утренним желтым солнышком взлетел он на северный склон той горы полетом царственной гаруда, воспарил пареньем коршуна. Едет Бум-Ердени и видит, что по северным склонам той горы колышатся, качаются развесистые, прекрасные деревья; едет и слышит, как шумят и щебечут разные пестрые птицы. Качаются, синея, прекрасные зеленые сандаловые деревья, гармонично и радостно кукуют кукушки, семидесяти мастей антилопы бегают и резвятся, с шипеньем тает снег на высотах; тонкоголосые кукушки кукуют—слышны раскаты кругом, четырехлетние черные беркуты стенают, подстерегая добычу на горных ротондах, густая трава стеной с шумом колышется. Увидел, услышал Бум-Ердени и подумал: — «Прекрасная сторонка, здесь бы молодцу кочевать, дорожному человеку дивиться». — С полдневным желтым солнцем въезжает он на вершину той горы. Потянул он поводья так, что покривился прекрасный рот подвершного бедового серого Лыска, потянул так, что высунулись ровные белые зубы; надавил он на стремена так, что погнулись серебряные мочки; вытянул ноги так, что растянулись четыре двойных ремня, и стал смотреть дозором на подсолнечные страны своими пестрыми глазами величиной с чашу. Увидел он, что на юго-восточной стороне, на правом плече черной горы с темным сандаловым лесом, упирающейся в солнце вершиной, с восемью долинами,— там прошел вечный дождь, а на левом плече пал вечный снег. А на отрогах спереди виднеются озера-воды, кричат утки, турпаны, гуси, кричат дрохвы, журавли, птицы девяносто девяти пород. На север же от этого виднеется-возвышается огромный белый храм-собор, подымаются тысячи монастырей. А правее, около золотисто-желтого дворца, который уперся в небо, скалят зубы боевые кони богатырей десяти стран света. Среди этих коней — черный, как орел, конь в пятьдесят саженей, с хвостом в пять саженей, играет головой, поводит бедрами, прыгает, скачет, не может стоять на месте. Увидел это Бум-Ердени, дальше посмотрел: дым из юрт народа—его подданных—синеет, всю вселенную наполняет; пыль, поднятая скотом-стадами, стоит туманом, подымается-крутится к небу. Когда он стоял так и смотрел, заговорил бедовый серый Лыско, спрашивает Бум-Ердени: — «Бум-Ердени, мой! Глазам твоим что представляется; ушам твоим что слышится?» — Отвечает Бум-Ердени:—«На отрогах черной горы с темным сандаловым лесом, видно, держава утвердилась, вера распространилась; а среди

собравшихся там живых существ есть одно, о котором надо бы поговорить».— «Что там такое?» — «Черный, как орел, конь в пятьдесят саженей, кружится с седлом, треплется с уздой! Что это значит, что это может быть?»—Говорит тогда бедовый серый Лыско: — «А, этот вороной конь, наверно, — конь, по имени Тонкий Орел-Воронко, кружащий подсолнечные страны, вводя их в горе, в тоску. А что касается его господина, так это, наверно, будет лучший из витязей Хаджир-Хара (Гриф-чернота). Вырос он, убивая тех, у кого есть кровь, уводя тех, у кого есть повод-чумбур; удовлетворял он свою охоту, побивая всех мужей, удовлетворял он свое желание, похищая жен. Ему седьмой год, а он заставляет всех дрожать. Бум-Ердени мой, — продолжает бедовый серый Лыско,—ты каким образом думаешь войти к тому хану, каким образом думаешь на мне прискакать? Какую сторону ты объедешь, где ты, ступив, войдешь? Где меня привяжешь? *Что об этом думаешь?»— Отвечает коню Бум-Ердени: — «Думаю прискакать на тебе с топотом тьмы коней, думаю я войти с топотом тьмы богатырей, проеду я запретным-заповедным местом, а войду я, ступив на охранном месте. Тебя же я думаю привязать вместе парой с тем Орлом-Воронком, к правому его удилу».— Бедовый серый Лыско тогда заметил: «Я как подъеду к тому вороному коню, стану малость побольше. Наставь мои подпруги, падфею, надгрудник на большой рост!» — Бум-Ердени распустил падфею, надгрудник и подпруги; в длину прибавил пол-сажени, в вышину прибавил пол-сажени. Тогда изо рта у коня потянул вековечный шурган-буря, из носа протянулись девять тысяч радуг, на конце каждого волоска запылал огонь; поднялся вихрь-ветер. Бум-Ердени тогда открыл свое красное, точно покрашенное, лицо, подавляющее величие сотни тысяч людей; открыл свое красное, точно сырое мясо, лицо, подавляющее блеск и величие тьмы людей, и поскакал к южной стороне синей горы с темным сандаловым лесом, как камень, пущенный вниз по крутому логу. Густая черная пыль закрутилась сзади его, спереди послышался шум-грохот бесчисленных воинов. Задрожало царство-государство того Тэб-Джиргал-хана, заколебались юрты, ограды; забились, зазвенели котлы и таганы. Народ весь сердце потерял, в лице переменился: — «Что-то невозможное произошло, — говорили они,— неявляемое явилось! Надвинулся на нас ужас, пало на нас проклятие белого льва!»— А десять богатырей с десяти сторон, двадцать богатырей с двадцати стран, приехавшие сватать красавицу Тюк-Тюмен Солонго, вести спор-состязание, устраивать борьбу, скачку, услыхали шум, с каким подъезжал Бум-Ердени, потеряли сердце, в лицах изменились:—«Тело мужа лучше живое,

седло, узда лучше крепкие, так-то! — говорили они. — Домой!» С этими словами сели они на коней и рассыпались, рассеялись на десять, двадцать сторон; в страхе, говорят, удрали домой. А лучший из витязей, богатырь Хаджир-Хара, сидит, да говорит:—«Не родившийся молодец, ведь, родится; держава и вера, ведь, ведают! Рожденному Хаджир-Хара что сделают?».—Подозвал он красавицу Тюк-Тюмен-Солонго, поиграл с ней в бабки, оперся затем он локтем на черную шелковую подушку, подостлал коврик сукна кармазинового, да стал свои черно-черные усы поглаживать, да целовать милую красавицу Тюмен-Солонго.

Между тем Бум-Ердени проехал запретным-заповедным местом, остановился, слез с коня, ступив на охранное место, привязал бедового серого Лыску к правому удилу Орла-Воронка, а затем положил все свои доспехи богатырские на правое плечо-крыло золотисто-желтой ставки Тэб-Джиргал-хана. Сорок жердей, говорят, тогда погнулись а четыре жерди поломались. Вбежал Бум-Ердени во внутрь дворца, притворился, что не узнал Тэб-Джиргал-хана:—«Здорово, старик!»— сказал ему; притворился, что не узнал ханши Тюбшин-Герель (Спокойный Луч):—«Здорово, старуха!»—сказал ей; притворился, что вовсе не заметил Хаджир-Хара. Когда сел Бум-Ердени, Тэб-Джиргал-хан соизволил сказать:—«Ну, славный, милый молодец, где твоя великая родина, как твое славное имя? К кому тебе нужда-устремление, к кому далекие, дальние помыслы? Говори-рассказывай!»—Заговорил тогда Бум-Ердени, шумит как беркут, пущенный для лова:—«Я родился в далекой, отдаленной северной стране. Батюшка мой — Бурхан-хан, матушка — Бурам-ханша. Зовут меня — лучший из витязей, трехлетний Бум-Ердени. Конь у меня — бедовый серый Лыско, скачет он не спотыкаясь, не приставая. А отчизна моя — сокровенный, пятидесятиголовый Хангай, поднявшийся под одним вихрем-воздухом; отчизна моя — нагромоздившийся семидесятиголовый Алтай, поднявшийся вместе с одним утесом. А нужда моя и устремление, далекие, дальние помышления мои таковы: как услышал я, что есть красавица Тюк-Тюмен-Солонго, дочь хана Тэб-Джиргал, который родился безграничным владыкой юго-восточной стороны, отправился я в поход с тем, чтобы разбить державу великую того хана, черной силой захватить красавицу Тюк-Тюмен-Солонго. Теперь как попались по дороге вы, добродетельный старичок, остановился я у вас дать отдых коню, дать покоя-сна самому себе. А ваше имя, старик? Вы, ведь, вот у других имя-воду отбираете-забираете?» — «Я тот самый Тэб-Джиргал-хан, которого ты искал. Но у меня нет дочери, которую каждый

пожелавший молодец мог бы сделать ручной рукавицей, торочным харчем. А коль по-настоящему хотят ее взять замуж, то вот, мою единственную дочку сделает ручной рукавицей, торочным харчем только тот, кто одолеет равнинных пять черных мангусов; живут они на северо-востоке, забирают у меня застращиванием ежегодно три тысячи трехлетних мальчиков и их пожирают. А коль не будет так, то нет у меня такой свободной дочери, которую, пожелавши, мог бы взять, мог бы ужасный человек в торока забрать!»—Услыхал это Бум-Ердени:— «Над радостью радость,— воскликнул он,— над охотой охота! Коль есть враг-неприятель, которого надо одолеть, так я одолею! Если есть черный мангус, которого надо найти, то я истреблю его семя, развею его пепел! И вернусь я домой с божественной красавицей!».

Говорит тогда Хаджир-Хара:— «Если даже нет у тебя милостыни, при которой «на-ка» говорят, что же это с тобой случилось, что ты и «здорово» не скажешь?» — «Отца своего мясо пожравший, глупый дурачина, — вскричал тогда Бум-Ердени, — коль ты ищешь у меня милостыню, при которой «на-ка» говорят, так как раз воткну тебе в шею алмазный черно-булатный меч! Коль ищешь ты у меня слова «здравствуй», так получишь от меня удар прямо бьющей красной пики в белую жилу грудной перепонки! Сожру я твое черное, как курительная свеча, мясо; попью твоей рыже-красной крови!»— Тэб-Джиргал-хан тогда дал приказ:— «Не пожирайте вы друг друга, не ешьте мяса, не пейте крови!» — Этот Хаджир-Хара три раза отправлялся воевать с равнинными пятью черными мангусами и три раза возвращался, ничего не поделав. Отправляйся-ка ты воевать, взяв его с собой в товарищи!»— «Если найдется молодец, — отвечает Бум-Ердени, — какой пожелает следовать за мной, я ему перечить не стану. А если никого не будет, кто бы захотел за мной последовать, я не стану говорить: следуй, дескать, за мною».

После этого многочисленные красивые прислужники Тэб-Джиргал-хана поднесли Бум-Ердени ягод-кушанья, чая-напитка.

Вслед затем Бум-Ердени со словами:— «Ну, едем воевать черных мангусов!» — быстро вышел вон; следом за ним выбежал и Хаджир-Хара. Надел Бум-Ердени свои боевые доспехи и вскочил на мудрого, бедового серого Лыску; надел и Хаджир-Хара свои доспехи, вскочил на мудрого Орла-Воронку, и отправились оба богатыря в страну равнинных пяти черных мангусов.

Едет Хаджир-Хара и говорит:— «Попробуем, Бум-Ердени, силу и быстроту наших коней».— Бьют они коней так, что

рубцы остаются с увал величиной, так, что падает запекшаяся кровь кусками величиной с жеребенка, и скачут взапуски. Оба коня выровняли удила, ровно, ровно выровнялись, трое суток скакали и оказались совершенно равными.— «Сила и быстрота наших подвершных коней оказалась одинаковой, — сказали витязи, — попытаем теперь, какова крепость наших плечей, лопаток, наших пальцев!» — Схватили они тогда свои черные мангудские плети, хлещущие так, что отделяется мясо от костей, и пошли хлестать ими друг друга промеж лопаток и плечей, в которых проявилась сила семидесяти царственных гаруда, так, что стал оставаться след, как от семидесяти, восьмидесяти арб-телег. Но не могли они друг у друга облупить кожи даже с клещука величиной, не могли выколотить крови хотя бы ложку. Говорит тогда Хаджир-Хара:— «Наши подвершные кони оказались одинаково быстры; наши судьбой данные тела одинаково крепки! Теперь расскажу-ка я тебе все о равнинных пяти черных мангусах!» — «Делай как хочешь, как угодно, — отвечает Бум-Ердени, — почему не так!» — Начинает тогда Хаджир-Хара.

— «Из равнинных пяти черных мангусов красный, как сырое мясо, мангус с тьмою голов, с расстояния в месяц пути хватает мушиный плевок, с расстояния в год пути хватает мелочишку, с расстояния в день пути склевывает и всасывает; когда отправляется он в поход, развевает свое красное, как сырое мясо, знамя, садится на рыжего, кровавого коня, ведет за собой тьмы воинов-мангусов, очень он труден, много с ним хлопот. Девяностодевятиголовый крепкий черный мангус садится на крепкую желто-пеструю лошадь, развевает плоское желтое, черное знамя, ведет за собой много тысяч мангусов-воинов; очень он крепок. А четырехлетний черный мангус с сорока пятью головами отправляется в поход на четырехлетнем вороном Лыске и ведет за собой четыре тьмы мангусов-воинов. Этот будет уже так себе. Трехлетний же черный мангус с тридцатью пятью головами едет в поход на аргаловидном вороном Лыске и ведет за собой три тьмы мангусов-воинов. Это тоже не важный. Ну а горбатый черный мангус с двадцатью пятью головами отправляется в поход на седлистом вороном Лыске и ведет за собой две тьмы бешеных воинов, да две тьмы пьяных воинов. Этот мангус очень зловреден, очень труден. Выходит там еще, держа в руках пестро-желтое знамя, мать тех мангусов, шаманка Керинкей-Зандан; она из всех выделяется, самая трудная!»

Пока они так ехали и говорили, настает время прекрасной полночи, тогда десятитысячеголовый красный мангус вдруг

вздрогнул и проснулся от своего мертвого черного сна. — «Дорогие братья мои,— возопил он,— скорее вставайте! Невозможное случилось, небывалое подошло! Всех времен ужас надвинулся, пало на нас проклятие белого льва!» — Поднялись, прибежали младшие братья мангусы: — «Хан, старший наш братец, что случилось?!» — спрашивают. Говорит им красный мангус:— «Увидел я сон, будто макушка у меня саднит, будто запрыгали мои легкие и сердце. Черное знамя мое покривилось и будто завладели всеми моими стадами и подданными. Увидел я, как мучают моих верблюдов, как заставляют, юрта за юртой, кочевать народ мой. Идем к старухе-матушке, пусть раскроет она этот сон!» — Оседлали мангусы как следует пять богатырских коней и отправились все вместе. Приезжают они к матушке, шаманке Керинкей-Зандан, которая жила у истоков многих рек, у подножья горки Онгон. Оттянули мангусы войлок-покрышку с дымового отверстия, открыли двери, взошли и развели огонь. Проснулась тогда матушка их шаманка и говорит:—«Не приходили вы, пять сынов моих, днем; зачем пришли вы ночью?» — Отвечает ей десяти-тысячеголовый красный мангус: — «Видел я один сон, вот и пришли мы, чтобы вы его разгадали».—«Хорошо, мой сын, рассказывай, что хорошего было в мыслях!»— Начинает тогда красный мангус:—«Макушка у меня будто саднит, будто покоробились мои легкие и сердце; черное знамя мое покривилось, и завладели будто бы всеми моими тьмами; вьючные верблюды мои будто стали мучиться, народ мой с юртами будто достался в добычу. Что это значит?»

Тогда шаманка Керинкей-Зандан взяла свой кривой бубен, набросила одеяние-украшение небывалое и зажгла смолистое курение. Надела она шапку, наводящую тоску, и стала призывать грозных желтых духов — онгонов семидесяти сторон. Когда вошли в нее все онгоны, сказала она: — «Не только не думали, что я разлучусь с дорогими моими сынами, когда умру; но кто думал, что разлучусь я с ними даже когда усну раньше полудня. Вот оно, должно быть, когда придется умереть и расстаться!» — Проговорив это, пошла она шаманить, скача и прыгая, и заговорила она с горестным воем: — «Рожденный владыкой дальнего севера сын Бурхан-хана и Бурам-ханши, лучший из витязей Бум-Ердени приближается. Разве я не говорила, чтобы вы шли поклониться следу его бедового серого Лыски, помолиться его пути? Ведь они теперь приблизились. Приближается и Хаджир-Хара, от которого нельзя уберечься. Ступайте им навстречу, не допускайте в пределы родных кочевий; я же по силе-возможности буду вам защитой-помощью, стану вашим стременем-ребром!» — С этими словами вышла она наружу и, прыгая и скача, взлезла, шаманя, на

макушку единственного дерева, что было на горке Онгон, при истоке многих рек.

В то же время равнинные пять черных мангусов вернулись назад к себе и собрали всех своих воинов-мангусов. Красный, как сырое мясо, мангус сел на рыже-кровавого коня, развернул свое красное, как сырое мясо, знамя, повел за собой тьмы мангусов-воинов и вышел первым, краснея. Вслед за ним девяностодевятиголовый черный мангус сел на свою крепкую вороную лошадь, развернул свое черное знамя, повел за собой тьмы воинов-мангусов и вышел, чернея. За ним же следом сорокапятиголовый четырехлетний черный мангус сел на своего четырехлетнего вороного Лыску и выступил, ведя за собой четыре тьмы мангусов-воинов. А за ним тридцатипятиголовый трехлетний черный мангус сел на своего аргалевидного вороного Лыску и выступил с тремя тьмами воинов-мангусов. Следом за ним и двадцатипятиголовый горбатый черный мангус сел на своего седловатого вороного Лыску и выступил, ведя за собой две тьмы бешеных воинов и две тьмы пьяных воинов. Когда же забелела заря и встало солнце, увидели Бум-Ердени и Хаджир-Хара, что небо и земля потеряли цвет, окраску, что потянулся туман пяти цветов. — «Это наверно, так уж это, равнинные пять черных мангусов выехали нам навстречу», — говорит Хаджир-Хара. — «Красный, десяти-тысячеголовый мангус, — продолжает он, — чрезвычайно труден; ты его, Бум-Ердени, возьми себе и вступай с ним в бой. Девяностодевятиголовый, крепкий, черный мангус тоже очень труден; его я возьму и вступлю с ним в бой!»—Так сказал Хаджир-Хара и согласился с ним Бум-Ердени. Пока они так ехали и переговаривались, заметил Бум-Ердени, что приближается, краснея, первый красный мангус; торчат его головы, которые можно перечесть, много голов высовывается, которым и счета нет, и сказал:—«Красный, ведь, мой, не так ли; а черный ведь ваш?» — С этими словами ударил Бум-Ердени бедового серого Лыску и бросился в бой с криком и посвистом. Тогда красный, как сырое мясо, мангус стал тянуть в себя Бум-Ердени вместе с конем. Тогда бедовый серый Лыско со словами: — «Это ловкий мангус, не так ли?», — стал ступать твердо, как каменная баба, стал двигаться наперерез, как синяя скалистая гора. И не смог тот мангус их всосать; в пасть мангусу покатились горки, деревья и камни. Бум-Ердени тогда выхватил со звоном из золотых ножен свой черно-булатный меч, положил его на правое плечо и, наскочив, ударил разом красного мангуса и его коня. Запылал тогда синий огонь, а мангус остался цел, как раньше был. И ударил он мечом по Бум-Ердени вместе с его конем, но обух черно-булатного меча едва

не обломился, а от тела Бум-Ердени запылал красный огонь, и остался он цел. Начали они тогда рубиться мечами так и сяк; рубились они так, что треск стоял, точно молния ударила в каменисто-беловатую скалу; бились они так, что грохот стоял, точно молния Хана-Неба ударила в черную скалу, и бились они семь суток, не останавливаясь ни на мгновение. Ничего не могли друг с другом поделать, оказались совершенно равными. Тогда мудрый, бедовый серый Лыско крепко подумал про себя, стал разбирать, исследовать. И понял он, что главная заветная душа красного мангуса находится в красной родинке величиной с сустав большого пальца, кораллового цвета, на голове величиной с четырехлетнего быка, самой средней из голов красного мангуса. Понял это конь и заржал; заговорил Бум-Ердени голосом жеребенка. А Бум-Ердени, ничего не упуская, все понял, так как знал языки шестидесяти родов живых существ. Стал он слушать: — «Заветная душа этого мангуса, — говорит ему конь, — находится в родинке величиной с сустав большого пальца, кораллового цвета, на черной голове величиной с голову четырехлетнего быка, самой средней из тьмы голов; руби разом по этой бородавке! Если так не сделаешь, знай, мы погибнем в руках этого мангуса». — Бум-Ердени закусил свой главный задний зуб, стегнул своего крепкого коня и пустил его вскачь назад и рубанул он ту голову мангуса. Тогда мангус упал, руша скалы, выворачивая лиственницы, сокрушая горы, заваливая течение воды. Точно молния Хана-Неба ударила в черную скалу, обрушился он, говорят.

Вслед затем выскочил сорокапятиголовый четырехлетний черный мангус на четырехлетнем вороном Лыске: — «А, ты убил моего брата, негодный дурень!» — Бум-Ердени навстречу ему бросился с криком: — «Четырехлетний ты сурок, трехлетний красный бычок, глупый, черный дурачина!» — Разрубил его вместе с его вороным Лыско и убил. А за ним выскочил тут тридцатипятиголовый трехлетний черный мангус на трехлетнем вороном Лыске: — «Дорогих братьев моих ты убил, негодный дурак!» — прокричал он и бросился на Бум-Ердени. А Бум-Ердени, гаркнув: — «Вот я тебя, глупый дурачина, куцый сивый волчишка, налетевший на хвост овечьего стада!» — убил его, разрубив вместе с его трехлетним вороным Лыско на три части.

Тогда двадцатипятиголовый горбатый черный мангус на седловатом вороном Лыске стал тянуть в себя, сосать так, что горы, которые стояли парой, соединились, так, что восемь былых морей заволновались. — «А, ты убил трех моих братьев, негодный дурак!» — вскричал он, но не был в состоянии проглотить, пожрать витязя. Бум-Ердени же подумал: — «Это

кажется, мангус, с которым не просто будет справиться». — А бедовый серый Лыско тем временем, попрежнему твердо ступая, понесся. Бум-Ердени тогда рубанул горбатого черного мангуса разом вместе с конем его, но обух черно-булатного меча едва не отвалился, а мангус остался цел, только синий огонь запылал. Ударил и мангус по Бум-Ердени вместе с его серым Лыско, но не взял черно-булатный меч; пошел от Бум-Ердени красный огонь, и остался он цел. Стали они рубиться так, что треск пошел, точно молния Хана-Неба ударила в черную скалу; так и сяк они рубились, бились пять суток. И прибавилась тогда немного мощь черного мангуса, а мощь Бум-Ердени немного поубавилась. Тотчас понял это бедовый серый Лыско и стал наблюдать, исследовать. И понял он, что заветная душа того мангуса находится в совсем закрытом, недоступном месте. Понял это богатырский конь, притворился испугавшимся и бросился бежать по направлению к родным кочевьям. Бум-Ердени тогда хотел повернуть коня со словами: — «Что это случилось с серой стервой?» — но ничего не мог поделать. Оставил конь того мангуса заблудившимся в густой черной пыли, выскочил в безлюдное место, широкую белую степь, и стал там, совсем исхудавший. Исхудал он так, что добрый витязь мог бы повесить на его бедре свой сагадак.

Слез с коня Бум-Ердени и стал плакать, раздумывая, говоря самому себе: — «Что буду делать я в безлюдном месте? Как мне быть, если столкнусь с лихим врагом; как мне быть с отощавшим боевым конем? Что мне делать — попал я в далекую, чужую страну; как мне быть, если встречусь с крепким, могучим противником?» — Когда он сидел так и тужил, заговорил бедовый серый Лыско голосом жеребенка, заговорил-заржал: — «Бум-Ердени мой, хоть ты и славный витязь, но, оказывается, нет у тебя разума; хоть ты и славный муж, но нет у тебя, оказывается, глаз. Если не найти заветной души этого горбатого черного мангуса, то попадем мы оба с тобой в руки этого мангуса». — «Бедовый серый Лыско мой, — говорит тогда Бум-Ердени, — я не нашел заветной души мангуса. Если ты знаешь, где душа, так укажи мне!» — Рассердился серый Лыско: — «Разве отец твой ездил воевать, спрашивая разума у коня? Разве мать твоя ездила воевать, спрашивая разума у коня?» — Воскликнул так конь и продолжал далее: — «Заветная душа того мангуса находится в головах двух пестрых змей, которые высовываются из ноздрей седловатого вороного Лыски. Если ты опять поедешь с ним биться и опять побежишь точно испугавшись, наверно, он начнет напирать на тебя сзади, наскакивая во всю силу своего коня. Если ты, немного пробежав, оглянешься, то, наверно, окажется, что две змеи высунулись на пол-сажени

из ноздрей коня мангуса. Руби тогда коня по шее. Иначе одолеть мангуса невозможно». — «Бедовый серый мой Лыско, — говорит коню тогда Бум-Ердени, — взаправду ты похудел, или нарочно? Себя ли ты думаешь мучить, или меня, твоего господина?» — Лишь сказал это Бум-Ердени, заржал бедовый серый Лыско раскатисто, заржал со смехом. А как встряхнулся он три раза, да трижды зевнул, потолстел и стал совсем таким, как раньше был. Воскликнул тогда Бум-Ердени:—«Ты мой конь—носитель в далекой, чужой стороне; ты мой друг, мой единственный друг; ты дорогой мой боевой конь!»

Вспрыгнул он опять в седло и поскакал во всю силу серого Лыски. Нашел он черного мангуса, столкнулся с ним и стал рубиться. Увидели они сражаясь лики двух дней; тогда Бум-Ердени стегнул бедоваго серого Лыску и бросился в сторону родных кочевий. Горбатый же черный мангус кинулся его преследовать с быстротой, какую только мог показать его подвершный конь. Проскакал Бум-Ердени пространство пути трех суток и оглянулся назад: видит, что из правой ноздри коня горбатого черного мангуса свесилась на пол-сажени золотисто-желтая, пестрая змея; а из левой ноздри свесилась на пол-сажени серебристо-черная, пестрая змея. Тогда от рожденья ловкий Бум-Ердени поворачивает легкого, бедового серого Лыску и рубит разом, без промаха, шею седловатого лыски. Упал тогда, говорят, мангус, разрушая горы, иссушая воды.

Выехал после этого Бум-Ердени поспешно на серый условный холмик-сопочку и стал смотреть дозором, думая: — «Что случилось с Хаджир-Хара и крепким черным мангусом?» — И увидел Бум-Ердени, что убил Хаджир-Хара черного мангуса, и пошел рубить оставшееся войско мангусов.

А на истоке многих рек, на вершине холма Онгон камлавшая шаманка Керинкей-Зандан тем временем села верхом на свой кривой бубен, закинула свои груди на плечи и принеслась, шаманя по горам, горкам-сопкам. Слез тогда с коня Бум-Ердени, подвернул полы своего черного шелкового кафтана к черным красивым бедрам, встретил ту шаманку и схватился с ней. Начали они бросать друг друга туда-сюда, начали кидать они друг друга этак и так; задрожала золотая земля, нашел страх на все живые существа. Говорит тогда бедовый серый Лыско: — «Бум-Ердени мой, сбрось вниз с плеч обе груди шаманки!» — Сбросил Бум-Ердени обе груди вниз с плечей на перед. Запнулась тогда шаманка за свои груди, не могла шагнуть. А Бум-Ердени схватил свой колкий черно-булатный меч и вонзил его между двух грудей старухи. Тотчас из грудей шаманки вылетел ворон с медным клювом, бронзовым задом, железными крыльями, и поднялся к небу. Сейчас же Бум-Ердени

проявил семьдесят волшебных сил, превратился он в быстрого черного беркута и понесся в погоню за вороном. Восемьдесят восемь раз облетели они вокруг вершины вышнего неба, и стал Бум-Ердени догонять того ворона. Но ворон тогда устремился в область нижних царей драконов и превратился в озерную рыбешку; Бум-Ердени превратился в большую черную рыбу. Когда же он настиг ту рыбешку, заставив ее восемьдесят восемь раз проплыть кругом ту воду, рыбешка выскочила на сушу и превратилась в сивого сурка, который стал копать землю, прорываясь внутрь. Тогда Бум-Ердени превратился следом за ним в длиннотелого желто-пестрого хорька в три сажени, с хвостом в три сажени и погнался за тем сурком. Достигли они до земной площадки; тут поймал хорек сурка и задавил. Вынес Бум-Ердени сурка наружу и притащил к трупу шаманки Керинкей-Зандан. Разжег он огонь величиной с гору и сжег оба трупа. Семя уничтожил, пепел развеял, превратил в ничто—так, что не осталось кости и корове пожевать, не осталось запаха и лисе понюхать.

Вслед за тем уведел Бум-Ердени, что приближается к нему шажком Хаджир-Хара; конь его, Орел-Воронко, стал кроваво-рыжим, а горюче-серный черный панцырь его стал огненно-красным.—«Ну, Хаджир-Хара, — сказал Бум-Ердени,— одолели мы этих равнинных пятерых черных мангусов. Теперь из нас двоих тот, кто окажется сильнее, пусть убьет бессильного, почтит жертвой эту кочевку мангусов и вернется обратно!»— «Да, ведь и я ехал да думал, как к тебе приступлюсь и скажу. Это хорошо вышло, что ты сам сказал. Что же, будем мы биться оружием, сделанным мастерами, или будем мериться силами плечей, лопаток, пожалованных мастером-создателем?»— Отвечает ему Бум-Ердени: — «Если будем биться оружием, то скажут, что обрели победу превосходством вооружения. Схватимся, померяемся силой плечей, лопаток!»—Согласился на это Хаджир-Хара.

Расходятся они на расстояние месяца пути. Обнажает Бум-Ердени свое могучее тело, натягивает, напяливает на толстые, белые ляжки красные, как сырое мясо, шаровары, сделанные из спинок шкур тьмы быков; расправляет так, что не пролезет нигде нос толстого комара. Подтягивает серебряной пряжкой витой из разноцветного шелка-сырца гашник и завязывает его ловко-преловко узлом, который до самой смерти не развяжется, не ослабеет всю жизнь. Свои желтые, милые косички подбирает он над ушами, как крыло ласточки, и завязывает. Обнажается и Хаджир-Хара, надевает, натягивает на толстые, белые ляжки красные шаровары, сделанные из спинок шкур тьмы оленей, расправляя так, чтобы не пролез нигде хобот толстого комара.

Подтягивает серебряной пряжкой, похожей на арагали, гашник из шелка-сырца, точно шея трехгодовалого пороза, ловко завязывает его узлом, который до самой смерти не развяжется, во всю жизнь не ослабнет. Снимает он зеркально-жемчужные серьги величиной с голову двухгодовалого верблюда; семьдесят восемь косичек забирает он вместе с агатово-черной косой величиной с подвьючного верблюда и задергивает, забирает хрустящей черной повязкой, такой большой, что ленивому человеку невозможно развязать, а проезжему человеку можно подивиться.

После этого Бум-Ердени и Хаджир-Хара пошли шагать шагом борцов, кружа как ястребы, прыгать как журавли, величаться как дрохвы; колыхались они как тонкие деревца, качались как разноцветные цветы; шли они, нагибаясь как быки, выставляясь лицом как верблюды. Не доходя на полдня пути, они вытянулись вперед и схватили друг друга за кисти; Столкнулись они тогда с шумом, точно два быка стали бодаться, начали они бросать друг друга туда-сюда, начали швырять друг друга так и так. Задрожала золотая земля, ужас напал на все живые существа. Боролись они пятнадцать суток, не прерывая борьбы ни на мгновение, и никто из них не мог побороть другого. Следом затем не разогревавшееся тело Хаджир-Хара разогрелось, не размякавшее тело размякло, преисполнился он сил земли-поверхности. Поднял он с воплем Бум-Ердени, кинул было его на спину, но тот как брошенная бабка подперся ногами, так как рожден был ловкачом; с криком Хаджир-Хара поднял его опять и хлопнул наперед, но тот поднялся как одинокая крушина, выросшая на южном склоне, так как был рожден совершенным. Поднял тогда Хаджир-Хара Бум-Ердени и говорит ему:—«Бум-Ердени, моя страшная сила, моя львиная мощь оказались выше. Ну, как же, вернешься ли домой живым, с целым седлом, уздой?»—У Бум-Ердени гнев внутри закипел семицветным чугуном. — «А, глупый старикашка, — завопил он, — разве я убегаю, испугавшись тебя. Коль придется убить, так я убью! Если есть в тебе сила, скорее убивай!»—С криком схватил и поднял Бум-Ердени Хаджир-Хара и начал колотить им так, что небо и земля сотряслись. Но тот вывернулся, обернулся, и опять схватились они и боролись еще без перерыва трое суток. Тогда не разогревавшееся тело Бум-Ердени разогрелось, не размякавшее тело размякло; вздулось его мясо как непролазная черная гора, вздулись его соски как две серых сопки; вздулось его мясо по обе стороны хребта, как Кобдоские переметные сумы. С чистого, прекрасного лба покатился холодный черный пот каплями с трехлетнюю овцу величиной; а с хребта заструился пот точно двадцать желтых ручьев, которых не переплыть барашку. Крепко ухватил он тогда Хаджир-Хара и ударил им по

закраинам скалы, ударил по лиственницам. Потом захватывает он сзади пояс шаровар Хаджир-Хара и, напрягшись, поднимает на своем бедре, затопотав, точно тьма верблюдов запрыгала на худжирной пыли. Бросает он его затем на землю, заваливая устья восьмидесяти перевалов, и, ударив его, придавливает, так что уходит Хаджир-Хара на восемьдесять локтей в землю. Придавил Бум-Ердени серым коленом грудь витязя между его двумя сосцами, точно синие горки, и сказал:—«У мужа бывают три обиды-сожаления, у коня три остановки-задержки. Говори о своих обидах, о чем жалеешь!»—Когда он так сидел, придавив коленом жестоко, у Хаджир-Хара изо рта и носа потекла жидкая желтоватая кровь, забила ключом. Не вытерпел он пытки и сказал:—«Три у меня обиды-сожаления; я скажу!»—«Ну, говори!»—«Главная моя обида, о чем сожалею я, это то, что жизнь свою я потерял, не увижу, значит, красавицы Хара-Нюдюн (Черный глаз), дочери черного царя драконов, с которой сошелся в раннем детстве, с которой вырос вместе. Дорогого Орла-Воронко моего ты возьми и езди на нем и заботься о нем совершенно так же, как о своем бедовом сером Лыске. Была у меня борзая собака, черная с белым пятном, Хан-харгаш, воплощение черной мысли; был у меня грозный, желтый беркут, воплощение белой мысли. Не убивай ты их обоих, возьми себе в товарищи! Теперь нет у меня больше обид-сожалений».

Когда говорил он это, конь Бум-Ердени, бедовый серый Лыско оборвал свой мараловый черный повод и прискакал туда. Ложится он поперек шеи Хаджир-Хара и говорит так:—«Бум-Ердени, если вздумаешь ты убить Хаджир-Хара, я убегу назад к своим богатым товарищам, перестану быть тебе, богатырь, подвершным конем! Когда отправился ты на черное состязание, Хаджир-Хара поехал следом за тобой; ради тебя его руки покраснели, его торока обагрилась кровью. Что же, ты в воздаяние за это убьешь его? Ничего ты не понимаешь, Бум-Ердени; глупый ты дурачина!» — Отвечает коню Бум-Ердени: — «Я съем черное, как курительная свеча, мясо Хаджир-Хара, выпью его темно-красную кровь! — было это, ведь сказано мной. Попробую я его крови и оставлю, отведаю его крови и отпущу!» — С этими словами он, трижды лизнув, попробовал крови Хаджир-Хара. Затем Бум-Ердени вытер ладонью землю с уст Хаджир-Хара, сор с глаз его слизнул языком и поднял его со словами: — «Будем братьями на всю жизнь!»—Дали они друг другу взаимные клятвы, обменялись подарками — быстрыми как молнии, белыми стрелами, поели, захватывая ртами один кусок, вкусной пищи; обменялись они затем изображениями Махакала, которые находились у них на челах; обменялись изображениями Ваджрадара,

которые были у них на макушках; стали они братьями на все свои перерождения; обменялись они изображениями Дзонкавы, которые находились у них на темени, стали они братьями на сотни перерождений. Пролезли они вместе под тетиву крепкого черного лука, полизали вместе острие черно-стального меча. Дали они взаимную клятву: — «Пока бежит в нас кровь, да не будет нам недостатка в масляном пире!»—и стали братьями на всю жизнь.

После этого взошли они на условный серый холмик-горку и поставили там тринадцать курений, очистили себя и своих коней; ниспустили они нектарный чудесный дождь, омыли себя и своих коней. Закончив эти дела, сели вместе оба брата.

Хаджир-Хара говорит Бум-Ердени:—«Дорогой мой Бум-Ердени, отправляйся ты теперь к Тэб-Джиргал-хану, сообщи ему радостную весть, а я отправлюсь забирать огромные кочевки этих черных мангусов». — И поехали Хаджир-Хара в кочевья черных мангусов, а Бум-Ердени во владенья хана Тэб-Джиргал.

Вот приехал Бум-Ердени к Тэб-Джиргал-хану, садится, рассказывает, как побили они врагов-неприятелей, как стали они с Хаджир-Хара братьями, сообщает обо всем случившемся. Заговорил тогда Тэб-Джиргал-хан: — «Об отправившемся на охоту — «стрелок» говорят, об отправившемся в поход—«удача» говорят. Пожалуй, мне от удачной добычи, сынок мой!» — Сказал тогда Бум-Ердени, что подносит хану в подарок целую область народа, целую область скота. И принял хан со словами: — «Милость деточек моих!» — Подносят Бум-Ердени кушанья-угощенья, чая-напитка, водки-вина, дважды, трижды перегнанной водки, начинают пировать.

А Хаджир-Хара вступил в кочевья черных мангусов, перебил там всех мангусов, перебил всех людей; ядовитую пищу разлил, а годную пищу забрал. Собрал он затем подвьючных верблюдов и меринов, собрал всех подданных, простой народ и навьючил все клади, все имущество, золото, серебро, разное добро. Вывел он караван на золотисто-желтую дорогу, и пошли они кочевать-перекочевывать, шли пятнадцать суток, не разбирая дня и ночи. А как стали они приближаться, Бум-Ердени выехал им навстречу и вместе со своим старшим братом, Хаджир-Хара, выделил людей и скот, которые должны были быть поднесены хану Тэб-Джиргал. Разделили они оставшихся, которых решили сами забрать с собой домой, на две части, велели там остановиться и оставили караулы-дозоры.

Представился затем Хаджир-Хара хану, рассказал-поведал обо всем, что с ним случилось, угостился питьями и яствами.

Вслед за тем Хаджир-Хара поднес Тэб-Джиргал-хану подарки, стал сватать красавицу Тюмен-Солонго за Бум-Ердени. Выбрали день и месяц свадьбы, и было названо четвертое число среднего летнего месяца; правильный, счастливый был тот день, говорили; под мягкой, счастливой звездой, говорили. Поджидая же наступления того срока, стали они все пировать.

Призывает затем Тэб-Джиргал-хан восемьдесят отборных богатырей с восьмью стами бешеных воинов и дает им такой приказ: — «Идите вы к красно-желтым верблюдам, что наполнили худжирные гоби, и приведите тысячу пятьсот желтых, лысых верблюдов, все чтобы были одного цвета, одного вида, все однолетки; приведите вы еще тысячу пятьсот белых, лысых верблюдов, все чтобы были также одного цвета, одного вида, все однолетки». — Взяли воины в руки серебряные кляпы, засунули за опояски разноцветные шелковые повода; взяли в руки маслянистые ясеневые кляпы, задвинули втулки из чистого золота, засунули за опояски повода из шелковых шнуров. Пришли они к красно-желтым верблюдам, что наполняли сплошь худжирные гоби, вставили кляпы серебряные тысяче пятистам белым верблюдам и зануздали их цветистыми шелковыми шнурами. Затем вставили они маслянистые ясеневые кляпы тысяче пятистам желтым, лысым верблюдам однолеткам, которые все были одного цвета и одного вида, заткнули втулки из литого золота и надели повода из шелковых шнуров. Приводят они верблюдов и увязывают-ставят на раскрошившемся льде, на щебне-камне, чтобы подсохла кровь в верблюжьих лапах. Поставили они верблюдов и сели пировать.

В правильный же день, при мягкой звезде, в указанный час, в счастливый день поклонились Бум-Ердени и Тюк-Тюмен-Солонго в новой ставке желтому солнцу, взяли в руки берцовую кость с бабкой и стали мужем и женой. Посадили их вместе и начали свадебный пир, свадебный пир Бум-Ердени и Тюмен-Солонго. Многочисленные красивые прислужники взяли золотые и серебряные чаши и наполнили полно их до краев водкой и кумысом; затем запели они сладкогласные песни, ловко связали с пировой музыкой и поднесли чаши пирующим. Во время пира Бум-Ердени поставил перед Тэб-Джиргал-ханом почетное кушанье — целого барана, поднес ему корчагу водки, поднес намджи-бандановый хадак и попросил отпустить его домой. — «Ах, сын мой, хочешь домой ехать? Что же ты возьмешь у своего отца? Бери что хочешь!»—сказал Тэб-Джиргал-хан. — «Хан, отец мой, — отвечает Бум-Ердени,— скот-стада, подданные-народ, золото-серебро, всякое добро, все у меня есть. Если хочешь мне что-нибудь пожаловать, так

пожалуй мне золотой Ганджур и Данджур».—Волей-неволей пришлось тогда Тэб-Джиргал-хану согласиться.

После того оказалось достаточным ставить-увязывать верблюдов; стали они чавкать своими широкими ртами, трясти свою свалявшуюся шерсть; мясо на сильном хребте у них затвердело, шерсть на гриве поредела; стали они друг о друга почесываться, вертеть хвостами. Уложили тогда во вьюки золотой Ганджур и Данджур, пожалованные Тэб-Джиргал-ханом; разобрали и уложили юрту-ставку Тюмен-Солонго из черного соболя, с занавесками из важного шелка. Собрали затем вьюки, надели на тысячу пятьсот белых верблюдов подвьючники из шелковых тканей, завязали концы сошков хадаками и навьючили золотой Ганджур и Данджур. Наложили затем на тысячу пятьсот желтых лысых верблюдов подвьючники из шелковых тканей, завязали концы сошков хадаками и навьючили соболевую юрту-ставку. Каждого верблюда покрыли золотисто-серебряным ковром народа Ак (Белый) и поставили под каждый вьюк по одному богатырю, чтобы поддерживал. Выходит караван на золотисто-желтую дорогу.

Тогда седлают, ловко все налаживая, надевая драгоценностями разукрашенную сбрую, солового лыску. Нарьхан-Зандан (Тонкий сандал), иноходца Тюк-Тюмен-Солонго, у которого в берцовых костях не было промежутка, которому суждено было служить красавице; привешивают кисть из шнуров в шестьдесят фунтов, чтобы качалась она на свежем ветре, чтобы мела она головки ковыля. Седлают затем, также ловко убирая, восемь славных коней для восьми прислужниц, которым судьбой было предопределено ходить за Тюмен-Солонго.

Тогда взошла к хану-батюшке Тюк-Тюмен-Солонго и пожелала ему мира и благоденствия. Хан же батюшка и ханша-матушка пожаловали Тюк-Тюмен-Солонго хрустальную белую драгоценность величиной с конскую голову, льдистого желтого сахара кусок величиной с конскую голову, да золотой ковровый хадак с золотым парчевым платком.— «Где бы ты ни была, везде пусть мысль твоя будет спокойна и душа покойна; живи, наслаждайся по желанию!» — сказали они и понюхали ее в обе щеки, поласкали, погладили. Красивые прислужники пошли за Тюмен-Солонго и усадили ее на коня; отправилась красавица с восьмью своими прекрасными прислужницами, заболтали они между собой: гюнгр-гюнгр; подняли они плач: джир-джир. Плакала Тюмен-Солонго с подругами-прислужницами и так причитала: — «Наша судьба рожденных с короткими поводами, что за тяжелая судьба! Бросаем мы отца, матушку, уходя в далекую, чужую сторону!» — Пристали они к хвосту каравана и поехали дальше красивой овечьей поступью.

А Бум-Ердени и Хаджир-Хара тем временем вошли к хану-батюшке пожелать ему благоденствия. Хан-батюшка и ханша-матушка пожаловали каждому по хрустальной драгоценности, по куску льдистого желтого сахара величиной с конскую голову, по золотому ковровому хадаку с золотым парчевым платком. — «Единственную дочь мою, — сказал Тэб-Джиргал-хан Бум-Ердени, — не обзывай дурным словом, не бей палкой; не обзывай скверным словом, не бей поганой палкой. Лета мои стали древними. То, что будет, приблизилось, то, что было, отдалилось. Теперь, когда ты взял мою единственную дочь, так, если не в месяц, то уж в год трижды заезжай ко мне; если задремлю, ты уж ведай дела, если умру, ты уж ведай кости! Перерезай след в широком месте, держи дозор на высоком месте!»—Говорит ему в ответ Бум-Ердени: — «Хан-батюшка мой, твоя прекрасная держава ханская окрепла, вот как яшмовая скала. Все твои многочисленные подданные начали наслаждаться высшим счастьем! Буду я к вам наезжать в год три раза».—Пожелали они благополучия, пожелали благоденствия и вышли, качаясь как тонкое деревцо, калыхаясь, как разноцветный цветок.

Вскакивают оба богатыря на своих коней, начинают собирать народ-подданных, пристают к хвосту каравана. Тем временем большая часть народа-подданных Тэб-Джиргал-хана последовала за Тюк-Тюмен-Солонго и скочевала. Узнала об этом ханша Тюбшин-Герель, докладывает Тэб-Джиргал-хану: — «Тэб-Джиргал-хан! Что же, когда мы оба состарились, должны мы умереть так, что около нас никого уж не будет? Половина наших подданных ушла вслед за Тюк-Тюмен-Солонго! Разве нет средства вернуть их?» — Вынес тогда Тэб-Джиргал-хан счастливую черную корчагу, трижды потрепал желтоватой палаткой и опять поставил на место; тогда большая часть тех подданных вернулась обратно, остановилась на своих стоянках, осела на своих стойбищах; малая же часть ушла.

Когда же Бум-Ердени и Хаджир-Хара заставили кочевать-перекочевать народ свой, подданных, свои караваны, все свои юрты, то пошли они, шумя как прилетающие птицы, гремя, звеня как улетающие птицы. Вьючные верблюды ревут протяжно, народ семьями звонко поет песни; слышится шум людских голосов, звучат копыта боевых коней. Заставляют богатыри народ бежать, не обращая внимания на сумрачный день, не обращая виимания на горячее, острое солнце; заставляют бежать, не давая отдохнуть в светлый день, не давая посидеть

в тени при знойном солнце. Вьючные верблюды выпучили свои темно-черные глаза, пораздували свои изящные, красивые носы, вращают они своими подвижными черными глазами, поблескивают своими черными подошвами разных видов; по черным, гладким ляжкам шлепают там и сям своими хвостами, что железная ящерица. Болит у них мясо на хребтах, путается шерсть на гриве; чвакают они широкими ртами, трясут свалявшейся шерстью, хватают-кусают урывками макушки высокого ковыля, выросшего по бокам широкой желтой дороги.

Вынул тогда Хаджир-Хара белую трубку, быстрым желтым стальным огнивом заставил затлеть бересту и закурил листовой синий табак; протянул он тонкую синюю радугу и подал трубку Бум-Ердени со словами: — «Дорогой мой Бум-Ердени! С тех пор как я, твой старший брат, уехал из дома, прошло столько времени, что мальчишка-простофиля мог бы свой дом забыть, глупый жеребенок мог бы позабыть своих сотоварищей. Я теперь поеду домой, объеду родные кочевья и вернусь к тебе. Ты же поезжай и начинай пир».—Воскликнул тогда Бум-Ердени: — «Если мы можем разлучиться под носом каравана, так лучше расстанемся так, что тот, кто сильнее из нас, пусть убьет бессильного!» — «Что это ты так, дитя мое?» — «Думал я,—говорит ему Бум-Ердени, — о том, перекочуешь ли ты ко мне, или я перекочую к тебе? Теперь, когда это стало невозможным, что ж, расстанемся, после того как один из нас убьет другого!»—Говорит ему на это Хаджир-Хара: — «По милости горы Хан-Замбал родился я, превосходя людей шеей, превосходя мужей плечами; по милости реки Хабшай-Хара конь мой, Орел-Воронко, родился выше всех коней крупом, длиннее мордой. Любил я себя и своего коня!» — «Что же ты будешь любить, — спросил тогда Бум-Ердени, — если прикончат твою черную жизнь; что же ты будешь любить, если завладеют твоим Орлом-Воронко?» — «Правда, — подумал про себя Хаджир-Хара, — кого я буду любить, если завладеют моим Орлом-Воронко?» — Подумав так, обратился он к Бум-Ердени: — «Бум-Ердени мой! Я поеду домой и вернусь к тебе, приказав своим перекочевать к тебе. Твои слова правильны! Ты же поезжай и начинай пир, а я, забрав своих подданных, вернусь к тебе, устроим мы тогда двойной пир и будем вместе наслаждаться!»— Бум-Ердени расхохотался тогда с грохотом, голосом тигра, рассмеялся звонко, голосом дикого коня. — «Ладно, братец мой старший, — сказал он, — скорее возвращайся со своими подданными!» — Ударил тогда Хаджир-Хара своего Орла-Воронко, и направился в сторону своей великой родины, своих родных кочевий. Понесся он пониже гремящего неба, повыше бугристой земли; пониже облачного неба, повыше коленчатого ковыля.

Скача таким путем, вступил он на границу своих родных земель и увидел, что проросли стоянки скота, что высох помет; увидел он, что родиной его, горою Хан-Замбал, завладели птицы и газели. Далее вскочил он на вершину горы Хан-Замбал и узнал, что все его подданные, весь его народ, все живые существа тянутся по дороге на запад, образовав девяносто девять черных потоков. — «Это какая же черная собака, — подивился он, — это кто же, пожравший мясо своего отца, к господину не питающий дружбы, к подруге не имеющий любви,—кто завладел моей страной?»—Постоял он, подивился, осмотрел потом гору Хан-Замбал и увидел, что на северной стороне оставлено и торчит острое черное острие. — «Какой же это такой искусный, могучий богатырь разрушил мою отчизну, завладел моим скотом и моими людьми?» — подумал Хаджир-Хара и, подъехавши, слез с коня на месте, где стояла величественная белая ставка. Когда он покопал там, где лежал раб-камень тагана, достал он положенную там сваренную баранью ногу; когда он покопал там, где лежал хан-камень тагана, то достал оставленный там черный бурдюк, полный крепкого черного вина; когда же он покопал там, где лежал ханша-камень тагана, то достал оставленное там желтое письмо в обложке. Взял Хаджир-Хара желтое письмо, вскрыл и стал читать: — «Хаджир-Хара, как не стало тебя, как скрылась твоя маковка, явились два силача, Хада (Скала) и Харгай (Лиственница), сыновья Хари-Мэнкэ-Дайна (Чужой-вечный-враг), рожденный владыкой северо-восточной страны. Прождали они семь суток, думая убить тебя. Это оказались ужасные богатыри, с которыми вообще никто не может ничего поделать; они гору Хан-Замбал качают на ладони, забирают в рот реку Хабшай-Хара. Думай о нашей любви и не губи свою милую жизнь из-за меня, красавицы Хара-Нюдюн, дочери царя черных драконов! Найди себе там расщелину в скале или древесное дупло и живи себе!» — Прочел это Хаджир-Хара и сказал: — «А, пустяки пишет Хара-Нюдюн». — Выпил он крепкого вина, съел баранину и поскакал, выехав на ту черную дорогу, перевалил он через восемьдесять восемь перевалов, и наехал на убитую и брошенную там черную борзую собаку, Хан-Харгаш. Слез с коня Хаджир-Хара, обнял крепкую, красивую шею собаки и стал осматривать ее. Оказалось, в сердце ее застряли обломки шестидесяти пик; вытащил он их и кинул. В спинном же хребте оказались острия семидесяти стрел; вытащил он их и кинул. Раскрыл он поспешно пестрый тигровый кошель и вынул белоснежное лекарство. Как помазал он им все раны, раны тотчас закрылись, и яд весь вышел наружу. Прекрасная черная борзая ожила, вскочила на ноги и узнала Хаджир-Хара. Как только

признала она богатыря, тотчас упала на грудь и потеряла дыхание, лежит в обмороке. Встряхнул ее витязь три раза, трижды подул на нее; после этого вернулся ум-разум к борзой собаке, и стала она такой, как была прежде. Говорит она своему господину:—«Хаджир-Хара мой! Как не стало тебя, как скрылась твоя маковка, явились два богатыря, Хада и Харгай, сыновья Хари-Мэнкэ-Дайна; один на вороном коне, как холм, с семью грудями, другой на вороном коне, как волна, с семью крылами. Ужасные это оказались богатыри, с которыми вообще никакое живое существо не может равняться. Повернули они гору Хан-Замбал, да поставили на место; забрали в рот реку Хабшай-Хара, да вылили обратно. Поджидали они тебя семь суток, чтобы убить. Ты здесь найди себе расщелину скалы или дупло дерева и поселись, а я буду кормить тебя, охотясь на аргали, пока не затупятся мои восемь белых клыков».— «Коль должны меня убить, ну так что же,—пусть убивают! Есть у меня Бум-Ердени, которого нельзя убить!» — сказал Хаджир-Хара. Вспрыгнул он затем на своего Орла-Воронко, повел за собой борзую свою собаку, Хан-Харгаш, вышел на дорогу и пошел рысью. Перевалил он через восемьдесят перевалов, перешагнул через восемь перевалов; вдруг спереди потянул легкий ветерок, пошел гремучий, теплый дождичек. — «Прежде так бывало, когда являлся мой грозный горный желтый беркут. Теперь это почему такой ветер, такой дождик?» — подумал Хаджир-Хара, и тотчас прилетел горный грозный желтый беркут, высохший до того, что стал величиной с коршуна, исхудавший так, что стал величиной с ворону. Сел он на грудь своего хана-господина, Хаджир-Хара, и упал в обморок. Тогда Хаджир-Хара вытащил из сердца грозного желтого беркута бывшие там обломки шестидесяти пик, а из хребта вытащил острия семидесяти стрел. Вынул он тонкое белое лекарство, излечивающее до наступления полудня, и помазал все раны. Закрылись тогда все раны, а яд вышел наружу, и прекрасный горный желтый беркут выздоровел, поднявшись таким, каким был прежде. Обратился он к Хаджир-Хара с такими словами: — «Хаджир-Хара мой! Как не стало тебя, как зашла твоя маковка, явились два богатыря, Хада и Харгай, сыновья Хари-Мэнкэ-Дайна с северной стороны. Прождали они вас семь суток, думая убить. Оказались они ужасными богатырями, с которыми вообще нельзя сравняться. Покачали они гору Хан-Замбал, да поставили на место; забрали в рот реку Хабшай-Хара, да выпустили обратно. Ты здесь поищи себе расселину в скале или дупло в дереве и поселись, а я буду кормить тебя, охотясь на аргали, пока не затупятся мои лапы». — «Коль смогут меня убить, что же,—пусть

убивают! Есть у меня Бум-Ердени, которого нельзя убить! Если можно меня зарыть, что же,—пускай зарывают! Есть у меня Бум-Ердени, которого нельзя зарыть!» — сказал Хаджир-Хара и поехал за своими подданными, сопровождаемый собакой и беркутом. Зарысил он, возвышаясь, Орел-Воронко побежал-побежал, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Проскакал он так и остановился, совсем отощав; отощал он так, что на грудной дужке ворон мог бы свить себе гнездо. Слез тогда с коня Хаджир-Хара, снял с него седло, узду со словами: —«Исхудал, мой Орел, вороной лыско, притомился», — и отпустил его, говоря:— «Пей чистоту вод, ешь тучность трав, скорей толстей, поправляйся!»—Орел-Воронко скрылся с глаз Хаджир-Хара и, обрывая головки травы, зашел в невидимое место; борзая собака ушла охотиться в леса, на северные склоны Алтая, а грозный желтый беркут улетел охотиться в леса, на южный хребет Алтая.

Прибегает борзая, на одном клыке у нее сто пятьдесят оленей, на другом клыке сто пятьдесят маралух. Прилетает и грозный желтый беркут, в одной лапе захватил он полтораста оленей, в другой лапе захватил он полтораста маралух. Сделал Хаджир-Хара шесть вертелов из лиственниц. Разложил огонь с гору величиной, насадил триста оленей на три лиственничных вертела, насадил триста маралух на другие три лиственничных вертела и поставил жариться. Подложил он себе под голову седло, подстелил потник, вытянулся как ремень, раскраснелся как таволожник, и заснул.

А конь, Орел-Воронко, убежал назад на родину, взобрался на вершину горы Хан-Замбал и заржал-заговорил бедовому серому Лыске, коню Бум-Ердени, который был тогда в стране на шестьдесят лет пути:—«Бедовый серый Лыско! Ты, ведь, был слухом, так слушай! Скажи своему Бум-Ердени: великой отчизной твоего старшего брата завладели Хада и Харгай, сыновья Хари-Мэнкэ-Дайна. Погнался за ними, по их следам, твой старший брат и остался в безлюдной местности, так как конь его исхудал, притомился; остался он один в уединенной великой гоби. Разве не поедешь ты посмотреть останки своего старшего брата? Так скажи ты Бум-Ердени». — Говоря это, ржал он так, что размякла его темно-красная грудь. А бедовый серый Лыско, находившийся на расстоянии шестидесяти лет пути, ничего не упуская, слово за словом все услыхал. Услыхал он и проржал Бум-Ердени, который, привезя домой Тюк-Тюмен-Солонго, жил в довольстве,—проржал, чтобы тот вышел наружу. Понял Бум-Ердени и выбежал; говорит ему тогда бедовый серый Лыско: — «Великой отчизной твоего старшего брата, Хаджир-Хара, его подданными-народом завладели два силача — Хада и

Харгай, сыновья Хари - Мэнкэ - Дайна. Погнался по их следам Хаджир-Хара и умер от истощения в безлюдной местности, в уединенной гоби умер, оставшись один, всеми покинутый. Разве не поедешь посмотреть останки своего брата? — Вот что проржал мне Орел-Воронка с расстояния шестидесяти лет пути, сказал, что тобой это все должно быть услышано».—Воскликнул тогда Бум-Ердени: — «На радость радость, на охоту охота!»— и вбежал обратно.

Когда рассказал он обо всем случившемся хану-дядюшке, старому табунщику, ответил ему старец Ак-сахал:—« На радость радость, на охоту охота! Убей ты Хада и Харгая, детей Хари - Мэнкэ - Дайна, да возвращайся, забрав подданных, скот, все великие кочевья хана—старшего брата! Ведь про тебя было в сказаниях предсказано, что предстоит-де тебе завладеть семью-десятью странами».—Нацепляет, надевает Бум-Ердени свои боевые доспехи, говорит ему красавица Тюк-Тюмен-Солонго: — «Бум-Ердени, вы куда отправляетесь?» — «А, еду я покружить по Алтаю, по Хангаю, поохотиться на аргали»,—с этими словами вышел он, покачиваясь как тонкая ива, поблескивая как листок - цветок; отвязал он бедового серого Лыску, вскочил на коня и отправился.

А бедовый серый Лыско прямо направился туда, откуда проржал ему Орел - Воронко. Понесся он пониже гремящего неба, повыше бугристой земли. Проскакал он весь тот день, проскакал пол ночи, и вот, с утренним желтым солнышком следующего дня выбежал им навстречу Орел-Воронко. Говорит ему Бум - Ердени: — «Ах, ты, черная стерва, которой уши бы обрезать, кости поломать! Где ты убил, да бросил моего брата? Сам бежишь,—спереди толстея и сзади толстея!»—Стегнул мангудской черной плетью Бум - Ердени вороного лыску. — «Не убивал я твоего брата,—воскликнул тот,—он жив! Так как он, столкнувшись один с силачами Хада и Харгай, не мог бы их победить, то вот я и прибегнул к хитрости: сам исхудал, а тебе дал весть».—«Ладно, раз мой братец-хан жив, все не беда!»—с этими словами стебанул Бум - Ердени бедового Лыску и пошел рысью, а Орел-Воронко пошел свободный рядом с ними. Рысили они так, что потряслось Синее Вечное Небо, рысили так, что волнами пошла великая золотая земля, и прибыла к тому месту, где заснул Хаджир - Хара. Вздрогнул он и проснулся; стал прислушиваться, стал присматриваться; слышит: точно сотни тысяч воинов приближаются с шумом-топотом; видит: закрутилась - поднялась густая черная пыль. — «Что мне делать в безлюдной местности? — подумал Хаджир-Хара,—как мне быть, раз исхудал - пристал мой боевой конь? Что мне делать с великим врагом - неприятелем, что теперь

выставляет ногу-копыто?»—Изумился он, удивился; заснул его разум, расстроились его мысли. Вдруг, когда он прислушался, показалось ему, что слышит он топот своего коня, Орла-Воронко; послышалось ему громыханье коня Бум - Ердени, бедового серого Лыска. — «Как может явиться сюда мой Бум-Ердени? — подумал он,—как я могу услыхать топот моего Орла-Воронко? Это мысли мои запутались, да такое показывают!»—Поднялся он и посмотрел. И увидел он маковку бледно-синего серебряного шлема, точно вершина снежного Хангая, Бум - Ердени; приближалась она со стороны его собственных кочевий, мешаясь с небесными синими тучками.—«Ведь это он!»—воскликнул Хаджир-Хара и стал смотреть попристальнее, чтобы удостовериться, и увидел, что приближается его Бум - Ердени, правым плечом закрыл он солнце, левым плечом закрыл он луну. Закричал он от радости, заплакал, завопил от блаженства, зарыдал. Подскакивает тут Бум - Ердени, ведя за собой Орла - Воронко; Хаджир-Хара берет его повод, помогает сойти с коня. — «Милое дитя мое!—воскликнул он,—ты падение быстрого беркута, ты отрада для всех людей! Ты черно-пестрый барс, бродящий с рыканием по вершине черной горы! Ты сердце всего народа, дорогое дитя мое! Ты одинокий сивый коршун, с клекотом носящийся над вершиной синей горы! Ты сердце всего, всего народа, милое дитя мое, Бум-Ердени! Приехал ты!» — С этими словами понюхал он его в обе щеки, поласкал, погладил.

После того увидел Бум - Ердени, как сбоку играют и прыгают горный грозный желтый беркут и борзая собака, и сказал:—«Хан, братец мой! Эти твои собака и беркут, что за изумительные звери!»—И принялся играть, забавляться с ними Бум-Ердени. Тогда говорит Бум - Ердени Хаджир - Хара: — «Дорогое дитя, Бум - Ердени мой! Бери с собой на охоту этих собаку и беркута, бери их с собой в поход, будут они тебе товарищами». — И с этими словами подарил он Бум-Ердени собаку и беркута.

Вслед за тем обращается Бум - Ердени к Хаджир - Хара и говорит ему:—«Хан-братец, давай теперь есть этих оленей и маралух!»—Съел Бум-Ердени мясо, что было на трех вертелах, съел Хаджир-Хара мясо, что было на трех вертелах; толстые кости они ртом выбрасывали, тонкие кости носом выбрасывали, все мясо съели они. После этого взял Бум-Ердини седло, узду своего старшего брата и оседлал, наладил Орла-Воронко. «Братец мой, теперь отправимся!—воскликнул он,—истребим семя, развеем пепел Хада и Харгая, сыновей Хари - Мэнкэ - Дайна». — Нацепляют они свои боевые доспехи, вскакивают на своих лихих коней и вместе с собакой и беркутом вступают на дорогу, по которой были угнаны подданные Хаджир-Хара. Трусят-рысят они, возвышаясь,

скачут-мчатся они, выдвигаясь вверх. А горный грозный желтый беркут облетает их с шумом, садится на большие камни; борзая же собака обегает их и, повернувшись назад, поджидает своего господина. Проскакали они весь тот день, проскакали половину следующей ночи, и в желтом полумраке зари следующего дня выехали они на вершину черной горы с сандаловым лесом, на границе кочевий Хада и Харгая. Когда остановились они посмотреть дозором подсолнечные страны, то увидели они, что подданных и скот Хаджир-Хара разместили, согнавши, на верховья реки Хашилган - Хара, на северо - западной стороне. Увидели они еще, что поближе к ним, снаружи величественной белой ставки обоих силачей, крутятся с седлами, встряхивают уздами два коня, привязанных к железному столбу в шестьдесят саженей, холмистый Воронко с семьюдесятью грудями и волнистый вороной Лыско с семьюдесятью крылами. «Зло-то вот где находится!» — вскричали богатыри и бросились к дому силачей, точно покатились вниз по крутому логу камни. Слезли они у железного столба в шестьдесят саженей, рядом с воронымы конями и привязали там своих коней. Сделали они шаг, другой, оглянулись,—видят, что бедовый серый Лыско, холмистый Воронко и волнистый Воронко, эти три коня совершенно одинаковы, а Орел-Воронко выше тех коней на полсажени и длиннее их на полсажени. Бросил затем Бум - Ердени на величественную белую юрту силача Хада свои доспехи, сорок жердей тогда покривилось,а четыре жерди сломались. Бросил и Хаджир - Хара свои доспехи, покривилось тогда тридцать жердей, три жерди сломались. А когда вбегали богатыри в юрту, то хлопнули дверной завесой, белой как молитвенный флаг, с четырьмя тысячами строчек, выведенных узорами - аргали, с четырьмя тысячами застежек, так, что не коснулась она блеска их плеч. Оборвал Бум - Ердени все застежки, вышиб четыре задвижки и вошел в юрту; а Хаджир - Хара вошел, швырнув, играя, белые качающиеся дверцы на расстояние восьми месяцев пути. Силач Хада сидел в то время, да поглаживал свои милые черные усы и бороду, клал ровно между лопаток свою матово-черную косу величиной с подвьючного верблюда; сидел он на почетном месте правой стороны юрты, на сером троне-престоле. А на почетном месте с левой стороны сидел на прямом троне-престоле желтовато-красный богатырь в рубашке белее снега, со щеками краснее угля-жара. Говорит им Бум - Ердени: — «Ах, вы, пожравшие мясо своего отца, глупое дурачье! Это что же, отец вас научил захватывать жену, когда мужа не было, захватывать кочевья, когда не случилось хозяина? Мать так наказала? Теперь приехали мы, двое богатырей, мы—хозяева! Теперь пойдем поиграем на северном склоне этой заросшей

белой горы, на широкой желтой долине, поиграем, пока не поднялось раннее солнце, пока молоды годами!»—Сказавши это, вышел он вон, Хаджир - Хара следом за ним выбежал; а за ним выбежали и Хада с Харгаем.

Прицепляют Бум - Ердени и Хаджир - Хара свое оружие, прыгают на своих богатырских коней и отправляются. Надевают свои доспехи и Хада с Харгаем, вспрыгивают на своих боевых коней и отправляются за теми вслед. Когда прискакали они на широкую желтую долину на заросшей белой горе, Хаджир-Хара сказал двум богатырям: — «Посмотрим крепость обоих, посмотрим ухватки двух ладных молодцов!»—Согласился богатырь Харгай и одел шаровары для борьбы; Хаджир - Хара помог Бум - Ердени надеть шаровары для борьбы. Вышли оба борца, покрасовались, попрыгали, поиграли и схватились. Стали бросать они друг друга туда и сюда, стали бросать они друг друга так и этак, проборолись они трое суток без остановки. Подумал про себя тогда Бум - Ердени: — «Что это я позволяю этому дуралею играть с собой трое суток?»—Рассердился он так, что гнев у него закипел внутри семицветным чугуном. Поднял он с криком противника, поднял над теменем и шваркнул его так, что задрожала земля, так, что заволновалась вся вселенная—мировой коловорот. Наступил он коленом на грудь Харгая и оторвал ему голову. Поднялся он затем, дал пинок голове и крикнул силачу Хада: — «Это, ведь, голова твоего силача Харгая, который обнимал красавицу Хара - Нюдюн, дочь хана черных драконов, с которой Хаджир - Хара подружился в раннем детстве, вместе вырос».—Закусил силач Хада свой задний зуб так, что он раздробился, сел так, что разошлось его богатырское тело, и надел-натянул красные, как сырое мясо, шаровары, сшитые из хребтов шкур тьмы быков, расправив так, что толстый комар не мог бы просунуть своего носа. Подтянул он серебряной, с узором-аргали, пряжкой шелковый гашник, точно шея трехлетнего бычка, и завязал как раз посредине узлом, который до самой смерти не развяжется, во всю жизнь не распустится. Говорит тогда Хаджир-Хара: — «Стой, Бум-Ердени мой! Посмотри на схватку двух крепких молодцов!»—«Зря ты говоришь, братец, — отвечает ему Бум-Ердени, — с одной стороны два витязя, с другой стороны два конюха. Плохая будет слава, если станут говорить, что у обоих богатырей покраснели руки, окровавились торока. Коль убивать, так я убью; коль прокалывать, так я проколю!»—Сказал это Бум - Ердени и пошел к силачу Хада, дав пинок голове Харгая. А силач Хада вышел ему навстречу шагом борцов, величаясь и прыгая. Встретились они и схватились. Схватились они точно пала молния Хана-Неба, стали они кидать друг друга туда и сюда, стали бросать друг

друга так и этак; стали бороться так, что потряслась золотая земля, так, что все живые существа пришли в расстройство. Когда проборолись они без остановки семь суток, не согревавшееся тело силача Хада согрелось, не размягчавшееся тело размякло, преисполнился он силы земли-вселенной. Поднял он Бум - Ердени и ударил его, кинул его на спину, но тот остался на ногах, так как рожден был ловкачем. Поднял его силач Хада с воплем и бросил наперед, но тот остался на ногах стоять как одинокая крушина, выросшая на южном склоне. Хада ударил тогда Бум - Ердени, бросая на закраины скал, так как сила - мощь Хада, его тело-жилы были могучими. Поиграл он, Бум - Ердени, в течение семи суток, швыряя и ударяя его обо все-то твердое на земле-поверхности. Тогда не согревавшееся тело Бум - Ердени согрелось, не размягчавшееся тело размякло; преисполнился он силы земли-вселенной. Был он захвачен своей силой, должен был подчиниться своему телу, жилам; должен был подчиниться своей буйной мощи, был захвачен своей львиной силой. Поднял он тогда с криком силача Хада, поднял его над своим теменем и ударил его, швырнув о скалы, лиственницы, обо все крепкое в мире. После этого кинул он силача Хада на землю так, что тот провалился на восемьдесят локтей, наступил ему на грудь и оторвал ему голову. Тотчас тогда оба вороных коня силачей Хада и Харгай бросились бежать, оседланные и взнузданные, в сторону северо - восточных чертей-мангусов. Но бедовый серый Лыско и Орел-Воронко кинулись за ними, настигли их и убили, перегрызши их крепкие шеи. Говорит тогда Бум - Ердени: — «Хан, старший братец мой! Привяжи ты голову силача Хада к хвосту Орла-Воронко, как бунчук, и поезжай к юрте Хада; а я привяжу, как бунчук, к хвосту своего коня голову силача Харгая и отправлюсь к его дому!»—Тогда они привязали головы силачей к хвостам своих коней, как бунчуки; очистил затем Бум - Ердени свою одежду, свои украшения и уборы; сели они на своих богатырских коней и поскакали к юртам тех двух силачей.

Вышла к ним, когда они подъехали, красавица Кэй - Зандан-Го (Красота - изукрашенный сандал) двадцати пяти лет, дочь Керсен - хана, с которой силач Хада сдружился в черном младенчестве, с которой вырос вместе; увидела она, что голова силача Хада привязана к хвосту коня Орла-Воронко и упала в обморок.

А как подъехал Бум - Ердени к юрте, где была красавица Хара - Нюдюн, которую любил его старший брат, та вышла навстречу, увидела она голову силача Харгая, поддержала оленный черный чумбур Бум - Ердени, помогла ему слезть с коня и спросила:—«Малое мое дитя, рожденное мудрым, славным

витязем, рожденное совершенным перерождением бодисатвы! Ты черным глазам моим вернул зрение, плоской груди моей вернул разум! Дорогое дитя мое, как твое имя? Где твоя родина, где твой отец, как твое славное имя?»—Сказав это, она понюхала его в обе щеки, погладила, поласкала. Когда же Бум - Ердени назвал свою отчизну, свои воды, назвал имена отца, матери, свое собственное и своего боевого коня, красавица Хара - Нюдюн поставила Бум - Ердени священный золотой престол с восьмью ножками и поднесла ему яблок, ягод, кумыса, водки, айрана, вина и разных разностей.

Тем временем Хаджир - Хара, как ни старался, никак не мог помочь красавице Кэй - Зандан - Го, дочери Керсен - хана. А грозный желтый беркут и черная борзая собака собрали весь скот и всех подданных силача Хада. Выбрал Хаджир - Хара из верблюдов белого верблюда величиной с гору, с горбами величиной с человека, положил красавицу Кэ - Зандан - Го в корзину, завязал и привесил к переднему горбу того верблюда. Вскочил затем Хаджир - Хара на Орла - Воронко и поскакал к юрте, где была красавица его, Хара - Нюдюн. Красавица же Хара-Нюдюн выбежала ему навстречу так быстро, что откинулись рукава ее красного шелкового одеяния, взяла оленный черный чумбур Хаджир - Хара и помогла ему сойти с коня. Обняла она прекрасную крепкую шею Хаджир - Хара и упала в обморок. Хаджир - Хара подул на грудь Хара - Нюдюн и привел ее в чувство. Вошли они внутрь юрты, рассказал Хаджир-Хара все свои радости и невзгоды, угостился он затем питьями, яствами, водкой, вином, кумысом, айраном, всем, что ему нравилось. После того все подданные его, простой народ, духовные и миряне, все явились представиться своему хану-владыке, богатырю Хаджир - Хара, и закончилось их представление через семь суток.

После этого подданные Хада и Харгая собрали и приготовили все необходимое для пира, устроили пиршество и пировали пять суток. А затем, когда подвершные кони и подвьючные верблюды были готовы, приказали богатыри всем подданным Хада и Харгая кочевать, взяв с собой ставку - стойбище обоих силачей. Вывели они караван на золотисто-желтую дорогу и направили его в сторону великой родины Бум-Ердени.

В то время с северо - восточной стороны показалась взвившаяся черная густая пыль, послышался топот-шум сотен тысяч воинов. Говорит тогда Бум-Ердени: — «Ну, мои собака и беркут, гоните этих подданных, своих и чужих, не давая им останавливаться, не позволяя им задерживаться, гоните прямо ко мне на родину! А мы с ханом-братцем поедем посмотреть, кто это может быть, этот приближающийся враг - неприятель».—И ска-

зав: «Едем!», повернули оба богатыря своих коней и поехали навстречу той черной пыли. Когда они приблизились, то оказалось, что скачут на двух белых конях величиной с гору два желтых мальчика в белых одеждах, с кривыми зубами, с растрепанными косичками. Кричит им Бум-Ердени: — «Ей, желтые ребята! Желтые ребята, у которых спереди соплями, да слезами проедено, у которых сзади солнцем, да ветром опалено! Как ваше глупое имя? Где ваша родина? К кому нужда, к кому дело?»—Отвечают ему те два мальчика:—«Мы—Кензе (Маленький) и Келе (Крошечный), дети Орондо - уга - хана, рожденного владыкой северо-востока; наши белые кони—Келеб и Джилиб. Услыхали мы, что Бум - Ердени и Хаджир - Хара возвращаются домой, завладев народом-подданными, скотом, скарбом-имуществом силачей Хада и Харгая, и выехали отбить их добычу,сломить их гордость. Ну, а вас, двух дурачин, спрашивающих-забирающих имя-воду, как называют?» —« Пожравшие мясо своего отца, глупые желтые дураки!—вскричал тогда Бум-Ердени, — не мне, витязю, говорить вам о своем имени, о своей родине; не вам, двум дуракам, спрашивать!»—Выхватывают оба богатыря свои колючие черно-булатные мечи, кладут их на правые плечи и с криком бросаются на тех молодцов. А те два желтых мальчика воскликнули тогда:—«Подымайся наше бухарское войско, камнем подымайтесь наши четыре бирюзовых! Вставай, собирайся, наше тохарское войско, камнем подымайтесь наши четыре бирюзовых!»—Воскликнули и исчезли.

Тотчас тогда поднялись сотни тысяч бухарских воинов, поднялись камнем четыре бирюзовых; поднялись, собрались тьмы тохарских воинов, камнем поднялись четыре бирюзовых. Поднялся, все покрыл слепой черный туман в семьдесят рядов, подвинулись сотни тысяч воинов - врагов. Бум - Ердени и Хаджир-Хара ворвались, рубя так и так, с одной стороны, и вышли, раскрыв себе путь, с другой стороны. Рубят они воинов, наваливая как увязанных верблюдов; рубят, наваливая кучи как срубленные деревья; рубят, рассеивая как обмолачиваемый хлеб в снопах. День и ночь, трое суток бились они и одолели того врага-неприятеля, перебили все воинство.

Только они с этим покончили, как показываются опять те два желтые мальчика, как прежде, и кричат:— «Что же не встает наше бухарское войско, не встают камнем поперек наши четыре бирюзовых? Что же не встает наше тохарское войско, не собирается здесь и там, не встают камнем поперек наши четыре бирюзовых?»—Прокричали они и скрылись и поднялись неприятельские воины в семь раз больше числом, чем раньше. Говорит Бум-Ердени своему брату, Хаджир - Хара: — «Вы бейтесь, воюйте с этими воинами! Похоже на то, что это бестелесные черти,

которых невозможно уничтожить».—Ударил он по бедрам бедового серого Лыску и поскакал. Проскакал он день и ночь, достиг края тумана и стал смотреть дозором. И увидел Бум - Ердени, что над туманом летает и наблюдает черный, как ворон, беркут, когда сложит крылья делается он величиной с наперсток, когда распустит крылья делается он величиной с войлок, что покрывает крышу юрты. — «Зло-то, ведь, здесь!» — воскликнул Бум-Ердени. Положил он на крепкий желто - пестрый лук, преисполненный девяноста девяти сил, молненосную, живую, быстро-бешеную, белую стрелу, натянул свой лук так, концы лука его изогнулись до того, что голова с подбородком там могли уместиться, и пустил он стрелу. Прострелил он омерзительного беркута насквозь, пробив ему голову, грудь и спину. Упал на землю беркут, и ото всех его перьев, крыльев, пушинок, по их числу, поднялись воины-супротивники; от костей его поднялись костяные богатыри, от соков его встали жилистые богатыри, а от крови его произошли кони с поводами. Бум - Ердени и Хаджир - Хара напали на них и пошли рубить; до наступления полудня разбили их в пепел, до окончания суток разбили их в прах, наполнили сплошь ту равнину человеческими останками, сухими тазовыми костями.

После этого Хаджир - Хара и Бум - Ердени вырвали каждый по десяти лиственниц вместе с корнями, положили их в кучи, накидали сухие кости, развели огонь величиной с гору и сожгли-спалили их так, что ничего не осталось.—«Вот, ведь,—сказал Бум - Ердени брату своему Хаджир - Хара, — встретились с бесплотными чертями, у которых взять нечего, у которых нельзя найти добычи!»—Поскакали затем богатыри на своих боевых конях, вскочили на вершину можжевелистого сокровенного Хангая, поставили там тринадцать воскурений и очистили самих себя и своих коней; ниспустили они нектарный чудесный дождь и омыли самих себя и своих коней. После этого поскакали богатыри по направлению великих кочевий Бум-Ердени.

А в то время грозный желтый беркут и черная борзая собака, гоня народ-подданных и скот-стада, вывели их на границы родины Бум - Ердени, и как раз в то время нагнали их оба богатыря. Лучший из табунщиков, Ак - сахал, старик - дядюшка, сел на быстрого буланого с белым пятном жеребца, ходившего с бесплодными кобылицами, и выехал им навстречу. Увидел Бум-Ердени, как он приближается, и сказал своему брату старшему:—«Дадим в жены лучшему из табунщиков, старику-дядюшке, Ак - сахалу, трехсот семидесяти лет, эту двадцатипятилетнюю Кэ - Зандан - Го, красавицу, дочь Керсен - хана. И будут они нам отцом и матерью. Мои, ведь, батюшка и матушка в раннем

моем детстве преставились, отошли в небеса».—Дал на это свое согласие Хаджир - Хара и, в то время как богатыри беседовали так между собой, подъехал старик Ак - сахал. Слезли со своих коней Бум - Ердени и Хаджир - Хара, спросили о здоровьи хана-дядюшки, спросили о благоденствии, доложили ему обо всем случившемся. Соизволил сказать молодцам старик-дядюшка, Ак-сахал: — «Ну, отправившимся на охоту «вертел» говорят, отправившимся в поход «добыча-удача» говорят. Пожалуйте мне, детки мои, от вашей удачи!» — Бум-Ердени и Хаджир - Хара сказали тогда, что подносят от удачи - добычи своему дядюшке две области людей, да две области скота; а во главе всего — двадцатипятилетнюю Кэ-Зандан - Го, красавицу. Разостлал свой подол старик - дядюшка и преклонил голову со словами:—«Милость моих детушек! Удостоился!»—Затем говорит Ак-сахал: — «Вы, дети мои, поезжайте вперед, а я поеду с этими беркутом и собакой направить кочеванье людей, скота!» — Тогда Бум - Ердении Хаджир - Хара проскакали одно мгновение и очутились у черно-соболевой ставки с занавесками из важного шелка. Сели они на седалище-престол из дворцового сандала и стали забавляться-угощаться питьями, яствами, вкусными плодами, водкой, кумысом по своему желанию.

Когда прикочевали подданные-народ Хада и Харгая, Хаджир-Хара поставил, направив прямо на юг, величественную белую ставку силача Хада, поставил ее как раз посредине высокого красивого пригорка, перерезая посредине широкую прекрасную лужайку. Внутрь он внес все хорошее, очистил все скверное-вредоносное; поместил внутри золотые сосуды-изделия, украсил по-разному, убрал по-важному. И поселили в той ставке красавицу Кэ - Зандан - Го, дочь Керсен - хана и старика Ак-сахала. А старик Ак - сахал, хотя и достиг трехсот семидесяти семи лет, как взял в жены двадцатипятилетнюю красавицу Кэ - Зандан - Го, приобрел силы тоже двадцатипятилетнего.

Хаджир-Хара приказал разбить свою ставку, величественную, белую, на северо-запад от хана-дядюшки. А подданные, простой народ, осели на становищах, стали на стоянках, распределили, раздели скот по своим местожительствам.

Устроил тогда Бум - Ердени радостный великий пир, начал услаждение по случаю того, что прикочевал к нему хан-старший брат, да потому, что завладели они великими кочевьями Хада и Харгая. Когда посреди того пира разогрелись уста, опьянели все от водки-вина, дает Бум-Ердени старик-дядюшка, Ак-сахал, отцовский приказ: — «Нельзя наслаждаться, когда над нами враждующий враг-неприятель; нельзя наслаждаться,

когда рядом подымается зловредное препятствие! Тут вот на северо-западе живут, говорят, пустынные десять черных мангусов; изобильны они, говорят, скотом и скарбом, а видом отвратительны. Отправляйся-ка ты перебить их и завладеть их скотом, народом-подданными! Про тебя, ведь, в сказаниях старинных было предсказано, что предстоит тебе завладеть семью-десятью восьмью странами. Надо заполнять то число!» — Бум-Ердени и Хаджир - Хара оба воскликнули: — «На радость радость, на охоту охота!»—Собирают оба богатыря свои доспехи и отправляются на своих боевых конях в сопровождении беркута и собаки, направившись в сторону пустынных десяти черных мангусов. Проскакали они день и ночь и перелетели через два бывших там вредоносных желтых моря, Хорон (трижды перегнанная водка) и Хорзо (дважды перегнанная водка); если приблизиться к тем морям на расстояние суток пути, то можно было отравиться, а коль приблизиться на полсуток пути, можно было умереть. Вскочили они на вершину можжевелистой белой горы на краю кочевий пустынных десяти мангусов и стали смотреть дозором границы вселенной. Увидели Бум-Ердени и Хаджир-Хара, что около юрт десяти черных мангусов прыгают, потряхивая и стуча седлами, уздами, треногами и обротями, десять пестро-гнедых коней. Закричал тогда Бум-Ердени: — «Что же вы будете умирать, валяясь дома? Пришел враг-неприятель прикончить ваши жизни, пустынные десять мангусов!» —Услыхали десять мангусов, ничего не упустили, нацепили все десять свое вооружение, вскочили на своих десять пестро-гнедых коней и поскакали туда, откуда раздался крик Бум-Ердени. Когда выехали они, говорит Бум - Ердени Хаджир - Хара: — «Это десять мангусов! Возьмем-ка каждый по пяти! Кто из нас скорее первым перебьет пятерку? Попытаем-ка нашу лихость-силу!»—Разъехались они на две стороны и разбили тех мангусов на две части, по пяти. С криком наскочил на них Бум - Ердени. Перепугались, перетрусили те мангусы, сердца их точно разорвались. Перерубил их всех тогда Бум - Ердени одного за другим, каждого на три части. А Хаджир - Хара тем временем убил четырех мангусов, а одного не мог прикончить. Подскакал к ним Бум - Ердени и разом разрубил того мангуса на пять частей. —«А, братец,—воскликнул он,—оказывается по быстроте-лихости я выше тебя!» — «Дорогой мой Бум-Ердени, — отвечает Хаджир-Хара, — и всегда-то ты был проворен-лих, а теперь еще проворства прибыло!» —Навалили они кучей тела тех десяти мангусов и сожгли так, что не осталось запаха лисе понюхать, не осталось косточки корове пожевать; прервали они семя, развеяли пепел. А тем временем собака и беркут Бум - Ердени собрали подданных, скот, золото, серебро, разные драгоценности,

скарб пустынных десяти черных мангусов и заставили народ кочевать. Говорит тогда Хаджир-Хара Бум-Ердени: — «Море Хорон пусть будет твое, а море Хорзо пусть будет мое! Узнаем теперь наши силы-способности!»—Согласился Бум-Ердени, и Хаджир - Хара уехал наперед к морю Хорзо. Когда же Бум - Ердени вместе с собакой и беркутом явился, гоня народ и скот десяти мангусов, Хаджир - Хара прочел черные заклинания, заклял море Хорзо; замерзло оно, превратившись в ледкамень. И перегнали они скот и народ через море Хорзо. Затем Бум - Ердени со словами: — «Море Хорон, ведь, мое, не так ли?»—достиг берега того моря и заклял его, читая горячие заклятья; высохло оно и образовало сухое место. По тому месту богатыри прогнали подданных и скот, после чего сказал Бум - Ердени: — «Братец мой! Когда очистили вы вредоносное, то сделали его не сорным; хорошо это! А, ведь, говорится: если оставить сор, то останется и вред. Скверно! Твои способности оказались лучше».

Когда прибыли они домой, пригнав подданных и скот, встретил их опять батюшка Ак - сахал и попросил у своих деток от славной их добычи. Поднесли ему долю скота, да долю людей. Вслед за тем говорит старец-батюшка: — «Возвращайтесь вы оба домой, а я с собакой и беркутом поеду сгонять скот и людей». — Поехали тогда Бум - Ердени и Хаджир-Хара вперед, приехали домой и стали наслаждаться, вкушая вкус водки и прелесть вина. А лучший из табунщиков, старец - батюшка Ак - сахал пригнал караван, скот - стада, ввел в свои кочевья и рассадил людей при помощи собаки и беркута по стоянкам, разместил по стойбищам.

Стали они все пировать, начав великий пир, начав радостную забаву по случаю захвата скота и подданных пустынных десяти черных мангусов. Пировали они по пировым законам восемьдесят суток, радовались-забавлялись по обычаям забавы шестьдесят суток. Дал тогда лучший из табунщиков, старец-батюшка, отцовский приказ Бум - Ердени: — «Нельзя наслаждаться, когда над нами враждующий враг-неприятель; нельзя наслаждаться, когда подле нас противодействующее злое препятствие! Бум - Ердени мой! Ты один отправляйся! На дальнем западе, на отлогах синей горы Кий - Кийвер (Воздушная стрела), на равнине реки Кийтен - Хара (Холодная - черная) живет славный богатырь, по имени Кийгийн - Кийтен - Кэкэ - Тэмюр - Зеве (Воздушное-холодное-синее-железное-острие), а сивого, серого коня его зовут Кий - Кийвер (Воздушная стрела). Если поедете вы оба, то наверно станете помогать друг-другу и убьете того богатыря. А если Бум - Ердени поедет один и ловко поведет дело, то вернется, став тому богатырю братом

на всю жизнь». — Обрадовался тогда Бум-Ердени, сидит довольный; а Хаджир-Хара сидит горюет, жалуется. Говорит опять старец-батюшка: — «Бум - Ердени мой! Не бери с собой собаку и беркута, хотя ты едешь на врага; не надо брать с собой провожатых».—Послушался Бум-Ердени, оставил дома собаку и беркута, собрал свои доспехи, вскочил на своего мудрого серого Лыску и поскакал, направляясь на дальний запад. Проскакал он весь тот день, проскакал пол ночи и с желтым полумраком зари следующего дня прискакал на восточную границу великих кочевий Кийтен-Кэкэ-Зеве. Услыхал Кийтен-Кэкэ-Зеве шум от его прибытия, собрал все свои доспехи, вскочил на своего драгоценного сиво-серого коня Кий-Кийвер и поскакал, направляясь на восток. Увидел он, что с восточной стороны закрутилась черная пыль к небу, услышал он топот-шум сотен тысяч воинов, увидел он, что приближается красный богатырь, правым плечом он закрыл лучи солнца, а левым плечом закрыл лучи луны, бледно-голубой серебряный шлем его уперся в небо, сидит он на сером коне величиной с гору. А глазам Бум-Ердени представилось, как с дальней западной стороны закрутилась густая черная пыль, услышал он топот-шум сотен тысяч воинов, увидел он, что приближается красный богатырь верхом на сером коне величиной с гору; левым плечом он закрыл лучи солнца, а правым плечом закрыл лучи луны, макушка его шлема уперлась в небо. — «Это, должно быть, славный витязь с хорошей силой-хватом! Встрéчусь-ка я с ним, да порублюсь!» — подумал Бум-Ердени. И оба богатыря, каждый в свою очередь, так подумали друг про друга. Ударили они своих коней по бедрам и наскочили друг на друга с криком, в который вместились голоса тысячи пятисот драконов. Обвалились тогда скалы, горы, повыворачивались лиственницы, затрепетали все живые существа. Столкнулись два богатыря и, не здороваясь, начали рубиться. Рубились они со стуком, точно молния Хана-Неба ударила в черную скалу; рубились они с треском, точно молния ударила в беловатую скалу, и не могли взять один другого. Лезвия их колючих черно-булатных мечей пообломились, дошли до обухов. Говорят тогда друг другу богатыри: — «Не берут нас обоих мечи, попробуем пиками колоться!»—Вложили они свои мечи в ножны и взяли под мышки свои прямо-бьющие пики, разъехались на расстояние месяца пути и опять с криком бросились друг на друга. Кололи они друг друга, выискивая белые хрящи грудной перепонки, пестрые сердечные жилы, зрачки черных глаз, красные подмышки, всякое нежное место, но пики их притупились, дошли до самого древка. Тогда говорят богатыри друг другу: — «Пики не берут нас обоих, теперь будем стрелять из лука друг

в друга!»—Разъехались они на расстояние месяца пути. Накладывает Бум-Ердени на крепкий желто-пестрый лук, преисполненный девяноста девяти сил, молниеносную живую бешеную белую стрелу, натягивает лук, и концы лука спереди до того сгибаются, что там голова с подбородком уместится, а концы лука с внутренней стороны до того сгибаются, что сталкиваются вырезанные там головы аргали; так, что вырезанные на площадочках бараны и козлы сталкиваются головами, вырезанные на концах лука вороны и гуси сталкиваются крыльями, а вырезанные тигр и дракон забирают в пасть головы друг друга. С развилинки стрелы повалил тогда дым, а с железки закипел чугун, с древка же протянулась радуга. Прошептал тогда Бум-Ердени: — «Пусть попадет она в белый хрящ груди Кийтен-Кэкэ-Зеве, пусть попадет она в жилу его пестрого сердца, в главную кость, в жилистое сердце!»—и спустил стрелу. Когда полетела быстрая бешеная, белая стрела, протянув пламя с тьму овец величиной, растегнул Кийтен-Кэкэ-Зеве семьдесят восемь пуговиц своей кольчуги и выставил свою белую грудь, точно белый откос беловатой скалы. Белая стрела Бум-Ердени с шумом ударилась о нее и, хряснув, точно молния пала с Хана-Неба, упала наземь, развалилась на части, образовав дровяной груз десяти, двадцати волов.—«Теперь мой черед!»—воскликнул Кийтен-Кэкэ-Зеве и положил на стрелистый синий лук холодную синюю стрелу, натянул его, как Бум-Ердени перед тем натягивал, и спустил стрелу. Тогда Бум-Ердени растегнул пуговицы своей сернисто-черной кольчуги и выставил свою темно-красную грудь. Стрела Кийтен-Кэкэ-Зеве ударилась с шумом, точно столкнулась с бронзово-черной скалой, и упала наземь, разломавшись, образовав дровяной груз для двадцати волов. Вслед затем Бум-Ердени и Кийтен-Кэкэ-Зеве, застегнув свои пуговицы, сели на своих богатырских коней и, съехавшись, поздоровались, спросили друг у друга о благоденствии, спросили друг у друга о братьях, спросили друг у друга об имени, о возрасте. Узнали Бум-Ердени и Кийтен-Кэкэ-Зеве имена друг друга, узнали они, что годами они ровесники; когда же спросили они о дне и часе, когда появились они на свет, то узнали друг о друге, что родились они оба в один и тот же день, в один и тот же час. — «Родились мы оба в один день, в один час, в один месяц, в один и тот же год; если не берет нас оружие, сделанное нашими мастерами, то и сила, дарованная нам мастером-создателем, тоже будет одинакова. Говорят, ведь: дети одного отца—одинакового роста, жеребята от одного жеребца—с одинаковым голосом. Это ведь так! Станем-ка мы братьями!» — сказали друг другу богатыри. Обменялись они изображениями Ваджрапани, что

были у них на макушках, и стали братьями на много перерождений; обменялись они изображениями Дзонкавы, что были у них на темени, и стали братьями на сотни перерождений. Пролезли они под тетиву крепкого черного лука, полизали острие черного, как курительная свеча, стального меча, дали клятву: — «Да не будем мы вместе иметь недостатка ни в кровавой войне, ни в маслянистом пире!» — и стали братьями на всю жизнь. Когда же Бум-Ердени спросил у Кийтен-Кэкэ-Зеве о том, кто из них будет считаться старшим, а кто младшим братом, Кийтен-Кэкэ-Зеве сказал: — «Так как говорят, что вы сын Бурхан-хана, то вы и считайтесь старшим, а я буду считаться младшим братом, так как родился от воздушной стихии». — «Ладно, — сказал Бум-Ердени,—пусть будет так. Теперь едем ко мне, братец!»—Кийтен-Кэкэ-Зеве сказал на это: — «Братец! Вы соизвольте заехать ко мне; познакомитесь вы с моим домишком, примете поклонение моей жены, покушаете почетных кушаньев и напитков. Славно будет, если вы соизволите отправиться».—Дал свое согласие тогда Бум-Ердени.

Вскочили оба богатыря на своих боевых коней и отправились. Звучно они беседуют, звонко песни поют, резко посвистывают, едут красивой проступью и подъезжают к величественной белой ставке Кийтен-Кэкэ-Зеве. Тогда жена Кийтен-Кэкэ-Зеве, красавица Набчи-Го (Лист-красота) дочь хана Наран-Далай (Солнце-моря) услыхала, что приехал старший братец; тотчас же приготовила она седалища, престолы, очистила юрту-ставку, накинула разноцветную парчевую накидку и надела высокую шапку с золотом. Поклонилась она гению-хранителю старшего брата и ввела в ставку Бум-Ердени. А Бум-Ердени пожаловал своей невестке золотой ковровый хадак-платок из золотой парчи, хрустальную драгоценность величиной с голову коня и кусок льдистого сахара величиной с голову коня.—«Возьми две области народа, два отдела скота!»—прибавил Бум-Ердени. Красавица Набчи-Го опять поклонилась. Вслед затем, не забывая правил-порядка, угостились они кушаньями, ягодами, напитками, вином, водкою, разными разностями, и оба брата оказались на прохладном красном рыжке (опьянели). Вынул тогда Бум-Ердени из-за пазухи намджи-бандановый хадак в восемьдесят восемь саженей, налил в фарфоровую чашу кумыса и поднес Кийтен-Кэкэ-Зеве со словами:— «Кийтен-Кэкэ-Зеве мой! Я, старший брат твой, буду просить у тебя одну вещь. Дашь ты мне? Нет?»—Принял Кийтен-Кэке-Зеве хадак и кумыс и сказал: — «Нет у меня ничего, чего бы я пожалел для своего старшего брата. Если ты скажешь, чтобы я высосал да дал тебе своей холодной крови из главной своей жилы, то не смогу я для тебя этого сделать. Если скажешь

мне вырвать и дать тебе глаза, не смогу для тебя этого сделать. Все другое будет тебе предоставлено!»—С этими словами выпил он кумыс и принял хадак. Говорит ему тогда Бум-Ердени:—«Дитя мое, мой братец! Зачем я потребую, чтобы ты высасывал для меня свою холодную кровь? Зачем я буду говорить, чтобы ты вырывал для меня свои глаза? Вот что я прошу у тебя: отправимся ко мне на родину и будем вместе наслаждаться!»—Отвечает ему Кийтен-Кэкэ-Зеве: — «По милости синей горы Кийвер родился я крепче всех людей шеей, крепче всех витязей плечами. По милости реки Кийтен мой конь родился выше всех коней ростом, больше всех коней длиной. Тем не менее ничего нельзя поделать, раз сказал я старшему брату, что исполню его просьбу. Сказано ведь: нельзя схватить данного слова, нельзя схватить потерянного аркана. Решил я отправиться к тебе на родину».—Сказал он это и затрубил в грозную черную трубу, подал знак своим подданным семи мест; затрубил он в желтую трубу и подал весть всем монашествующим. Собрал он своих подданных и дал приказ:—«Я решил отправиться на родину Бум-Ердени, чтобы наслаждаться там. Вы, все мои, соберитесь все, не оставляя ни сироту-мальчишку, ни сучки; приведите все, не бросая ни бородатого козленка, ни жеребенка с челкой; подберите все, не кидая ни обломка резца, ни обломка огнива! Третьего числа последнего летнего месяца мы отсюда укочевываем! Хорошенько ставьте подвершных коней и подвьючных верблюдов! Будем итти и днем и ночью!»—Такой дал он приказ; собравшиеся же все доложили, что слушаются с почтением, а старшины и начальники распространили повсюду приказ-повеление и собрали всех.

Воздвиг Кийтен-Кэкэ-Зеве на вершине синей горы Кийвер жертвенное желтоватое обо и почтил жертвой, наваливши семьдесят арб-телег шелка. На истоке же реки Кийтен совершил он жертвоприношение, свезя туда пять арб-телег драгоценностей. Наложили на тысячу пятьсот лысых верблюдов подвьючники из шелковой материи, завязали концы сошков хадаками, разобрали, уложили и навьючили золотой Ганджур и Данджур, храмы и ступы. Разобрали затем и величественную белую ставку, уложили и навьючили на тысячу пятьсот лысых верблюдов, покрыли каждого верблюда золотым да серебряным ковром народа Ак. Ловко навьючили разный скарб на тысячу пятьсот быстрых одногорбых верблюдов. Третьего числа последнего летнего месяца, в назначенный день, соединились все, скот-стада, люди-живые существа, весь караван—и тронулись в путь. Образовали они черную поток-реку с тысячью истоками, с тьмою рукавов-разветвлений и потянулись по дороге. Шумит караван, как прилетающие птицы, гремит, как улетающие птицы.

Подвьючные верблюды ревут протяжно, подданные-простой народ кричат резко; раздаются голоса мужей, золотую вселенную совсем закрывает пыль-туман от скота, от людей. А красавица Набчи-Го, дочь хана Наран-Далай, расстояние в девяносто девять лет пути сократила так, что прошли его в пять дней, пять ночей, в пять суток. Шли они без дневок, не обращая внимания на день, без ночевок, не обращая внимания на ночь; шли они, не ища укрова в сумрачный день, не ища тени при знойном солнце. Пройдя так пять суток, пришли они в кочевья Бум-Ердени.

Хаджир-Хара и хан-старик батюшка вышли им навстречу, ведя за собою беркута и собаку Бум-Ердени. Слезли тогда с коней Бум-Ердени и Кийтен-Кэкэ-Зеве и спросили о благоденствии хана-батюшки. А красавица Набчи-Го, дочь хана Наран-Далай, накинула золотисто-серебряное покрывало, надела высокую шапку с золотом и поклонилась гению-хранителю хану-батюшке. Понравились Кийтен-Кэкэ-Зеве собака и беркут Бум-Ердени. — «Что за прекрасные собака и беркут, с которыми витязь может ходить на охоту, которых можно брать в поход, как товарищей!»—сказал он. И тотчас Бум-Ердени подарил ему собаку и беркута, говоря:—«Ходи с ними на охоту, бери их в поход, как товарищей!»—После этого старик-батюшка Ак-сахал и хан-старший брат Хаджир-Хара сказали: — «Вы оба отправляйтесь домой! А мы поедем направить народ-подданных».—Согласились Бум-Ердени и Кийтен-Кэкэ-Зеве, поехали вперед и поскакали к черно-соболевой ставке. Слезли они с коней, затянули поводья крепко, как скала, увязали крепко, как ящик, и привязали коней в тени развесистого сандалового дерева. Когда же вышли они к Бум-Ердени, Кийтен-Кэкэ-Зеве спросил о мире, благоденствии свою старшую невестку. Сели они затем есть вкусные ягоды, кушанья, пить вкусную водку, вино, наслаждаться.

Тем временем пришел караван. Сняли тогда золотой Ганджур, Данджур, воздвигли храмы-ступы, поместили туда Ганджур, Данджур. Воздвигли затем величественную белую ставку, а бесчисленных подданных разместили, найдя свободные места, разместили и скот четырех сортов, разыскав свободные места.

После этого оказались они так богаты, что жеребцы, верблюды-самцы и быки не могли признать своих состадников; стал их народ так многочислен, что отцы и матери не могли признать своих внуков и правнуков.

Бум-Ердени, Хаджир-Хара и Кийтен-Кэкэ-Зеве собрали все, что необходимо для радостного пира, приготовили всего во множестве и собрали-созвали всех, все живые существа — в большую ставку. И стали они пировать, радостно беседуя, как

кукушки, начали они забавы и увеселения все, все они, живые существа, там бывшие. Сняли богатыри со своих подвершных коней седла и узды, погладили их по спинам, поправили их челки и отпустили. А кони повалялись на густой, свежей траве, схватили раз-другой трав-злаков и поскакали к своим товарищам в табунах пестрых и вороных с гнедыми коней, выросших, наполняя Алтай и Хангай. Стали они питаться свежестью трав, стали пить чистоту вод. Бум-Ердени, Хаджир-Хара, Кийтен-Кэкэ-Зеве стали наслаждаться счастьем, как им думалось; не было над ними воюющего врага-неприятеля, не было рядом мешающего вредоносного препятствия; не было зим, а все-то лето, не было смертей, а все-то стало вечным, не было весен, а все-то осени, не было старой травы, все-то свежая мурава; мысли их были покойны, а сосуды полны.

Пусть вместе с радостью водворятся счастье и святость! Пусть вечно наслаждаются!

ДАЙНИ-КЮРЮЛЬ

В промежутке между концом давних, прежде минувших, истинно прекрасных десяти тысяч веков и началом теперь приходящих, спокойных и прекрасных тысяч веков, в одно хорошее время, непоколебимое, истинно спокойное, когда жили сотни тысяч многих лет мира и благополучия, время, преисполненное десятью тысячами изобильных и полных даров благоденствия и спокойной великой радости, время богатых, широкославных богатырей-воителей; в то время, когда заново утвердились стопы-лучи солнца, когда сызнова начали жить по десяти тысяч лет и когда снова было произведено собрание восьмидесяти четырех тысяч учений, — тогда, в то прекрасное время, утвердились, говорят, держава правления и вера.

Была отчизна, говорят, Кок-Гюйдюль-Хангай (Хангай-синий-бег), величайшая из гор; было восемь нектарных морей Цаган (Белых), величайших из вод. Возвышается бело-сандаловый Хангай, громоздится двойной Хангай, темнеют островами тринадцать лесов-чащ. Подымаются семьдесят двойных гор отчизны Алтая, выросших вместе, подпирая друг друга, без перевалов и проходов. Воздымаются пятьдесят сокровенных гор отчизны Хангая, выросших вместе без перевалов и проездов. Возвышаются семьдесят сплошных белых утесов, темнеют пятьдесят черных кустарниковых зарослей. Дают радость восемнадцать веселых рощ-лесов, белеют пятьдесят возвышенностей со снежными хребтами, сияют восемьдесят скал-высот с ледяными обухами. Ровно возвышаются семьдесят двойных осыпавшихся красных песков, которых прославленный конь не может проскакать из конца в конец; расстилаются тридцать три великих, пространных гоби, которых здесь рожденный витязь не может обойти кругом. Расстилаются обвеваемые ветром прекрасные черные увалы, которых не пройдешь—иди хоть целые месяцы; восемь желтых степей затягиваются мглою, восемь радостных желтых степей, которых не пройдешь—иди хоть целые годы. Такая прекрасная, блаженная была страна.

Плавно колышатся десять великих, целительных вод-морей; белеют кругами тьмы чистых вод, прудов-озер. Текут, ме-

няясь, сто больших рек, которым дали названия; текут, кипя и клокоча, сотни тысяч пробившихся сквозь землю ключей.

Колышатся, распустившись, цветы всех цветов; текут, меняясь, целебные источники, целительные от всех болезней. Ревут обладающие страшной силой дикие звери, поют звонкоголосые птицы, жаворонки шестидесяти родов радостно щебещут, а антилопы семидесяти мастей пасутся, следуя чередой друг за другом. Цветы с тьмами целительных соков колышатся, прислоняясь друг к другу; поспевают вместе ягоды тысячи разных вкусов.

Вот какова была, говорят, если вкратце рассказать, отчизна—широкий, богатый Хангай и Алтай, преисполненные всех благ.

На теневой стороне Кок-Гюйдюль-Хангая, на берегу восьми целительных морей Цаган, вырос и размножился, покрыв желтые долины, табун бронзово-соловых коней. Повыростали кони, помахивая гривой; паслись они, покрывши поверхность золотой земли; кормились, подрезывая траву своими острыми зубами. Жеребцы и кобылы ходят вместе, касаясь друг друга боками; жеребята, однолетки и двухлетки, бродят со ржаньем среди своих товарищей. Звучит ржанье коней, звонкое, веселое, их голоса, точно голоса лебедей; перекликаются они, переговариваются голосами диких коней. Этот табун бронзово-соловых лошадей вырос, говорят, завладев той стороной.

Далее по теневым склонам белого Хангая, где восемьдесят две белых скалы, выросли, завладев той стороной, красные и желтые верблюды, которым счет потеряли, товарищи-состадники девяноста девяти черных, как грифы, лысых верблюдов-самцов. Величиной они с сокровенный Хангай, кляпы в носу у них из маслянистого дерева, со втулками из чистого золота, с поводами из шелковых шнуров.

На той же стороне вырос, совсем заполнив равнинные широкие степи, неспокойно бегающий красный рогатый скот, счет которому теряли пять раз, товарищами-состадниками которых были безрогие сивые быки. Черные и сивые быки ревут по ущельям так, что стон стоит, и, встретившись, бодаются. Кущие волы с намордниками и без намордников с ревом бодаются, а четырехлетние бычки и коровы-четырехлетки мычат по долинам, трехлетние же бычки и коровы-трехлетки пасутся, прыгая и кружа по балкам и ложбинкам; двухлетки пасутся, прыгая и скача, по сырым излучинам. Те красные быки-коровы то пощипывают темную мураву, то почесываются о тальник; то потянут они воду из великого озера Хардза-Мэрэн, то пободают темные кочки, труся по зеленовато-черной влажной земле.

Белые, как раковина, овцы выросли, заполнив подножья тринадцати перевалов Алтая,—овец тех караулила и блюла целая область народа. Кладеные бараны и козлы ходят отдельно, козлята и барашки блеют. Несчетно много лет прошло с тех пор, как потеряли им счет; когда-то, давно это уже было, как потеряли им меру; неопределимо много годов прошло, как позабыли число их.

Вот вкратце каков был скот четырех мастей! Без числа, неимоверно огромный!

А далее, у затона целительного великого моря Мерген (Мудрое), на полуденном склоне львиного Кок-Гюйдюль-Хангая, посредине обширной желтой равнины возвышается огромный белый храм-собор, подымаются тьмы монастырских храмов. На северо-запад же от них утвердился золотой желтый субурган с восемьюдесятью восемью лестницами, похитивший у солнца его блеск-лучи. Это и был ханский дворец.

Рожденный господином прекрасного ханства, рожденный владыкой прекрасной отчизны Хангая был, говорят, волшебный старец Далай-хан, трехсот семидесяти семи лет. Был у него конь, говорят, Нарьхан-хула (Тонкий-чалый), круживший по странам подсолнечной. От рождения не терял Далай-хан своей державы; как вышел на свет, не терял своей земли-воды; был рожден он, чтобы содрогнулись его проворные, славные враги. Верхними небожителями, нижними драконами, этой подсолнечной владел он без стеснения; славный, говорят, был он витязь.

Поехал он охотиться на Алтай, Хангай; настрелял, двойной ряд навалил диких зверей семидесяти родов. Подобрал он из соболей черно-седых, из белок гнедых с белой грудкой, из лис сплошь красных—и привязал к торокам. Прицепил он к черным треногам из бычьей шкуры триста оленей. Когда же захотел он поднять их на Нарьхан-хула, то не был в состоянии одолеть тяжесть.—«Вот что называется—силы, годы, уходят! Вот что называется—силы, мощь слабеют!»—сказал он; отвязал и сбросил полтораста оленей, а полтораста увязал в торока. Вскочил он на Нарьхан-хула, погнал его вскачь и, вернувшись домой, сказал своей супруге, красавице Мэсн-Герель (Ледяной луч):—«Прежде я мог ехать на Нарьхан-хула, держа в руке мясо трехсот оленей. Теперь же двумя руками не мог поднять на Нарьхан-хула мяса трехсот оленей. Настала пора, когда эти прекрасные владения станут рукавицей какого-нибудь славного витязя, его торочным запасом! Как быть, раз не рождается у нас сын, которому бы это все досталось?»—Говорил он так и сидел, грустя. Сказала тогда ханша Мэсн-Герель:—«Наверно родится у нас сын в положенный для рождения срок, и ему суждено будет завладеть державой! Наверно появится у нас сын в положенный срок, чтобы быть тому, которому суждено будет завладеть землями! Далай-хан! Когда придется

ехать тебе куда-нибудь, взберись ты на вершину можжевелистого сокровенного Хангая и воздвигни там золотой и серебряный субурган! Преклони ты тупые, серые колени, поклонись круглой белой головой и проси у спасительных трех драгоценностей и у заветных духов-хранителей десяти стран света, чтобы даровали тебе сына! Тогда наверно пожалуют тебе сына».— Одобрил ее слова Далай-хан, собрал-увязал золото и серебро, собрал-увязал орудие, навьючил на своего Нарьхан-хула. Вскочил на него и отправился, и взобрался на вершину можжевелистого Хангая. Под утренним желтым солнцем начал он воздвигать золотой субурган, а под полуденным желтым солнцем закончил его; с полуденным желтым солнцем начал он воздвигать серебряный субурган, а с вечерним желтым солнцем закончил его. Воздвиг он тринадцать золотых и серебряных жертвенников и зажег тринадцать жертвенных курений.—«Спасительные три драгоценности и вы все, заветные духи-хранители десяти стран! Пожалуйте мне сына, который мог бы принять ханскую державу!»—Так говоря, преклонил Далай-хан свои тупые, серые колени и стал кланяться круглой белой головой до того, что трещины на ней появились.

Тогда по белому шву (млечному пути) вышнего неба приехал черный красный богатырь; черные усы его совсем прикрывали щеки, сидел он на слоновом, палевом киргизском коне; наступил он на макушки золотого и серебряного субургана и соизволил сказать:—«К вам прислали меня тридцать три белых небожителя, меня, владыку ставки, Дзас-Шюкюра, сказать, что спасительные три драгоценности и заветные духи-хранители десяти сторон предопределяют и жалуют вам сына».—Произнеся это, богатырь отшествовал назад. А престарелый Далай-хан вскочил на коня Нарьхан-хула, поспешно вернулся домой и объявил своей супруге:—«Спасительные три драгоценности и заветные духи-хранители десяти сторон отправили ко мне владыку ставки, Дзас-Шюкюра, сказать, что жалуют мне сына. Он объявил мне об этом. А ты что слышала?»—«Ко мне он тоже являлся и объявлял»,—заявила тогда ханша Мэсн-Герель.—«Ну, теперь устроим пир-праздник!»—сказал Далай-хан; приказал он трубить в черные трубы, собрал свои все тьмы; приказал трубить в желтые трубы, собрал свои тьмы духовных. Дал он поручение восьмидесяти отборным богатырям и восьми стам бешеным воинам:—«Поставьте вы сотню земляных печей, которым имя Дзагалма, и варите мясо для пира—радостного праздника!»—Приняли те повеление, как подобало, и вышли. А Далай-хан приказал еще восьмидесяти отборным богатырям и восьмистам ловким воинам:—«Приготовьте море кумыса и водки для пира!»— Те приняли повеление, как подобало, и

вышли. Хан же приказал еще восьмидесяти отборным богатырям и восьмистам прислужникам приготовить плодов-ягод для пира, и те приняли повеление, как подобало.

Собрано было все по порядку, как следовало, пошли тогда старшие да великие, подданные-народ, пошли в золотой желтый дворец-чертог Далай-хана; семь суток тянулись они друг за другом да рассаживались, и сели они рядами, которых было семью восемь; а между ними осталось столько свободного пространства, что четырехлетняя или трехлетняя овца могла бы лечь, вытянув ноги. Шесть тысяч величавых прислужников полно до краев налили золотые и серебряные чаши водкой да арзой, хорзой, запели они тринадцать сладкогласных песен и поднесли, не пропуская череда-очереди, старейшим да знатнейшим. Предавшись наслажденьям, веселились они до смены года; предавшись пиру, пировали они до смены лет жизни.

В то время ханша Мэсн-Герель не могла уже поднять дверной занавески, трудно ей стало слово вымолвить. И соизволила сказать тогда ханша Мэсн-Герель:—«Прекрасный лама и все бесчисленные монашествующие, сановник Барс-Хара (Тигр-черный) и весь простой народ-подданные, остановите сейчас свое пирование, а потом уже запируйте сызнова!»—Когда остановили, прервали пир, от ханши Мэсн-Герель родился сын с золотой грудью, с серебряным торсом, с чугунным бронзовым пупком и хрустальным челом.

Далай-хан захотел было перерезать пуповину, но ни один острый нож не мог ее взять. Тогда тот маленький желтый мальчик заговорил сам, покачиваясь:—«В этом трехмирии нет ничего, что бы могло взять мою пуповину; если может взять, то только алмазный черно-стальной меч моего деда, что лежит в земле на три пядени у правого края нашего очага».—Когда Далай-хан откопал землю на три пядени, у правого края очага, то нашел тонкий черно-стальной меч, изъеденный ржавчиной, вместе с ножнами. Вытащил он его, принял благословение и рубанул по пуповине новорожденного желтого мальчика; перерезал меч ее, точно волосок. После этого завернули мальчика в сотню белых ягнячьих шкурок. По прошествии суток мальчик стал похож на годовалого ребенка, по прошествии двух суток стал похож на двухгодовалого, по прошествии трех суток стал похож на трехгодовалого. Стал он ступать по земле, вышел наружу и сделал себе, наладил камышевый лук и ковылевые стрелы; пошел он бегать, покачиваясь, да постреливать поверху летающих ворон, сорок, понизу бегающих мышей-мышек. Тогда весь народ, все подданные, все миряне и духовные, черные и желтые, все возрадовались и опять начали пир пировать.

Когда исполнилось сыну три года, Далай-хан положил за пазуху десять сотен тысяч лан желтого золота и хадак, Намджи-Бандан, сел на своего коня Нарьхан-хула и поскакал, направляясь к небесному Будде-учителю, находившемуся в стране далекой, на восемь тысяч лет пути. Выехал он под утренним желтым солнцем, поглотил пространство на восемь тысяч лет пути и под вечерним желтым солнцем достиг он Будды-учителя. Слез он с коня, вбежал, девятью девять раз преклонил колени, девятью девять раз поклонился и удостоился благословения и был принят под милосердную защиту. Лама Будда-учитель пожаловал ему нектара в золотом сосуде. Так как запыхались уста Далай-хана, то, принявши сосуд, стал он сосать и глотать, а поставил сосуд полным до краев, каким он был раньше. По милости Будды мрачное чело Далай-хана просветлело, потемневшая грудь прояснилась. Достал он десять сотен тысяч лан желтого золота вместе с хадаком, Намджи-Бандан, и поднес Будде-учителю.—«У меня родился сын,—сказал он;—соблаговоли дать имя моему сыну, соблаговоли указать день, в который следует подрезать ему волосы!»—«Сыну дайте имя Дайни-Кюрюль (Боевая бронза),—отвечал Будда-учитель,—третьего числа первого летнего месяца пригласи всех владык верховных небожителей и нижних драконов, обрежь волосы и устрой славный пир. Пятнадцатого же числа первого летнего месяца посади сына на рыжего коня, и пусть он откроет путь на юго-восточную сторону!»—Сказав это, Будда-учитель пожаловал золотое, хрустальное изображение святыни, прибавив:—«Пусть всю жизнь он носит!»

Тогда Далай-хан отправился в путь; выехал он, как первые звезды стали рассыпаться, как последние звезды стали равняться, и поскакал к отчизне своей. Так как конь его, Нарьхан-хула, был рожден очень уж сильным и быстрым, то мог в одну ночь поглотить пространство на восемь лет пути. Когда забелела заря, прибыл Далай-хан к своему золотисто-желтому субургану на склоне Кок-Гюйдюль-Хангая. Слез он с коня, вошел к себе и трижды проговорил на правое ухо сыну имя—Дайни-Кюрюль. Давши имя Дайни-Кюрюль, повесил он на шею сына золотое, хрустальное изображение святыни, сказав:—«Для жизни необходимо!»—Сел после этого Далай-хан и сказал с беспокойством:—«Приказ Будды-учителя таков: в страну вышних небожителей, в страну нижних семидесяти семи царей драконов и в эту, в подсолнечную страну, в три страны пошли гонцов; третьего числа первого месяца этого лета соверши обряд пострижения волос Дайни-Кюрюля, по-хорошему устрой пир-игрище. Так он приказал; но как мои посланцы достигнут этих трех стран?»—Дайни-Кюрюль покачнулся тогда и сказал:—«Батюшка, пусть

вас эти мысли не мучат! Я разошлю гонцов!»—С этими словами выбежал он наружу, остановился и призвал, скликал всех птиц всех стран и земель. Взял он черно-пеструю, царственную гаруда, посадил на нее искусную птицу—попугая—и отправил его с такими словами:—«Достигнув страны нижних семидесяти семи царей драконов, скажи, что тебя отправил послом Дайни-Кюрюль пригласить на пир царей, цариц, сановников и всех подданных; третьего числа первого летнего месяца будет совершен обряд пострижения волос Дайни-Кюрюля. Передав поручение, возвращайся назад!»—Взяв серо-пеструю, царственную гаруда, посадил Дайни-Кюрюль на нее искусника-попугая и отправил его с такими словами:—«Достигнув страны верхних небожителей, принеси туда весть о том, что третьего числа первого летнего месяца будут совершать обряд пострижения волос Дайни-Кюрюля; пусть все без остатка приходят на тот обрядовый пир!»—Взял Дайни-Кюрюль еще одну серо-пеструю, царственную гаруда, опять посадил на нее искусника-попугая и отправил его послом, наказав сказать следующее:—«Все цари, князья и вельможи мира, все приходите!»—Вбежал затем Дайни-Кюрюль к себе и заявил:—«Хан-отец, я отправил гонцов в три мира, теперь вы устраивайте пир по-хорошему!»

Собрал тогда хан всех подданных и поручил им навалить мяса целую гору, собрать водки, кумыса, арзы, хорзы целое море. Все таким образом было приготовлено.

Когда состарился последний весенний месяц, собрались все цари и князья, а в первую новину начального летнего месяца пришествовал лама, небесный Будда-учитель в сопровождении восьми тысяч учеников, прибыли семь белых наставников из «Всерадостной области», ведя за собой семь тысяч учеников. Всех вводили с почетом, с радостью. В третью новину Будда-учитель ввел золотые ножны в желтые, милые волосики Дайни-Кюрюля и произнес пророческое благопожелание, пожаловал, указал долю-наследство. После того семь белых наставников «Всерадостный области», тридцать три священных белых небожителя, нижние семьдесят сем царей драконов, все ханы и князья подсолнечной во главе с Далай-ханом, все подрезали волосы Дайни-Кюрюля ножницами, произнесли пророческие благопожелания, указали долю-наследие.

Положили они начало пиру и запировали; был ли то день, была ли то ночь—все они пировали. Через сколько-то суток, в конце пирования обратился Далай-хан с такими словами:—«Все поданные и духовные во главе с ламой Буддой-учителем, так как вы пришли на обряд обрезания волос Дайни-Кюрюля, то возьмите каждый по коню из моего бронзово-солового табуна».—«Хорошо!»—сказали все и вышли с радостью. А Дайни-

Кюрюль побежал пеший, отделил от табуна косяк лошадей и пригнал. Но те все могли схватить только каких-то жеребят, и большинство осталось с пустыми руками.—«Нельзя людей словом обманывать!»—воскликнул Дайни-Кюрюль, сложил железный аркан в шестьдесят сажен и пошел десять да двадцать раз, да еще и еще накидывать аркан на коней; для всех добыл он коней; первым достались взрослые кони, последним двухлетние жеребята; но от того косяка коней все-таки большая часть осталась.

По окончании пира отправился Далай-хан на Нарьхан-хула разыскать и поймать подходящего рыжего коня для своего Дайни-Кюрюля; поехал посмотреть, есть или нет такой конь. Взошел он на вершину Кок-Гюйдюль-Хангая и стал смотреть на свои табуны бронзово-соловых коней и не заметил он коней рыжей масти.—«В моих табунах бронзово-соловых коней нет ни одного коня рыжей масти. Что делать? Теперь как мне добыть рыжку?»—И вот, в то время, как он сидел, размышляя так, впереди его на склоне громоздящегося Хангая поднялась густая черная пыль, поднялась и опять пропала.—«Что это такое?—подумал Далай-хан, заметив.—Что за пыль?»—Сел он на своего коня Нарьхан-хула, отправился и только что выехал на вершину Цаган-Дзандатай (Бело-сандаловая), как увидел, что между Кок-Гюйдюль-Хангаем, Дабхар-Хангаем, Цаган-Дзандатай-Хангаем и тринадцатью островами-рощами прыгает темно-рыжый конь величиной с мглистый Хангай.—«А, это жеребенок,—подумал Далай-хан,—родившийся от слоново-белого жеребца с яблоками и белой кобылы. У меня есть кони: Нарьхан-хула (Тонкий чалый), Тубшин-хула (Ровный чалый), Сольджир-хула (Непарный-чалый), Кюдюр-Хонгор-Галдзан (Крепкий солово-лысый), Сетертей-Бадма-Шархал (Посвященный лотосо-палевый), таких пять коней и восемь тысяч бело-чалых коней, не меняющих масти; этот конь величиной с мглистый Хангай — их младший брат; это и есть Пламенный рыжко! Не попадется он на аркан, не подманишь его ласкою, попробую-ка нагнать его на Нарьхан-хула!»—Сложил Далай-хан железный аркан в шестьдесят саженей, ударил по бедру Нарьхан-хула черной мангутской плетью так, что она впилась, и бросился вперед. Рыжко заметил и поскакал от него, только пыль поднялась клубами да заволокла, покрыла все. Ускакал рыжко на небо по белому шву небесному; восемьдесят один раз объехал кругом Далай-хан область верхнюю небожителей, но только издали увидел рыжку и то потому, что конь его, Нарьхан-хула, рожден был быстрым. Как заметил вдали рыжку, тот удрал в область нижних семидесяти семи царей драконов. Далай-хан поскакал за ним вдогонку; восемьдесят восемь раз объехали они область семидесяти семи царей драконов, и увидел тогда Далай-хан издали рыжку, и только потому, что конь его, Нарьхан-хула, был рожден несравненно быстрым. Но рыжко тотчас ускакал в подсолнечные страны; следуя за ним, объехал их Далай-хан восемьдесят восемь раз вокруг, но тогда размякло тело и грудь Нарьхан-хула, на выемках ушей показался пот, не смог он догнать рыжку. Далай-хан стариком стал, состарился, не смог набросить аркана петлею, ухитриться.—«Невозможное дело!—воскликнул Далай-хан.—Как теперь я поймаю этого коня?»—Когда истощил он все средства-способы, заявил ему Дайни-Кюрюль, выйдя навстречу:—«Витязь сам ловит и садится верхом на неука! Не так ли? Пожалуйте, батюшка, мне вашего Нарьхан-хула».—Слез с коня тогда Далай-хан и отдал своего Нарьхан-хула.

Разом вскочил на него Дайни-Кюрюль, хлестнул так, что рубцы остались с холмик и запекшаяся кровь пала кусками величиной с жеребенка, и бросился вперед. Так как Нарьхан-хула рожден бы быстрейшим, то настиг он темно-рыжего коня величиной с мглистый Хангай. Без промаха набросил тогда Дайни-Кюрюль драгоценный синий аркан в шестьдесят саженей на шею рыжки и забрал аркан под стремя, порвал рыжко четыре двойных ремня и скакнул в сторону четырех Хангаев, но Дайни-Кюрюль прижал аркан к литому черному бедру и крепко потянул. Брыкнул рыжий конь Дабхар-Хангай, брыкнул Цаган-Хангай, но Дайни-Кюрюль рожден был с несравненной силой, закружил он рыжку, схватил и надел на него хангайскую оброть. Назад повернул и привел к золотому субургану, около которого и поставил, привязав-увязав за ветви кипариса.

Тем временем пожаловал ему хан-батюшка зеркально-серебряную узду, которую не мог бы поднять двухгодовалый верблюженок; с черно-стальными удилами была та узда, с закаленно-стальными кольцами, набиты были на ней бронзовые да медные наборы. Взял ее Дайни-Кюрюль, поднял, дал рыжке закусить черно-серебряными губами черно-стальные удила, толкнул ими яшмовые, драгоценные зубы коня, придавил змеистый красный язык, придавил хрустально-белые клыки, толкнул желтые задние зубы. Поднял узду над широким, крепким, как наковальня, челом коня, перетянул через подвижные прекрасные уши, насадил на исход шеи. Змеистую пеструю закрепку завязал он под черемуховым прекрасным подбородком; черные шелковые повода перебросил он через драгоценную голову коня и завязал их узлом счастливым за последние восемь прядей гривы.

Затем взял Дайни-Кюрюль белый потник, пожалованный ханом-батюшкой, положил его прямо против молодой, прекрасной гривы, как раз вдоль крепкого хребта, прямо против высокого крупа. Положивши потник вдоль высокого, прекрасного хребта,

взял Дайни-Кюрюль хангайское черное седло, крепкое как, наковальня, похожее на ущелье. Наложив седло, он придавил им коню черное мясо, придавил головки восьмидесяти восьми белых ребер. Подвинул седло назад и протянул вдоль лоснящегося прекрасного крупа тонко-серебряную падфею с шестьюдесятью пуговками, которая звенит в ветреный день, звучит в радостный день; поддел он ее под красивый хвост-бунчук, расправил по бокам заячьего прекрасного хребта, разложил по головкам костей бедра, преисполненных пяти великих признаков, посредине спинного хребта застегнул он белые пуговицы, выровнил на длинном, прекрасном крупе и закрепил эту фарфорово-белую падфею, которая гремит при езде в ветреный день, которую надевает на коня славный витязь.

Подтянул Дайни-Кюрюль седло вперед и насадил посреди широкой, прекрасной груди коня высокий белый, как скала, подгрудник; посреди груди заставил он звенеть в один голос пятьдесят два колокольчика; заставил он греметь пятьдесят два бронзовых колокольца. Повесил он затем красный шар величиной с конскую голову, который надевает на коня добрый витязь, когда едет покрасоваться среди кровных и чужих. Направил Дайни-Кюрюль подгрудник как раз против почек и сердца, перевел его через головки плечевых костей, придавил головки ребер и, застегнув, надел подгрудник.

Подтянул он затем седло назад и насадил на пряжки семьдесят восемь подпруг; подтянул их так, что скрип пошел, и застегнул крепко. После этого повесил он на драгоценные шелковые повода черную мангутскую плетку, которая секла, отделяя мясо от костей, зацепил поводья за черную луку, крепкую, как наковальня, и привязал за один из крепких четырех тороков. Черный олений повод, резвый, в пять маховых саженей, привязал он сложным узлом, который славный витязь может на бегу разом развязать, привязал за ветвь развесистого сандалового дерева, отошел шага на два и посмотрел назад: его огненно-рыжий конь играет головой, поводит бедрами, прыгает, не может стоять на месте. Увидевши это, произнес Дайни-Кюрюль: — «Против великого врага-неприятеля может он быть подвершным конем, для богатырского одинокого тела моего может он стать подмогой-помощью; в далекой чужой стороне будет он моим носителем, для милого, одиноким рожденного тела моего будет он другом-товарищем! Огненно-рыжий конь величиной с милый мглистый Хангай!»

Вошел затем Дайни-Кюрюль к хану-отцу, покачиваясь, как тонкая ветла, блистая, как цветок-листок, сияя, как небесное солнце, мерцая, как брильянтово-черная скала. Сел он с грохотом на священный золотой стол-престол и доложил хану-

батюшке:—«Я поймал своего славного коня, бегавшего по безлюдной земле, и оседлал. Пожалуйте мне разные доспехи, огненную, черно-смольную кольчугу, шлем, с которыми бы я мог итти на великого врага».

Обернулся его батюшка назад и открыл львиный белый ящик, которого не трогал десять лет. Вынул он затем синеватый серебряный шлем—точно вершина снежного Хангая; тьмы звезд были рассыпаны—набиты на нависочниках шлема, на налобнике были утверждены солнце и луна, светящие всюду. Насадил Дайни-Кюрюль забрало, укрепил гвозди, просунул колечки, опустил назатыльник и надел на черную голову, крепкую, как наковальня, надвинув шлем над правой бровью, и, подкрепив гвоздики, завязал нащечники.

Достал затем хан-батюшка и пожаловал огненно-серную черно-бронзовую кольчугу; на ней было четыре тысячи пуговиц, четыре тысячи кистей; на вороте ее были прибиты схватившиеся слон и лев, на месте, которое живот прикрывает, мужественная гаруда, на рукавах была укреплена парящая царственная гаруда, на спине была укреплена перевернутая вниз голова огромного черного мангуса, по подолу были прикреплены перевернутые вниз головы всех вредоносных. Встряхнул Дайни-Кюрюль кольчугу так, что засверкал огонь семидесяти цветов; и накинул-набросил ее, напротив, прямо на свет, своих высоких, прекрасных лопаток.

После того, если порассказать о могучем желто-пестром луке, преисполненном девяноста девяти сил, то хан-батюшка, надо сказать, достал и пожаловал могучий пестрый лук, на полочках которого были вырезаны бодающиеся бараны, на крыльях были вырезаны ворон и гусь, столкнувшиеся своими крыльями, на держалке—столкнувшиеся головами тигр и дракон, на задней же стороне была вырезана мужественная гаруда, готовая к полету. Для того, чтобы лук был крепок, был устроен на нем хребет из жил славных коней и богатырей; чтобы был он устойчив, были положены на задней его стороне рога пятисот буйволов; никогда он не мог сдать назад; натянули ему тетиву красную, тройную, из кожи крепких богатырей, приговаривая:—«Да будет он тугим!»— Прицепил себе Дайни-Кюрюль широкий, богатый сагадак и, принявши, насадил лук.

Затем пожаловал хан-батюшка тридцать белых стрел с одной главной бешеной белой стрелой, быстрой, живой; древки у стрел были из кленового дерева, тьмы перьев были на них, острия из синей стали, с золотыми перевалистыми развилинками. Принял их Дайни-Кюрюль и прицепил себе сзади.

Вслед затем хан-батюшка вложил острый черно-стальной меч в драгоценные золотые ножны так, что звон пошел, при-

цепил меч к золотой бабке и пожаловал. Один кузнец тридцать лет выбивал ложбинки на этом мече, другой кузнец сорок лет отбивал его на наковальне, китайский кузнец выбил узоры, а непальский—разводы; русский кузнец проявлял над ним искусство, халхаский кузнец оторочил, а элетский дал окраску; острие этого меча из черной стали, обух из твердой стали, со сторонами из шершавой стали, с бляхами на поперечнике эфеса, с огнем на острие. Принял его Дайни-Хюрюль и привесил себе сзади у бедра, и выглядывал оттуда меч, как макушка лиственницы на горе.

После того достал хан-батюшка острую красную пику с древком из темно-рыжего сандала в сто саженей, с острием из синей стали в шестьдесят саженей, с красной кистью величиной с голову-курган, окрашенную человеческой кровью, с подтяжкой из шкуры хабарги, со значком из шкуры хорька. Принял ее Дайни-Кюрюль и вонзил в поверхность земли на восемьдесят локтей.

А затем хан-батюшка соизволил сказать, дать приказ: — «Ой, Дайни-Кюрюль мой! Человек, отправившийся в мои табуны поутру, возвращается обычно к полудню, в полдень же отправившийся возвращается всегда к вечеру. Отправляйся ты к самым верхним табунам и возвратись домой с полуденным желтым солнышком».—Так наказав, отправил он Дайни-Кюрюля.

Когда пошел огненный рыжко прыгать и скакать, Дайни-Кюрюль, завладев удилами, потянул направо повода, прижал морду коня к правому колену; налево потянул повода, прижал морду коня к левому колену; взобрался, заставляя прыгать и скакать коня, на вершину Кок-Гюйдюль-Хангая, величайшего из гор. Свиснул он три раз в сторону табунов бронзово-соловых коней, три раза гаркнул на них, все табуны тогда пошли к нектарным восьми белым морям, пошли и насытили жажду. А потом вышли они на широкие равнины и стали пастись.

Тем временем с юго-западной стороны взвилась густая черная пыль, раздался топот-шум приближающихся тысяч воинов. Увидел Дайни-Кюрюль, что к небу подымается красная пыль, что приближаются с шумом-топотом сотни воинов, и вышел навстречу со словами: — «Это что за штука приближается?»— Тут подъехали, выравнившись в ряд, четыре больших богатыря, слезли они со своих коней, спросили Дайни-Кюрюля о здравии, узнали о его благоденствии. Обратился к ним Дайни-Кюрюль с такой речью: — «Вы четверо! Где ваша родина? Как ваши имена? К кому у вас нужда? Говорите скорей!»—Тогда ответил ему черный красный богатырь с черным вороным конем: — «Мы четверо — люди с разных сторон. Коль о себе говорить, то скажу, что я — Шиль-Мангнай (Хрустальное чело), лучший из богатырей с черным вороным конем величиной с Хангай.

А вот это — лучший из витязей Шиль-Набчи (Хрустальный лист) с ватно-белым конем величиной с гору; это же—Хо-Мангху (Беловато-желтый простофиля), лучший из витязей с рыжим конем величиной с гору; а это—Кюрюль-Толи (Бронзовое зеркало) со слоново-соловым конем. Услыхали мы, что Дайни-Кюрюль отправляется сегодня к своим табунам, и поехали мы, соединившись вместе вчетвером, говоря, что он, как настоящий хороший витязь, пожалует нам каждому по коню. Мы же по силе возможности станем ему помощниками, подручниками, станем ему стременами, арчаками. Пожалуйте же нам каждому по хорошему подвершному коню!»

Отвечал им Дайни-Кюрюль: — «Сегодня поздно. Наш батюшка строгий, тяжелый! Возьмите вы себе из наших табунов молодых кобылиц, зажарьте и скушайте. Переночуете,—я завтра приеду и подарю вам коней».—Тогда все четверо—Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху—стали просить его: — «Вы пожалуйте нам сегодня по коню, мы сегодня вернемся по домам!»—Дайни-Кюрюль потянул своего коня назад и стал выбирать из восьми тысяч бело-кулановых коней, происходящих от слоново-белого жеребца с яблоками и серой кобылы, которые не меняли масти. Поймал он четырех бело-кулановых коней и передал богатырям. Те сказали тогда: — «Получили мы четырех подвершных коней, предоставим мы заместителей из наших четырех же коней». — «Наш батюшка трудный человек, — отвечал им Дайни-Кюрюль, — не возьму я возмещения. Возвращайтесь вы по домам, уведя и своих четырех лошадей! Ваша родина на сколько лет пути отсюда?»—Отвечал ему Шиль-Мангнай: — «На шестьдесят лет пути будет; я же прибыл в шесть суток».— «Мой батюшка говорил, — заметил тогда Дайни-Кюрюль, — что кони, рожденные в наших табунах, пространство в семьдесят месяцев пути пробегают в один день. Вы теперь будете дома тотчас после захода солнца». — «Хорошо» — сказали богатыри; сели они на бело-кулановых коней и пошли рысить, ведя за собой своих четырех коней. Но лошади, которых они вели, порвали свои недоуздки и остались, не будучи в состоянии итти следом. А четыре богатыря поскакали, не будучи в состоянии справиться с поводами-удилами.

Поскакал Дайни-Кюрюль назад, и, когда вернулся он домой, солнце уж зашло. Слез он с коня и, когда хотел уж войти в ставку, услыхал он, как гневается Далай-хан: — «Дайни-Кюрюль ведь слыхал, что отправившийся к табунам поутру возвращается в полдень, а отправившийся в полдень возвращается вечером, а тем не менее ездит целый день,—ведь вот, не слушается меня он, пожравший своего отца! Не женю его, пока не будет ему семи лет!»—Ответила ему тогда Мэсн-Герель-

ханша: — «Настоящий у нас сын родился или ненастоящий? Ты старый Далай-хан, посылая сына к табунам, что указал-то ему? Мой сын, может быть, ездил-поиграл, гонял диких коней да ланей. Дайни-Кюрюль мой, — позвала она, — иди сюда, пососи-ка грудь матери!»—Вбежал тогда Дайни-Кюрюль внутрь, лег на лоно ханши-матушки Мэсн-Герель и досыта, досыта насосался из нежной белой груди. Лег он затем, протянулся, как ремень, покраснел, как тамариск, и собрался заснуть.

Но как раз посреди прекрасной ночи засвистал и защелкал сладкозвучный соловей. И тогда под пенье соловья растрогался верблюд и заревел, растрогался конь и заржал, растрогались все живые существа. Дайни-Кюрюль же, хотя и слыхал, но притворился ничего не слышавшим; хотя и понял, но притворился ничего не понявшим и продолжал лежать. Ханша Мэсн-Герель и Далай-хан спросили его:—«Дайни-Кюрюль, что говорит этот соловей? Послушай и скажи нам». — «Я с птицами не разговариваю, — отвечал им Дайни-Кюрюль, — вы уж сами беседуйте!» — и заснул.

Ханша Мэсн-Герель не могла так оставаться и вышла. Подошла она к развесистому сандаловому дереву и сказала: — «Что ты за соловей, что свистишь и поешь так? Расскажи обо всем!»—Тогда тот соловей превратился в золотую красавицу со ста восемью косичками и правильными проборами, которая сошла вниз и сказала: — «Меня послали к вам две тысячи пятьсот богинь Дара-еке из области Абиды. Пошлите к нам вашего Дайни-Кюрюля, мы полюбуемся им и отпустим обратно, — сказали они».—Вернулась ханша Мэсн-Герель в сопровождении той небесной красавицы и доложила Далай-хану. Соизволил сказать тогда Далай-хан: — «Мой сын не может отправиться представиться тому святому собранию. Пусть он потом представится». — Но ханша Мэсн-Герель заметила: — «Владыки миров хотят посмотреть на мальчика, которого мы выпросили из трех Кюрюля: — «Дайни-Кюрюль мой, мир двухтысяч пятисот Дара-еке Абиды зовет тебя к себе. Ты когда отправишься? Пошли сказать с этой небесной красавицей». — «Коли так, — отвечал Дайни-Кюрюль, — я прибуду завтра с полуденным желтым солнышком, поди и уведомь о том тех Дара-еке».— Но та небесная красавица заметила: — «Я пространство в восемь тысяч лет пути пролетела в пять суток, в пять дней и ночей. Теперь я не могу прибыть ранее завтрашнего полуденного солнца». — «Не беспокойся, — сказал ей Дайни-Кюрюль, — у меня есть способ доставить тебя».—Вышел он вон с этими словами, вырвал один волос из хвоста своего огненного рыжки, вырвал один волос из гривы и подержал над паром, выходившим из ноздрей коня.

Тогда предстал волшебный рыжий конь от волосков, созданный ветром - воздухом, стал он кружить с седлом, чвакать уздой.

— «Ну, красавица, возвращайся домой верхом на этом коне; а прибыв, отпусти на волю».—А тот рыжий конь поднял небесную красавицу и поскакал, точно полетел, под гремящим небом, над горбистой землей. Красавица та едва могла сидеть; боясь назад упасть, хваталась она за круп; боясь вперед упасть, хваталась она за высокий хребет; боясь на бок свалиться, скривившись, хваталась она за крепкие белые ребра коня.

Далай-хан наказал Дайни-Кюрюлю: — «Ты не должен ездить более трех суток».—А Дайни-Кюрюль прицепил, надел свои доспехи и, как забелела заря, вскочил на своего Пламенного рыжку и поскакал, направляясь в сторону мира двух тысяч пятисот Дара-еке Абиды. Подтолкнул он синее Вечное Небо, потряс покрытую коркой золотую землю, поскакал он, возвышаясь, под гремящим небом, над холмистой землей. Пространство на восемь тысяч лет пути он поглотил в пол-дня и прибыл в область двух тысяч пятисот Дара-еке Абиды. Как раз, когда он подъезжал, повстречался рыжий конь, происшедший от волоска, который и растворился в теле Пламенного рыжки.

Все же Дара-еке вышла навстречу. Подавленные блеском и величием Дайни-Кюрюля, не могли они поднять глаз и осмотреть его выше колен. Одна красавица Дюренг-Герель (Полный свет), дочь царя драконов, осмотрела Дайни-Кюрюля от темени до подошвы и от подошвы до темени. А глазам Дайни-Кюрюля представилась та красавица Дюренг-Герель среди всех тех Дара-еке, показалось ему, что на горле у нее взошло солнце, а на ляжках луна, а на носу, на щеках и на зубах протянулась радуга. Увязал Дайни-Кюрюль своего Пламенного рыжку и обратился к двум тысячам пятистам Дара-еке Абиды с такими словами: — «Бесчисленные сестрицы мои, точно перья павлина, как вы благоденствуете?»—Сказав это, вбежал, вошел Дайни-Кюрюль. А те Дара-еке изумлялись и горевали, что не могут посмотреть на Дайни-Кюрюля, дивились ему: — «В мире не родился витязь, который мог бы сравняться с Дайни-Кюрюлем; где конь, который мог бы равняться в этом мире с конем Дайни-Кюрюля!»— Устроили они для Дайни-Кюрюля пир, устроили радостные игры, трое суток пировали днем и ночью. Среди того пира красавица Дюренг-Герель сказала: — «Дайни-Кюрюль, твое родное кочевье далеко, твои батюшка с матушкой стары. Ты возвращайся! Я тоже поеду домой».—Сказав так, села она на своего коня со звездочкой-листиком, иноходца, у которого в восьми берцовых костях не было промежутка, и направилась к себе на родину в сопровождении своих восьми прислужниц.

После того как уехала она, богиня Янсук-Улáкчин сказала:—«Дорогой Дайни-Кюрюль, твой конь, Пламенный рыжко, оборвал повод и хочет уйти. Останови коня!»—Выбежал вон Дайни-Кюрюль. А Пламенный рыжко со ржанием уже ускакал вслед за Дюренг-Герель, олений черный повод его треплется, став тонким, как ушко иглы. Поймал Дайни-Кюрюль своего коня, вспрыгнул, подхватил свои доспехи и крикнул:—«Бесчисленные сестрицы мои, чище перьев павлина, живите-поживайте в благоденствии, по-хорошему!» — И вступил затем Дайни-Кюрюль на путь Дюренг-Герель-красавицы.

А красавица Дюренг-Герель, когда переходила перевал Цаган (Белый), развязала свою светло-желто-пеструю повязку на волосах с двадцатью четырьмя развилинками, со связками из кораллов и жемчужин, как червячки, и бросила повязку со словами:—«Если Дайни-Кюрюль истинный, прекрасный богатырь, то пусть он проедет здесь; если же он неправый, плохой витязь, то пусть он едет через перевал Хубкай-Модоту (Сухого дерева)».

Когда Дайни-Кюрюль в темных сумерках взобрался как раз на тот перевал Цаган, заметил он, что на дороге лежит какой-то предмет, испускающий лучи-сияние. Подхватил он его и узнал повязку для волос:—«Ой, да это шаловливая Дюренг-Герель, оказывается, потеряла свою повязку для волос».—Спрятал он с этими словами найденное за пазуху и поскакал дальше.

На краю же кочевий царя восьми драконов, у тринадцати рощ-островков оказалась Дюренг-Герель, которая поджидала Дайни-Кюрюля, приготовив десять верблюдов с мясом и вином. Подъехал Дайни-Кюрюль и сказал:—«Шаловливая Дюренг-Герель, я нашел и привез тебе повязку для волос, которую ты потеряла».—Вынул он с этими словами повязку и подал, а Дюренг-Герель говорит ему:—«Я не потеряла. Я бросила, чтобы испытать тебя, хорош ты или плох. Поистине твои и мои мысли-чувства сходятся».—Тут начали пир-веселье, начали наслаждаться. Во время этих забав сказал Дайни-Кюрюль:—«Дюренг-Герель, ты возвращайся домой! Я же познакомлюсь с домом твоим и тоже поеду к себе».—«К нам нельзя заезжать,—сказала в ответ Дюренг-Герель,—наш батюшка строг и суров: ты поезжай домой отсюда!»—«Нет, я непременно заеду к тебе, и тогда уже поеду домой!»—заявил Дайни-Кюрюль.

В полночь, когда все заснули, успокоились, Дайни-Кюрюль и Дюренг-Герель прибыли к величественной белой ставке Дюренг-Герель, увязали своих коней и вошли внутрь. Царь восьми драконов, узнав, что приехала Дюренг-Герель, позвал двух силачей, Орý-Зана и Кебтю-Зана, и приказал им:—«Если вслед за моей Дюрен-Герель приехали цари вселенной, то принесите их в жертву черному знамени. Увяжите вы коня, вороного лыску—Набчи-го (Листок-красота) уложите почивать Дюренг-Герель и приходите назад!»—Орý-Зан и Кебтю-Зан, не подзывая лошадей, побежали пешими. Когда подошли на расстояние двух месяцев пути, увидели они с изумлением, что снаружи ставки Дюренг-Герель стоит что-то—лошадь не лошадь, человек не человек, гора не гора. Когда же тихонько подошли они, то заметили, что это темно-рыжий конь кружит заседланный, трясет уздой, играет головой, поводит боками.—«Какого же это славного витязя может быть этот конь?»—говорили между собою силачи. Тут заметили они молодецкие доспехи, положенные на ставку Дюренг-Герель.—«Если держава царя восьми драконов может подавить этого богатыря,—сказали они,—то мы сможем натянуть этот лук; если же нет, то мы не сможем его согнуть».—Взяли они крепкий черный лук; попробовал каждый из них натянуть, но не был в состоянии; тогда один из них схватил за тетиву, потянули они оба разом, но не были в состоянии согнуть лука.—«Теперь как же мы повстречаемся с этим богатырем?»—шопотом спрашивали они друг друга.

Узнала тут Дюренг-Герель, что они шепчутся друг с другом, и позвала:—«Орý-Зан, Кебтю-Зан, войдите сюда!» — Вошли они оба и остановились у стенок точно воробьи, испугавшиеся коршуна, не смея поднять глаз на Дайни-Кюрюля, поглядеть на него повыше колен.—«Ну, Орý-Зан, Кебтю-Зан, подите к моему батюшке и доложите ему, что нет у меня никого и ничего, что сижу я и играю в шахматы-фигурки с нянькой, Красной Дара-еке». — Побежали назад Орý-Зан и Кебтю-Зан, прибыли к царю восьми драконов и доложили ему:—«Никого там нет и ничего-то там нет. Дюренг-Герель прибыла с нянькой, Красной Дара-еке, они сидят, играют в шахматы-фигурки».

Тем временем Дюренг-Герель достала тонкие, светлые, пестрые гусли с восемьюдесятью восемью струнами и раз, другой ударила по ним. Тогда Дайни-Кюрюль сказал ей:—«Дай-ка мне, я с тех пор, как на свет появился, не слыхал, не видал такой прекрасно-звучной вещи».—Взял он те светлые, пестрые гусли, настроил их высокие и низкие тона восьмидесяти восьми струн и запел раскатисто пировую песню с восемьюдесятью двумя напевами, тонко себе подыгрывая; затянул, побряцывая, радостную песню с шестьюдесятью напевами. При звуках тех гуслей верблюд растрогался и заревел, растрогался конь и заржал, окрестный народ по юртам и аулам не мог вытерпеть и заплакал. Тогда царь восьми драконов с супругой поняли всё; сказал царь восьми драконов Орý-Зану и Кебтю-Зану:—«Тот, кто играет на гуслях Дюренг-Герель, не Дара-

еке, не богиня-красавица, это наверно человек, который станет буддой-бодисатвой. Теперь вы пойдите посмотрите, что это за славный витязь, какого славного богатыря он сын».

Опять побежали Ору-Зан и Кебтю-Зан и сказали Дюренг-Герель: — «Он говорит, что тот, кто играет на твоих гуслях, не Дара-еке, не богиня-красавица, это, должно быть, человек, который станет буддой-бодисатвою, послал нас узнать, что это за славный витязь, какого славного богатыря он сын. Теперь что мы доложим царю?»—Заговорил тут Дайни-Кюрюль и сказал: — «Играет на гуслях Дайни-Кюрюль, сын волшебного старца, трехсот семидесяти семи лет, Далай-хана, который безраздельно владеет тремя мирами,—миром верхних небожителей, миром нижних драконов и миром этой подсолнечной».—Побежали назад Ору-Зан и Кебтю-Зан и докладывают царю: — «Нас отправили сказать царю, что играет на гуслях Дайни-Кюрюль, сын волшебного старца трехсот семидесяти семи лет, Далай-хана, который родился, безраздельно владея тремя мирами—миром верхних небожителей, миром нижних драконов и миром этой подсолнечной».—Разгневался тогда царь восьми драконов и произнес: — «А, пожравший своего отца, Далай-хан, да где ему владеть этими великими мирами! В давнее время небесный лама, Будда-наставник, читая молитвы, протер свои четки и не мог выпросить у него жеребенка! Такой жадный Далай-хан! Семь белых учителей из Всерадостной области, читая молитвы, протерли насквозь свои белые сандаловые четки и не могли выпросить у него жеребенка! Вот какой жадный Далай-хан! Вы подите и скажите моей дочери: если ты разукрасилась девятицветной одеждой, то не должна похищать душу, возбуждать страсти единственного сына богатого хана. Скорее отпусти единственного сынка того хана! А тому Дайни-Кюрюлю скажите: твой отец жадный, жестокий, капризный Далай-хан. Ты, его единственный сын,—коль мила тебе твоя жизнь, убирайся отсюда а коль не жалеешь ее, приходи сюда! Побьемся мы, поделив траву земли потником!»

Получив такой наказ, опять побежали Ору-Зан и Кебтю-Зан и доложили Дайни-Кюрюлю; — «Твой Далай-хан такой жадный, что лама Будда-наставник не мог в давнее время выпросить у него жеребенка, хотя насквозь протер свои четки, читая молитвы. Семь белых учителей из Всерадостной области протерли насквозь свои белые сандаловые четки, читая молитвы, и не могли выпросить у него жеребенка,—такой жадный Далай-хан! Ты, единственная собака Далай-хана, коль жалеешь свою жизнь, убирайся отсюда; а коль не жалко, приходи сюда! Побьемся с тобой, поделив траву вселенной потником!—Вот что сказал царь. А тебе, Дюренг-Герель, вот что приказано сказать:

не надо похищать сердца, возбуждать страсти единственного сына богатого хана. Отошли скорее сына того хана!»

Рассердился тут Дайни-Кюрюль, гнев закипел у него внутри семицветным чугуном. — «На меня дивился мир, — сказал он, — двухтысяч пятисот Дара-еке Абиды. Теперь что же? Я должен слушать, как у этого царишки меня называют собакой да свиньей? Если твой царь собирается биться, поделив потником траву земли, то я буду сражаться, поделив легкими траву мира!»— Воскликнул Дайни-Кюрюль, бросил и разбил вдребезги бледные, пестрые гусли, после чего он выскочил вон. — «Постой, держи, стой!»—воскликнула Дюренг-Герель и подала Дайни-Кюрюлю сахар восьми вкусов вместе с хадаком, Намджи-Бандан.

Взял Дайни-Кюрюль, засунул за пазуху, выбежал наружу и нацепил свои доспехи. Потом вскочил он на своего дорогого Пламенного рыжку и поскакал. Подъехав к ставке царя восьми драконов, он взял дверную занавеску и крикнул: — «Царь восьми драконов, если ты собираешься биться, поделив потником траву мира, то я буду сражаться, поделив легкими траву вселенной! В конце седьмых суток я приеду и дам тебе покурить горького табачку!»—Направился он в сторону родных кочевий и поскакал.

Так как одолевал его великий гнев, ехал он чересчур скоро и трижды потряс Кок-Гюйдюль-Хангай, величайшая из гор. — «С кем это встретился мой Дайни-Кюрюль, — сказал Далай-хан, — на кого-то он рассердился и так подъезжает?»—Тем временем Дайни-Кюрюль слез с коня, вошел и сказал:—«Хан-батюшка, ханша-матушка и вы все,—всё ли в благоденствии вы живете?»— Когда сел, соизволил обратиться к нему Далай-хан: — «Сын мой, почему ты задержался, на кого ты рассердился, с кем ты поссорился?» — «Ни с кем я ни ссорился, ни на кого я не сердился,— отвечал Дайни-Кюрюль,—а опаздывая, я торопился вернуться».— «Почему же ты задержался?» — «Известно ведь, что ламе, небесному Будде-наставнику надо поклониться восемь тысяч раз, вот я и совершил до конца это поклонение. Известно, что семи белым учителям из Всерадостной области надо поклоняться семь тысяч раз; совершив до конца эти поклонения, я задержался».—Тогда все обратились к нему с такими словами: — «Коль пожаловали тебе благословение в ответ на твои поклонения, удостой-ка нас!» — «Вот!» — сказал Дайни-Кюрюль и подал сахар и хадак, подаренный ему Дюренг-Герель. Хан и ханша отломили по кусочку, приняли с благоговением и положили на почетное место.

Пока ездил Дайни-Кюрюль в течение семи суток, груди Мэсн-Герель-ханши надулись молоком. Надоила она до-полна два корыта, золотое и серебряное, точно две степи, но все-

таки невозможно ей было терпеть. Тогда все монастырское собрание, все подданные стали сосать и не могли высосать. Но вот Дайни-Кюрюль высосал обе груди, выпил молоко из обоих корыт, растянулся, как ремень, покраснел, как тамариск, и заснул. Отошел ко сну и хан-батюшка, отошла ко сну и ханша-матушка.

Как раз посреди прекрасной ночи поднялся Дайни-Кюрюль потихоньку от батюшки и матушки, оделся и отправился на Пламенном рыжке. Выехал он, направляясь к кочевьям Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху. Пока не отдалился он от батюшки с матушкой, выезжал он тихо, без шума; а как отошел он далеко, потянул повода так, что скривил рот Пламенного рыжки, и ощерились у коня все сорок два зуба. Пошел он рысить, наклонив острие своего проворного черного копья. Едет он, отбивая нагорные камни, едет он, отделяя большие камни от мелких; на крепкой, твердой почве проваливаются его конь по бабки, на вязкой, мягкой почве проваливается по колени. Той же ночью прибыл он к Шиль-Мангнай.

А Шиль-Мангнай со своими братьями как услыхали, что приближается Дайни-Кюрюль, пошли ловить своих отпущенных коней. По уходе их и прибыл Дайни-Кюрюль. Когда подъехал он к стойбищу Шиль-Мангнай, вошла супруга Шиль-Мангнай, Набчи-Цаган (Лист-белизна) с восемью лучами, приняла чумбур Дайни-Кюрюля и помогла ему сойти с коня. — «Где родился богатырь, который мог бы сравняться с Дайни-Кюрюлем, — сказала она, — где может быть конь, который сравнялся бы с Пламенным рыжкой?» — Погладила она Дайни-Кюрюля, поцеловала его в щеки, поласкала и ввела в ставку. Разожгла она саксаул и сандаловое дерево так, что треск пошел, сварила красного чая с мускатным орехом так, что мускусом запахло. Налила она чай в сосуд из кипариса, с кружком из можжевелового корня, затем наполнила узорчатую, пеструю фарфоровую чашу, которую семьдесят человек и не подняли бы, и поднесла Дайни-Кюрюлю.

После того Шиль-Мангнай с братьями, чтобы попотчевать Дайни-Кюрюля, поймали в табуне восемь молодых кобылиц, привели их, убили и сварили. Принялись тут есть братья, все впятером, толстые кости ртом выбрасывая, мелкие косточки носом выбрасывая. Поговорили они обо всем случившемся, обо всех обстоятельствах и отправились четыре богатыря с Дайни-Кюрюлем — впятером. Прискакали они к кочевьям Далай-хана.

Услыхал Далай-хан шум, который они подняли, и воскликнул: — «Что за враг-неприятель прибыл, — шумят там, будто целая толпа богатырей? Вставай, мой Дайни-Кюрюль!» — Но никто ему не откликнулся. — «Куда же это ушел мой баловень, Дайни-Кюрюль?» — подумал он, взял узду и пошел ловить своего

Нарьхан-хула. Взобрался он на южную сторону Кок-Гюйдюль-Хангая, слез и стал слушать. И услыхал он голос Дайни-Кюрюля, едет он и смеется — треск идет. — «Оказывается, мой баловень, Дайни-Кюрюль, приближается, ведет за собой мировых ханов!» — Так подумал он, вернулся назад, развел огонь и присел.

Приехали те пять богатырей. Дайни-Кюрюль боялся батюшки и не вошел, а четыре брата вошли-вбежали внутрь, доложили Далай-хану о благоденствии, а затем, в очередь, обратились с таким вопросом: — «Вы, Далай-хан, вы имеете триста семьдесят семь лет. Знаете ли вы, что достигаете теперь триста семьдесят седьмого года? Говорят, вы не желаете женить Дайни-Кюрюля, пока не исполнится ему семи лет. Коротко говоря, произошло следующее: когда поехал Дайни-Кюрюль сватать небесную красавицу Дюренг-Герель, дочь царя восьми драконов, царь восьми драконов прогнал его, сказав: единственный щенок скупого скряги, Далай-хана, скорей убирайся отсюда! Назначил Дайни-Кюрюль срок встречи через семь суток и вернулся. Надо ведь начать войну с царем восьми драконов, прекратить его племя, развеять его пепел, отнять черной силой красавицу Дюренг-Герель и отдать ее милому Дайни-Кюрюлю!» — Отвечал им Далай-хан: — «Ваша правда! Идем войной на царя восьми драконов! — Дайни-Кюрюль мой, поди сюда!» — прибавил он. Дайни-Кюрюль вбежал, соизволил тогда Далай-хан сказать так:

— «Ну, Дайни-Кюрюль мой, о чем же ты говорил с царем восьми драконов? Что за встречу ты назначил?» — «Я назначил срок в семь суток, — ответил Дайни-Кюрюль, — одни сутки еще не истекли». — Тогда Далай-хан соизволил дать такой приказ: — «Дайни-Кюрюль мой, Шиль-Мангнай, Кюрюль-Толи, Хо-Манху, этим четырем богатырям приведи ты и дай следующих коней: Тюбшин-хула, Сольджир-хула, Кюдюр-Хонгор-галдзан и Сетерте-Бадма-шарга, а мне приведи моего Нарьхан-хула!»

Дайни-Кюрюль отпустил четырех бело-кулановых коней своих братьев и поскакал на своем Пламенном рыжке. Прибыл он к табунам бронзово-соловых коней, забрал отцовского Нарьхан-хула, Тюбшин-хула, Сольджир-хула, Кюдюр-Хонгор-галдзан, Сетерте-Бадма-шарга и вернулся с этими пятью конями. Оседлал он и наладил коней своих братьев и батюшки, наладил и передал братьям острые мечи, могучие луки, все самые лучшие. Поели шесть богатырей пищи, после которой не проголодаешься, выпили они напитков, после которых не захочешь пить, забрали без остатка молодецкие доспехи, вскочили на своих бранных коней и отправились в путь, направившись в сторону кочевий царя восьми драконов.

Взобрались они на серый холмик-горку, точно созданный для встреч, и спустились с коней, говоря: — «Теперь прошло семь

суток».—Сняли они седла с коней, увязали лошадей, подстелили себе потники, подложили седла под головы и улеглись спать шесть богатырей. Дайни-Кюрюль притворился спящим, а сам лежал да смотрел дозором. Четверо суток так прошло, под конец увидел он, что со стороны царя восьми драконов летит-приближается черный, как ворон, беркут: когда распустит он крылья, становится величиной с крышу юрты, когда сложит их, становится величиной с наперсток. Беркут тот, летя поверху, трижды покружил, поворачиваясь налево, трижды покружил, поворачиваясь направо, и полетел назад, к своим кочевьям. Заметил это Дайни-Кюрюль, наложил на свой тысячесильный, крепкий львино-белый лук молниеносную, быструю, сумасшедшую белую стрелу, потянул лук и выстрелил в того беркута, когда он виднелся подобно мочке иглы. Стрела Дайни-Кюрюля прострелила его насквозь, начиная от куцого хвоста до шеи, и упал он в дымовое отверстие ставки царя восьми драконов.

Тогда воины царя восьми драконов: семидесятипятиголовый Дархан-Хара-мангус (Кузнец-черный мангус), пятнадцатиголовый Атхар-Хара-мангус (Скорченный черный мангус), Ору-Зан, Кебтю-Зан, все они подхватили того беркута, когда он упал в готовый горячий чай, и намазали его белым, как снег, лекарством царя восьми драконов, исцеляющим в один час. Когда беркут был исцелен, все спросили его: — «Ну, черно-вороной беркут, говори, что видел и слышал?» — «Шесть богатырей прибыло, — отвечал беркут, — они спят на сером холме-горке, точно созданном для встреч. Главный из них—Дайни-Кюрюль; вид у него такой, будто он хочет сражаться до тех пор, пока колыбельное дитя не состарится,—сражаться до тех пор, пока не протрутся ушки железных стремян; он хочет сражаться, поделив легкими траву мира. Хочет он, должно быть, разбить царство-державу царя восьми драконов, захватить его яшмовые великие тьмы, черной силой отнять дорогую Дюренг-Герель-красавицу. Средний из них — Далай-хан; есть на нем приметы, что будет сражаться девяносто девять суток, а затем побежит назад. Последние из них—Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху—на этих четырех богатырях есть приметы, что будут сражаться девяносто девять месяцев, а потом умрут».

Тогда богатыри-предводители правого и левого крыла воскликнули:—«Эка важность шесть богатырей!» — и вышли собирать войска. Царь восьми драконов отправил десять сотен тысяч воинов под предводительством семидесятипятиголового Дархан-хара-мангуса со словами: — «Ступайте окружите сторожевой серый холм-горку!»— А десять сотен тысяч воинов во главе с пятнадцатиголовым Атхар-хара-мангусом он отправил, дав такой наказ: — «Идите и загородите тринадцать рощ-остро-

вов».—Восемь сотен тысяч воинов во главе с отборными восемьюдесятью богатырями он отправил, сказав: — «Идите и загородите восемь цветочных желтых равнин».

Узнал Дайни-Кюрюль, что приближается многочисленное воинство всех родов, и воскликнул: — «Батюшка, братья мои старшие, вставайте! Приближается вражеское действие лихое!»— Отец его и братья поднялись оседлали-наладили пять боевых коней; начинает тогда Дайни-Кюрюль наказывать: — «Старшие братья мои, вы вчетвером нападайте на десять сотен тысяч воинов во главе с Атхар-Хара-мангусом, которые пришли и стали заставой у тринадцати рощ-островков. Когда обессилеете вы, которых нельзя одолеть, то обращайтесь в бегство! Не создайте дурной славы вашему Дайни-Кюрюлю! Хан-батюшка мой, года ваши разве не стары? Держась чистого места, нападайте вы на восемь сотен тысяч воинов во главе с отборными восемьюдесятью богатырями, которые пришли и стали заставой у восьми цветоносных желтых равнин. Если вы обессилеете, то ударяйте, стегайте своего Нарьхан-хула и обращайтесь в бегство. Я же нападу на десять сотен тысяч воинов во главе с Дархан-Хара-мангусом, семидесятипятиголовым, которые пришли, окруживши сторожевой серый холмик-горку!»

Сказал это Дайни-Кюрюль и показал молодецкие способности, протянул он темный, черный туман, словно слепую стену в семьдесят рядов, как раз против всех тех воинств. Положил на правое плечо наперевес острый черно-стальной меч свой и ринулся на десять тысяч сотен воинов, гаркнув, соединив в одном громовом голосе голоса тысячи пятисот громов. Едет он, наваливая врагов, словно связанные верблюды, едет он, нагромождая побитых врагов, словно срубленные деревья, едет он—и ложатся они белея, точно положенные овцы, едет он, рассыпая врагов, словно сжатый хлеб. Рубил он, точно наваливая снопы, без остановки, без задержки бился.

Когда же появился лик девяносто девятых суток, кровь воинов-витязей, богатырских коней-меринов, перемешавшись, заструилась, забурлило-потекло кровавое море с семью скалистыми островами в начале, с пятнадцатью песчаными островами в конце. Подумал тогда Дайни-Кюрюль: — «А как-то мой хан-батюшка?»—Поспешил он обратно на сторожевой серый холмик-гору. Когда взошел он на него, то увидел, что четыре подвершных коня его братьев идут, направляясь на родину, волоча чумбуры. — «Что случилось с моим ханом-батюшкой?»— подумал Дайни-Кюрюль и стал смотреть дозором. Увидел он, что Далай-хан перебил восемь сотен тысяч воинов; но восемьдесят отборных богатырей остались; увидел он, что едет Далай-хан, склоняясь то на правую, то на левую сторону своего

Нарьхан-хула. Крикнул тогда Дайни-Кюрюль: — «Хан-батюшка мой, бейте по бедрам собачьего Нарьхан-хула и убегайте!»

Услышал Далай-хан голос Дайни-Кюрюля, проснулось внутри его внезапно сознание, ослабил он повода Нарьхан-хула и ударил его по бедрам. Помчался Нарьхан-хула; а те восемьдесят отборных богатырей пошли метать стрелы, но ни одна стрела не коснулась и волоска хвоста-бунчука Нарьхан-хула.

А Дайни-Кюрюль ринулся на оставшихся богатырей-воинов. — «Если не развалю я гор вредоносного царя восьми драконов, пожравшего своего отца, если не иссушу его вод, не разобью его царственной державы, не завладею всеми его народами, не заберу черной силой дорогую Дюренг-Герель-красавицу, то пусть я стану добычей мышей-зверенышей и потеряю имя человеческое!»—Воскликнул так Дайни-Кюрюль и закусил зубы так, что они пораздробились, сел так, что разошлось его молодецкое тело, и бросился в бой, гаркнув и крикнув. Без перерыва, без остановки пробился он в течение девяноста девяти суток. Кровь живых существ образовала уже море. Одолел он тогда врага, прояснил двойной черный туман.

Но в то время черно-вороной беркут, который, летя поверху, коль распластает крылья, становится величиной с крышу юрты, а коль сложит крылья, становится величиной с напер-сток, прокричал три раза и исчез. И тотчас же прежние враги-вороги поднялись такими же, как прежде, из крови появились кони с чумбурами, из костей встали костлявые богатыри, из сукровицы появились жилистые богатыри; против прежнего в семьдесят раз врагов прибавилось. Дайни-Кюрюль протянул сплошной слепой, черный туман в семьдесят рядов и, гаркнув, ринулся на врага. Кладет он врагов точно связанных верблюдов, наваливает точно срубленные деревья. Бьется он без перерыва, без остановки. А те богатыри-воины, не видя друг друга в темном, черном тумане Дайни-Кюрюля, стали побивать друг друга. Бился Дайни-Кюрюль девяносто девять суток без остановки, и был тогда побежден враг.

Когда же прояснил Дайни-Кюрюль двойной черный туман, увидел он, что опять, как прежде, приближается с шумом черно-вороной беркут, распластывая и складывая крылья. Воскликнул Дайни-Кюрюль:—«Зло-то вот где!»,—насадил на тысячесильный слоново-белый лук быструю, сумасшедшую белую стрелу, наговорил заговор над волшебной белой стрелой и выстрелил в злодвредного черного беркута. Прострелил он его широкий клюв—только хрястнуло, насквозь пробил его грудь и спину. Но перья-пух того беркута, перья-крылья его, все превратились в воинов-богатырей, стало их в три раза больше, чем ранее, все они в бой пошли.

Дайни-Кюрюль стиснул зубы так, что они рассыпались, подтянулся, против стремительно великого врага выдвинул стойкость богатырскую, породил в себе мысль, не знающую смягчения, и пошел рубить, никого не упуская. Сплошь под ряд никого, ничего не упуская, бился он. И вот, когда показался лик семьдесят восьмых суток, был побежден враг, прояснился и двойной туман. Силы и проворство Дайни-Кюрюля против прежнего немного прибавились, одолел он сполна воинов царя восьми драконов.

А когда появились три сотни тысяч воинов под началом двух богатырей Ору-Зана и Кебтю-Зана, которые стали заставой у тринадцати рощ-островков, доспехи Дайни-Кюрюля попортились, поиступилось его оружие. Выдернул он тогда семьдесят лиственниц и ринулся на врагов с возгласом. Стал он колотить так, что порастрепались ветви, стал колотить так, что поскакали шишки, перебил он те три сотни тысяч воинов. А двух силачей, Ору-Зана и Кебтю-Зана, он схватил, сломав одному из них руку, а другому ногу; Ору-Зана он шваркнул к царю восьми драконов через дверь, а Кебтю-Зана через дымовое отверстие, и крикнул: — «Эй, царь восьми драконов, теперь, если есть у тебя войска, высылай сюда! А если нет, выходи сам!» — Царь восьми драконов залез под скарб и обмарался, залез под стол и обмочился. Сказал тогда Дайни-Кюрюль: — «Царь восьми драконов! Вот что значит—сокрушу твои горы, вот что значит—перебью твой народ, сокрушу твою царственную державу, перебью все твои тьмы, черной силой заберу дорогую Дюренг-Герель-красавицу, вот что значит, вот оно! Отселе впредь, если будет у тебя против меня зловредная мысль, хотя бы с вошь величиной, убью я тебя, истончив, как бумагу, раздробив, как кремень».

Сказав это, повернул обратно Дайни-Кюрюль, подъехал к величественной белой ставки Дюренг-Герель, поднял дверную занавеску и крикнул: — «Дюренг-Герель, если ты здесь, скорей выходи!»—Дюренг-Герель выбежала так быстро, что развеялись рукава ее красной шелковой накидки. Подхватил ее Дайни-Кюрюль, положил ее себе на колени и поскакал, направляясь к своим родным, великим кочевьям. Когда достиг он дома, крикнул тогда: — «Хан-батюшка и ханша-матушка, если вы здесь, выходите!»—Но на крик Дайни-Кюрюля никто не откликнулся. — «Увы! Дюренг-Герель, сбегай, войди! Умерли они, что ли?» — Когда Дюренг-Герель вошла во внутрь и посмотрела, то увидела, что Далай-хан и Мэсн-Герель-ханша ползают вокруг огня и играют, протыкая пальцами лошадиный кал. — «Человек-то старится, говорят,—думой, мыслью, сказано ведь! Эти вот состарились, мучаясь мыслями!»—Подумала так Дюренг-Герель,

достала три золотые пилюли, которые она приберегала для самой себя, и всунула в рот хану и ханше. Вернулись к ним разум, сознание, и стали они такими, как были прежде. Обратились они к Дюренг-Герель с такими словами: — «Ты какое божество? Откуда ты пришла оказать нам помощь?»—Дюренг-Герель рассказала им подробно обо всем случившемся, рассказала обо всех обстоятельствах.

Тем временем Дайни-Кюрюль снял седло, узду с Пламенного рыжка; тут увидел он, что на месте подпруг белеет желудок, на месте кожи кости показываются, а на месте подгрудника выступают легкие и сердце. — «Бился в течение многих суток, ни разу ничего не ослаблял, а все подтягивал. И вот у Пламенного рыжки наружу выступили легкие, сердце, внутренности! Кости все выступили! В мире рожденный богатырский конь мой! Где родился конь, который мог бы сравняться с Пламенным рыжкой?»—воскликнул Дайни-Кюрюль и отпустил коня. А Пламенный рыжко заржал тогда так, что загудело у него в крепкой, прекрасной груди. Тогда мать его, искусная серая кобыла, перевалила через Кок-Гюйдюль-Хангай и выставила свое вымя величиной со степь. Пламенный рыжко остановился тогда на расстояние суток пути от нее и стал сосать.

Дайни-Кюрюль же вошел поспешно во внутрь, спросил о здравии, благоденствии батюшки и матушки и уселся. Батюшка и матушка его воскликнули: — «Где родился витязь, который мог бы сравняться с Дайни-Кюрюлем?»—Мэсн-Герель-ханша и Далай-хан поцеловали, поласкали Дайни-Кюрюля и Дюренг-Герель, усладили свои чувства.

После этого приказал Далай-хан затрубить в черную трубу; собрал всех подданных; приказал трубить в желтую трубу; собрал всех своих духовных. Приказал приготовить великий пир-пиршество. Пригласили старшего славного ламу, просили его указать день-число. — «Правильный день под нежной планетой будет для Дайни-Кюрюля и Дюренг-Герель третья новина первого летнего месяца»,—прошептал он. Собрали всех мастеров-кузнецов и заказали им величественную белую ставку с сорока четырьмя сандаловыми решетками, с четырьмя тысячами крышных жердей из сандала, с белыми серебряными без всякой примеси стенными обшивками, с хрустальной, золотой без добавок крышей; опоясали ее, поковавши медь, узоры вывели, поковавши бронзу — не надо тесьмы, чтобы сверху притягивать, не надо подпорок, чтобы подпирать снизу. Воздвигли ставку, поставив ее посредине высокой, красивой нагорной площадки, поперек широкого, прекрасного луга, как раз посредине прекрасного наста, в тени деревьев, ровной, синей. Водворили всё прекрасное, очистили всё враждебное, золотые сосуды, изделия

поместили в ставку, изукрасили ее по-разному, воздвигли познатному.

А затем в назначенный благодатный день заставили Дайни-Кюрюля и Дюренг-Герель поклониться желтому солнцу, зажать в руке берцовую кость с бабкой, сделали их мужем и женой и посадили их вместе. Начали они радостный пир, все миряне и духовные, все вместе уселись и начали забавляться великими забавами до удовлетворения. По правилу веселья—шестьдесят суток они забавлялись; по правилу пира—восемьдесят суток они пировали. Тут произнес Дайни-Кюрюль такие слова:

— «Я жив и насладился я до конца предела радостями. Где есть средство оживить умерших моих братьев?»—Соизволил тогда сказать Далай-хан: — «Дайни-Кюрюль, ты возьми двух коней, моего Нарьхан-хула и своего Пламенного рыжку и приведи сюда восемь тысяч бело-кулановых коней! Поедем-ка к царю восьми драконов и оживим четырех твоих братьев!»—«Хорошо», — сказал Дайни-Кюрюль, взял черный олений аркан, взял узду, подоткнул за пояс полы черного шелкового камзола и пошел к вершине Кок-Гюйдюль-Хангая. Широкие расщелины он перешагивает, узкие расщелины он переступает, взбирается он на вершину. Трижды гаркнул он на табуны коней, трижды свистнул, собрал их, смешал. Поймал он затем отцовского Нарьхан-хула, своего Пламенного рыжку и поймал восемь тысяч бело-кулановых коней. Связал их попарно за гривы-хвосты, сел сам верхом на Пламенного рыжку и пригнал коней к дому. Оседлал он отцовского Нарьхан-хула, оседлал своего Пламенного рыжку и вошел в ставку.

Тогда его батюшка взял восемь сотен тысяч лан желтого золота вместе с хадаком Намджи-бандан, взял десятилетней арзы, двадцатилетней хорзы, и отправился в путь вместе с Дайни-Кюрюлем Далай-хан. Пригнали они восемь тысяч бело-кулановых коней к царю восьми драконов. А окружающие царя восьми драконов, узнав о приближении Дайни-Кюрюля и Далай-хана, воскликнули: — «Теперь что же, они едут перебить всех нас оставшихся или едут нас помиловать? Примите их коней, помогите сойти!»—Ору-Зан и Кебтю-Зан вышли навстречу, но когда хотели они принять коней Далай-хана и Дайни-Кюрюля, не смогли они выдержать тяжести их чумбуров. Взялся тогда Дайни-Кюрюль и увязал своих коней. Вошли они затем поспешно в ставку, спросили о здоровьи-благоденствии царя восьми драконов и сели. Обратился тогда Далай-хан с такою речью:

— «Эх! Царь восьми драконов! Как тебе быть? Как мне быть? Как из ребенка сделать человека? Как из жеребенка сделать лошадь? Рассердил ты моего Дайни-Кюрюля, вот и произошла беда, не так ли?» — Отвечает ему царь восьми драко-

нов:— «Да, сказано ведь: на голову бычишка посыпали землей. Разгневал я в самом начале Дайни-Кюрюля, и произошла беда, правда это».—Тогда вынул Далай-хан из-за пазуха хадак Намджи-бандан вместе с восемью сотнями тысяч лан золота и поднес царю восьми драконов со словами: — «Подаю я калым-выкуп за Дюренг-Герель, которую взяли мы не по закону».—Смешал он затем арзу с хорзой, подлил водки и поднес царю восьми драконов с такой речью: — «Мой Дайни-Кюрюль все тужит, приговаривая: четыре братца мои! Оживите скорее и представьте нам тех братьев его!»

Согласился царь восьми драконов, повернул он с треском замок сундука и вывел бело-белую старуху. — «Скорее оживи и доставь сюда четырех братьев Дайни-Кюрюля!»—приказал он ей.—«Хорошо»,—сказала бело-белая старуха и улетела. Стала она искать волосы, волоски, члены, суставы Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху, положила их прямо-хорошо, оживила и привела в ставку. Явившись к царю восьми драконов, сдала их Дайни-Кюрюлю.

А Далай-хан царю восьми драконов и всем вельможам его поднес вина, смешанного с арзой и хорзой, приговаривая: — «Пейте все мою долю».—Все опьянели и заснули. Сказал тогда Далай-хан Дайни-Кюрюлю: — «Из восьми тысяч бело-кулановых коней отбери четырех для своих братьев, а остальных оставь!» — Отобрал Дайни-Кюрюль четырех коней, а остальных отогнал, отпустил. Бело-кулановые кони пошли себе по пути, пошли по тропинке и ускакали назад, на родину. А Далай-хан, Дайни-Кюрюль, Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху, эти шесть богатырей вскочили на своих боевых коней и поскакали, направляясь к родным великим кочевьям. Пели они походные веселые песни, говорили старые и новые слова и вернулись домой.

Начали радостный, веселый пир по случаю оживления дорогих четырех братьев, запировали они. В конце того пира-радости говорит Дайни-Кюрюль: — «С тех пор, как я появился на свет, до сей поры, когда мне исполнилось семь лет, все-то я находился в действии, не видя блаженства ни одного дня, не видя сна ни одной ночи. Теперь неизвестно, что еще наделают приближенные царя восьми драконов, если вздумают мстить за то, что мы будто бы обманом забрали восемь тысяч бело-кулановых коней! Я буду спать пятнадцать суток, днем и ночью, и насыщусь сном. Братья мои, вы четверо, Дюренг-Герель, Далай-хан, Мэсн-Герель-ханша, вы всемером покараульте моих коней в течение пятнадцати суток!» — Сказав это, передал им в руки Нарьхан-хула, Пламенного рыжку, Тюбшин-хула, Сальджир-хула, Сетертей-Бадма-шарга, Кюдюр-Хонгор-галзан, этих шесть коней,

засунул повода их за пояс и поручил караулить. Вошел он в свою величественную ставку, взошел на постель из кармазинового сукна, подложил под голову черную шелковую подушку и заснул, вытянувшись, как ремень, покраснев, как тамариск.

Когда он так спал-лежал, посреди прекрасной ночи вдруг неожиданно проснулся он, вздрогнув от шума, а произошел этот шум от того, что по теневой стороне Кок-Гюйдюль-Хангая темно-красное сандаловое дерево подломилось под ногами Пламенного рыжки. Выбежал он наружу и узнал, что шестерых коней увели воры.— «Что с конями?»—спросил он. Хан-батюшка и ханша-матушка, четыре брата его заговорили тогда: — «Вот сейчас были тут, вот сейчас были!» — «Задремали вы, — крикнул Дайни-Кюрюль, — как же это вы собирались посторожить моих коней, прогнав ночной сон?»—Схватил он в руки свой крепкий черный лук, засунул за пояс могучие белые стрелы, схватил в одну руку мангутскую черную плеть. Подобрал он полы к крепким черным бедрам и побежал вверх по солнечной стороне Кок-Гюйдюль-Хангая, переступая через широкие ложбинки, перешагивая через большие ложбины.

Взошел он на вершину и стал смотреть дозором, прислушиваться во все стороны, и совсем-то ничего не было слышно, не заметно. Только далеко-далеко, на расстояние пути в одиннадцать месяцев, слышен был шум-топот угоняемых табунов. Воскликнул Дайни-Кюрюль:—«А, пожравшие своих отцов, дурачье меченое, так вы угоняете мои табуны? Говорят: витязь милостив к витязю; ну а это дурачье немилостиво! Как я буду догонять угнанные табуны? Как я брошу своего коня, Пламенного рыжку, моего единственного носителя? Как я погоню угнанные табуны? Как оставлю своего коня, Пламенного рыжку, моего единственного носителя?» — Погнался он пешком за табунами, переступая через узкие ложбины, перешагивая через большие ложбины. Пробежал он сплошь весь день и уж поздно, при темных сумерках, нагнал своих коней.

Пустился он на хитрости-премудрости, прикрылся он, как панцырем, светло-желто-красной пылью и обежал табуны. Забежал он вперед на расстояние семи суток пути, наложил он на крепкий черный лук стрелу, спрятался за пять кустов-кустарников и прилег там. А как выехал, сидя верхом на Нарьхан-хула его батюшки, черно-красный богатырь, что луна пятнадцатого числа, гоня отдельно косяк коней, выстрелил в него Дайни-Кюрюль, дав проехать вперед на пол-сажени. Но догадался тот богатырь, понял, пошел хлестать и бросился удирать; конь Нарьхан-хула не дал стреле Дайни-Кюрюля дотронуться ни до одного даже волоска своего хвоста-бунчука. Когда ускакал тот богатырь, опять наложил Дайни-Кюрюль стрелу на лук

и улегся ждать. Как подъехал темно-красный богатырь, сидя верхом на Тюбшин-хула и гоня косяк коней, выстрелил в него Дайни-Кюрюль прямо спереди, прострелил ему плечо и свалил на землю. А конь Тюбшин-хула услыхал материнский голос, повернул назад и поддался. Вскочил на него Дайни-Кюрюль и поскакал.

Черно-красного богатыря, который гнал косяк коней, сидя на Сальджир-хула, ударяет он мангутской черной плетью, перешибает пополам, отделивши торс от груди, и убивает на смерть. Черно-красного богатыря, который сидел на Сетертей-Бадма-шарга опять-таки он ударяет плетью по торсу и груди и валит на землю. После того разбил он грудь и торс и на землю свалил темно-красного богатыря, который сидел верхом на Кюдюр-Хонгор-галзан и гнал косяк коней. Свалив богатыря на землю, повернул он назад передовых коней и стал осматривать. И увидел он светло-желтого богатыря с кривыми зубами, с растрепанными косичками, который сидел на его дорогом Пламенном рыжке, увидел он, что бросился удирать тот богатырь.

Отняв четырех коней, погнал Дайни-Кюрюль табуны назад, прибыл он на родину, поставил табуны на пастбище и остался караулить их на семь суток, караулил и днем и ночью; почувствовал он тут, что нужен ему сон, нужна еда; привел он тогда черных коней, слез у дома, напился и заявил:—«Надо мне спать, надо мне есть; лишился я сна, еды, покараульте вы для меня этих четырех коней в течение пятнадцати суток!»—Передал он с этими словами коней в руки хана-батюшки, ханши-матушки, четырех братьев и Дюренг-Герель, засунул им чумбуры тем за пояс и сдал для сторожения. А сам растянулся, как ремень, покраснел, как тамариск, и заснул.

И вот посреди прекрасной ночи вздрогнул Дайни-Кюрюль и вскочил-проснулся от шума, который раздался от того, что белое сандаловое дерево, находившееся на теневой стороне бело-сандаловых гор, подломилось под ногами Пламенного рыжки. Выскочил Дайни-Кюрюль и увидел, что четырех коней вор украл-увел.—«Увы! Что случилось с конями?»—воскликнул он.—«Да вот сейчас были, вот сейчас!»—заговорили его близкие.—«Что за незадачливое дело! Что за неблагодарное! Как же это вы собирались посторожить, прогнав ночной сон?»—сказал Дайни-Кюрюль. Опять взял он крепкий черный лук и стрелы, взял свою мангутскую черную плетку, засунул за пояс подол черного шелкового кафтана к крепким черным бедрам и побежал на вершину Кок-Гюйдюль-Хангая. Взобравшись, остановился он и стал смотреть дозором во все стороны, слушать. Нет ничего, ничего-то не слышно. Продолжает он стоять и прислушиваться, и услышал он тут шум-топот от угоняемых

табунов на расстояние двенадцати месяцев пути, прямо на восточной стороне.—«Как я заберу свои табуны, которые должен взять; как я брошу милого единственного Пламенного рыжку моего? Как я погоню свои табуны, которые должен гнать; как я оставлю моего единственного Пламенного рыжку?»—воскликнул Дайни-Кюрюль и бросился бежать, переступая через широкие ложбины, перешагивая через большие долины. Весь день тот он бежал, в полночь нагнал он свои табуны. Скрывшись, как под панцырем, в пыли и паре коней, миновал он табуны, оставаясь невидимым ни для кого. Обогнул и вышел наперед, на расстояние пяти суток пути. Наложил он на крепкий черный лук быструю белую стрелу, потянул лук, вспучил наставные концы, натянул так, что над наставными концами могла пролезть широкая голова, спрятался за пять кустов-кустарников и стал поджидать.

Вот выехал черно-красный богатырь верхом на коне Нарьхан-хула его батюшки, гоня косяк бронзово-соловых коней.—«Вот непереносимая дрянь-помет!»—подумал Дайни-Кюрюль и метнул в него стрелу, подпустив его на полторы сажени. Но тот богатырь догадался, понял, взял да бросился удирать; конь Нарьхан-хула ускакал, ушел, не дав стреле дотронуться даже до его хвоста-бунчука. Снова наложил Дайни-Кюрюль стрелу на лук, приготовился и стал поджидать. И вот, когда приблизился тигрово-черный богатырь верхом на Сетертей-Бадма-шарга,—коне, на котором ездил Далай-хан-батюшка на врагов-ворогов,—прострелил ему грудь, плечо Дайни-Кюрюль и свалил на землю. Схватил он Сетертей-Бадма-шарга, вскочил на него и повернул назад. Побил он, перебил трех подъехавших один за другим богатырей, сидевших на Кюдюр-Хонгор-галзан, Тюбшин-хула и Сальджир-хула, трех конях, на которых ездил Далай-хан-батюшка против врагов-ворогов. Отделил, захватил Дайни-Кюрюль трех коней и осмотрелся. И увидел он, что светло-желтый богатырь верхом на его дорогом коне, Пламенном рыжке, ускакал далеко. Повернул Дайни-Кюрюль свои табуны бронзово-соловых коней и погнал назад. Поставил их на пастбища и прокараулил, просторожил в течение восьмидесяти суток. Лишился он сна и пищи, забрал он четырех коней, сдал их в руки батюшке, матушке да старшим братьям своим, засунул за пояса им чумбуры и оставил им сторожить их со словами:—«Не отдавайте вы этих четырех коней ворам! Я посплю только одну ночь!»—Поел он кушаний-угощений, растянулся, как ремень, покраснел, как тамариск, и заснул.

В ту же полночь вздрогнул Дайни-Кюрюль и проснулся от шума, что произошел от того, что под ногами коня Нарьхан-хула поломалось крушина-драгоценное деревцо посреди трина-

дцати рощ-островков, находящееся на расстоянии четырех месяцев пути. Выбежал поспешно Дайни-Кюрюль и увидел, что четырех коней увел вор.—«Что случилось с моими конями, батюшка, матушка, братцы мои?»—воскликнул он.—«Да вот сейчас тут были, сейчас тут были»—заговорили те.—«Хан-батюшка мой, вы уж стары,—сказал тогда Дайни-Кюрюль,—всегда вы были ко мне милостивы; ханша-матушка моя, вы уж состарились, всегда вы были ко мне милостивы. Братья мои старшие, какие вы немилостивые! Как же вы не могли постеречь для меня четырех коней, прогнав сон одной только ночи? Вот я сложил кости свои в кочевьях хана восьми драконов, а вы, братья мои, там уж как знаете—хотите ищите, хотите не ищите мой труп!»—Сказав это, забрал Дайни-Кюрюль сполна, ничего не оставив, свои молодецкие доспехи, взял мангутскую черную плеть и взобрался на вершину Кок-Гюйдюль-Хангая и стал слушать шумы своих коней—и услыхал шум-топот угоняемых табунов далеко вдали, на расстоянии тринадцати месяцев пути.—«Раньше два раза догонял я, когда это было поблизости; теперь же ушли они далеко, ослабели мои жилы, не догнать мне теперь»,—подумал он про себя, закусил он зубы так, что они порассыпались, и пошел шагать так, что разошлось его тело богатырское.—«Как я буду преследовать свои табуны, которые должен нагонять; как я брошу своего Пламенного рыжку, моего единственного носителя? Как я погоню свои табуны, которые должен гнать; как я оставлю своего единственного Пламенного рыжку?»—повторял он и бежал, шагая через большие ложбины, переступая через узкие ложбины.

Пробежал он сплошь весь тот день, пробежал половину ночи, и вот на заре, в черных сумерках, нагнал он своих коней. Услыхал он голос кокого-то богатыря, который говорил следующее:—«Во вселенной нет совершенно никого, кто бы мог сравниться с Дайни-Кюрюлем. Тепер мы заставили Дайни-Кюрюля три раза догонять свои табуны, ослабели его жилы, приустал он. Мы уж далеко зашли; жеребята замучатся, гоните потихоньку табуны!»—Услыхал эти слова Дайни-Кюрюль, схватил лежавший узорчатый черный камень величиной с трехлетнего быка и швырнул его так, что он рассыпался в муку; прикусил он зубы и посреди своих табунов скрылся в семидесятирядной стене пыли. Наложил Дайни-Кюрюль стрелу на свой тысячесильный слоново-белый лук и стал его натягивать. Увидел он, что впереди всех едет черно-красный богатырь верхом на Нарьхан-хула хана-батюшки; натянул он свой лук тогда так, что достал стрелой до своего уха, и метнул стрелу в того богатыря, когда он смотрел вперед, сам зайдя к нему сзади, под самую его подфею, прострелил он ему торс и грудь, и батюшкин Нарьхан-хула по звуку стрелы

повернулся назад и поддался Дайни-Кюрюлю. Вскочил тогда на него Дайни-Кюрюль, повернул назад и перебил четырех богатырей, ехавших на четырех конях, на которых отправлялся Далай-хан против врагов-ворогов; увидел он затем, что светло-желтый богатырь верхом на его Пламенном рыжке подъехал совсем не далеко, близко и натягивает свой железный лук.—«А! это вредоносные лук и стрелы, не так ли?»—подумал Дайни-Кюрюль и притаился за дерево саксаул. Метнул Дайни-Кюрюль стрелу в того светло-желтого богатыря, но стрела Дайни-Кюрюля стукнулась об его грудь и упала с треском, точно столкнулась с зелено-черной скалой. Заметил тут Дайни-Кюрюль, что тот светло-желтый богатырь ошалел от грома стрелы, подбежал к нему и хотел вырвать лук и стрелы, но не смог этого сделать. Выхватил он свой острый черно-булатный меч.—«Коль перерезать тетиву лука, то говорят: заветная душа витязя; коль сломать стрелу, то говорят: жизненная сила—величие витязя!»—воскликнул Дайни-Кюрюль и расколол развилину его стрелы. Стал он того светло-желтого богатыря тащить с коня на бок, но никак не мог стащить. Вывел его Дайни-Кюрюль на обрывистую красную скалу, на вершину, куда не залетает белоголовый орел, растегнул все подпруги седельные, распустил подфею и подгрудник и стал толкать. Падает тогда богатырь с грохотом, точно в синевато-белую скалу молния ударила. Взял Дайни-Кюрюль ременный аркан и связал богатыря, соединив в одно его широкие колени; увязал он затем своих двух коней, Пламенного рыжку и Нарьхан-хула, и уселся.

Вдруг к тому светло-желтому богатырю вернулся разум-сознание, лягнул он, прыгнул и начал подниматься; лягнул он точно кладеный верблюд и встал на ноги, а аркан разорвал на шестьдесят кусков и отбросил вон. Подбежал он к Дайни-Кюрюлю, остановился подле него и крикнул:—«Бродачая собака, бегливый сурок! Глупая желтая дурачина! Давай скорее поиграем при солнце, пока молоды!»—Отвечает ему Дайни-Кюрюль:—«Ты—собака, ты—волк, сурочий щенок, красный бычишко! Дурацкая желтая развалина! Ты зачем три раза угонял мои табуны?»—«Меня,—отвечает тот богатырь,—когда мне был год, когда были у меня младенческие волосики, взял на воспитание царь восьми драконов с тем, чтобы я, достигнув семи лет, одолел Дайни-Кюрюля. Но, как стал я двухлетним, начало у меня внутри подпрыгивать, невозможно мне стало жить. Вот почему и пошел я воровать твои табуны, твоих коней. Будем мы биться оружием, сделанным мастерами, или будем бороться силою плечей-лопаток, пожалованных искусным творцом?»—Дайни-Кюрюль воскликнул тогда:—«Раз есть богатырская сила, пожалованная искусным творцом, что делать с оружием, сделанным мастером?»

Разошлись они на расстояние месяца пути. Дайни-Кюрюль обнажил совсем свое крепкое тело и надел на толстые белые ляжки красные, как сырое мясо, шаровары, сделанные из отборных хребтов тьмы быков. Натянул он их так, что не мог бы пролезть нос толстого комара. Гашник, сплетенный из разноцветного шелка, застегнул он сиво-серебряным шарниром, завязал как раз посредине ловко-преловко узлом, который в этом веке не распустится и под конец не развяжется. Сложил он вдвое извивающуюся черную косу величиной с кладеного верблюда вместе с семьюдесятью косичками и просунул, закрепил шуршащей светло-желтой повязкой и собрал в пук точно светло-желтое обо́, которому приносят жертву, в пук, которому подивится проезжий человек, которого не развязать ленивому. Снял он затем зеркально-жемчужные серьги величиной с голову верблюженка.

В то же время тот светло-желтый богатырь обнажил совсем свое крепкое тело и надел на толстые белые ляжки шаровары цвета синего железа, натянув так, что толстый комар не мог бы просунуть носа. Застегнул он узорчатой серебряной пряжкой гашник цвета синего железа, точно шея трехлетнего бычка, и завязал узлом, который в этой жизни не распустится и под конец не развяжется. А светло-желтые свои косички подобрал он над ушами и завязал в пучок, точно крылья ласточки.

После этого пошли они прыгать, как дрофы, красоваться, как журавли, перегибаться, как тополевые деревца, колыхаться, как узорчатые цветы; стали они выступать, разметываясь, с расстояния месяца пути, стали они выступать, возвышаясь, с расстояния дня пути. Подходят они друг к другу, сталкиваясь, как быки, подходят, став лицом друг к другу, как верблюжьи жеребцы. С расстояния пол-дня пути хватают они друг друга за кисти рук и начинают бороться. Борются они так, что стон стоит, точно в белую скалу ударила молния; сталкиваются они, точно молния царственного неба ударилась в черную скалу. Бросают они друг друга, закусывают свои зубы до того, что они крошатся, борются до того, что расходятся их богатырские тела. Ничего они не могут поделать друг с другом, борются они и видят лик пятнадцати суток, борются без перерыва, без остановки.

Так как мощь-сила светло-желтого молодца, его жилы-мясо были чрезмерны, чрезмерным рожден он был, то поднял он с воплем Дайни-Кюрюля и ударил его назад; поднял его с криком и ударил наперед. Тогда Дайни-Кюрюль, так как могучая сила да львиная крепость его были чрезмерны, поднял, гаркнув, того желтого богатыря да швырнул его на бок; поднял его с воплем да ударил наперед. И опять они пошли бороться так и сяк,

бросая друг друга туда-сюда. Но могучая сила-крепость Дайни-Кюрюля, его жилы-мясо были чрезмерны; поднял он поэтому того светло-желтого богатыря и поднял его над своим теменем; побежал он с ним так, что задрожала вселенная, весь мир, выскочил он, подняв топот тьмы верблюдов, и бросил богатыря так, что тот вошел в поверхность земли на восемьдесят локтей, загородив устья восьмидесяти перевалов, прикрыв устья восьми перевалов; поставил Дайни-Кюрюль свое серое колено посреди двух грудей, точно двух синих холмиков, того богатыря и сказал:—«Ну, молодец! У витязя бывает три досады, у лихого коня три укорочивания. Говори, о чем сожалеешь?»—Говорит тогда светло-желтый молодец:—«Покажу я тебе мои слова-разговоры! Если бы был у меня старый седой батюшка, то сказал бы я, что жалею, что не смогу вознести его кости, когда придет его смерти время. Если бы была у меня почтенная седая матушка, то сказал бы я, что жалею, что не смогу вознести ее кости, когда придет ее смерти время. Если бы был у меня славный подвершный конь, сожалел бы я, что не увижу прелести его быстроты. У одинокого нет речей, у пешего нет пыли! Не слыхал ты разве этого? Скорее убивай меня!»—Сказав это, вытянул он свою шею в шесть пяденей.

Спрашивает его тогда Дайни-Кюрюль:—«Как зовут тебя, молодец, от какого человека ты родился?»—«Я самопроизвольно родился от Дара-еке, зовут меня двухлетний Зан-Будинг»,—отвечал тот желтый богатырь. Как сказал он эти слова, Дайни-Кюрюль очистил ладонью пыль на рту того светло-желтого богатыря, очистил языком пыль на его глазах.—«Дорогое дитя, ты можешь быть другом нам в чужой стране, ты можешь быть товарищем черному телу моему!»—воскликнул Дайни-Кюрюль и предложил ему стать братьями на всю жизнь. Наговорили они друг другу в уши любезных речей, поели сладкой пищи; поели, хватая ртами пищу вместе, обменялись подарками, подарив друг другу молниеносные, быстрые белые стрелы, и стали братьями на всю жизнь.—«Да не будет у нас недостатка в кровавой войне и жирном пиру!»—сказали они и пролезли под тетивой крепкого черного лука, полизали острие черного, как курительная свеча, стального меча и так обменялись клятвами. Говорит старший брат, Дайни-Кюрюль, своему младшему брату, Зан-Будингу:

— «Раз нет у тебя хорошего подвершного коня, возьми себе моего Пламенного рыжку, пусть он будет твоим конем. Ты поедешь к матушке, Дара-еке? Поедешь ты к батюшке, царю восьми драконов?»—Отвечает ему Зан-Будинг:—«Нет мне никакого дела до матушки, Дара-еке; нет мне никокого дела до батюшки, царя восьми драконов. Коль придется мне уме-

реть, умру я, живя с вами, старшим братом; если мне придется жить, буду наслаждаться вместе с вами, моим старшим братом!»— Оседлали тогда Зан-Будинг и Дайни-Кюрюль своих богатырских коней, собрали все свои доспехи молодецкие, вскочили на коней и погнали табуны бронзово-желтых коней. Вернувшись в свои кочевья, поставили они табуны на пастбища, попоив из восьми белых морей. Когда же стали они поворачивать домой по солнечной стороне Кок-Гюйдюль-Хангая, увидели они четырех богатырей: Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюнг-Толи, Хо-Мангху. Пошли они вчетвером искать труп Дайни-Кюрюля, зашли на расстояние трех месяцев пути, отощали, сжарили и съели передние полы своих шуб. Увидевши их, Дайни-Кюрюль сказал Зан-Будингу: —«Ты возьми этих двух, а двоих я возьму! Что за люди эти братья мои?»—Зан-Будинг посадил себе на колени двоих из них, и Дайни-Кюрюль взял себе на колени двоих. Подъехали богатыри к ставке хана-батюшки, слезли с коней и вошли внутрь.

Когда доложили они о здоровье батюшке и матушке, когда спросили об их благоденствии, обратились к ним батюшка и матушка с такою речью:—«Дорогой наш Дайни-Кюрюль нашел себе славного брата, подобного себе самому! В трех мирах вселенной, где родился молодец, который мог бы равняться с нашим Дайни-Кюрюлем?»—Посадили они с этими словами обоих молодцов себе на колени, поочередно поцеловали, поласкали в правую и левую щеку каждого. Дали они проголодавшимся четырем братьям различных плодов и напитков, двум сыновьям своим подали усладительных плодов, дали им кушаньев и напитков. Утолили голод оба молодца, утолили жажду. Начали тогда веселый пир-празднество по случаю того, что вернулся Дайни-Кюрюль да нашел еще братца младшего, Зан-Будинга. Наподобие прежнего устроили великий пир, пировали и радовались.

Когда Зан-Будингу стало три года, совершили обряд пострижения волос Зан-Будинга в тот же день, когда совершали и для Дайни-Кюрюля: в третью новину летнего первого месяца. Опять начали великий пир-пирование. После того Дайни-Кюрюль дал в удел-владение своим четырем братьям каждому по восьми тысяч бело-кулановых коней и отпустил их на родину. А затем сказал Дайни-Кюрюль:—«Зан-Будинг мой, ты постереги табуны бронзово-соловых коней, а я посплю в течение пятнадцати суток, днем и ночью, насытюсь сном!»—«Ладно»,—сказал Зан-Будинг и отправился на коне, Пламенном рыжке, волоча синий железный укрюк в шестьдесят саженей. А Дайни-Кюрюль вошел в свою величественную белую ставку, взошел на постель из кармазинового сукна, подложил под голову подушку из черного шелка, обнял дорогую Дюренг-Герель, растянулся, как ремень, покраснел, как тамариск, и заснул.

И вот, когда он спал, посреди прекрасной ночи увидел он сон. Вздрогнул Дайни-Кюрюль от этого сна и проснулся, вскочил и побежал. Вошел он к Далай-хану, зажег саксауловые и сандаловые деревья так, что треск пошел, и разбудил хана-батюшку.—«Дорогой Дайни-Кюрюль мой, ты собирался спать пятнадцать суток; почему же ты пришел в полночь?»—спросил Далай-хан.—«Увидел я один сон,—отвечал Дайни-Кюрюль,—задрожал я от этого сна и проснулся. Теперь я пришел, чтобы вы разгадали мой сон».—Поднялся хан-батюшка, уселся и сказал:—«Ну, сынок, говори, начинай с самого лучшего-хорошего!»— Начинает Дайни-Кюрюль:—«Видел я во сне, что в то время, как не падал на макушку благодатный дождь, над вершиной Кок-Гюйдюль-Хангая взошла черная туча величиной с шапку и провисела семь суток. Видел я еще во сне, что оборвалась тетива моего крепкого черного лука. Видел я во сне, что поломалось острие моего алмазного черного меча. Что это значит?»—Соизволил тогда указать ему хан-батюшка:—«То, что над вершиной Кок-Гюйдюль-Хангая взошла черная туча величиной с шапку в то время, как на макушку не пало благодатного дождя, значит, что все враги-вороги, все нехорошие дела твои должны омыться и изничтожиться; это хороший сон. А то, что порвалась тетива твоего крепкого черного лука, это значит, что все враги твои, вороги, таким же образом прервутся, изничтожатся; это хороший сон. А то, что поломалось острие твоего алмазного черного меча, это значит, что все черти, все враги-препятствия, все изничтожатся; хороший это сон. Иди назад и спи!»—«Пусть будет по слову хана-батюшки, пусть все враги-недруги мои изничтожатся!»—воскликнул Дайни-Кюрюль, но не вернулся он к себе.

Пришел он в сомнение и двенадцать суток, днем и ночью, просидел в ставке у батюшки. Тем временем пришел поспешно Зан-Будинг и заявил следующее:—«Хан-братец мой, что это значит? В то время, как над вашей макушкой не падало благодатного дождя, над вершиной Кок-Гюйдюль-Хангая, величайшею из гор, взошла черная туча величиной с шапку и провисела семь суток. Что это такое?»—Отвечает ему Дайни-Кюрюль: —«А вот хан-батюшка поведал, что это будто бы хорошо, что это значит, что все мои враги-вороги смоются, уничтожатся. Ты же карауль хорошенько табуны!»—«Ладно»,—сказал Зан-Будинг, потащил свой укрюк, синий железный в шестьдесят саженей, и поехал к табунам. А Дайни-Кюрюль все продолжал дивиться, сидя у своего батюшки.

В конце седьмых суток протянулся темный черный туман, мгла, черная туча, посыпался густой снег, так что стало темно. Семь суток шел белый, как пена, снег, а затем в течение

семи суток шел железный град величиной с ягненка. Не выдержал тогда Зан-Будинг и пришел домой. Отправился Дайни-Кюрюль и тоже не мог выдержать. Поймал он двух коней-Нарьхан-хула и Тюбшин-хула и привел из табунов. После того, как вернулся он, в течение семи суток шел гремящий теплый дождь, а затем семь суток бушевал черный буран, распространяя холод тысячи калп. Образовалась тогда ледяная гора как раз высотою с половину Кок-Гайдюль-Хангая, величайшей из гор. Тогда все подданные Далай-хана, скот, люди, все были подавлены той ледяной горой и погибли. Остались только в живых Далай-хан, Мэсн-Герель-ханша, Дюренг-Герель, Дайни-Кюрюль да Зан-Будинг, эти пятеро.

Говорит Дайни-Кюрюль: — «Волшебная Мэсн-Герель-ханша, матушка моя! Вы знаете наперед, что случится в течение девяноста девяти лет, вы помните все, что произошло в течение девяноста девяти лет; так про вас ведь говорили. Как утвердилась эта ледяная гора? Как она растает? Соизвольте поведать нам!»—Соизволила ответить ему Мэсн-Герель-ханша: — «Против тебя направилось проклятие девяти видов да проклятие девяти белых языков и уст. Кроме того, Атар-Затай-хан, Эбер-Затай-хан, Арсаланг-Кэльгэтей-хан, Гарди-Кэльгэтей хан, да страна Урун-Хайчи и Урун-Метгей, эти шесть держав соединились, вознесли волшебный камень — дзат — и подавили нас снегом, побили подданных-народ наш, разорили все живые существа, увели наши табуны, наш скот. Средство же растопить эту снежную гору, если есть вообще, должно быть у Убадисун-Дара-еке, которая находится на дальнем западе. Если же нет у нее средства-указания, то нигде оно уж не отыщется».

Тотчас Дайни-Кюрюль положил за пазуху восемь сотен лан желтого золота вместе с хадаком Намджи-бандан, прокопался сквозь снег к коню своему, Пламенному рыжке, и вскочил на него. Мангутской черной плетью трижды ударил он его и схватился, трижды обернув руку, за крайние пряди его гривы. Пламенный рыжко тогда выскочил на сугробы, на снежную гору, разом, точно стрела, пущенная из лука. Тогда Дайни-Кюрюль поскакал под утренним желтым солнышком, направляясь на юго-западную сторону. На пути узнал он, что среди его кочевий установилась ледяная гора на расстоянии трех месяцев пути. Направился Дайни-Кюрюль в страну Убадисун-Дара-еке, пространство на хороших восемь тысяч лет пути он поглотил в день и вступил в пределы кочевий Дара-еке. А Убадисун-Дара-еке сидит, думает: — «В мою землю никто-то ниоткуда не приезжает. Далай-хан, который живет в далекой подсолнечной, приезжал иногда, только он один. Наверное, это едет

кто-нибудь от Далай-хана! Примите коня и помогите сойти!» — приказала она. Пятьсот дара-прислужниц вышло навстречу, но не смогли они принять коня Дайни-Кюрюля и стали на него дивиться. Дайни-Кюрюль увязал своего коня, вынул стрелу, привесил на ее развилину свое вооружение и вошел поспешно к Убадисун-Дара-еке. Девять раз он поклонился, девятью девять раз преклонил колени, удостоился благословения и был принят под милостивое покровительство. Убадисун-Дара-еке взяла и пожаловала ему нектара в золотом сосуде. Три раза с благоговением принял он нектар и поставил сосуд назад полным, каким он был раньше.

После этого Дайни-Кюрюль вынул из-за пазухи хадак Намджи-бандан в восемьдесят восемь саженей вместе с восемью сотнями тысяч лан желтого золота и поднес Дара-еке со словами: — «В моих кочевьях снег и град пали, поднялся ветер, и воздвиглась ледяная гора. Пожалуйте мне средство расплавить ее и воскресить погибших от нее! По какой причине, почему это все так произошло?»—Приняла хадак Дара-еке и сказала Дайни-Кюрюлю: — «Дайни-Кюрюль, против вас вышло проклятие девяти видов да еще проклятие черного языка и уст и проклятие девяти белых языков. Кроме того, страна Атар-Затай да Эбер-Затай, страна Арсаланг-Кэльгэтей-хана да страна Гарди-Кэльгэтей-хана, страна Урун-Хайчи и Урун-Метгей, эти шесть стран, соединившись, вознесли волшебный камень — дзат — и воздвигли ледяную гору. Дайни-Кюрюль, выйдите вы наружу, сделайте девять шагов, возьмите с закрытыми глазами в правую руку девять белых камней, а в левую руку девять черных камней и войдите обратно! Принесите также одну горсть песку!»

Вышел Дайни-Кюрюль, сделал девять шагов, закрыл свои глаза и, смотря глазами высшей мудрости, взял в правую руку девять белых каменьев, а в левую девять черных каменьев, захватил пригоршню песку и принес к Дара-еке. Убадисун-Дара-еке прочла девяносто девять заклятий и сказала Дайни-Кюрюлю: — «Ну, старший мой братец, эти девять черных каменьев вы бросьте, взобравшись на вершину Кок-Гюйдюль-Хангая, повернувши против солнца. Отойдет тогда проклятие девяти черных языков и уст! А эти девять белых каменьев вы рассыпьте, повернувши посолонь. Пройдет тогда проклятие девяти белых языков и уст! Эту пригоршню песка вы рассыпьте со словами: «пусть эта ледяная гора растает и потечет на расстояние шестидесяти месяцев пути!» Этот же нектар в золотом сосуде вы разлейте трижды, поворачивая посолонь, приговаривая: «умершие оживите, разбитое мое пусть восстановится, пусть все станет по пастбищам, пусть все сядет по

местожительствам!» Тогда все умершие ваши оживут, все погибшее восстановится, все уничтоженное возобновится. Затем вы хорошо охраняйте оставшееся! У вас теперь дело есть. Братец, скорей вы поезжайте! Потом приедете, тогда уж попируете по-хорошему». — Сказав это, пожаловала Дара-еке чистый белый хадак. Удостоившись хадака, Дайни-Кюрюль доложил о благоденствии и благополучии и выбежал вон.

Вскочил он на своего Пламенного рыжку и поскакал, направляясь к великим родным кочевьям. Когда он выезжал, высыпали первые звезды, стали выравниваться последние звезды; расстояние в восемь лет пути поглотил он в одну ночь. Когда забелела заря в его кочевьях, взобрался он уже на Кок-Гюйдюль-Хангай. Спустившись, вынул он девять черных каменьев и трижды посыпал ими, повернув против солнца, приговаривая:— «Пусть отойдет проклятие девяти черных языков и уст!»—Вынул он затем девять белых каменьев, трижды посыпал ими, повернув посолонь, и произнес: — «Пусть отойдет проклятие девяти белых языков и уст!»—Потом вынул пригоршню песку и трижды посыпал, поворачивая посолонь, со словами: — «Пусть эта ледяная гора растает и потечет на расстояние шестидесяти месяцев пути!»

И вдруг снежная гора растаяла, потекла на расстояние шестидесяти дней пути и растеклась совсем. Раскрыл Дайни-Кюрюль затем золотой сосуд с нектаром и полил им трижды, поворачивая посолонь и приговаривая: — «Пусть умершие мои оживут, пусть погибшее мое восстановится, пусть уничтоженное мое возобновится!»—Все умершие живые существа тогда ожили, все побитые вещи возобновились. Пошли все кочевать кругом да становиться по стойбищам, садиться по жительствам.

После этого Дайни-Кюрюль рассказал обо всех обстоятельствах, обо всем случившемся, о поездке своей батюшке, матушке, брату и Дюренг-Герель, всем рассказал. Начали они тогда веселый, радостный пир по случаю оживления живых существ и запировали. В конце того пиршества Дайни-Кюрюль, Далай-хан и Зан-Будинг сели на своих воздушных богатырских коней и отправились искать свои табуны, свой скот. Взяли они, ничего не упуская, все свое вооружение молодецкое. Хан-батюшка сел на Сетертей-Бадма-шарга, а Дайни-Кюрюль на отцовского Нарьхан-хула, Зан-Будинг же сел на Пламенного рыжку. Объехали они посолонь Кок-Гайдюль-Хангай, величайшую из гор, и стали выслеживать следы своих табунов. Вступили они на след, оставшийся от угона табунов бронзово-соловых коней, и поехали.

И вот, когда они ехали таким образом, увидели они, что появилось что-то темное, величиной с муху, и начало приближаться; увидели они, что стала подыматься клубами светло-желтая пыль—каждая пылинка величиной с пуговицу—и все ближе да ближе. Посмотрели они, поглядели и увидели, что приближается бело-беловато-желтый жеребенок, ростом величиной с зайца, сагадаком положивши свой хвост, который не доходил до пядени, на круп, с белой родинкой, а та родинка величиной с чашу и как раз против сердца. Увидев, как он удирает, соизволил сказать Далай-хан: — «Это наверно новорожденный жеребенок, сын жеребца Зан-Цаган-арсаланг (Слон-белый-лев) и кобылы Урун-борокчи (Мастерица-серая). Похоже, что это как раз родился новый конь, предопределенный судьбой для моего Дайни-Кюрюля! Попробуйте наскочить на него, на Нарьхан-хула! Если он ускачет, не поддавшись совсем Нарьхан-хула, то возвращайтесь назад и знайте, что это именно он. Если же поддастся он, то бросьте, зная, что это не тот».—Когда закончил свои слова Далай-хан, Дайни-Кюрюль ударил по ляжкам своего коня, Нарьхан-хула, и поскакал прямо на того жеребенка, но тот бело-беловато-желтый жеребенок с родинкой выскочил, совсем не поддавшись, и умчался вверх к вершине Кок-Гюйдюль-Хангая. Увидев это, понял Дайни-Кюрюль, что это тот самый жеребенок, и вернулся назад.

Далай-хан со своими сыновьями поехал далее по следам своих табунов; проскакали они весь тот день и встретились со скалистой горой, поросшей сандаловым лесом, упершейся в небо. — «Подымемся на вершину этой горы и узнаем, в чем дело!»—сказали они и взмахнули на вершину. Слезли они там втроем на землю, увязали своих коней и стали смотреть дозором по теневой стороне той горы. И увидели они, что на берегу черной тесниной реки возвышаются четыре величественные белые ставки, виднеются подданные, полным-полно,—видно, что люди, скот безраздельно завладели той кочевкой, без промежутка все позаняли. Увидели они далее на восточном склоне беловатого Хангая, покрытого сандаловым лесом, табуны бронзово-соловых коней, которых караулят восемь тысяч воинов, окружая точно бабки-шахматы. Говорит Дайни-Кюрюль: — «Это совсем не простое дело! Подождем, когда станет попозже, тогда узнаем, что надо делать!»

И вот, когда наступили прекрасные темные сумерки, сказал Дайни-Кюрюль: — «Я пойду к тому народу, побуду, не входя никуда, и вернусь».—Снял он свои сапоги и побежал босой. Подошел он к ставке, следуя за тенью по северной стороне юрты, и стал он слушать, как шумят голоса богатырей всех стран, как веселятся красавицы всех видов, как беседуют они друг с другом. Услыхал он, как одна из красавиц сказала; — «Вы, четыре богатыря! Берегите старательно подданных и

скот свой. Дайни-Кюрюль, ведь, может явиться!»—А ей один из богатырей ответил так: — «В мире нет витязя, который мог бы сравниться с Дайни-Кюрюлем. Но мы, шесть владений, соединились вместе, воздвигли снежно-ледяную гору и закупорили его кочевья. Не сможет он растопить ту гору, оживить, успокоить живые существа; а если и сможет, то из боязни нас, шести держав, сюда не явится! Будем-ка мы прежде всего пировать!»

После этих слов стали те богатыри пить вкуснейшую из водок, услаждаться вином, пировать. А в прекрасную полночь стали те богатыри величать друг друга, похваляться: — «Я силою славен, ты крепостью славен, ты мудростью славен!»—Когда они опьянели совсем, вскочил Дайни-Кюрюль и бросился бежать. Снял он с коней треноги, оброти, седла, узды, собрал вооружение, повешенное на лучи солнца и луны, увязал все и поднял на плечи. После этого на теневой стороне той скалистой горы с сандаловым лесом навалил он кучу, собрав саксаул и сандал, величиной с холм, и зажег огонь и сжег то оружие, седла и узды, все,—сжег так, что человеку нечего было увидеть, мышке не осталось чем поживиться.

Тогда закричал Дайни-Кюрюль: — «Враг пришел! Вставай, вон огненные войска! Отсюда враг пришел! Вставай, вон огненные войска!»—Побежал он к батюшке с братцем и послал Зан-Будинга с поручением:—«Пойди и перебей всех воинов, которые стоят кругом табунов на склоне этой горы!» — «Ладно!»—сказал Зан-Будинг, вскочил на своего Пламенного рыжку и перерубил тех воинов, навалив их, точно связанные верблюды, нагромоздив, точно подрезанные деревья.

Когда забелела заря и взошло солнце, богатыри той стороны, Атар-Затай, сели верхом без седел на необъезженных соловых коней, подняли на плечи громадные черные камни; сели они верхом на соловых коней, подняли на плечи лесины. Стали собираться те богатыри со всех сторон. А Зан-Будинг тем временем перебил всех тех воинов и пошел рубить тех подъехавших богатырей. Когда он стал их приканчивать, крикнул ему Дайни-Кюрюль: — «Зан-Будинг мой! Всех не убивай! Оставь одного из них, спросим слово у него!»—Когда подъехал Дайни-Кюрюль, Зан-Будинг стал слово спрашивать у оставленного им в живых богатыря страны Атар-Затай, Кюрюль-Хара-бэкэ (Бронзовый-черный-силач): — «Что случилось с половиной наших табунов бронзово-соловых коней?» — «Ничего мы не знаем! Что за табун?»—отвечал Кюрюль-Хара-бэкэ и не захотел больше ничего говорить. Зан-Будинг отвязал оленьи черные треноги, закрутил ими Кюрюль-Хара-бэкэ, подсунул под него и надел треноги на его толстые ляжки. — «Кто захватил наши табуны? Говори!»—Сказал и начал крутить треноги,—лопнула тогда у богатыря кожа; во второй раз закрутил Зан-Будинг,—лопнуло тогда у богатыря мясо, а когда покрутил Зан-Будинг в третий раз,—полопались у богатыря жилы-сухожилия. Заговорил тогда Кюрюль-Хара-бэкэ: — «Ваши табуны захватили четыре державы: Атар-Затай, Эбер-Затай, Урун-Хайчи и Урун-Метегей; а из державы Гарди-Кэльгэтей-хана и Арсаланг-Кэльгэтей-хана забрали другую половину ваших табунов».—Когда сказал он это, Зан-Будинг вынул свой алмазный, черно-булатный меч и хотел было зарубить Кюрюль-Хара-бэкэ, но Дайни-Кюрюль воскликнул: — «Не руби его! Пусть живет! Пусть он будет дозорным этой стороны!»—И они оставили его в живых.

Далай-хан поймал своего коня, Тюбшин-хула, сел на него, а Бадма-шарга отпустил; погнал он половину своих табунов и вернулся домой. А Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг отправились искать Гарди-Кэльгэтей-хана и Арсаланг-Кэльгэтей-хана, отправились они по следам своих табунов на северо-восток. И вот повстречалась им гора, упершаяся в небо, покрытая темно-красным сандалом. Когда взобрались они поспешно на вершину той горы, то увидели на восточной груди горы табуны бронзово-соловых коней, вокруг которых разместились, точно бабки-шахматы, восемь тысяч воинов.

Зан-Будинг бросился на тех воинов, как камень, пущенный вниз по логу. А Дайни-Кюрюль, увидев, что Гарди-Кэльгэтей-хан увязал семерых своих гаруда, крикнул ему: — «Пожравший своего отца, меченый дурак! Солнце раннее, годы молодые,—давай поиграем! Скорей выходи!»—Как крикнул он это, Гарди-Кэльгэтей-хан сел верхом на большую черно-пеструю гаруда, повел за собой шесть серо-пестрых гаруда и поднялся, взлетел ввысь. — «Это что же? Он хочет со мной биться взойдя на небо?»—подумал Дайни-Кюрюль и остановился. А тем временем Гарди-Кэльгэтей-хан без замедления выпустил сверху на Дайни-Кюрюля много стрел, без задержки выпустил тьмы стрел; посыпались они на Дайни-Кюрюля точно зерна хлеба. Тогда Дайни-Кюрюль наложил на свой тысячесильный слоново-белый лук крепкую белую стрелу, натянул лук и выстрелил. Прострелил он насквозь правое плечо-крыло царственной гаруда Гарди-Кэльгэтей хана. Когда он упал вместе со своей гаруда, оставшейся без крыла, Гарди-Кэльгэтей-хан стал молить подошедшего Дайни-Кюрюля: — «Отпусти, помилуй мою красную жизнь толщиной в нитку!»—Стал он кланяться и упрашивать; оставил его в живых тогда Дайни-Кюрюль, сказав: — «Если ты отселе впредь будешь питать против меня черные замыслы, я убью тебя, раздробив, как кремень, истончив, как бумагу! Будь же моим дозорным на этой стороне!»

Подъехал после этого Дайни-Кюрюль к своим табунам и увидел он, что Зан-Будинг одолел восемь тысяч воинов и что пошел он дальше рубить все, что на глаза попадется; увидит он скалу и, думая, что это враг, рубит ее; увидит лесину и, принимая ее за неприятеля, рубит ее. Крикнул тогда ему Дайни-Кюрюль: — «Дорогой Зан-Будинг мой, все враги твои побиты! Не рушь ты скал и лиственниц!»—Понял тогда, в чем дело, Зан-Будинг и подъехал к своему старшему брату.

Поехали оба брата далее искать Арсаланг-Кэльгэтей-хана, поехали они по следам табунов, и встретилась им обрывистая красная гора, на которую не подымается и белоголовый орел. Поднялись они, покачиваясь, на ту красную гору, на вершину, и остановились посмотреть дозором на ее теневую сторону. И увидели они на теневой стороне той горы табуны своих коней, вокруг которых были расставлены караулом, словно бабки-щахматы, восемь тысяч воинов. Увидели они также снаружи ставки Арсаланг-Кэльгэтей-хана семь белых львов, которые грызли, рыча. Крикнул тогда Дайни-Кюрюль: — «Пожравший своего отца, глупый желтый дурачина! Поиграем,—ведь солнце раннее, годы молодые! Скорей сюда выходи!»— Арсаланг-Кэльгэтей-хан сел тогда на большого белого льва и отпустил шестерых своих малых белых львов. Увидевши это, заговорил Пламенный рыжко:—«Сила льва—в его пасти. Как бы он не разорвал-не пожрал нас! Убегай на своем коне, Нарьхан-хула, и руби львов, когда они будут бежать один за другим!» — «Ладно!»— сказал Дайни-Кюрюль и приказал Зан-Будингу перерезать тех воинов. После этого Дайни-Кюрюль направился навстречу Арсаланг-Кэльгэтей-хану, а Зан-Будинг пустился против восьми тысяч воинов.

Встретив Арсаланг-Кэльгэтей-хана, подъехав близко, Дайни-Кюрюль повернул назад и бросился бежать, а когда шесть белых львов стали его преследовать и оказались один от другого на расстоянии месяца пути, повернул тогда Дайни-Кюрюль и порубил шестерых львов одного за другим. Когда подскочил он к большому белому льву Арсаланг-Кэльгэтей-хан сошел на землю и поклонился Дайни-Кюрюлю со словами: — «Я отныне впредь не буду питать против тебя злого умысла и с блоху величиной! Я слыхал, что есть славный витязь Дайни-Кюрюль, подобного которому не рождалось в мире. Не убивай теперь мою жизнь!»— Пощадил его жизнь Дайни-Кюрюль, оставил в живых Арсаланг-Кэльгэтей-хана.

Зан-Будинг перебил восемь тысяч воинов и пригнал два отдела табунов. Присоединили богатыри их к двум прежним и поскакали, направляясь к своим великим родным кочевьям. Вернувшись к себе, они поставили табуны на пастбища, явились к хану-батюшке и доложили ему обо всем случившемся во время их поездки. Вкусили они пищи и питья, а затем начали радостный пир-веселье по случаю возвращения табунов и пировали век.

В конце того пира говорит Дайни-Кюрюль: — «Бело-светло-желтый жеребенок с родинкой, который прибежал раньше из страны Атар-Затай, теперь стал взрослым конем. Поймаю его и буду на нем ездить!»—Сел он на отцовского Нарьхан-хула, взял с собой Зан-Будинга и взобрался на вершину Кок-Гюйдюль-Хангая, величайшей из гор. Стали они смотреть дозором все свои табуны, но бело-светло-желтого жеребенка нигде не оказалось. Подумали они, что ушел он куда-нибудь дальше, и стали смотреть дозором во все стороны. И вот между Арцата-Мусур-Тобхан-Хангаем, Дабхар-Хангаем, Цаган-Зандатай-Хангаем и Кок-Гюйдюль-Хангаем, между этими четырьмя Хангаями поднялась густая черная пыль и вдруг пропала. Увидели они это и подумали: — «Что это за пыль была?»—Поехали они поближе и увидели, что между теми четырьмя Хангаями прыгает, играет бело-светло-желтый конь величиной с громадный Хангай. — «Этого коня на ласку не заманишь, на хитрость не возьмешь. Попробую догнать его на отцовском Нарьхан-хула»,— сказал Дайни-Кюрюль, сложил аркан цвета синего железа в шестьдесят саженей, ударил Нарьхан-хула и бросился на того коня. Тогда тот бело-желтый конь убежал, ускакал, следуя по небесному белому шву. Гонял его Дайни-Кюрюль по небесной верхней области, три раза заставил его покружить, но, как только тот конь издали заметил масть Нарьхан-хула—тотчас убежал, ускакал бело-светло-желтый конь в страну нижних семидесяти семи драконов. Восемьдесят восемь раз объехали они страну царей драконов; выскочил тогда бело-желтый конь в мир подсолнечный и продолжал бежать, восемьдесят восемь раз обскакав ее вокруг. Тогда из ушных ямочек Нарьхан-хула показался пот-капельки, а никак невозможно было нагнать того коня. Тогда Дайни-Кюрюль набросил петлю своего быстрого черного аркана на шею бело-светло-желтого коня так, что аркан впился до шейных позвонков, и подсунул аркан под стремя. Бело-светло-желтый с родинкой конь неуком был, стал он поэтому биться и прыгать, оборвал он аркан как раз посредине и ускакал-убежал. Дайни-Кюрюль послал тогда Зан-Будинга, приказав ему: — «Нагони на Пламенном рыжке, да поверни это дерьмо, не дав ему достигнуть девяти земных тупиков!»—Зан-Будинг ударил сильно Пламенного рыжку и бросился на бело-желтого коня. С шумом пыль поднялась, и стал он невидимым.

А Дайни-Кюрюль взобрался на Кок-Гюйдюль-Хангая вершину и стал смотреть дозором. Когда просидел он так без перерыва добрый месяц, прискакал бело-светло-желтый конь с обрывком аркана полным ходом и опять начал прыгать-играть посреди тех же самых четырех Хангаев. — «Эта черная сыть где же убила моего милого братца? Как я его теперь поймаю? Раньше, когда отцовский Нарьхан-хула был сыт и крепок, догнал он, хоть и изнемог, ну а теперь догнать уж совершенно невозможно», — подумал Дайни-Кюрюль. Пустил он тогда в дело девять молодецких искусств-чудес: высушил он восемь нектарных морей, оставил один только холодный черный ключ и вознес волшебный камень-дзат, отчего потянул горячий ураган тысячи калп. Но тем не менее бело-светло-желтый конь не приближался. А табуны бронзово-соловых коней и днем, и ночью роились около холодного черного источника. Дважды семь суток миновало, захотел пить бело-светло-желтый конь, подошел он к холодному черному источнику и глотнул из него разок. Дайни-Кюрюль превратился тогда в серого коршуна и схватил обрывок аркана; притянул он и укрепил его на своем мощном черном бедре. А бело-светло-желтый конь бросился было удирать, подергивая, потащил Дайни-Кюрюля и обежал с ним вокруг Кок-Гюйдюль-Хангая. Ударил конь по теневой стороне Цаган-Зандатай, ударил по скалистым белым горам и перетащил через них Дайни-Кюрюля. На другой стороне ударил он по теневой стороне Дабхар-Хангая и выскочил далее. Повернул назад и ударил по теневой стороне Кок-Гюйдюль-Хангая. Дайни-Кюрюль по поясницу вошел в землю, трижды закачался Кок-Гюйдюль-Хангай. Остановился тут светло-желтый конь, повернулся и сказал: — «Почему это ты прицепился позади меня, как золотой клещ?» — Отвечает коню Дайни-Кюрюль: — «Я славный витязь, который должен ездить на тебе; ты славный богатырский конь, который должен служить мне!» — «Коли так, забирай меня!» — сказал конь.

Тогда Дайни-Кюрюль обротал его хазакской оброть, повернул назад, взял с отцовского Нарьхан-хула седло, узду и заседлал бело-светло-желтого коня. Седло, узда, подхвостник, надгрудник, подпруги, все оказалось мало и едв-едва годилось. — «Вот был величиной с зайца, а по приметам должен стать огромным!» — подумал Дайни-Кюрюль и спросил у бело-светло-желтого с родинкой коня: — «Ты где убил моего братца, Зан-Будинга, вместе с Пламенным рыжкой?» — Отвечает ему конь, говорит: — «Твоего младшего брата проклятая черная старуха, Шиль-Гэльмэ (Хрустальные тенета), закляла воздушным проклятием и на все четыре ноги коня, Пламенного рыжки, надела она железные треноги. Ослепила она глаза Зан-Будинга и забрала его. Пламенного рыжку поместила она в каменный дом в семьдесят

восемь этажей, а Зан-Будинга посадила в железный дом в семьдесят восемь этажей. Растянула она его руки и ноги, прибила железными гвоздями и спрашивает три раза: — «Где твоя родина, как твое имя, кто твои братья?» — Воскликнул тогда Дайни-Кюрюль: — «Я достигну страны Шиль-Гэльмэ и приведу Зан-Будинга! Можешь ты не подпасть проклятию этой старухи?»

Сказав так, вскочил Дайни-Кюрюль на бело-желтого коня, подъехал к дверям хана-батюшки и сказал: — «Батюшка, матушка мои, подайте-ка мне мои доспехи молодецкие, все сполна». — «Зачем тебе доспехи понадобились?» — спросили его. — «Моего Зан-Будинга, братца моего, захватила проклятая черная старуха, Шиль-Гэльмэ. Через дырочки чохов режет его. Поеду привезу кости брата!» — отвечал Дайни-Кюрюль.

Батюшка его и матушка, оба выбежали и воскликнули: — «Бедный ты наш Дайни-Кюрюль! Ну, что ты говоришь?» — Потом ухватились они за чумбур его коня и стали упрашивать: — «Ведь проклятая черная старуха, о которой говоришь ты, начинает свои проклятия, едва заслышит звук издали — с расстояния дозорного взгляда: вода тогда высыхает, скалы, лесины ломаются! Вот, ведь, это какая баба проклятая, говорят! Ведь это баба, которую воздвигли три державы — страна подсолнечная, страна белых верных небожителей и страна царя восьми драконов, соединившись вместе и устроив в год девяносто девять обрядов-сор, черных, проклятых. Зан-Будинг пусть, умирая, умрет, пусть, высыхая, высохнет! Ты-то не езди за ним, не погибай!» —

— «Ну, раз она такая невозможная, так я сейчас вернусь, поставлю только скот-табуны!» — сказал Дайни-Кюрюль и, когда оставили его, отъехал в сторону и крикнул: — «Хан-батюшка и ханша-матушка мои, какие вы нелюбящие, какие вы черномыслящие! Как же это я могу жить один, дав убить мангусу моего друга-брата? Как же вы дадите теперь мне мой меч? Поехал я искать кости в страну Шиль-Гэльмэ!» — Сказав это, ударил Дайни-Кюрюль бело-желтого коня по бедрам так сильно, что завизжал тот и поскакал, направляясь в страну Шиль-Гэльмэ. А хан-батюшка его и ханша-матушка попадали навзничь, ничком, и, ударившись, проломили себе лбы. Упали они, подавленные скорбью, воскликнув: — «Вот, ведь, мы сами сунули нашего единственного сына в пасть проклятой старухи, черному мангусу, и поехал сын без вооружения!»

А Дайни-Кюрюль ехал быстро. Говорит ему на пути бело-желтый конь: — «Если так потянуться, то нам встретятся девять черных морей людоедских, и невозможно переправиться через них. А за ним будет море из хорон и море из хорза, их тоже нельзя переплыть. Далее за ними будет белая скала, упершаяся в небо. И нет на этой скале шва расселины. За нею же

находится яма в шестьдесят саженей, далее идет кустарник из мечей, копий и железных крюков. Невозможно все это пройти. Если ты меня ударишь хорошенько и разогреется мое тело, то не подпаду я под проклятие той старухи. А ты уж сам наверно про себя знаешь, сможешь ты или нет!»—Ударил тогда Дайни-Кюрюль своего коня так, что остался рубец величиной с холмик, так, что упала запекшаяся кровь каплями величиной с жеребенка. Бело-светло-желтый с родинкой конь перепрыгнул через девять черных морей людоедских, перескочил разом через море из хорон и через море из хорза, перескочил так, что не задел даже волоском своего хвоста-бунчука. Когда же подъехали они вплотную, бело-светло-желтый конь пошел ступать по скале без прогалины, пошел ступать по скале без трещины и быстро перевалил через нее. Страшную черную яму в шестьдесят саженей перепрыгнул разом и остановился подле опушки кустарников из мечей, копий и железных крюков.

Тут подъехал Дайни-Кюрюль к старухе, которая вышла с железными граблями и железной корзиной собирать помет. — «Старуха,—сказал ей Дайни-Кюрюль,—укажи мне дорогу через эти кустарники!» — «Зачем ты хочешь, чтобы показали тебе эту дорогу? Не только тебя, а получше тебя богатыря проклятая черная старуха схватила, разорвала железными крюками и убила! Зачем тебе умирать за ним вслед? Я была супругой Харàтан-хана; подпала я под проклятие этой бабы, и вот волосы на моей голове стали точно корзина, а тело мое высохло и стало величиной с ласточку. Теперь я живу и хочу умереть».—В это время голос Зан-Будинга пригвоздился к небу, пригвоздился к земле; кричал Зан-Будинг: — «Хан-братец мой, я вас ждал в течение трех месяцев, думая, что вы славный витязь. Остались лишь мои главные кости; прервали мои красные жилы, теперь стало невозможно! Думал я, что бело-светло-желтый конь — быстр; теперь он опоздал!»—Как только прервался тот голос, бросился Дайни-Кюрюль прямо через тот кустарник. Выскакивает он, нацепив на левом стремени столько железных крюков, сколько могла бы увести только тьма быков; выскакивает он, нацепив на правом стремени столько железных крючьев, мечей и копей, сколько могла бы увести только тьма быков. Пробил он путь, по которому можно было бы гнать скот целыми стойбищем, по которому люди могли бы кочевать целыми поколениями.

Сбросил Дайни-Кюрюль прицепившиеся крючья и вскочил в дом, из которого раздавался крик Зан-Будинга; верх этого дома разбил бело-светло-желтый конь. А в том доме три черных мангуса покончили уже с мясом Зан-Будинга и, оставивши одни кости, пытались доконать его жизнь. Когда вошел Дайни-

Кюрюль, три черных мангуса были подавлены грозным видом богатыря, были подавлены его величием, и стали они озираться друг на друга. Тогда Дайни-Кюрюль схватил главные кости Зан-Будинга и пошел назад. Сказал ему тут бело-светло-желтый конь: — «Бедный Дайни-Кюрюль! Попрубуй-ка сначала выйти из-под проклятия черной бабы проклятой. Ударь ты меня три раза, схватись, обернув руки три раза, за длинные пряди моей гривы, да гаркни мне в оба уха так, чтобы пригвоздился ядовитый, желтый звук!»

Дайни-Кюрюль схватился за гриву коня, обмотав три раза руку, трижды стегнул и трижды гаркнул. Поднялся конь кверху на дом, внутри которого все было хрустальное. Тут поспешно проскакала проклятая черная баба, сидя верхом на хлопково-белом коне величиной с гору, засунув перед собой железную мутовку. Воскликнул тогда бело-светло-желтый конь: — «Проклятая черная баба! Если я подпаду под твое проклятие, то да останусь я с перерезанными сухими жилами и хвостом!»—С этими словами бросился он бежать, все прикрыв густой черной пылью. А проклятая черная старуха, воскликнув: — «Да разве не поломаю я твои четыре берцовых кости, не допустив тебя до девяти черных морей людоедов!» — кинулась на него. Но бело-светло-желтый конь Дайни-Кюрюля совсем не поддался тогда проклятию той бабы и ускакал на родину.

Поутру отправился в путь Дайни-Кюрюль, достиг он далекой земли, лежавшей на расстоянии восьми тысяч лет пути, а с вечерним желтым солнышком прибыл он, вернулся к хану-батюшке, забрав главные кости Зан-Будинга. — «Батюшка, матушка мои,—крикнул Дайни-Кюрюль,— примите кости Зан-Будинга, не предавая их мести трех черных мангусов!»—Вышел наружу хан-батюшка и не мог вынести тяжести костей богатыря. Дайни-Кюрюль, наклонившись в седле, положил кости-слез сам с коня, поднял кости и внес в ставку, где и положил на кровать своей матушки. Вынул он нектар, раньше пожалованный Убадисун-Дара-еке, и помазал им кости Зан-Будинга, накапал в рот. Тогда кожа, мясо, кровь, жилы, сухожилия, все восстановилось, вошла жизнь в Зан-Будинга; прыгнул Зан-Будинг, лягнул, как лягает холощеный верблюд, и вскочил на ноги.

Стали тут беседовать братья, говорить нужные слова, по-хорошему рассказали друг другу о всех мучениях и радостях, почувствовали они, говорят, блаженство, благоденствие.

По случаю того, что были привезены кости Зан-Будинга и что был он оживлен, начали они радостный, веселый пир и

запировали они на целый век. Когда пировали они так, таким образом, заговорил Зан-Будинг и сказал следующее: — «Благодаря силе хана-брата увидел я лучшее из блаженств. Как я могу убить, позволить мучить разными муками коня, Пламенного рыжку?»—Отвечает ему Дайни-Кюрюль: — «Раз четыре берцовых кости бело-светло-желтого коня твоего брата целы, раз целы ноги и руки твоего брата, будет тебе доставлен твой Пламенный рыжко! Седлай-ка ты отцовского Нарьхан-хула и садись на него!»—Сказав это, собрал Дайни-Кюрюль свои доспехи молодецкие, вскочил на бело-светло-желтого коня и пустился в путь. Повел он за собой своего младшего брата, взобрался на вершину Кок-Гюйдюль-Хангая, величайшей из гор, и стал смотреть дозором, все замечая, подсолнечные четыре материка и восемь пограничных мест. И увидел он, что с северо-восточной стороны поднялась густая черная пыль. Услыхал он, что доносится шум-топот сотен тысяч подвершных коней. Подумал тогда про себя Дайни-Кюрюль: — «По какой причине поднялась эта пыль? Что это, или проклятая черная старуха приближается? Что же это такое близится?»—Заговорил тут Зан-Будинг: — «Удивительное дело! Эта черная пыль— не пыль от врагов-ворогов. Похожа она на пыль, какую подымал бывало мой Пламенный рыжко!»—Сказал он, вскочил на Нарьхан-хула и пустился в путь. Тогда и Дайни-Кюрюль двинулся с шумом, грохотом, сидя на своем бело-светло-желтом с родинкой коне, величиной с огромный Хангай.

Направились они прямо на приближавшуюся черную пыль. Тут подскакал к ним как раз именно Пламенный рыжко с обрывками тридцати восьми двойных железных треног на ногах, с обломками сотни пик в сердце, с семьюдесятью остриями стрел в позвоночном хребте. Спустился тогда на землю Зан-Будинг. Снимает он обрывки тридцати восьми двойных железных треног с ног Пламенного рыжки. Вытаскивает он обломки сотни пик из сердца. Вытаскивает он семьдесят наконечников стрел из хребта Пламенного рыжки. Раскрыл он тигрово-пестрый кошель и помазал раны коня снежно-белым лекарством, которое излечивает скорее, чем в час. Закрылись тогда язвы коня, вышел яд из ран, и прекрасный Пламенный рыжко стал прекраснее прежнего, стал красивее, чем раньше был. Заговорил Пламенный рыжко: — «Бедные Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг! Скорее пускайтесь в путь! Проклятая черная старуха, Шиль-Гэльмэ, взяв с собой трех своих сыновей, мангусов, трижды уже перекочевала с тех пор, как вышла из дома! Подумал я о том, что случится, если не будет никаких вестей-изветий у вас, порвал я тридцать восемь двойных железных треног, что надели на меня восемь тысяч воинов, перебил я, залягал тех воинов и выскочил вон, вдребезги разбив каменный черный дом в семьдесят восемь этажей». — «Дорогой мой рыжий конь! — воскликнул Зан-Будинг.—Теперь, когда ты пришел, если проклятая черная баба, Шиль-Гэльмэ, и явится вместе со своими детьми, черными мангусами, пусть является!»—Сказав так, вскочил он на Пламенного рыжку, повел в поводу Нарьхан-хула и вместе со своим старшим братом вернулся назад. По случаю прибытия коня, Пламенного рыжки, устроен был радостный пир, на котором все и попировали, поблаженствовали.

Говорит затем Дайни-Кюрюль: — «Зан-Будинг, ты понаблюдай за табунами бронзово-соловых коней! А я лягу спать, хочу насытиться сном!»—Отшествовал он в свою величественную, белую ставку, взошел на постель из кармазинового сукна, обнял дорогую Дюренг-Герель, подложил под голову черную шелковую подушку, протянулся, как ремень, покраснел, как тамариск, и заснул.

А Зан-Будинг отправился на Пламенном рыжке, со звоном волоча драгоценный синий железный укрюк в шестьдесят саженей, и выехал, направляясь к Кок-Гюйдюль-Хангаю, величайшей из гор.

И вот посреди прекрасной ночи вздохнул Дайни-Кюрюль и проснулся от сна из-за шума, потому что завизжали кони его бронзово-соловых табунов. Вскочил он и выбежал, одеваясь на ходу, вскочил на бело-светло-желтого коня и пустился в путь. Когда он прибыл к табунам бронзо-соловых коней, находившихся на теневой стороне Кок-Гюйдюль-Хангая, то увидел он, что пришла грифо-черная, сивая волчица в пятьдесят саженей, с хвостом в пятьдесят саженей и с рылом в пять пяденей; схватили эти волки семьдесят коней-двухлеток и убили десяток кобылиц; кони все обезумели от страха и завизжали, а Зан-Будинг пошел колотить волков, так что растрепался драгоценный синий железный укрюк в шестьдесят саженей. Гаркнул тут Дайни-Кюрюль так, что звон пошел, точно тридцать три грома слились в одном голосе громов. Испугались те волки голоса Дайни-Кюрюля и отошли от табуна.

Когда же, забелевши, подошла заря, заговорила та волчица, воя и лая: — «Разве не придется мне проклятиями-заклятиями изничтожить вас обоих, Дайни-Кюрюля и Зан-Будинга, вплоть до потомков потомков ваших?»—И потянулась она далее. Крикнул ей Дайни-Кюрюль: — «Разве не придется переломить тебе, проклятая черная баба, четыре берцовых кости, не допустив тебя до десяти черных морей людоедских?»

Бросился он вместе с Зан-Булингом на тех воинов и отогнал их на расстояние семидесяти месяцев пути. Валят, побивают они затем трех сивых волченков, каждого в отдельности,

и бросаются преследовать сивую волчицу. Когда скакали они так вместе, оказалось, что бело-светло-желтый конь выходит вперед, а Пламенный рыжко отстает немного. Сказал тогда Дайни-Кюрюль: —«Зан-Будинг мой, наш батюшка говорил бывало: бело-светло-желтый конь по быстроте в семьдесят раз всех коней превосходит; а Пламенный рыжко умом в семьдесят раз всех коней превосходит. Вот как он говорил. Ты поставь табуны, а я попытаюсь догнать эту сивую волчицу!»

Трижды хлестнул он по бедрам бело-светло-желтого коня и напал на сивую волчицу. И мига не прошло, как догнал он сивую волчицу, и на всем скаку ударил Дайни-Кюрюль волчицу мангутской черной плетью, отделяющей мясо от костей, так, что оторвал мясо от куцого хвоста. Запрыгала сивая волчица так, что удары Дайни-Кюрюля пришлись и по бело-светло-желтому коню. — «Бедная передняя нога моего бело-желтого коня!»—воскликнул Дайни-Кюрюль, поглаживая ногу лошади. А та сивая волчица повернула назад и завыла, повторяя: —«Бедная нога бело-светло-желтого коня!»—А с передней ноги бело-желтого коня потащились куски пестрого мяса величиной с чашу, повисла желтая кожа величиной с сороку. Заговорил тогда бело-светло-желтый с родинкой конь: —«Бедный Дайни-Кюрюль, уходи ты прежде всего от проклятий-заклятий проклятой черной бабы! Я и на трех ногах выскочу вперед и не допущу ее до девяти черных морей людоедов! Бей ты ее сзади до смерти!»

Поскакал Дайни-Кюрюль на бело-желтом коне, оставшемся без одной ноги. Бело-желтый конь поджал ногу разбитую и кинулся на трех ногах, и выскочил вперед, преградив путь сивой волчице. Тогда Дайни-Кюрюль ударил волчицу по заду, отделив куцый ее хвост от массы костей, и свалил ее на землю. Лишь только упала она, как из нутра ее вылетели три золотых птенчика и понеслись в страну верхних небожителей.

Показал тогда Дайни-Кюрюль девяносто девять молодецких способностей-чудес: убрал он совсем небесное солнце, а на луке своего седла воздвиг желтое солнышко величиной с коленную чашку, напустил он холодный черный буран тысячи калп и остановился. В течение трех дней и ночей все птицы семидесяти цветов, замерзнув, прилетали погреться у того солнышка величиной с коленную чашку. Затем прилетела черно-пестрая царственная гаруда, а под правым крылом ее три золотых птенчика притаились. Схватил их Дайни-Кюрюль, сдавил и убил до смерти. Поставил он затем мировое солнце, уничтожил буранное наваждение и возрадовал все живые существа. Потом сложил он тела тех трех птенчиков вместе с трупом давешнего сивого волка, развел огонь величиной с гору и сжег. Прервал

он поколение зловредной бабы проклятой, развеял пепел; корове ничего не оставил пожевать, не оставил ничего лисе понюхать.

Поехал затем Дайни-Кюрюль, прискакал домой, схватил быстрое черное копье и сбросил седло. Затем подошел он к нектарному белому морю, излечивающему кожу, мясо, жилы, сухожилия, белому морю, белевшему посреди восьми нектарных белых морей, воткнул свое копье, сделав из него столб-коновязь, и привязал своего коня, произнеся: — «Икра передней ноги бело-светло-желтого коня, сделайся целой!»

Побежал затем он домой, принял напитков, кушаньев, взобрался на кровать из кармазинового сукна, обнял дорогую Дюренг-Герель, подложил черную шелковую подушку под голову, протянулся, как ремень, покраснел, как тамариск, и заснул. И вот посреди прекрасной ночи вздрогнул он и проснулся от шума, поднятого десятью сотнями тысяч иноков, десятью областями-поколениями подданных да батюшкой и матушкой. Посмотрел он,—оказывается: нет величественной белой ставки, нет и красавицы Дюренг-Герель, которую он держал в объятиях. Вскочил он и выбежал, хотел войти к хану-батюшке, но тут понял он, что кто-то протянул темный, черный туман в семьдесят рядов, увел хана-батюшку, а ханшу-матушку потащил за правую косу и погрузил на черного лысого верблюда-жеребца. Понял он, что дорогую красавицу Дюренг-Герель посадили на медлительную черную верблюдицу. Понял он, что молодецкие доспехи вместе с седлами нагрузили на крепкую желтую верблюдицу.

— «Это невыносимое проклятие-несчастие нашло на меня! Что это за ужас был?»—Так подумал Дайни-Кюрюль и хотел пойти забрать своего бело-светло-желтого коня. Стал он искать восемь белых нектарных морей, но заблудился в темном, черном тумане. Тут столкнулся он с задом бело-светло-желтого коня и таким образом нашел его. Вытащил он свое копье, взял его под мышку, поехал на своем коне и взобрался на макушку Кок-Гюйдюль-Хангая. И услыхал он, что на западном склоне Кок-Гюйдюль-Хангая раздаются звуки от звона мечей, копий сагадаков и стрел, точно хлеб убирают. Посмотрел он и увидел, как Зан-Будинг без оружия бьется укрюком посреди восьми тем черных мангусов, а от укрюка остался лишь конец величиной с палку.

Крикнул тогда Дайни-Кюрюль: — «Бедный Зан-Будинг мой! Убегай, спасай свою дорогую жизнь! Свирепчуждый враг!»—Но тот совсем ничего не услыхал и продолжал себе биться. —

«Дорогой братец мой, ведь вы без оружия!»—воскликнул Дайни-Кюрюль и кинулся на склон Кок-Гюйдюль-Хангая со всей быстротой своего бело-светло-желтого коня, точно камень, пущенный вниз по логу. Наскочил он на одну сторону тех восьми тем черных мангусов, пробил себе путь, открыл и насадил на копье восемь тысяч мангусов. Проскакал он затем на откос, усыпанный рядами каменьев, и бросил трупы там, повернул назад и опять напал на врага, опять насадил на копье восемь тысяч мангусов, сбросил их на скате с крепким кустарником, а сам опять напал на врагов и насадил на копье в два ряда весемь тысяч и одну сотню мангусов. Но тут проворное черное копье сломалось пополам в перемычке. — «Явился ко мне невозможный враг; пришел ко мне ворог небывалый!»—подумал Дайни-Кюрюль и крикнул Зан-Будингу, чтобы выезжал к нему. Взобравшись на вершину Кок-Гюйдюль-Хангая, посмотрел Дайни-Кюрюль и увидел, что среди белой груди Зан-Будинга, как раз против белого хряща грудной перепонки, торчат острия восьми тысяч пик. Как не стало в руках Зан-Будинга орудия, вырвал он семьдесят лесин и продолжал биться с мангусами. Когда наступило для желтого солнышка полуденное время, прервался крик Зан-Будинга, закрылись глаза, которыми он смотрел, ослабела его черная мощь, свесился он на бок с коня своего, Пламенного рыжки, и свалился, хватая ртом песок, цапая землю ладонями. Увидел это Дайни-Кюрюль и стал в изумлении,—истощил он все средства-возможности.

Тогда прискакал к Дайни-Кюрюлю конь, Пламенный рыжко, волоча чумбур, и сказал: — «Бедные Дайни-Кюрюль и бело-светло-желтый конь! Не было у вас вестей-сведений. А тем временем пришло восемь тем черных мангусов Мерген-Дулхо (Мудрый-шлем), которые и завладели нами. Мы с умершим Зан-Будингом так и умрем, мы с зачахшим Зан-Будингом так и зачахнем! Вы же поищите средства захватить девятиэтажный железный мост через девять черных морей людоедских, прежде чем мангусы успеют перейти через него. Если же они перейдут девятиэтажный мост девяти черных морей людоедских, то ничего не возможно будет поделать!»

Показал тогда Дайни-Кюрюль девяносто девять чудесных способностей молодецких: себя превратил он в пестро-серого коршуна, величиной с указательный палец, коня своего, бело-светло-желтого с родинкой,— в черно-пестрого коршуна величиной с ласточку, а копье свое превратил в коленчатый ковыль. Полетел он поверху и достиг девяти черных морей людоедских, прежде чем восемь тем черных мангусов Мерген-Дулхо успели подойти туда. Занял он входы на девятиэтажный мост и улегся ждать. Тем временем подошел караван, во главе которого шел

седой, красный, как сырое мясо, мангус с тьмами голов, ведя за собой кузнеца—черного мангуса с семьюдесятью головами, караван же вел скорченный черный мангус с пятнадцатью головами. Тогда Дайни-Кюрюль древком своего копья столкнул в море седого мангуса с тьмами голов, а вслед за ним столкнул и кузнеца—черного мангуса с семьюдесятью головами. Скорченного черного мангуса с пятнадцатью головами он ссадил в море, спихнул и древком же копья своего погнал караван. Спихнул он всех мангусов в девять черных морей людоедских и наказ наказал своим, сказав такие слова: — «Выведите вы караван, соберите подданных, поставьте скот-стада!»—А затем Дайни-Кюрюль в течение семи суток, днем и ночью, продолжал убивать восемь тем черных мангусов Мерген-Дулхо, топя их в девяти черных морях людоедских.

Когда собрались все караваны-поклажа, подошли, принял Дайни-Кюрюль свой настоящий вид, помог сойти на землю хану-батюшке и ханше-матушке. Помазал он снежно-белым лекарством, излечивающим скорее, чем в один час, раны батюшки и исцелил их. Оседлал он затем для хана-батюшки Нарьхан-хула, а для ханши-матушки Сетертей-Бадма-Шарга, а для милой Дюренг-Герель коня Тюбшин-хула. Повернул он затем весь свой народ, своих подданаых и повел их через девять черных морей людоедских по наваленным телам черных мангусов, как по мосту. Караваны, поклажа вся, подданные, народ семь суток, днем и ночью, кочевали, переправились назад. Пришли они опять назад в родные кочевья, где каждый стал на своем стойбище, расположился на своем местожительстве. Стали все веселиться и радоваться и пировать.

Говорит тогда Дайни-Кюрюль: — «Матушка моя волшебная Мэсн-Герель, наперед знающая, что случится на протяжении девяноста девяти лет, помнящая все, что произошло за истекшие девяносто девять лет! Где может быть лекарство-способ, нектар, который мог бы излечить моего Зан-Будинга? Укажите мне! Я поеду искать».—Соизволила ему сказать ханша-матушка, Мэсн-Герель: — «Дорогой Дайни-Кюрюль мой! Твой Зан-Будинг с тремя смертями. От двух смертей ты избавил его. Теперь против этой неизбежной по судьбе смерти нет уж никакого средства-лекарства». — Заговорил тогда Дайни-Кюрюль: — «Хорошо! Живите вы, не упуская спокойной, прекрасной державы, в круг замыкающейся, славной церкви! Я же поеду искать средства-лекарства для Зан-Будинга! Буду искать до тех пор, пока рожденное тело мое, скитаясь, таскаясь, не прикончится; до тех пор, пока подвершный конь мой не исхудает, не пристанет! Если найду, то приеду назад; а если не найду, то знайте, что умер там!» — Сказав это, засунул Дайни-Кюрюль за пазуху восемь сотен

тысяч лан желтого золота и хадак Намджи-бандан, пожелал благоденствия хану-батюшке и ханше-матушке и хотел итти вон, но тут матушка его соизволила сказать: — «Дорогой Дайни-Кюрюль мой! Отправляясь искать средства-нектара, которой бы оживил милого братца твоего, поезжай к Убадисун-Дара-еке! Поезжай к небесному ламе, Будде-Наставнику! Они наверно соизволят указать тебе! А ты так и поступай!» — «Хорошо», — сказал Дайни-Кюрюль, собрал свои доспехи молодецкие, вскочил на бело-светло-желтого коня величиной с огромный Хангай и поскакал с утренним желтым солнышком.

Направился он к Убадисун-Дара-еке и прибыл с полуденным желтым солнышком к Убадисун-Дара-еке, которая находилась на расстоянии восьми тысячи лет пути. Заранее узнала Убадисун-Дара-еке и соблаговолила сказать: — «Дайни-Кюрюль приближается, поминая меня. Какое-то дело случилось?»—Тем временем вбежал к ней Дайни-Кюрюль, девятью девять раз поклонился, девятью девять раз преклонил колени; удостоился благословения, был принят под милостивое покровительство. Когда пожаловали ему нектара в золотом сосуде, трижды принял он нектар из него, а поставил сосуд назад полным, каким тот раньше был.

После этого доложил Дайни-Кюрюль:—«Моя Убадисун-Дара-еке! Я, воюя с царем восьми драконов, нашел себе славного брата, зовут его Зан-Будинг. И вот этого Зан-Будинга убили, когда не было у меня никаких вестей-сведений, убили пришедшие к нам восемь тем черных мангусов Мерген-Дулхо. Если есть какое-нибудь лекарство, могущее оживить моего Зан-Будинга, то пожалуйте мне! Если же нет у вас, то укажите место, где его можно сыскать».—Говорит тут ему Убадисун-Дара-еке: — «Ваш Зан-Будинг был, ведь, человеком с тремя смертями! От двух смертей вы избавили его, оживив; теперь здесь нет лекарства-способа избавить его от этой неизбежной по судьбе смерти. Если есть такое лекарство вообще, то может оно быть только у Киб-Дара-еке, дочке Кюджи-Кюрюль-хана (Душистая свечь-бронза-хан), живущая по ту сторону места соединения неба и земли. Ну, а если у нее не окажется, то не будет уже ни у кого. Причина, почему у вас и днем-то война, и ночью война,—вот какая: в самом начале, после того, как вы на коне рыжей масти открыли путь, начали вы ездить на коне кулановой масти. Затем сокрушили вы горы царя драконов, иссушили его воды, побили его народ, а Дюренг-Герель красавицу захватили черной силой. Вот из-за этих дел и идут на вас враги-вороги. Скорее отправьте назад Дюренг Герель, разведитесь с ней!»—Отвечает ей Дайни-Кюрюль, спрашивает: — «Отправлю я к родителям Дюренг-Герель, ну а сам, что же, я должен стать монахом, гелюном, гецелем? Как же мне быть?» — «Вы разведитесь с Дюренг Герель красавицей, — соблаговолила сказать Убадисун-Дара-еке, — а от ваших кочевий на дальнем юге живет прекрасная красавица пятнадцатилетняя Аля-Миндасун (Шаловливая нитка), дочка коровника, прислужница красавицы Мэндр-Субсун (Град-жемчуг), дочери Шиль-Тогос-хана (Хрустальный-павлин-хан). Если вы возьмете себе Аля-Миндасун, то будете блаженствовать с потомками потомков ваших вечно, не зная смерти, богато, не зная бедности, до пределов блаженства!»

— «Ну, — отвечал ей Дайни-Кюрюль, — Убадисун-Дара-еке моя! Живите-ведайте по-хорошему в благоденствии!»—Вышел он и пустился в путь. Поскакал он в то время, когда на небе поднялось уже было полуденное желтое солнышко, направляясь к небесному ламе, Будде-Наставнику, находившемуся на расстоянии опять-таки восьми тысяч лет пути. Прибыл Дайни-Кюрюль к Будде-Наставнику, когда рассыпались первые звезды, и слез с коня. Вбежал к ламе он, девятью девять раз поклонился, девятью девять раз преклонил колени, удостоился благословения, был принят под милостивое покровительство. Принял он пожалованный ему золотой сосуд с нектаром и три раза глотнул из него, а назад поставил сосуд полным до краев, каким он был раньше. Затем Дайни-Кюрюль доложил: — «Милостивый лама мой, Будда-Наставник! Милого моего Зан-Будинга, братца моего, убили восемь тем черных мангусов Мерген-Дулхо. И вот я представился вам, прося пожаловать мне лекарство, которое бы оживило его».—Соизволил тогда Будда-Наставник сказать ему: — «Твой Зан-Будинг — с тремя смертями. От двух смертей ты избавил его. Теперь, если есть средство-лекарство избавить его от этой предназначенной судьбой смерти, то, наверное, найдется оно у красавицы Киб, дочери Кюджи-Кюрюль-хана. Но страна его далека, много, говорят, на пути врагов-неприятелей. Дайни-Кюрюль! Причина, почему нет у тебя радости ни одного дня, нет блаженства ни одной ночи, почему и днем идут на тебя враги, и ночью идут на тебя вороги, вот какая: в самом начале сел ты на коня неподходящей для тебя масти, да поехал в противную, неподходящую сторону. Затем разбил ты горы царя восьми драконов, иссушил его воды, перебил его людей, черной силой забрал красавицу Дюренг-Герель. Вот почему подымаются враги-неприятели против тебя! Скорее возврати Дюренг-Герель красавицу, разведись с ней!» — Спросил тогда Дайни-Кюрюль: — «Верну я красавицу Дюренг-Герель, и что же, стану монахом, гелюном, гецелем? Как мне быть?»— Поведал ему тогда Будда-Наставник: — «На дальнем юге живет пятнадцатилетняя Аля-Миндасун, дочь старика-коровника, при-

служница красавицы Мэндр-Субсун, дочери Шиль-Тогос-хана. Если ты разведешься с Дюренг-Герель и возмешь себе Аля-Миндасун, то будешь ты блаженствовать в благоденствии и радости с потомками потомков твоих вечно, не зная смерти, богато не зная бедности». — «Ну, Будда-Наставник, — сказал тогда Дайни-Кюрюль, — буду я искать средство-лекарство оживить моего Зан-Будинга, пока не погибнет мой подвершный конь, пока тело мое, обретенное, не умрет! Вы уж соизволите пребывать в благоденствии!» — Сказав это, пустился он в путь, когда стали выравниваться последние звезды.

Направился Дайни-Кюрюль в сторону Киб-Дара-еке, поскакал, наметивши себе путь в дальнюю южную сторону. Когда он прибыл к месту, где сходится небо с землей, оказалось тут, что нет возможности перейти это место. Спустился с коня Дайни-Кюрюль, поставил тринадцать воскурений, поклонился и нагромоздил друг на друга золотую гору и серебряную гору. Тогда, взяв их как подпоры, взобрался он и перешел место соединения и поскакал далее. И пришлось ему проезжать мимо двух больших дозоров. В полночь услыхали те дозоры и двинулись к нему отобрать бумаги-повестки, с боем двинулись на Дайни-Кюрюля. — «Согласно приказу, — заявили они, — мы должны биться со всяким, кто бы ни пришел и откуда бы ни явился в страну Киб-Дара-еке. Мы будем биться до тех пор, пока находящийся теперь в люльке ребенок не состарится, седина не падет ему на голову; будем биться до тех пор, пока не изотрутся мочки железных стремян. Как бы мы не одолели тебя!» — Заклубились воины, как ночь, потянулись друг за другом, как муравьи.

Подумал про себя Дайни-Кюрюль: — «Еду я, думая о Киб-Дара-еке, нет мне возможности перебить поставленный ею дозор. Невозможно хитростью миновать его, невозможно с боем миновать его! Попробую-ка я напрямик пробиться!» — Так подумал он и хлестнул своего бело-светло-желтого коня по бедрам, оставив след величиной с холм, сбив запекшуюся кровь кусками величиной с жеребенка, и поскакал. Из тех многих воинов-дозорных восемь тысяч воинов попали под ноги светло-желтого коня и были потоптаны. Проскакал Дайни-Кюрюль вперед и продолжал свой путь далее.

Когда забелела заря, разнесся запах душистых свечей; земная трава, драгоценная трава-куша, трава, выросшая среди сандаловых деревьев и деревьев чампака, заколыхалась соответственно мелодии гимна «мегдзема»; пестрые пташки защебетали на разные лады, засверкали золотая и серебряная горы, заструились на юго-западе молочная и масляная реки. Увидел это все Дайни-Кюрюль, и прояснилось его потемневшее чело, ясно стало

в помрачившейся груди, в тринадцать раз более прежнего почувствовал он в себе мощи-силы и ума-разума.

Киб-Дара-еке наперед поведала о его приближении и соизволила сказать: — «К нам люди-живые существа, находящиеся на расстоянии восьми лет пути, не заезжают никогда и ниоткуда. Какой же это человек приближается? Прежде наш Кюджи-Кюрюль-хан рассказывал, что приезжал к нам только Далай-хан на коне Нарьхан-хула из подсолнечной области. Если это не Далай-хан, то наверное кто-нибудь из присных его подъезжает к нам».

Тем временем прибыл Дайни-Кюрюль, сошел с коня, вынул стрелу, вонзил ее в землю и повесил на нее свое вооружение. Вбежал он затем к Киб-Дара-еке, девятью девять раз поклонился, девятью девять раз преклонил колени, удостоился благословения и был принят под милостивое покровительство.

Принял он пожалованный ему нектар в золотом сосуде, трижды глотнул из него, а поставил назад сосуд полным. И потемневшая грудь стала светлой, в тринадцать раз прибавилось у него силы-крепости, ума-разума. Вынул затем Дайни-Кюрюль из-за пазухи хадак Намджи-бандан, в восемьдесят восемь саженей, вынул восемь сотен тысяч лан желтого золота, поднес Киб-Дара-еке и доложил ей: — «Киб-Дара-еке! Вот почему я явился к вам: был у меня славный братец, звали его Зан-Будинг. И вот, когда не было у меня вестей-известий, пришло восемь тем черных мангусов Мерген-Дулхо и убили моего брата — безоружного, без оружия-доспеха. Представился я вам, чтобы просить пожаловать мне лекарство, которое могло бы оживить его!» — Отвечает ему Киб-Дара-еке: — «Хан, старший братец мой, приехавший из дальней страны, встретившийся со зловредными недругами! Есть у меня способ оживить брата вашего. Вы сами, ведь, с малых лет не видели блаженства дня и ночи, постоянно воевали со врагами. Прежде всего вы на неподходящем коне поехали в неподходящую сторону, затем черной силой завладели вы Дюренг-Герель красавицей, дочерью царя восьми драконов. Вот через это и нет конца врагам-ворогам. Верните назад Дюренг-Герель. От ваших кочевий на дальнем юге живет пятнадцатилетняя Аля-Миндасун, дочка старика-коровника, прислужница красавицы Мэндр-Субсун, дочери Шиль-Тогос-хана; если вы разведетесь с Дюренг-Герель и возьмете Аля-Мандасун, будете вы наслаждаться постоянной радостью, вечно, не зная смерти, богато, не зная бедности!»

Дайни-Кюрюль принял по закону поучение и сел. Тогда Киб-Дара-еке приказала семьдесят три раза налить ему двойной красной арзы в красивую пеструю чашу, которую не под-

няли бы семьдесят человек, и поднести раз за разом. Дайни-Кюрюль проглотил одну чашу за другой. Тогда Киб-Дара-еке всунула в золотой сосуд три пилюли и запечатала семьюдесятью восемью печатями. Передавая Дайни-Кюрюлю, она сказала: — «Возвращайтесь назад и хорошенько берегите это! Покапайте из этого сосуда на раны Зан-Будинга и всуньте ему пилюли в рот,—он тогда оживет. Остатки же сохраняйте до потомков потомков ваших!» — Принял Дайни-Кюрюль пожалованный ему сосуд, пожелал Дара-еке благоденствия и собрался уходить. Соизволила тут Киб-Дара-еке сказать ему: — «Братец! Вы теперь торопитесь, плохо поэтому вас чествовали. Приезжайте к нам потом, тогда почтим, угостим вас по-хорошему. Когда вы ехали к нам, то разбили немного наши дозоры; возвращаясь, проезжайте по средней из трех дорог, что проложены по правому склону золотой и серебряной горы. Следы коня вашего батюшки, Нарьхан-хула, подобны загону для овец у богатого человека, торчком стоят они, говорят. Если вы там поедете, то небо и земля скоро не сойдутся!»

— «Хорошо»—сказал Дайни-Кюрюль и выбежал, вскочил на своего коня бело-светло-желтого с родинкой, величиной с огромный Хангай, и поехал по средней дороге из трех дорог, идущих по западному склону золотой и серебряной горы. Поскакал он там как раз по следам, оставшимся от Нарьхан-хула; проскакал весь тот день, проскакал всю ночь, и разогрелось тело, грудь бело-светло-желтого коня, выступил пот в ямках его ушей.

Небесная заря трижды закраснела, земная заря трижды зажелтела, потряслось синее Вечное Небо, задрожала золотая земля-поверхность; прибыл Дайни-Кюрюль на край великих родных кочевий, прибыл он к трупу Зан-Будинга. А Пламенный рыжко обмахивал его труп хвостом, чтобы не пакостили мухи, чтобы не садились комары, становился он против солнца, чтобы послужить тенью, становился против свежего ветра, чтобы послужить защитой. Подъехал Дайни-Кюрюль, слез с коня, потянул вверх, приподнял черную круглую, как жертвенное блюдо, голову Зан-Будинга, поднес к его рту золотой сосуд с нектаром, пожалованный Киб-Дара-еке, и трижды засунул пилюли ему в рот; затем раскрыл он грудь и трижды помазал нектаром. Зан-Будинг ударил тогда ногой, точно лягнул некладеный верблюд, прыгнул и вскочил на ноги. Обнял он шею своего брата, трижды терял он чувства и трижды приходил в себя. Оправившись, сказал Зан-Будинг: — «Братец мой старший, братец, который оживляет своего младшего брата! Не так ли?» — Расхохотался он, звеня голосом барса, рассмеялся он, гремя голосом дикого коня, и оставил-отпустил шею Дайни-Кюрюля.

Поговорили они об обстоятельствах, при которых произошла война, приходили враги. Отправились они затем на своих боевых славных конях, прибыли к величественной ставке хана-батюшки Дайни-Кюрюля, слезли с коней и вошли. Спросили они о благоденствии хана-батюшки и ханши-матушки, рассказали-доложили о поездке, о всех хороших и плохих делах, обо всем, что приключилось с ними. Приняли они напитков, кушаньев и начали радостный пир по случаю оживления Зан-Будинга, запировали, завеселились.

Посреди того пира Дайни-Кюрюль сильно опьянел, охмелел от водки, вина и воскликнул: — «Хан-батюшка мой, ханша-матушка моя, дорогой Зан-Будинг мой, вы все хорошенько слушайте! А я вам расскажу по-хорошему! С тех пор как я появился на свет и до сей поры, когда исполнилось мне семь лет, не видел я радости ни одного дня, не видел я блаженства ни одной ночи; и днем-то враг, и ночью-то враг. И это вот почему, вот по какой причине: в самом начале на коне неподходящей для меня масти поехал я в неподходящую для меня сторону; затем разбил я царскую державу царя восьми драконов, перебил его все тьмы, черной силой отобрал красавицу Дюренг-Герель. Вот в силу-то этого, вот почему враги-вороги все являются. Если отправить назад, развестись с Дюренг-Герель и взять в жены красавицу Аля-Миндасун пятнадцати лет, дочку старика-коровника, прислужницу царевны Мэндр-Субсун, дочки Шиль-Тогос-хана, который живет на дальнем юге, то будет постоянное блаженство до потомков потомков вечное, не знающее смерти, богатое, не знающее бедности. Так одинаково указали мне Убадисун-Дара-еке, небесный лама, Будда-наставник, и Киб-Дара-еке, дочь Кюджи-Кюрюль-хана. Отправьте же теперь назад, домой—Дюренг-Герель!»—Тут хан-батюшка и ханша-матушка, а также и милый брат, Зан-Будинг, воскликнули: — «О чем таком нехорошем в Дюренг-Герель говоришь ты? Что ты находишь плохого в ее красе; что ты находишь плохого в ее нраве? Да на тебя дурь нашла! Как можно вернуть назад Дюренг-Герель?» — Заявил тогда Дайни-Кюрюль: — «Если хотите вернуть Дюренг-Герель, то верните; если хотите оставить, так оставляйте. Я же не приму ее!»

И стал Дайни-Кюрюль днем сидеть у хана-батюшки, а ночь придет—стал он почивать тоже у хана-батюшки, а в свою величественную белую ставку совсем перестал заходить. Когда он спал раз у хана-батюшки, увидел он ночью плохой сон: пришли семьдесят девять славных богатырей из страны Кюрюль-Хонгхо (Бронзовый колокольчик) и завладели кочевьями Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху, его четырех братьев. Доложил Дайни-Кюрюль о сне хану-батюшке,

Далай-хану. И соизволил Далай-хан сказать следующее: —«Сон Дайни-Кюрюля—мудрый, вещий сон; это правда—захватили они! А говорят, первый, лучший богатырь из семидесяти девяти богатырей Кюрюль-Хонгхо в десять раз могучее вас, Дайни-Кюрюля и Зан-Будинга, последний богатырь могучее вас в три раза. Вот какие это богатыри. Первый лучший их конь в девять раз лучше бело-светло-желтого коня величиной с огромный Хангай и Пламенного рыжки величиной с мглистый Хангай. Не потеряйте вы своих дорогих жизней из-за своих четырех братьев!»

Упала тут у Дайни-Кюрюля смелость немного, но тогда заговорил Зан-Будинг: — «Коль станут говорить, что семьдесят девять богатырей Кюрюль-Хонгхо завладели четырьмя братьями Дайни-Кюрюля и Зан-Будинга, то не забудут о нас обоих. Хорошо ли это, плохо ли, но они—наши старшие братья. Поедем за ними, побьем семьдесят девять богатырей Кюрюль-Хонгхо, прервем их род, развеем их пепел! Оставшееся заберем в добычу и вернемся назад! Так ведь надо?» — «Да, так нужно поступить!—воскликнул Дайни-Кюрюль,—но хоть это и так, все-таки сон темный ночи—неверное дело! Поедем посмотрим!»—Забрали они все свои доспехи молодецкие, вскочили на мудрых, славных коней своих и поскакали, направляясь в кочевья Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи и Хо-Мангху.

Когда доскакали они, то увидели, что все пастбища поросли уже травой, помет высох; а все, что было там, увезено, как добыча, на северо-запад. Стояли там богатыри и осматривали, и увидели, что к тонкой ветви сандалового дерева привязано желтое письмо. Взял его Зан-Будинг и стал читать; понял он, что написал его Шиль-Мангнай с братьями. Написали же они такое письмо: — «Семьдесят девять славных богатырей Кюрюль-Хонгхо завладели нами. Вы, наши младшие братья, не приходите за нами, в своих заботах о нас, старших братьях! Потеряете вы жизнь свою!»—«Если родился витязь, то насколько шея должна быть крепче шеи обыкновенного человека!?—подумал Зан-Будинг, прочитав письмо.—Если родился славный витязь, то насколько он должен быть шире в плечах обыкновенного мужа!?»—и разорвал письмо. Затем Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг отправились по следам семидесяти девяти славных богатырей Кюрюль-Хонгхо.

Проскакали они весь тот день, и увидел тогда Дайни-Кюрюль отпечаток копыта коня. — «Зан-Будинг мой! Постой-ка здесь, посмотрим!»—воскликнул Дайни-Кюрюль. Заставил он Пламенного рыжку наступить на тот след, и копыто его потерялось посреди следа, точно копытце однолетнего жеребенка; заставил он ступить бело-светло-желтого коня, и копыто его потерялось в середине того следа, как копыто двухлетнего жеребенка. Остановился тогда Дайни-Кюрюль в изумлении, но Зан-Будинг воскликнул: — «Что же будешь дивиться, увидев след копыта черной скотины, выросшей среди песка и воды да в безлюдной местности?» — Потянул он повода Пламенного рыжки, стукнул ими по кровяным желтым зубам, хлестнул по бедрам, стукнул по маслянистым черным берцовым костям и поскакал. А Дайни-Кюрюль подумал про себя: — «Дорогой Зан-Будинг мой прошел через три смерти, сердце его теперь укрепилось, отвага окрепла».—Пошел он хлестать бело-светло-желтого коня своего и помчался. Зарысили они, выравнив удила своих коней, зарысили так, что синее Вечное Небо потряслось, задрожала золотая земля-поверхность. Едут они, разбрасывая нагорные камни, рысят, отделяя большие камни от малых. И вот на южной грани кочевий семидесяти девяти славных богатырей Кюрюль-Хонгхо взобрались они на макушку черной горы, покрытой сандаловым лесом, на которую не пробовала садиться и птица.

Начали Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг смотреть дозором, осматривать, и заметили они, что Шиль-Мангнай с братьями оказались оставленными на северном краю кочевий в вершине черной реки, бегущей по ущелью; увидели они, что огромные киргизские слоново-соловые кони семидесяти девяти славных богатырей Кюрюль-Хонгхо кружатся, прыгают с седлами и уздами. Говорит Зан-Будинг: — «Хан-братец! Из этого табуна соловых коней, более многочисленных, чем волосы на голове, которые совсем наполнили теневую сторону этой черной горы с сандаловым лесом, — возьмем-ка мы из этого табуна семьсот сорок кобылиц, зажарим их и съедим! Потом поспим-ка немного!»—Согласился Дайни-Кюрюль, сошли они на теневую сторону той горы и схватили триста семьдесят да триста семьдесят, всего семьсот сорок кобылиц. Устроили они из лиственниц четыре вертела, насадили на них туши и стали жарить, разведя огонь. Сняли они со своих коней-носителей седла, увязали их, подложили седла под голову, подстелили потники под себя, растянулись, как ремень, покраснели, как тамариск, и заснули.

Когда спали они так, карауливший табуны Кюрюль-Хонгхо, лучший из табунщиков, старик Ак-Сахал (Белая борода), пася табуны, увидел двух богатырей. Подошел он к ним поближе, узнал, что два светло-желто-красных богатыря насадили семьсот сорок кобылиц на вертел, зажарили, а сами уснули. Тут приблизился он к ним вплотную и крикнул: — «Глупые дуралеи, схватившие семьсот сорок кобылиц, что находились на теневой стороне горы, на вершину которой и птицы не пробовали садиться, зажарили их и спите! Скорей вставайте!» —Но те не проснулись. Тогда ударил он черенком драгоценного сине-

железного укрюка в шестьдесят саженей младшего из двух богатырей; искривился черенок укрюка, так колотил он им, но богатырь не проснулся. — «Когда я так сладко, прекрасно сплю, что из того, если укусит, или не укусит меня голодная блоха?»—пробормотал богатырь, перевернулся на другой бок и продолжал спать. Услыхал табунщик Кюрюль-Хонгхо, побледнел, изменился в лице, затрепетало его сердце. Поскакал он на своем быстром соловом жеребце, вернулся домой и крикнул: — «Семьдесят девять богатырей Кюрюль-Хонгхо! Пришли те, кто обрушат ваши горы, иссушат ваши воды! Приехали два богатыря; зажарили они семьсот сорок кобылиц и спят теперь. Ударил я черенком железного укрюка их по головам, чтобы разбудить их, но не мог разбудить, а младший богатырь проговорил спросонок: — Когда я так сладко, прекрасно сплю, что из того, если укусит меня, или не укусит голодная блоха!— Повернулся на другой бок и продолжал спать. Невозможное дело приключилось, пришло то, чего не бывало!»

Заговорили семьдесят девять богатырей Кюрюль-Хонгхо: — «Эти плохонькие Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху и днем-то все твердят: Дайни-Кюрюль, Зан-Будинг, и ночью-то все повторяют: Дайни-Кюрюль, Зан-Будинг! Наверное эти двое приехали. Поедем, побьемся с ними при дневном свете!»—После этого семьдесят девять богатырей выбрали каждый в отдельности разных и разных воинов, забрали свои доспехи молодецкие. Выехали они, наполнивши теневую сторону черной горы с сандаловым лесом, окружили Дайни-Кюрюля и Зан-Будинга семьюдесятью девятью рядами и крикнули: — «Глупые дуралеи, схватившие и зажарившие кобылиц из табунов соловых коней, наполнявших теневую сторону горы с сандаловым лесом, вершину, на которой и птица не пробовала садиться! Скорей вставайте! Солнце раннее, года наши молодые, — поиграем!»

Проснулись от голосов тех многих богатырей Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг; поднялись они неспешно, оделись без торопливости, съели мясо семисот сорока кобылиц, оседлали своих коней, надели все свое оружие, доспехи молодецкие и вскочили на коней. Гаркнул тогда Зан-Будинг: — «Ну, семьдесят девять славных богатырей Кюрюль-Хангхо! Что же, вы будете биться, следуя один за другим, как настоящие богатыри, или будете биться, наскакивая кучей, как собаки?» —«Если умирать, все умрем мы вместе; если придется нам жить, все вместе будем жить!» — крикнули богатыри и все бросились на Дайни-Кюрюля и Зан-Будинга. Сказал тогда конь, Пламенный рыжко: — «Дайни-Кюрюль, Зан-Будинг, скорей убегайте! Если они ударят не только семьюдесятью мечами и копьями, а семьюдесятью палками, так и то погубят человека!»

Зан-Будинг и Дайни-Кюрюль побились немного, порубились и бросились бежать к себе в кочевья. А семьдесят девять богатырей подумали, что побежали они с испуга, пустились их преследовать. Когда отъехали они на расстояние семидесяти девяти месяцев пути, оглянулся Дайни-Кюрюль и увидел, что богатыри Кюрюль-Хонгхо приближаются, находясь друг от друга на расстоянии месяца пути.—«Зан-Будинг мой,—сказал Дайни-Кюрюль,—ты поверни назад и бей один!»—Согласился Зан-Будинг, положил на плечо свой острый черно-булатный меч, гаркнул и кинулся на врага. Первого из богатырей свалил он, разрубив его вместе с конем; перерубил он вместе с конем и следующих; порубил он семьдесят семь богатырей, завалив устья перевалов. Под конец сшибся он с одним богатырем, семь раз начинал рубиться с ним и ничего не мог поделать; никто из них не мог справиться друг с другом. А Дайни-Кюрюль сидел и смотрел дозором, наблюдал.

Вот Зан-Будинг и тот богатырь пробились, не будучи в состоянии справиться друг с другом, пятнадцать суток без остановки, без задержки. Под конец рассердился Зан-Будинг: —«Зачем тратить дни и сутки с этим дрянным дуралеем!» — подумал он. Соскочил он с коня, бросил его, крепко увязав, и, схвативши, стащил того богатыря с лошади. Затем схватил его за обе ноги и ударил головой по земле. Наступил потом на грудь и оторвал ему голову, принеся ее в жертву верхним восьми уделам. Вырвал он затем его сердце с главной жилой и поднес в жертву семидесяти семи царям нижних драконов. Потом спалил он его труп и не оставил кости корове пожевать, не оставил запаха лисе понюхать.

Тут прибежали Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху, обняли они Зан-Будинга за крепкую, прекрасную шею, поцеловали его в темно-красные щеки. — «Если родится в этом свете богатырь, то где родится такой, который может сравняться с нашим Зан-Будингом! В мире не рождался такой славный витязь!» — Тем временем, как разговаривали они о своих горестях и обидах, прибыл Дайни-Кюрюль, сошлись шесть богатырей и стали беседовать. — «Ну, — сказал Зан-Будинг,— вы, братцы мои старшие, забирайте вы великие владения семидесяти девяти славных богатырей Кюрюль-Хонгхо, и возвращайтесь на родину! Мы же вдвоем тоже поскорее возвратимся!» — Четыре брата тогда ответили: — «Мы заберем владения, но к себе не вернемся. Забрав владения Кюрюль-Хонгхо, мы перейдем поблизости к нашим двум меньшим братьям и будем вместе наслаждаться». — «Ладно, так и поступайте!» — воскликнули Зан-Будинг и Дайни-Кюрюль.

Вскочили затем Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг на своих славных коней и, направившись к своим великим кочевьям, верну-

лись домой. А Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху собрали владения Кюрюль-Хонгхо, нагрузили на кладеных верблюдов золото и серебро, разного рода драгоценности, заставили кочевать подданных-народ, погнали скот-стада. Выступили они в путь, закочевали при общем шуме-суматохе. Кочуют они без дневок днем, не останавливаясь на ночлег по ночам; торопятся, не обращая внимания на неясный день, не ища прикрытия, торопятся, не обращая внимания на жаркое, острое солнце, не ища тени; торопятся, не обращая внимания на ясный день, без устали торопятся, не обращая внимания на ясное, острое солнце, не ища тени. Без задержек шли они в течение месяца и пришли во владения Далай-хана, соединив свои владения с принадлежавшими богатырям Кюрюль-Хонгхо. Народ-подданных, скот-стада разместили они по стойбищам и пастбищам и начали блаженствовать. У Далай-хана же был устроен радостный пир-пирование по случаю присоединения владения-подданных семидесяти девяти богатырей Кюрюль-Хонгхо, на котором все и запировали.

Посреди того праздника говорит Дайни-Кюрюль: — «Четыре братца мои, вы еще об этом не слышали. Когда не мог я ничего слышать-видеть, пришло восемь тем черных мангусов Мерген-Дулхо, завладели нашими кочевьями и убили моего братца меньшого. После того поехал я искать лекарства, которым можно было бы оживить Зан-Будинга. И поведали мне Убадисун Дара-еке, небесный лама, Будда-наставник, и Киб-Дара-еке, дочь Кюджи-Кюрюль-хана, следующее: — Вы отправьте скорее назад свою Дюренг-Герель! Отправивши Дюренг-Герель, если вы возьмете себе в жены пятнадцатилетнюю Аля-Миндасун, дочку старца-коровника, прислужницу красавицы Мэндр-Субсун, дочери Шиль-Тогос-хана, что живет на дальнем юге, то постоянно будете блаженствовать до потомков ваших потомков, вечно, не зная смерти, богато, не зная бедности». — Тогда Шиль-Мангнай с братьями спросили: — «Дайни-Кюрюль, что же ты в нраве Дюренг-Герель считаешь плохим, что в прелести ее считаешь плохим? Где есть красавица, подобная Дюренг-Герель, у которой нрав, характер, поведение все ровны?» — Отвечает им Дайни-Кюрюль: — «Не мои то мысли, желания, чувства! Так поведали Дара-еке, Будда-бодисатва. Если отправлять ее, так отправляйте, если оставлять, так оставляйте! Я же ее не приму!»

И стал Дайни-Кюрюль и день, и ночь проводить у батюшки; день придет, он сидит у батюшки, ночь придет, он почивает у батюшки. Тогда Далай-Хан, Мэсн-Герель-ханша, Зан-Будинг, Шиль-Мангнай, Шиль-Набчи, Кюрюль-Толи, Хо-Мангху, эти все, собравшись вместе, приняли решение: — «Раз Дайни-Кюрюль

не желает принимать Дюренг-Герель, вернем ее теперь к отцу!» — Решили они также о доле-наследии, которую следует выдать ей. Затем пригласили Дюренг-Герель к Далай-хану, пожаловали ей чая и заявили ей: — «Дюренг-Герель, про тебя Убадисун-Дара-еке, небесный лама, Будда-Наставник, и Киб-Дара-еке, дочь Кюджи-Кюрюль-хана, поведали, что надо тебя отправить, вернуть домой. Отправляйся ты теперь на руки матушки и батюшки и живи, наслаждаясь благоденствием и блаженством! Возвращайся верхом на Пламенном рыжке, коне Зан-Будинга, езди на этом коне, возьми себе в удел-владение восемь тысяч бело-кулановых коней! Поезжай, приказывай мыть себе лицо и руки сотне тысяч монашествующих, возьми себе в подданные поколение-отдел наших подданных, возвращайся, навьючив величественную белую ставку со всей утварью!» — Далай-хан и Мэсн-Герель-ханша, когда были сказаны эти слова, пожаловали ей золотой ковровый хадак, золотой парчевый платок, хрустально-белую драгоценность величиной с голову коня да кусок льдистого желтого сахара величиной с конскую голову, каждый по четыре этих предмета; в правую и левую щеку поцеловали, погладили и поласкали. — «Возвращайся по-хорошему!» — сказали они. Дюренг-Герель из нежных черных глаз уронила холодные черные слезы величиной с четырехлетнюю овечку и вышла.

Выделили ей тогда монастыри и подданных, выделили ставку, отделили скот, коней, увязали-поставили кладеных подвьючных верблюдов. Выделив и наладив монашествующих и подданных-народ, коней подвершных и подвьючных верблюдов, сказал Далай-хан Зан-Будингу: — «Проводи ты Дюренг-Герель на бело-светло-желтом коне твоего хана-брата, на коне величиной с огромный Хангай, поставь ты на пастбища коней-табуны, установи монастыри, подданных и возвращайся». — «Хорошо», — ответил Зан-Будинг, разобрал величественную белую ставку, распределил по вьюкам; разобрал юрты и скарб подданных, навьючил вьюками на верблюдов. Величественную белую ставку Дюренг-Герель навьючили на семьдесять черных лысых верблюдов, наладили и пустили караваны один за другим. Заревели верблюды, звонко запели песни молодцы, громко, громко заплакала красавица Дюренг-Герель, верхом на Пламенном рыжке выезжая в самом конце каравана. Зан-Будинг отправился верхом на бело-светло-желтом коне; когда выравнялся караван, выходя, указал ему путь, указал дорожку. Повел он его по склонам Кок-Гюйдюль-Хангая, величайшей из гор, перевел через обширную, прекрасную желтую степь и повел по склонам гор белых, скалистых. Шли они рысью, не днюя днем, не останавливаясь на ночлег ночью; шли, не обращая внимания на сумрачный день, не ища

прикрытия; шли, не обращая внимания на жаркое, острое солнце, не ища тени. Сказала тогда Дюренг-Герель:—«Зан-Будинг мой, говорят, что девушка, возвращающаяся—впереди всех; девушка, приходящая—в хвосте всех. Я поеду вперед домой».—Согласился Зан-Будинг и поехал вместе с Дюренг-Герель. Приехали они в кочевья царя восьми драконов, слезли с коней у ставки батюшки Дюренг-Герель, царя восьми драконов, и вошли. Спросили они о благоденствии и благополучии батюшки и матушки Дюренг-Герель, поднесли чистый, белый хадак и сели. Заговорил тогда Зан-Будинг: —«Царь восьми драконов! Вы в самом начале разгневали моего старшего братца, и вот в силу происшедшего зла-несчастия не прерывается у нас война ни на один день, не бывает у нас мира-блаженства ни на один день. Теперь совсем уж невозможно стало, и вот я привел вам Дюренг-Герель, которую решили вернуть вам. Приняв Дюренг-Герель, посадите вы ее на почетное место и будете чтить, как бурхана, или посадите ее у входа и будете обращаться, как со служкой?» — Соизволил ответить ему царь восьми драконов: — «И прежде мысль, которую я питал, была такова, и потом не потерял я думы моей продуманной. И ты говоришь, что не хватит места в доме моей детке, которую десять месяцев берегли в утробе? Пустяки ты говоришь, дитятко!» — Принял он Дюренг-Герель как следовало, предложил яств, напитков, поговорил обо всех обстоятельствах. А Зан-Будинг отправился, распределил монастыри, подданных. Отдельно от царя восьми драконов, на расстоянии доброго месяца пути воздвигли величественную ставку Дюренг-Герель, поставили монастыри, водворили всех подданных. Поставил на пастбища Зан-Будинг восемь тысяч бело-кулановых коней; просторожил он ночь, просторожил день, семь суток прокараулил и приручил к пастбищам восемь тысяч бело-кулановых коней так, что перестали они убегать с того места. Когда пришло время Зан-Будингу возвращаться к себе, Дюренг-Герель поднесла ему золотой ковровый хадак в пятнадцать саженей, золотой парчевый платок, хрустальную драгоценность величиной с конскую голову да кусок льдистого желтого сахара величиной с голову коня. — «Я, если бы была витязем,— сказала она, — то ездила бы на врагов-ворогов, видала бы быстроту твоего Пламенного рыжки! Среди восьми тысяч бело-кулановых коней, которых мне пожаловал царь-батюшка, наверно найдется подходящая для меня лошадь. Возьми ты себе назад своего Пламенного рыжку, езди на нем против врагов-ворогов, любуйся на его быстроту!» — Обрадовался Зан-Будинг и с радости вынул из-за пазухи хадак Намджи-бандан в восемьдесят восемь саженей и поднес Дюренг-Герель со словами: — «Принял я с поклоном коня, Пламенного рыжку! Старшая

невестка моя, извольте жить в мире и благоденствии!» — Сказав это, выбежал Зан-Будинг и поскакал на бело-светло-желтом коне, ведя в поводу своего Пламенного рыжку. Бело-светло-желтый конь был рожден могучим и стремительным; трижды потряс он поэтому Кок-Гюйдюль-Хангай, величайшую из гор, трижды покачнул его. Возвращается Зан-Будинг к хану-батюшке. Связал, увязал он коня, вбежал внутрь и обратился с вопросом о благоденствии к батюшке и матушке. Рассказал он подробно обо всем случившемся с ним во время поездки, съел яства-кушанья. Потом заговорил он со своим ханом-братом: — «Явился я, победив Дюренг-Герель, которую не могли победить; явился я, прогнав Дюренг-Герель, которую не могли прогнать; явился я, освободившись от Дюренг-Герель, от которой не могли освободиться! Теперь вы намерены взять себе в жены Дара-еке, небесную красавицу? Или же намерены взять прислужницу, рабыню? Поедем за ней!» — Так сказал он с гневом, и ответил ему Дайни-Кюрюль: — «Милое дитя, братец мой, коль судьба, так не только прислужница, а хотя бы и служка простая, ничего не поделаешь».—Поздно стало; батюшка и матушка, братья, все заснули. В полночь, когда спали все, сладкозвучный соловей засвистал, запел. Услыхал его Дайни-Кюрюль, выбежал наружу и увидел, что на вершине развесистого сандалового дерева сидит и поет прекрасный соловей. Обратился к нему Дайни-Кюрюль с такими словами: — «Ты что за соловей, какая у тебя нужда? Расскажи мне, что тебе нужно—так, чтобы не слыхал мой хан-батюшка, не видала ханша-матушка!» — Тогда тот соловей спустился вниз в виде тонкой красавицы со ста восемью косичками и правильно выведенными проборами, зеркально-жемчужные серьги прикрывали совсем ее красные щеки. Поднесла она Дайни-Кюрюлю хадак Намджи-бандан в восемьдесят восемь саженей и доложила:— «Послала меня к вам Мэндр-Субсун красавица, дочка Шиль-Тогос-хана:— Пришли три черных мангуса, три брата, хотят забрать меня, захватить черной силою. Вы непременно уж пожалуйте, освободите меня от рук тех трех черных мангусов. Говорят про вас, старший братец: преисполнены вы волшебных способностей, полны львиной силы, мощью страшной, великой обладаете». — Дайни-Кюрюль ответил ей:—«Теперь полночь наступила. Отправляйся и скажи, что выеду я завтра до полуденного желтого солнышка». — Тут возразила ему та красавица: — «Прилетела я в пять дней и ночей, одолев расстояние в девяносто девять лет пути. Не могу я теперь вернуться назад ранее завтрашнего полуденного желтого солнышка.» — «Не беспокойся, дитя, — отвечал ей Дайни-Кюрюль, — есть у меня способ доставить тебя!» — С такими словами вырвал он у своего бело-светло-желтого коня из

хвоста и из гривы по волосу, в узел завязал их и поднес их к носу бело-светло-желтого коня, под его дыхание, — и тотчас же явился бело-светло-желтый конь, потряхивая уздой, позвякивая седлом. Посадил Дайни-Кюрюль на этого коня красавицу и сказал: — «Вернувшись домой, ты отпусти этого коня! А про меня скажи, что я приеду раньше полуденного желтого солнышка.» — Как отправил он эту красавицу, белый конь подхватил ее и понес на ее родину, а она никак не могла удержаться, усидеть, все боялась свалиться вперед, назад, на бок, на сторону, хваталась она, ища опоры.

А Дайни-Кюрюль вошел осторожно в ставку, собрал все свои доспехи молодецкие, вышел вон и отправился на своем бело-светло-желтом коне. До края своих кочевий прошел он шагом, а оттуда далее поскакал. Когда наступило время подняться утреннему желтому солнышку, увидел он, что въезжает в кочевья Шиль-Тогос-хана; увидел он на северной стороне владений того хана рассыпавшихся по ковылистой степи бесчисленных красных быков. А подальше, на север, увидел он—стояла длинная черная юрта, упершаяся в небо. Превратил тогда Дайни-Кюрюль своего подвершного коня в паршивого светло-желтого жеребенка, а самого себя превратил в худого мальчишку, одетого в войлочный кафтан. Подъехал он, пошлепывая по ляжкам своего жеребенка, рыся трюх-трюх, к тому длинному черному дому, спустился на землю и вошел во внутрь. Оказалось— то была юрта старика-коровника Шиль-Тогос-хана. В тот день родились телята; надоили молозиво, наполнили до краев бронзовый котел с пятью ручками и сварили. Вот как раз тогда и вошел худенький мальчишка. Доложил он о благоденствии, спросил о благополучии старика-коровника и его старухи жены и присел. Спрашивает его тогда старец-коровник: — «Ты, должно быть, из дальней страны прискакал, с злобным врагом-недругом побился, светло-желтый мальчик! Твои родные кочевья великие где же будут; как твое имя славное, великое?» — «Я верблюжник Небесного-хана, — отвечал мальчишка; — потерялись три черных верблюда-жеребца, которым еще не протыкали носа, да триста желтых верблюдиц-трехлеток, шерсти которых еще не касался вьюк. Вот и поехал я порасспросить, не слышно ли здесь у вас о таких верблюдах». — Говорит ему в ответ тот старик-коровник: — «Ничего у нас не известно о таком затерявшемся, заблудившемся скоте. Да верблюды небесной области вряд ли зайдут сюда, вниз. Перестань ты искать таким образом свой скот-верблюдов!—Дай-ка молозива этому мальчику»,— прибавил он. Старуха тогда налила молозива в синюю можжевеловую чашу, из которой пьют айран, и подала мальчишке, а тот выпил семьдесят два раза; одолело его молозиво, и он уснул.

Стал тут старик-коровник разбирать его приметы, исследовать; начиная от темени до ступни, осмотрел его и от ступни осмотрел до темени. — «Странно! — сказал он, — на хребте нет у него зазубрин,—нет, должно быть, в мыслях послабления; в ребрах нет прогалины,—нет, должно быть, в сердце его послабления. Должно быть, это перерожденец бодисатвы, рожденный славным, разумным витязем! Чей он сын, что за славный богатырь?» — Поговорил он о том со своей старухой и примолк, а тем временем поднялся тот худенький желтый мальчишка и спросил старика: — «Если поехать к вашему хану порасспросить о верблюдах, натолкнусь ли я на заповедные места, на стражу?» — «Нет заповедных мест, нет и стражи»,— отвечал старик. Отправился тогда тот мальчик далее, опять зарысил трюх-трюх, пошлепывая своего жеребенка по бедрам. Когда стал он подъезжать к Шиль-Тогос-хану, встретили его на расстоянии пол-дня пути две ханские собаки, Хасар и Басар, разрывающие бедра, и стали ласкаться к тому плохонькому мальчишке и играть с ним. Увидели это все и подивились. — «Почему это ханские собаки, Хасар и Басар, ласкаются к этому мальчишке на плохоньком жеребенке?» — В то время, как они дивились так да переговаривались, мальчик тот подъехал, слез на землю, увязал-связал своего жеребенка и вбежал внутрь ханской ставки. А в ставке шел пир, потому что прибыли три черных мангуса и хотели взять в жены царевну, Мэндр-Субсун. Вот во время этого-то пиршества в ставку вошел тот худенький желтый мальчишка. Проскользнул он под мышками высоких, перескочил он через плечи низких и сел как раз против рабского тагана Шиль-Тогос-хана. Тогда красный, как коровье мясо, мангус с тьмами голов, старший, да семидесятипятиголовый кузнец-черный мангус, вместе со скрюченным черным мангусом с пятнадцатью головами—все повернулись назад и спросили: — «Эй, худенький желтый мальчишка! Ты откуда приехал? У нашего хана такого скверного мальчишки не бывало!» — Заговорил тот мальчик, покачиваясь: — «Я верблюжник Небесного хана; поехал я догонять трех черных верблюдов-жеребцов, которым не протыкали еще носа, да триста верблюдиц-трехлеток, у которых шерсть на боках еще не знала вьюка. Собирался я убить трех верблюдов-жеребцов, а триста верблюдиц пригнать назад» — «Не сидеть у нашего хана такому скверному мальчишке! Убирайся вон скорее!» — крикнул скрюченный черный мангус с пятнадцатью головами. Соизволил сказать тогда Шиль-Тогос-хан: — «Нет, пусть он останется! Должно быть, это мальчик, которому суждено сломить в чужой стороне свои ребра да берцовые кости. А может быть это мальчик, которому следует подносить вам, трем черным мангусам, чаши-чары! Подайте

этому мальчику,—прибавил Шиль-Тогос-хан, — айрану в можжевеловой синей чаше, из которой я пью айран!» — Выпил мальчик тот пятнадцать чашек и поставил чашу обратно. Скрюченный черный мангус схватил сандаловую кочергу, что лежала у огня, и воскликнул: — «Этот худенький желтый мальчишка для хорошего дела может стать препятствием, для ясного неба — помрачением, скверный эдакий мальчишка!»—Воскликнул он и ударил по черной крепкой, как наковальня, голове того мальчика, как раз посредине, сандаловой кочергой. Повернулся назад тот мальчик, схватил большим и указательным пальцем за руку скрюченного черного мангуса и сломал ему руку. — «Это невозможно! Выйдем!»—крикнули мангусы и вышли. Вошли они в величественную ставку Мэндр-Субсун и сели там, выхватив свои острые черные мечи, приговаривая: — «Если войдет тот худенький желтый мальчишка, надо его рубить, надо убить, перерубив ему шею!»—Когда вышли-ушли черные мангусы, все находившиеся при Шиль-Тогос-хане обратились к худенькому мальчишке с такими словами: — «Вы наверное родились славным витязем, наверное вы перерожденец бодисатвы. Напугали эти три черных мангуса нашу Мэндр-Субсун красавицу и собираются увести ее. А ее, ведь, должен взять в жены Тэмюр-Бюс (Железный пояс), сын Неба. Хоть и говорили, что Мэндр-Субсун сосватана, получен уж калым,—черным мангусам все равно, не обращают внимания и желают-таки ее забрать себе! Соблаговолите избавить ее от рук этих черных мангусов!»—Шиль-Тогос-хан, Темюр-Бюс, сын Неба, и все другие стали просить и умолять.—«Не только подобный мне—худенький желтый мальчишка, но и целая область владетельного хана не сможет одолеть этих черных мангусов. Как я могу с ними справиться? Как бы то ни было, завтра с утренним желтым солнышком выдайте царевну по обычаю трем мангусам. Когда они выйдут к границам ваших кочевий, я тоже туда отправлюсь!» — Тогда сын Неба, Тэмюр-Бюс, обратился с вопросом: — «А нет ли способа избавиться от них, не выдавая им царевны?» — «Есть-то есть, но ведь ханские кочевья тесны, вред им приключится, будут они разрушены!» — «Эй, выдадим мы ее по обычаю!» — соизволил решить тогда Шиль-Тогос-хан. В ту ночь, угостивши тех трех мангусов, уложили их спать, а на следующий день выдали им Мэндр-Субсун с утренним желтым солнышком и отправили их всех. Когда солнце стало разгораться, Дайни-Кюрюль принял свой настоящий вид и привел своего бело-светло-желтого коня в его прежний настоящий вид. Все подданные Шиль-Тогос-хана, вся держава его, все стали дивиться тогда: — «И бывает же такой прекрасный витязь! И бывает же такой прекрасный конь!» — А Дайни-Кюрюль, сказав: — «Теперь мангусы наверно уже оттащились довольно далеко», — вскочил на своего бело-светло-желтого коня величиной с огромный Хангай и отправился в путь, поехал он по следам тех черных мангусов.

Когда же черные мангусы отъехали на расстояние трех месяцев пути, Мэндр-Субсун красавица посмотрела назад. — «Ты что это смотришь назад? — спросил ее красный, как сырое мясо, мангус.—Говори, что видишь!» — И с этими словами вырвал он у нее глаза железным крюком и стал мучить, вбивая камыш под ногти ее пальцев. В то время подскочил, прискакал Дайни-Кюрюль, точно стрела, пущенная тысячесильным луком; вырвал он из рук мангуса Мэндр-Субсун красавицу, скоком обогнул и повернул назад. Доставил он домой Мэндр-Субсун красавицу, оставил ее у дверей ставки Шиль-Тогос-хана, а сам опять бросился назад к трем мангусам. Приближается тут к нему красный, как сырое мясо, мангус с тьмами голов; прямо наскакивает на него Дайни-Кюрюль, разрубает его вместе с рыжим кровавым конем и приканчивает его там. Затем Дайни-Кюрюль напал на кузнеца черного-мангуса с семьюдесятью головами, порубил его и прикончил с ним, разрубив на семьдесят частей. Погнался он затем за скрюченным черным мангусом с пятнадцатью головами, который бросился бежать к себе, в свои кочевья. Догнал он его на обрывистом перевале, перерубил пополам, свалил на землю. Спалил он потом тела этих трех черных мангусов, каждое в отдельности; уничтожил так, что не осталось косточки корове пожевать, не осталось запаха лисе понюхать; прикончил их род, развеял их пепел. Взобрался затем Дайни-Кюрюль, сидя на своем бело-желтом коне величиной с огромный Хангай, на макушку можжевелистого сокровенного Хангая, воздвиг там тринадцать воскурений и очистил себя и коня своего; ниспустил он затем благодатный дождь, омыл себя и своего коня. Стал он против прежнего еще прекраснее, стал он против прошлого еще лучше. Вскочил он на коня своего и отправился, и приехал он к Шиль-Тогос-хану. Тут сын Неба, Тэмюр-Бюс, поддержал чумбур оленей черный Дайни-Кюрюля и помог ему сойти с коня. Вбежал Дайни-Кюрюль внутрь ставки, заблистал, как алмазная черная скала, забелел, как яшмовая белая скала. Как стали тут суетиться все да поговаривать: — «Устраивайте величайший из праздников, он ведь одолел врага, спас от нечисти!» — Узнав про то, заговорил Дайни-Кюрюль: — «Надо мне торопиться в поездке моей, надо мне сделать дело одно. Скоро снова я приеду к вам. Тогда уж попирую! А если рассказать мне вам про себя, про свои дела-обстоятельства, то вот что скажу я вам: когда не было у меня вестей-известий, пришли тьмы черных мангусов

Мерген-Дулхо и убили братца моего милого, Зан-Будинга. Поехал я искать лекарства, чтобы оживить его, представился Убадисун-Дара-еке, представился небесному ламе, Будде-Наставнику, а также Киб-Дара-еке, дочери Кюджи-Кюрюль-хана. И сказали они мне, поведали: — Скорее разведись ты с Дюренг-Герель, той Дюренг-Герель, дочерью царя восьми драконов, что взял ты себе в жены-супруги. А если возьмешь ты себе Аля-Миндисун пятнадцати лет, дочь старца коровника, прислужницу Мэндр-Субсун красавицы, дочери Шиль-Тогос-хана, то будешь блаженствовать до потомков потомков твоих, вечно, не зная смерти, богато, не зная бедности. Тогда братец мой, Зан-Будинг, проводил на родину мою небесную красавицу, но сердился он и все повторял: — Что же, будешь брать теперь служанку? — Теперь, когда известно вам все, думаю я вернуться к себе. Когда позвали меня, я ведь скоро прибыл. Теперь же наступила пора возвращаться мне. Уехал я потихоньку от отца, матери и брата. Теперь, если придется мне приехать к вам, приеду уж не так, как прибывал раньше». — Заговорил тут Шиль-Тогос-хан: — «Старец-коровник мой — мой последний дядюшка. А Аля-Миндасун превосходит мою Мэндр-Субсун и умом, и разумом, и достоинством-премудрестями, и нравом. Я выдам ее, снарядивши, как свою собственную дочь. Теперь, когда приедете вы к нам опять, прежде всего останавливайтесь у меня!» — Сказав это, пажаловал он хадак с сахаром и проводил Дайни-Кюрюля. Поскакал тогда Дайни-Кюрюль; объехал он кочевья царя восьми драконов, проехал по владеньям Атар-Затай и достиг своих родных великих кочевий. Вышел ему навстречу дорогой брат, поддержал чумбур бело-светло-желтого коня и помог ему сойти. — «Хан-братец мой, куда вы ездили, откуда вы прибыли?» — спросил он. — «Когда лежал я и спал, раздался голос кого-то, голос без знаменья. Вышел я посмотреть и увидел, что лает длинная желтая лиса, в три сажени, с хвостом в три сажени. Когда бросилась она бежать, подумал я, что плохо ведь это — когда лает лиса, так ведь говорят. Вот и поскакал я ей вслед, погнался; трижды объехали мы мир кругом, догнал я ее, не допустивши до девяти земных тупиков, заколотил-убил, а труп сжег и пепел развеял. Вот какова моя поездка». — «А, — воскликнул Зан-Будинг, — братец мой вернулся, победив злобного врага!» — Вошли они оба в ставку, сели у батюшки и стали беседу вести о разном.

— «Теперь, — сказал Зан-Будинг — привези-ка Аля-Миндасун пятнадцати лет, дочь старца-коровника Шиль-Тогос-хана». — «Ладно, — отвечал Дайни-Кюрюль, — но я посплю несколько суток, наслажусь сном!» — Принял он кушанья, напитки, растянулся, как ремень, покраснел, как тамариск, и заснул. Семь суток проспал он, семь дней и ночей, наконец Зан-Будинг разбудил его: — «Теперь едем к Шиль-Тогос-хану! — сказал он. — Возьмем с собой подарки для сватанья или нет?» — «Возьмем немного», — отвечал Дайни-Кюрюль. Зан-Будинг собрал тогда подарки, увязал их; собрали два брата свои доспехи богатырские и отправились на своих боевых конях, держа путь прямо на восток солнца. Все время скакали они и прибыли в кочевья Шиль-Тогос-хана. Все подданные Шиль-Тогос-хана вышли наружу, стояли и дивились им. А Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг привязали бело-светло-желтого коня и Пламенного рыжку к ветвям сосны-кипариса и вбежали в ставку Шиль-Тогос-хана. Спросили они о здравии и благоденствии и сели. Соизволил тогда Шиль-Тогос-хан обратиться к ним с такими словами: — «Ну, богатыри, рожденные разумными, славными витязями, рожденные перерожденцами бодисатв, где ваша родина великая, как ваши славные имена? К чему ваши стремления-желания, к кому ваши мысли-помыслы далекие?» — Заговорил тут Зан-Будинг, зашумев, точно спущенный сокол, загремев, точно спущенный беркут: — «Мы — лучшие из витязей, Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг, дети Далай-хана и Мэсн-Герель-ханши, Далай-хана, старца волшебного, трехсот семидесяти семи лет, который безраздельно властвует над дальней северной страной. Наши нужды-стремления — к Шиль-Тогос-хану: моего старшего братца, Дайни-Кюрюля, суженая, предопределенная невеста — пятнадцатилетняя Аля-Миндасун, дочь вашего старика-коровника. Мы приехали, чтобы принять ее. Кто ведает, кто знает-может это дело решить, укажите нам!» — Соизволил ответить Шиль-Тогос-хан: — «Светло-желтый милый юноша с огнем в глазах, с жаром на лице! Правильно то, что ты говоришь, правильно то, что я слышу. Есть у меня красавица, которую зовут Мэндр-Субсун, есть у меня красавица, дочь старика-коровника, которую зовут пятнадцатилетняя Аля-Миндасун; исключительно я могу распоряжаться ими, я ими ведаю обеими». — Вынул тогда Зан-Будинг из-за пазухи хадак Намджи-бандан, в восемьдесят восемь саженей, вынул вместе с восемью стами лан желтого золота и поднес Шиль-Тогос-хану, прибавив: — «Если это в вашем ведении, то вот подношу вам калым. Если старец-коровник то ведает, то вот подносимый ему калым. Для брата моего старшего, Дайни-Кюрюля, и Аля-Миндасун настоящий день, под нежной планетой будет пятнадцатый день среднего летнего месяца. В этот хороший день мы и возьмем ее, Аля-Миндасун». — «Ну конечно так, раз выполняется правое дело!» — ответил ему Шиль-Тогос-хан. Затем быстро поставили перед Дайни-Кюрюлем и Зан-Будингом кипарисные кувшины с дном из можжевелового корня, в которые был налит красный чай, поставили прямо перед ними

разные вкусные плоды. Когда выпили они чай, покушали плодов, быстро поставили перед ними белые лотки в десять саженей, на которых было разложено искусно пестрое разноцветное мясо, искрошенное точно ветви можжевельника. Съели богатыри то мясо с обоих лотков и стали пировать, забавляться, распевая прекрасные песни. А тем временем приближенные Шиль-Тогос-хана собрали все нужное для Аля-Миндасун. Воздвигли они белую ставку-терем с сорока четырьмя сандаловыми решетками, с четырьмя тысячами стройных сандаловых жердей. Дымовой круг у той ставки был из кривого сандала, а двери—из плоского черного сандала. Покрышки для стен были из белого серебра без примеси, а для кровли покрышка—из хрусталя-золота без прибавки; наковали медь и вывели пояс ставки, наковали золото и поставили узоры, изукрасили украшениями; не нужно было для той ставки лент, чтобы притягивали ее книзу, не надо было подпорок, чтобы подпирать кверху. Эту огромную, величественную белую ставку воздвигли как раз посреди высокой, красивой горной площадки, водворили там все прекрасное, очистили от всего злого, воздвигли, снабдив золотыми сосудами да золотой, серебряной утварью, изукрасив по-разному, убрав по чину. Приказал тут Шиль-Тогос-хан: — «Восемьдесят отборных богатырей, дайте вы в руки восьми стам бешеным воинам серебряные кляпы, засуньте им за пояс каждому разноцветные шелковые повода, пусть они всунут кляпы в носы тысяче пятистам белым, лысым кладеным верблюдам, которые родились все в одном году, все одного цвета и вида, пусть наденут на них повода; пусть всунут кляпы тысяче пятистам желтым, лысым кладеным верблюдам, пусть наденут на них шелковые повода. Пусть приведут сюда и поставят, увязавши!»—Те приняли приказ, как подобало, пришли к верблюдам, всунули кляпы в носы тысяче пятистам белым лысым верблюдам и надели шелковые повода; затем вставили кляпы в носы тысяче пятистам желтым, лысым верблюдам и надели шелковые повода. Привели их и поставили на выстойку, чтобы подсохла кровь в ступнях на мелких рассыпчатых камнях, на щебне-дресве. Затем в правильный день, под нежной планетой, в урочный час заставили Дайни-Кюрюля и Аля-Миндасун поклониться желтому солнышку, заставили их схватиться за бабку и берцовую кость, преклонить черную голову; стали они мужем и женой и сели они вместе. Начался тут радостный пир. Точно кукушки пировали они с пением, точно лебеди-птицы пировали они, забавляясь. А тем временем застыли ноги у верблюдов, затряслась у них шерсть над лбами, стали они тереться друг о друга боками да чвакать зубами, да помахивать хвостами. Пришла пора Дайни-Кюрюлю возвратиться в великие родные кочевья.

Шиль-Тогос-хан дал в приданое—удел Аля-Миндасун, монастырь с сотней тысяч монашествующих да поколение-отдел подданных. Оседлали для Аля-Миндасун иноходца, тонкого, солового со звездочкой, на котором суждено было ездить ей. Ловко и искусно наладили седло с изукрашенной збруей, привязали кисть из шестидесяти фунтов шелковых ниток, приладив так ее, что, качаясь на ветру, обвевала бы она головки ковыля. Даны были Аля-Миндасун в прислужницы восемь девушек-прислужниц, которые бы сопровождали ее во всех радостях. Пожаловал Аля-Миндасун Шиль-Тогос-хан золотой Ганджур и Данджур, сказав:— «Всю жизнь уповай на них!» — Быстрые, проворные ботатыри разобрали пожалованные Ганджур и Данджур, разложили по вьюкам. Распределяют по вьюкам и вьючат величественную белую ставку быстрые, проворные богатыри на тысячу пятьсот желтых, лысых верблюдов; вьючат на тысячу пятьсот белых, лысых верблюдов, прикрывают вьюки белых верблюдов коврами серебристыми народа Ак-улус (Белый народ); прикрывают вьюки верблюдов золотистыми коврами народа Ак-улус. Распределяют верблюдов по пятидесяти да по пятидесяти, приказывают крайним богатырям поправлять вьюки, чтобы не сползали в бок, и выпускают караваны, направив их в сторону кочевий Дайни-Кюрюля, выведя на золотую, желтую дорогу. Скочевали также монастырь с монашествующими, скочевали все подданные, скочевали, гоня свой скот. А в самом хвосте караванов отправилась Аля-Миндасун в сопровождении восьми своих девушек-прислужниц. Выехал и Дайни-Кюрюль, доложив о благоденствии батюшке и матушке.

Отправился Дайни-Кюрюль на своем бело-желтом коне величиной с огромный Хангай. Заставил он его скакать скоком лисы, заставил его бежать бегом волка, заставил его итти крепкой, твердой проступью. Заревели верблюды, звонко запели однолетки-молодцы, раздался шум голосов людей, зазвучали копыта коней; звенят, шумят они точно улетающие птицы, трещат, гремят точно прилетающие птицы. Семь суток под ряд идут караваны, не останавливаясь на дневку, не останавливаясь на ночлег ночью. Преодолели они пространство и вошли в южные пределы кочевья Далай-хана. Искривились, как ивняк, икры крепкие навьюченных верблюдов, блестят их темные, черные глаза, раздувают они свои извилистые красивые носы; двигают своими подвижными черными глазами, показывают свои белеющие ступни, по ляжкам, которых невозможно обхватить, то там, то сям шлепают они хвостами — железными ящерицами, которые не достигают и пядени; чавкают широкими пастями, потрясают холками, трясут гривою. Как пришли они, верблюды, Дайни-Кюрюль собрал из своих подданных самых ловких и приказал прежде

всего распустить вьюки. Воздвигли они величественную белую ставку - дворец как раз посредине широкой, прекрасной горной площадки, поперек широкого, красивого луга, против нового, прекрасного стойбища, под сенью ровного синего дерева. Водворили там все прекрасное, очистили от всего скверного. Воздвигли ставку-дворец так, что упиралась она в красно - желтые тучки. Золотой Ганджур и Данджур поместили с благоговением в храм-ступу, совершив обряд освящения, и принесли поклонения. Затем старшие и знатные, подданные - простой народ, все собрали в изобилии пировые яства, вино, мясо, кумыс, плоды. В палатах Далай-хана собрались все, старшие, знатные, все живые существа; семь суток тянулись они без перерыва, все входили и входили. После этого пятнадцатилетняя Аля-Миндасун, перед которой были протянуты золотые парчевые занавески, вошла в палаты, чтобы поклониться хану - батюшке. Хан-батюшка и ханша - матушка произнесли в честь Аля - Миндасун знаменательные, хорошие благопожелания да пожаловали ей по золотому ковровому хадаку, по золотому парчевому платку, по хрустальной драгоценности величиной с конскую голову и по куску льдистого желтого сахара величиной с голову коня. Пожаловали ей по два отдела скота да по два поколения народа.—«А потом ведь все ваше!— прибавили они.—Хорошенько заботьтесь о матушке да о батюшке».—Как соизволили они сказать эти слова, пятьсот красивых прислужников взяли золотые да серебряные чары, до полна, ровно с краями налили в них арзы, хорзы, вина, кумыса и пошли подносить, затянув песни в тринадцать ладов, подыгрывая на музыкальных инструментах. В великой радости блаженствовали они шестьдесят суток, пропировали они восемьдесят суток. Точно птица-кукушка распевали они, старые и молодые, все, у кого были только ноги. Когда упились, напировались все, соизволила обратиться с такими словами к Дайни - Кюрюлю ханша-матушка его, Мэсн - Герель волшебная, что знала наперед, что произойдет в течение еще не пришедших девяноста девяти лет, которая ведала все, что случилось за истекшие девяносто девять лет:—«Дайни-Кюрюль мой, ты теперь должен женить своего Зан - Будинга».—«Соизвольте указать,—сказал тогда Дайни-Кюрюль,—где находится суженая Зан - Будинга?»— «Суженая твоего Зан - Будинга — Убадисун - Дара - еке. Если бы она согласилась пожаловать к нам, то судьба наша была бы очень хороша. А если не согласится к нам пожаловать, то возвращайся,—судьба - удел таков, значит; так и доложи ей и оставь у нее своего Зан-Будинга».

Положил Дайни-Кюрюль за пазуху хадак Намджи-бандан, в восемьдесят восемь саженей, вместе с восемью сотнями тысяч лан желтого золота, забрали они вместе с Зан - Будингом свои

доспехи богатырские, сели верхом на своих мудрых боевых коней и двинулись в путь с утренним желтым солнышком, направляясь к Убадисун Дара-еке. Поскакали они по склонам десяти черных гор - ящиков, проскакали насквозь десять черных степей, пробежали по берегу глубокого, великого моря; затем проскакали они по склону извилистой черной горы, миновали шестьдесят отсвечивающихся черных степей, миновали восемьдесят вытянувшихся черных увалов и с полуденным желтым солнышком прибыли они к Убадисун-Дара-еке, находившейся на расстоянии восьми тысяч лет пути. А Убадисун-Дара-еке наперед поведала об их приближении, и соизволила заметить она:— «Это, должно быть, Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг приближаются, потрясая самое ясное небо, сотрясая золотую землю - поверхность. Исполняется теперь пророческое предсказание о том, что придется мне уехать в кочевья Далай - хана. У меня нет батюшки и матушки, нет братьев; и подданные мои, ученики мои все, все скочуют со мной вместе. Увяжите же для выстойки кладеных верблюдов, увяжите для выстойки подвершных коней, прикажите всем отделам - поколениям кочевать!» — Как закончила она свои слова - приказания, Дайни - Кюрюль и Зан-Будинг слезли у нее, увязали своих коней и вошли внутрь; спросили ее о благоденствии и удостоились благословения. Пожаловала она им нектара в золотом сосуде; братья, каждый три раза, приняли нектар из сосуда, и потемневшие лики их прояснились, темные груди стали светлыми, в тринадцать раз прибавилось у них ума-разума.—«Пятьсот прекрасных прислужников,—сказала Убадисун-Дара-еке,—запойте песни и поднесите Дайни-Кюрюлю и Зан-Будингу вина и кумыса!» — Семьдесят восемь раз налили им двойной красной арзы в красные чаши с узорами, в которых уместилось бы мясо тысячи баранов; семьдесят восемь раз выпили богатыри; затем семьдесят восемь раз, раз за разом, налили им черного вина с виноградным вкусом, от которого можно опьянеть, даже если на него только взглянешь; чашу за чашей пили вино богатыри. Опьянел Дайни-Кюрюль, почувствовал, что сидит на говорливом, прохладном красном рыжке. Вынул он тогда из-за пазухи хадак Намджи-бандан в восемьдесят восемь саженей вместе с восемью сотнями тысяч лан желтого золота, поднес Убадисун-Дара-еке и доложил ей:—«Мой хан-батюшка и ханша-матушка моя поведали, что вы суженая моему Зан-Будингу. Ханский посол назад не возвращается, пущенная стрела не соскользает со скалы. Потому-то мы и представились вам».—Соизволила ответить ему Убадисун - Дара - еке:— «И хана - батюшки слово истинно, и ханши - матушки слово истинно. Настала пора ехать мне на вашу родину!»—«Удостоились мы, значит!» — заявил Дайни - Кюрюль, разостлал

свою полу и совершил поклонение. Убадисун-Дара-еке собрала весь свой народ, своих подданных, своих учеников-детей и устроила великий пир. Затем Убадисун-Дара-еке поведала:— «Когда поеду я, то некому будет владеть моими кочевьями, возьму я с собой своих подданных, свой народ, свои монастыри, монастырские общины!» — Воскликнул Зан-Будинг:— «Из радостей радость, из довольств довольство!» — Рассмеялся он так, что гром пошел рыком тигровым, а Дайни-Кюрюль сказал всем старшим да главным из подданных Убадисун-Дара-еке:— «Соберите весь скот-стада, подданных-народ простой, прикажите увязать подвьючных верблюдов, подымите вьюки-скарб, выведите караван, направьте его прямо к кочевьям Далай-хана, и пусть кочуют-идут все время!».

Тотчас же вслед затем в течение семидесяти суток собирали караван, а потом в течение семидесяти суток выходил караван из владений Убадисун-Дара-еке. Сама же Убадисун-Дара-еке соизволила сесть на смирного, смирного солового коня, повела за собой пять сотен красавиц-прислужниц и выехала в самом хвосте каравана; подумала тогда про себя Убадисун-Дара-еке:— «Это расстояние в восемь тысяч лет пути силы людей и животных не одолеют».—Подумавши так, сократила она путь до восьми суток. И пришли они все в пределы кочевий Далай-хана, не бросив, согласно постановлению Дара-еке, жеребенка на перевале, не оставив жеребеночка в лощине, не выделив бородатого козленка, не покинув жеребенка с челкой. Только Далай-хан да Мэсн-Герель-ханша дома остались, остальные все, все монашествующие, весь народ-подданные, все вышли навстречу Убадисун-Дара-еке, поднесли ей забаву девяти цветов, разостлали ковер пяти цветов, стали приглашать ее к ним пожаловать. Все живые существа совершили поклонения и круговращения — все были удовлетворены. Появился уже лик семидесятых суток, когда могли наконец снять Убадисун-Дара-еке с ее коня-носителя. Прежде всего затем воздвигли храмы и ступы, водворили с благоговением бурханов и святыни, установили монастыри-обители. Стали затем народ-подданные, всех их, а также скот—распределили по стойбищам. По окончании всего этого молвила Убадисун-Дара-еке:—«Следуя мирскому закону-обычаю, я должна поклониться духу-хранителю батюшки и матушки».—Сказав так, переоделась она женщиной, протянула перед собой парчевую занавеску и вышла к Далай-хану. Тем временем подданные Дайни-Кюрюля собрали вина, кумыса целое море-озеро, собрали мяса целые горы с горками; поклонилась Убадисун-Дара-еке духу-хранителю, батюшке и матушке, подарили ей батюшка и матушка, а также старшая невестка по золотому ковровому хадаку, по золотому парчевому

платку, по хрустальной драгоценности величиной с голову коня да по куску льдистого желтого сахара величиной с конскую голову. — «Возьми себе по две области людей да по два отдела скота!»—сказали они ей, указывая на долю-удел. После этого тьма прислужников поднялись со всех сторон, налили до краев полно в золотые и серебряные чаши арзы, хорзы, вина, кумыса, затянули они сладкозвучные песни и поднесли всем. Затем запели они пировые песни и опять поднесли чаши. Наслаждались на том великом пиру до тех пор, пока не сменились года-месяцы, пировали они до смены года-возраста.

А тем временем почувствовала пятнадцатилетняя Аля-Миндасун Дайни-Кюрюля, что не может она слова вымолвить, почувствовала она, что ослабели силы ее, не поднять ей дверной занавески; сказал тогда Дайни-Кюрюль:—«Прервем пока этот пир! А затем устроим вдвое больший и запируем опять тогда!» — Все подданные-народ, все живые существа оставили пир, прервали его. После того перед дверями величественной белой ставки Дайни-Кюрюля протянулся черный туман слепой стеной в семьдесят восемь рядов, а через дымовое отверстие протянулась радуга двенадцати цветов. И вот тогда у Аля-Миндасун родился светло-желтый мальчик с золотой грудью, серебряным торсом, с чугунно-бронзовым пупком и хрустальным челом. Бабушка его, Мэсн-Герель-ханша, загубила несколько ножниц, пытаясь перерезать ему пуповину, и пошла искать еще; тогда сказал ей Далай-хан:—«Когда не оказалось орудия, которым можно было бы перерезать пуповину у моего Дайни-Кюрюля, Дайни-Кюрюль сам тогда сказал. Вот алмазный черный меч, принадлежавший прадеду, на который он указал тогда». — Приняла меч Мэсн-Герель-ханша, трижды благословилась им, трижды благословила им желтого мальчика и затем рубанула пуповину, и перерезал его меч, точно волосок. Завернули того мальчика в шкурки сотни белых ягнят. Один только раз он переночевал—стал похож на годовалого мальчика, через двое суток стал точно двухлетний мальчик, и уже не хватало ему двухсот шкурок белых ягняток; через трое суток уже не хватало ему трехсот шкурок белых ягняток, стал он похож на трехлетнего мальчика, стал он двигаться, подниматься, ползать. Чере пять, шесть суток стал мальчик выходить и входить, бегать начал взад, вперед. Соизволил сказать тогда Далай-хан: — «Не выпускайте наружу желтого милого мальчика, не давайте ступать по земле! Не оставляйте его под ударами полуденного желтого солнышка, не прячьте его от утреннего черного ветра!» — После этого начали они радостный пир по случаю рождения мальчика, против прежнего еще больший пир устроили и пировали, веселились. Без перерыва пропировали они три года, и настала тогда

пора провозгласить имя - название того милого желтого мальчика, совершить обряд пострижения волос его. В тот же самый день, в который совершали обряд пострижения волос Дайни-Кюрюля, в третью новину первого летнего месяца, подстригли и тому желтому мальчику волосы. Прежде чем совершили обряд пострижения, дед мальчика, Далай-хан, пожаловал ему имя: Ердени-Кюрюль (Драгоценная бронза). Совершили затем обряд пострижения, пожаловали ему уделы-наследия и начали пир. И вот на том пиру соизволил сказать Далай-хан: — «Дайни-Кюрюль, Зан-Будинг, в наших табунах от слоново-белого жеребца и серой кобылы наверно уж родился тот конь, который может стать боевым конем Ердени-Кюрюлю. Какой это конь? Поймайте и приведите его! Пятнадцатого числа посадим мальчика на того коня!»—Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг взяли быстрые черные арканы, сели верхом на своих коней, на бело-светло-желтого и Пламенного рыжку, взобрались на макушку Кок-Гюйдюль-Хангая. Трижды гаркнули они да трижды свистнули: набежали табуны с восьми пастбищ и пошли на водопой к восьми морям, а потом назад побежали к пастбищам. Осмотрели коней богатыри и увидели, что нет ни одного коня, годного для Ердени-Кюрюля. Заметил тогда Дайни-Кюрюль: — «Наверное должен быть конь, годный для моего Ердени-Кюрюля! Почему же незаметно его?»—Но тут увидели они, что поднялась пыль, заклубилась на том месте, где прыгал бело-светло-желтый конь. Подъехали они к той пыли и увидели, что между четырьмя Хангаями прыгает, играет казакский слоново-соловый конь. — «Нельзя взять этого коня лаской, — подумал Дайни-Кюрюль, — нельзя взять хитростью. Попробую-ка я догнать его».—Ударил он своего бело-светло-желтого коня и бросился вперед, но тот слоново-соловый конь по белому шву небесному убежал, ускакал. Восемьдесят восемь раз объехали они область высоких небожителей, но, как только заметил тот конь издали бело-светло-желтого коня, убежал он вниз, в нижнюю область. Семьдесят восемь раз обежали они вокруг область семидесяти семи царей драконов, и стал нагонять того коня бело-светло-желтый конь. Но он убежал тогда в подсолнечную, где восемьдесят восемь раз обежали они вокруг. Бело-светло-желтый конь был рожден несравненно быстрым, нагнал он поэтому того слоново-солового коня. Тогда Дайни-Кюрюль набросил свой быстрый черный аркан на шею коня и взял аркан, прижал его под левое стремя. Стал тогда слоново-соловый конь рваться, прыгать, протащил он Дайни-Кюрюля вместе с его бело-светло-желтым конем на добрых пол-дня пути. Тут оглянулся он назад и сказал: — «Что это такое тащится за мной точно золотой клещ?»—Сказал ему Дайни-Кюрюль: —

«Ты, конь, как стал жеребенком, предназначен носить на себе моего сына, Ердени-Кюрюля! Вот поэтому-то я и ловлю тебя!»— Повернулся тогда тот конь назад, трижды разинул свой рот, что ущелье, трижды зевнул, трижды встряхнулся и остановился, стал. Слез Дайни-Кюрюль на землю, повернул слоново-солового коня казакского обратно и повел его поспешно назад. Подъехавши к себе, привязал он его к ветвям развесистого сандалового дерева.

Позвал тогда Далай-хан Ердени-Кюрюля, с громом открыл замок слоново-белого сундука, которого не трогали десять лет, откинул он белые и красные шелковые покрывала, звякнул хрустально-серебряной уздой, вынул и подарил ее Ердени-Кюрюлю. Затем он пожаловал ему хангайское черное седло и мангутскую черную плеть. Мэсн-Герель-ханша бабушка пожаловала ему белый, пушистый ватный потник шириной в целую степь. Ердени-Кюрюль схватил все большим и указательным пальцем правой руки, точно беркут хватает когтями, и выбежал вон наружу. Отвязал он слоново-солового коня, надел на него хрустально-серебряную узду, нежные шелковые повода перекинул через драгоценную, прекрасную голову коня и завязал счастливым узлом за начальные пряди гривы. Повернулся он и стал разбирать приметы коня:—«С пестрым, как раковина, носом он, с глазами — подзорными трубами родился он, с ушами в девять пяденей, может слышать шумы-звуки далекой страны! Красивое, длинное у него тело, прекрасная грудь, как у аргали; если ехать на нем в светлую, дальную страну, будет он бежать без устали; в глухой дальней стране не споткнется он. Казакский слоново-соловый конь! В чужой далекой стране будет он моим носителем, будет он для меня единственного другом-товарищем. В безлюдной дальней стороне будет он моим носителем, для меня - витязя будет он другом - товарищем!»

Воскликнул так Ердени-Кюрюль и оседлал коня и привязал его опять к развесистому сандаловому дереву. Отошел Ердени-Кюрюль на несколько шагов, оглянулся назад, посмотрел и увидел, что казакский слоново-соловый конь играет головой, своей, прекрасной челкой бьет небесные жидкие белые облачка. — «Может он носить витязя, может вызвать удивление простого человека! Прекрасный конь!»—подумал Ердени-Кюрюль, вбежал во внутрь ставки и с грохотом уселся на священный золотой престол с восмью ножкамм. Тогда трехсот семидесяти семилетний Далай-хан открыл крышку своего слоново-белого длинного ящика, которого не двигали уже десять лет, и достал светло-серебряный шлем, кольчугу, желто-пестрый лук со стрелами, алмазный черный меч и острое копье. Ердени-Кюрюль, которому все это пожаловали, принял доспехи моло-

децкие, выбежал наружу и воткнул копье в землю на восемьдесят локтей. Тем временем Мэсн-Герель-ханша и Убадисун-Дара-еке поведали: — «Суженая нашего Ердени-Кюрюля, предопределенная ненарушимыми благопожеланиями — Киб-Дара-еке, дочь Кюджи-Кюрюль-хана. Если Киб-Дара-еке к нам пожалует, то наша судьба будет прекрасною! А если она не захочет пожаловать, надо оставить при ней Ердени-Кюрюля!» — Так сказали они, поведали. Тогда Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг собрали все свои доспехи малодецкие, взяли с собой хадак Намджи-бандан вместе с восемью стами тысяч лан желтого золота, и отправились эти три богатыря, взяв с собой Ердени-Кюрюля, с тем, чтобы достигнуть кочевий Кюджи-Кюрюль-хана.

Как вскочил Ердени-Кюрюль на своего казакского слоново-солового коня, стал бить тот конь, ударил он ногами так, что потряс синее Вечное Небо, ударил так, что задрожала золотая земля-поверхность, покачнулся Кок-Гюйдюль-Хангай. Ударил конь по дворцу бедного Далай-хана так, что загудел он. Хлестнул тогда Ердени-Кюрюль коня своей мангутской черной плетью, отделяющей мясо от костей, и пошел рысью. Рыся, стал он немного выходить вперед против бело-светло-желтого коня и Пламенного рыжки. Заметил это Дайни-Кюрюль и сказал: — «Тоже, должно быть, славный конь, раз на рыси обгоняет бело-светло-желтого коня и Пламенного рыжку».—Едут они, говорят беседуют, проносятся, подтягивая удила, через ровные пространства, перелетают, подтягивая удила, через обрывистые места; на высотах рысят они как следует; в день да ночь одолевают они пространство в две тысячи лет пути и прибывают во владения Кюджи-Кюрюль-хана. А Киб-Дара-еке заранее поведала и сказать соизволила: — «Такие могучие богатыри, такие сильные кони, которые потрясают синее Вечное Небо, которые содрогают золотую землю-поверхность, не могут быть из другой земли, как из земли Далай-хана. Настала пора и мне теперь отправиться в кочевья Далай-хана».—Прибыли три богатыря, Дайни-Кюрюль, Зан-Будинг и Ердени-Кюрюль, сошли на землю, увязали своих коней и вбежали к Киб-Дара-еке. Поднялась Киб-Дара-еке навстречу им, спросила о благоденствии Дайни-Кюрюля и Зан-Будинга. А они со словами:—«Милостивая»,—девятью девять раз поклонились, девятью девять раз преклонили колени, удостоились благословения, были приняты под милостивое покровительство. Сказала тогда Убадисун-Дара-еке: — «Братцы мои, хорошо ли прибыли из дальней, далекой страны?»—Подала она затем двойного красного вина в красных, как красные шелковые нити, чашах, в которых уместилось бы мясо тысячи баранов; раз за разом, семьдесят восемь раз налила она Дайни-Кюрюлю и Зан-Будингу. Опьянели оба богатыря,

почувствовали себя на говорливых, прохладных, красных рыжках. Затем Зан-Будинг вынул из-за пазухи хадак Намджи-бандан в восемьдесят восемь саженей вместе с восемьюстами тысяч лан желтого золота, поднес Каб-Дара-еке и доложил ей: — «Хан-батюшка и ханша-матушка, а также Убадисун-Дара-еке поведали, что вы суженая нашего Ердени-Кюрюля, предопределенная его прежними ненарушимыми благопожеланиями. Поэтому мы и представились вам. Соблаговолите скорее отбыть к нам на родину!»—Ответила ему Киб-Дара-еке:—«Истинны все слова хана-батюшки, слова ханши-матушки, слова Убадисун-Дара-еке, настала мне пора отправиться к вам на родину. Но ведь породили меня здесь область верхних небожителей, область нижних драконов и средняя область подсолнечная, породили меня эти три области, чтобы я очистила-изничтожила Енкельменского черно-лысого мангуса, который живет на северо-запад от наших кочевий; родился он в силу воздаяния грехов всех живых существ: у него девяносто пять голов с гривой от верблюда-самца, с бычьими рогами и девяноста восемью клыками; невыносимый он, непреодолимый. Не могу я поехать к вам на родину, пока не побежден этот черно-лысый мангус».—Заговорил тогда Ердени-Кюрюль: — «Поганого черного мангуса я одолею, небесную, святую красавицу я приобрету! Непобедимого мангуса я одолею, Дара-еке красавицу я приобрету!»—Возразил ему тут Зан-Будинг: — «Дорогой Ердени-Кюрюль! Не приближайся ты к мерзости, пакости черного мангуса: я, хан-старший дядя твой, одолею его!» — «Дорогой Ердени-Кюрюль и хан дядя старший твой, оба ненадобны. Я поеду и одолею его!»—заявил Дайни-Кюрюль. Говорит Зан-Будинг: — «Киб-Дара-еке Кюджи-Кюрюль-хана, пошлите вы гонца-письмо к высшим небожителям и к нижним драконам. Скажите им, что Дайни-Кюрюль победит черно-лысого мангуса. А вы отправляйтесь на родину Дайни-Кюрюля, пусть знают что вы невеста».—«Хорошо»,—сказала Киб-Дара-еке и отправила гонца-письмо к Хормуста-хану, отправила гонца-письмо к царю драконов. Между тем Зан-Будинг заявил: — «Ердени-Кюрюль, оставайся ты в свите этой Дара-еке, а мы с Дайни-Кюрюлем поедем против черного лысого мангуса!»—Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг вскочили на своих коней, бело-светло-желтого и Пламенного рыжку, и поскакали, направляясь к кочевьям Енкельменского черного, лысого мангуса.

Расстояние в добрых восемь тысяч лет пути они прошли в пол-дня и стали приближаться. Заговорил тогда рыжко: — «Этот черный, лысый мангус обладает страшной силой, быстротой. Зан-Будинг, оставайся здесь! А Дайни-Кюрюль должен отъехать на расстояние семидесяти месяцев пути, заткнуть за пояс

быстрое черное копье и повесить на шею крепкий черный лук. Если не поступить так, тот мангус непременно проглотит».— Оставил Дайни-Кюрюль Зан-Будинга на расстоянии семидесяти месяцев пути, надел себе на шею свой крепкий черный лук, засунул за пояс быстрое черное копье и зарысил с шумом. Увидел черный, лысый мангус пыль, поднятую бело-светло-желтым конем, и подумал: — «Что это за дневной полдень, что за ночная кочевка приближается ко мне?»—Оперся он на теневую сторону Алтая, раскрыл рот и стал сосать в себя. Присосал он к себе, притянул Дайни-Кюрюля вместе с его бело-светло-желтым конем и хотел забрать их в свою пасть. Но крылья крепкого черного лука уперлись в углы его пасти, и не смог он схватить их. Стал тогда мангус опять сосать, уже верхняя часть туловища Дайни-Кюрюля вместе с луком попала в пасть, но помешало быстрое черное копье, и не смог мангус проглотить их. — «Должно быть, — воскликнул мангус, — это в мире славный богатырь, с которым могу я порастянуть свои жилы!»— Харкнул тут мангус, и отлетел Дайни-Кюрюль на добрые полдня пути. Заговорил тогда черный, лысый мангус: — «Если биться оружием, сделанным мастерами, не разогреется тогда мое тело! Давай бороться силою плеч да лопаток, пожалованных нам искусной судьбой!» — Согласился Дайни-Кюрюль, и разошлись они на расстояние месяца пути друг от друга. Обнажился Дайни-Кюрюль и надел шаровары. Схватились они с мангусом с расстояния на добрые пол-дня пути и начали бороться с треском, грохотом, точно молния хана-Вечного Неба ударилась в черную скалу. Обвалились горы, сделались горками на степи, разбились степи и превратились в мокрые места. Говорит тогда бело-светло-желтый конь: — «Дайни-Кюрюль, скорее убей мангуса! Тело его превращается в твердый чугун».— Бросился тогда Дайни-Кюрюль и поднял черного мангуса над головой своей, над теменем и шваркнул его о землю вниз черной головой так, что треснула земля-вселенная. Ударил он затем мангуса по крепкой шее черным стальным мечом и убил его, отрубив голову. Когда же распорол он живот черного мангуса, стали кочевать оттуда люди поколениями, гоня скот стадами; стали выходить караваны навьюченных верблюдов, стали кочевать люди аулами. Произносили они все благопожелание для Дайни-Кюрюля: — «Хоть и родились вы в этом перерождении черным человеком, убийцею, но под конец, в следующем перерождении, возродитесь вы монахом с полными обетами, опирающимся на посох с драконовой главой!»—А Дайни-Кюрюль развел огонь с гору величиной и спалил труп мангуса с девяноста восемью его головами. Прервал он его род, развеял пепел. Взобрался он потом на вершину Алтая-Хангая, поставил три-

надцать воскурений, очистил себя и коня; ниспустил он благодатный дождь, омыл себя и коня, очистил свои одежды-одеяния. Вскочил он затем на своего бело-светло-желтого коня с огромный Хангай, повернул назад, и пустился рысить. Едет он под гремящим небом, едет он над холмистой землей. Встретился он с Зан-Будингом, спросил тот его о благоденствии; стали говорить они о счастье-радости, что побежден черный мангус, смеялись они раскатисто тигровыми голосами, смеялись звонко голосами диких коней, смеялись с грохотом голосами громов. Когда поехали они назад явился с верхнего неба лама-отшельник с нектаром в золотом сосуде и омыл им Дайни-Кюрюля вместе с конем его, говоря: — «Очищается мерзость побежденного мерзкого черного мангуса!» — Затем вышел к ним навстречу еще один лама-отшельник из области драконов с нектаром в серебряном сосуде и омыл нектаром Дайни-Кюрюля вместе с конем его, говоря: — «Очищается мерзость мерзкого черного мангуса!»—Вслед затем подошла к ним небесная красавица из области Киб-Дара-еке с нектаром в хрустальном сосуде, говоря: — «Очищается мерзость мерзкого черного мангуса!»—После этого поскакали Дайни-Кюрюль и Зан-Будинг, прибыли к Киб-Дара-еке, сошли с коней и вошли в ставку. Киб-Дара-еке пожаловала им нектара в золотом сосуде, каждый из богатырей три раза принял нектар из сосуда, а поставил его обратно полным до краев попрежнему. Потемневшие их лики прояснились, стали светлыми их груди. Область Киб-Дара-еке устроила в честь Дайни-Кюрюля, Зан-Будинга и Ерденi-Кюрюля неизмеримо великий пир, на котором все и запировали. Пируя и забавляясь, провели они семь ночей и семь дней, семь суток. В конце пира стали они приглашать Киб-Дара-еке. Сказала тогда Киб-Дара-еке: — «Я должна почтить кочевья мои родные, кочевья и воды!»—Приказала она навьючить воеемьдесять арб шелка и штофа всех цветов и воздвигла на вершинах золотой и серебряной горы обо, освятила их и совершила обряд почитания: — «Смилосердуйтесь, берегите меня!» — взывала она. Высыпала она затем в верховьях молочной и масляной реки шелк с восьмидесяти арб, драгоценности девяти родов.— «Народ-подданных моих, детей-учеников оберегай!» — взывала она, оказывая почитания. Вернувшись назад, обратилась она ко всем подданным с такими словами: — «Молитесь вы золотой и серебряной горе! Принимайте нектар из молочной и масляной реки! Живите, наслаждаясь вечно, не зная смерти, богато, не зная бедности!»—Изволила она сесть затем на своего волшебного коня, Аранзала, и отправилась на родину Дайни-Кюрюля в сопровождении пяти сот Дара-еке прислужниц. Проскакала она двое суток, в двое суток одолев пространство в две тысячи

лет пути, и прибыла в кочевья Дайни-Кюрюля. Как только узнали про то подданные Дайни-Кюрюля, все во множестве вышли встречать ее. Вышли все, кроме Далай-хана да Мэсн-Герель-ханши. Разостлали они шелковый ковер пяти цветов, поднесли ей забаву девяти цветов; удостоились все благословения, были приняты под милостивое покровительство. Только через семь суток, через семь дней и ночей, едва могла Киб-Дара-еке сойти с коня.

Проявила Киб-Дара-еке свои дарования: воздвигла она золотой желтый дворец, упирающийся в небесный эфир, похитивший солнечные блеск-лучи. Прошествовала она в тот золотой дворец и полностью сотворила там всю утварь мирскую. Потом доложила она Убадисун-Дара-еке: — «Я, следуя мирскому закону, приму вид замужней женщины; я должна, ведь, поклониться духам-хранителям батюшки, матушки и старших невесток!»—Надела она затем платье замужней женщины, которое сотворилось для нее волшебным образом, протянули перед ней золотые парчевые занавески, и пошла она поклониться духам-хранителям батюшки, матушки, да старших невесток. Когда вошла она, хан-батюшка да ханша-матушка, да старшие невестки, все пожаловали ей по золотому ковровому хадаку, по золотому парчевому платку да по хрустальной драгоценности величиной с конскую голову и по куску льдистого желтого сахара величиной с голову коня. Пожаловали ей каждый по два отдела людей да по два отдела скота, пожаловали ей в удел, в наследие.

А затем собрали мясо, кушаньев так, что целые горы образовались, собрали вина, кумыса так, что воды-моря образовались, и начали великий пир. Тогда-то Дайни-Кюрюль, Зан-Будинг и Ердени-Кюрюль сняли со своих коней седла, узды, погладили их по спинам, поправили челки и отпустили. На пушистой, прекрасной мураве постояли кони; на хорошем худжире перевернулись они раз-другой, щипнули раз-другой свежей зелени; перевернулись они раз-другой на земле с худжирной пылью, раз-другой щипнули ковыля. Заржали они так, что загудело у них в крепких грудях, и ускакали они в табуны, к своих товарищам, бронзово-соловым коням.

И вот у Дайни-Кюрюля и Зан-Будинга не стало врагов-ворогов; одолели они врагов-неприятелей, нападавших на них сверху, уничтожили они злобных нечистей, вредивших им со стороны. Успокоились их мысли, переполнились их сосуды, стали они жить-блаженствовать, как только им мечталось-думалось.

КИГИЙН-КИЙТЮН-КЭКЭ-ТЭМЮР-ЗЕВЕ

В давнее прошлое время, в конце славного века будды Дипанкара, в самом начале славного века будды Шакьямуни, утвердились, говорят, держава и вера-церковь. Рожден владыкой державы и веры, кочевий и вод был, говорят, славный витязь. Рожден князем многих, многих подданных-народа, рожден владыкой отчизны высокого, богатого Алтая-Хангая был, говорят, славный богатырь. Витязь тот был, говорят, лучший из витязей, трехлетний Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве (Воздушное, холодное, синее, железное острие), сын Дайчи-Бурул-хана (Воителя седого-хана) и волшебной государыни, Бурул-ханши (Седой ханши). С тех пор, как появился он на свет, и до трехлетнего возроста, не упустил он пира ни одного дня, не было у него недостатка в наслаждениях ни одной ночи; вырос он, говорят, среди пиров и радостей. В нежном, малом возрасте рос он, и его лелеяли, в малом, слабом возрасте рос он, распевая. И вот Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Зеве, малое дитятко, посреди пира велел себе налить под ряд, раз за разом, семьдесят восемь раз двойной красной арзы в узорчатую, пеструю чашу, проглотил одну за другой и почувствовал себя на говорливом, прохладном, красном рыжке. Качнулся он, как пойманный сокол, насупился он, как насаженный на рукавицу беркут, и заявил: — «Коль я славный витязь, рожденный могучим, то вернусь я с караванами навьюченных верблюдов, забрав народ аулами, пригнав скот стойбищами, пригнав народ поколениями. Будет потеха батюшке, воздам я матушке за ее серо-желтое молозиво! Если же я муж, рожденный бессильным, плохоньким, то вернусь я, познакомившись с людьми, позникомившись со странами; ведь говорят: при батюшке знакомятся с людьми, при коне ездят в новые земли. Пожалуйте мне славного боевого коня, подходящего, который мог бы носить меня, пожалуйте мне разные доспехи, огнистый, смольно-черный панцырь, шлем, седло, узду; соберите мне это все!»—Заговорил тогда его дядюшка, лучший

из табунщиков, трехсот семидесяти семилетний старец Ак-Сахал (Белая борода), старший над правой стороной, восседавший, как владыка, на крепких белых подушках: — «Дорогое дитя мое, Кийтюн-Кэкэ-Зеве! Года твои малы, кровь твоя жидка. Черное, как курительная свеча, мясо твое еще не установилось, крепкие восемь берцовых костей твоих еще не окрепли, не загустела еще твоя темно-красная кровь. Дитятко мое малое, пережди ты этот год, а на следующий год отправляйся пораньше!» — «Ненужные вещи говорите вы, старец-дядюшка,— возразил Кэкэ-Зеве,—витязь рождается с совершенным телом, с мясом, кровью, костями совершенными. После рождения кто же может найти - обрести себе кости, кровь и мясо?» — «У меня было правое слово,—сказал ему на это Ак-Сахал,— а у тебя, должно быть, неправым стало. Чтобы стало оно правым, скажу я тебе следующее: в тот день, когда ты родился, вместе родился и конь, вместе с тобой в один и тот же день появился он; родился он, совершенный темно-рыжий конь величиной с гору, рожденный от пестро-темно-рыжей кобылы и слоново-темно-рыжего жеребца с яблоками величиной с сокровенный Хангай, предводителя пестро-темного табуна, того, который вырос и наполнил Алтай. Перевернулся он на месте, где родился, и закипел там чугун; порыл он землю на месте, где появился на свет, и зажегся огонь, говорят; запрыгал он на месте рождения, и запылал пожар, говорят. Славный это будет конь! Судьбой предназначено ему носить тебя! А что касается до суженой твоей, до предопределенной ненарушимо в силу древних благопожеланий, то, говорят, есть прекрасный Менгмейе-хан, который живет в стране, находящейся на расстоянии девяноста девяти лет пути; большая птица прилетает туда истощенной, хороший богатырь достигает той страны в смятении, а плохой витязь и вовсе туда не доедет — ослабеет и заблудится. Есть у хана того семь сыновей, старшего зовут Докшин-Чингель (Грозный обрывистый лог), а помоложе этих сыновей есть у него дочь-красавица, Еркe-Хара-Нюдюн (Власть - черные глаза). Это и есть твоя суженая красавица. Оживляет она мертвых, восстанавливает погибшее; на сухом дереве заставляет листья вырасти, по сухому руслу воду побежать, — волшебная, говорят, красавица!» — Кэкэ-Зеве рассмеялся с грохотом, как тигр зарычал, расхохотался звонко, точно дикий конь заржал, и возгласил:—«Старцу хану-дядюшке я поручаю ханскую державу, оставляю его над всеми повелителем!» — Такой наказ-приказ дал он своим подданным.

После этого Дайни - Бурул - хан, батюшка, обернулся назад, раскрыл с грохотом замок слоново - белого сундука и откинул белые и красные шелковые покрывала. Вынул он затем и пожаловал Кэкэ-Зеве черную серебряную узду с черно-стальными

удилами величиной с кисть руки Хангайское черное седло, потник, плеть, збрую, все полностью. Кигийн - Кийтюн - Кэкэ Тэмюр - Зеве схватил все это большим и указательным пальцами точно беркут схватил когтями, и выбежал. Остановился он под тенью развесистого дерева и трижды потряс прекрасную серебряную узду, трижды прозвенел ею. Тогда находившийся среди пестро - темных табунов, которые заполнили Алтай, темно-рыжий конь величиной с гору узнал про все, ничего не упуская, затрусил он, как бык, выставился вверх, как вершины Алтая-Хангая, и вступил на золотую желтую дорогу. Прискакал он овечьей проступью; Кэкэ - Зеве выбежал ему навстречу, схватил за длинную челку и надел узду. Положил он затем потник, седло, наладил красиво потфею, подгрудник, подтянул все подпруги. Мангудскую черную плеть повесил он на шелковые повода, а самые повода зацепил за черную луку, крепкую, как наковальня; черный же бычий чумбур привязал он к ветви развесистого сандалового дерева, завязав узлом. Вбежал он затем назад в ставку, сел на золотой престол с восемью ножками и велел налить себе в пеструю узорчатую чару черного вина со вкусом винограда, на которое только взглянуть — и то опьянеешь. Проглотил он чару разом и уселся. Тогда хан-батюшка его обернулся назад, раскрыл слоново-белый длинный ящик и пожаловал, по обычаю восхвалив, сернисто-черную кольчугу, шлем, лук и стрелы, да меч с копьем. Кийтюн-Кэкэ-Зеве надел все, как следовало, снарядился, приукрасился, взял свое красное прямо-бьющее копье и вышел наружу, воткнул он копье в землю на восемьдесят локтей, шагнул раз, другой и вернулся назад. Опять он велел налить себе двойной красной арзы, разом проглотил ее. — «Хан-батюшка, ханша-матушка, хан-дядюшка, вы все мои живите в благоденствии, по-хорошему! Весь народ мой подданные, будьте здоровы, живите хорошо!» — Соизволил тут трехсотсемидесятисемилетний Дайни-Бурул-хан обратиться к сыну с такими словами: — «Дорогой Кийтюн-Кэкэ-Зеве мой, ты ведь живешь в окрайном кочевьи, в открытой, незащищенной земле; вот отправишься ты в далекую, дальнюю страну, когда же ты вернешься? Сколько раз думаешь переночевать? Укажи нам срок!» — Ответил ему Кэкэ-Зеве : — «Если коротко расчитывать, то вернусь я через восемь суток, если надолго расчитывать, то вернусь я через семь суток. До моего возвращения не прерывайте этого радостного пира!»— Засиял он, как солнце, заблистал, как лист, и вышел. Развязал черный бычий чумбур своего коня, вскочил на него и отправился в путь. Взял он под мышку свое красное прямо-бьющее копье и направился на дальний запад. Под гремящим небом, над холмистой землею бьет его конь так, что сотрясается

синее Вечное Небо, прыгает так, что содрогается золотая земля-поверхность. Пространство в добрые семь месяцев пути поглощает конь в один миг—только раз прыгнет да скакнет. Остаются позади его столбы черной, густой пыли, впереди его раздается шум-стукотня бесчисленных воинов; остается позади его тонкая, светло-желтая пыль, раздается перед ним шум многих тем воинов. Натягивает Кэкэ-Зеве поводья так, что кривится рот совершенного темно-рыжего коня, выставляются наружу его четыре белых клыка; натягивает он поводья так, что раскрывается пасть темно-рыжего коня. Рысит Кэкэ-Зеве, наклонив острие своего быстрого черного копья; рысит, раскидывая нагорные камни, рысит, отделяя большие камни от малых. Рысит он, заставляя проваливаться своего коня на крепкой, твердой почве по бабки; рысит, заставляя проваливаться коня на рыхлой земле по колена. Едет он в течение трех суток, трех дней и ночей и под утренним желтым солнышком сталкивается он с синей горой, стоящей поперек его пути точно туча. Взлетел Кэкэ-Зеве на теневой склон той горы налетом гаруды, и видит он на теневой стороне той горы колышащееся, качающееся развесистое сандаловое дерево. Щебечут там разные пестрые птицы, семидесяти цветов лани пасутся, следуя друг за другом и гоняясь в играх друг за другом. Видит он все это и мимо едет. Взобрался он на макушку той темно-красной, черной горы, остановился и стал смотреть дозором. Показалось тут ему, что на дальней западной стороне пыль от стад скота уперлась в небо; увидел он, что народ-подданные наполнили белый свет и синеют вдали. А еще увидел на солнечном склоне черной горы, покрытой темно-красным сандаловым лесом, посреди широкой, красивой степи, монастырь-обитель, увидел он народ, аулы на стойбищах, увидел он, как блистает золотой желтый дворец-ступа. — «Это ханская ставка, — подумал Кэкэ-Зеве,—это не черный человек, а хан, хан, у которого есть холм, чтобы смотреть дозором».— Подумав так, поскакал он к тому ханскому дворцу со всей быстротой своего темно-рыжего коня. Потряслось синее Вечное Небо, задрожала великая золотая земля-поверхность. Тогда потряслась и ханская держава прекрасного Мингмийе-хана, запрыгали его все тьмы, загудели, застучали котлы, таганы. Прекрасный Мингмийе-хан сказал в ту пору своей супруге: — «Какой это славный витязь, с какой стороны света к нам приближается? С какою мыслью, по какому делу он едет? Разве ты не умудрилась в тысячи пятистах умствованиях? Разбери-ка это». — Супруга его, Янсук-Улакчин, разобрала приметы и ответила супругу: — «Это лучший из витязей, Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве, сын волшебной госпожи, Бурул-ханши, и Дайчи-хана, рожденный на дальнем востоке. Едет он, кажется,

чтобы перебить ваших семь сыновей, а единственную вашу дочь-красавицу сделать рукавицей для рук, припасом для тороков. Надо бы подать ему чего-нибудь, подмешавши сильного яда, который усыпил бы его искусный ум, привел бы в расстройство его ясную мысль, изменил бы его цвет-красу!»—Услыхав такие слова, прекрасный Мингмийе-хан взял свою трость с драконовой головой и семьдесят пять раз вытянул ею свою супругу между лопаток, приговаривая: — «Раз ты относишься хорошо к семи своим сыновьям с Докшин-Чингелем во главе, почему же ты плохо относишься к единственному сыну того Дайчи-Бурул-хана? Негодное говоришь ты, жена! Я знаю одно средство! Надои-ка мне в чашу молока из своей груди!»—Испугалась ханша, полную чашу надоила и поднесла прекрасному Мингмийе-хану.

Тем временем прибыл Кийтюн-Кэкэ-Зеве, заставив потрястись землю и небо, показавшись изумительным, грозным. Соскочил он на землю подле ханской ставки, увязал своего темно-рыжего коня, повесил свои доспехи и устремился внутрь. Справился он о благоденствии прекрасного Мингмийе-хана, спросил о здоровьи его ханши и уселся. Тогда соизволил обратиться к нему со словами прекрасный Мингмийе-хан: — «Ты, должно быть, прибыл из дальней страны? Ты, должно быть, ищешь встречи с врагом-недругом? Светло-желтый богатырь! Где твои великие родные кочевья? Как твое великое славное имя! К кому у тебя нужда-стремление? К кому у тебя далекие мысли-замыслы? Говори-ка!»— Говорит ему светло-желтый молодец:—«Я лучший из богатырей, трехлетний Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве, сын Дайчи-Бурул-хана, трехсот семидесяти семи лет, рожденного владыкой далекой восточной стороны, и волшебной госпожи, Бурул-ханши. Стремления мои к прекрасному Мингмийе-хану, а далекие мысли-помыслы — к тому же прекрасному Мингмийе-хану. Отправился я в путь с тем, чтобы убить семь его сыновей, с дорогим Докшин-Чингелем во главе, черной силою отнять-забрать его единственную Хара-Нюдюн красавицу! Старик, выпытывающий имя, воду человека, — как ваше имя?» — «Я прекрасный Мингмийе-хан, которого ты ищешь! Но внутренности не знают различия. Наперед выпей-ка вот этого!»—С этими словами подал хан ему чашу. Кэкэ-Зеве принял ее за чашу с кумысом и проглотил все, что было в ней. Признал он вкус и доложил: — «Какой это вы яд подмешали мне, вдруг отвращающий мою волю и мысль?» — Прекрасный Мингмийе-хан объяснил ему: — «Вот уже седьмой год идет, как мои семь сыновей, в числе их и Докшин-Чингель, уехали биться с семьюдесятью пятью черными мангусами, живущими на южной стороне, во главе которых Дою,

черный мангус с семьюдесятью пятью головами. Неизвестно, живы ли теперь или умерли мои сыновья. Вот мы и подали тебе молока матери, чтобы пил ты, как первым приехавший!»— Заявил тогда Кийтюн-Кекэ-Зеве:—«Нельзя убивать того, с кем вместе пил желтое молоко матушки! Куда поехали ваши семь сыновей? Отправлюсь я за ними! Если трудно им приходится, стану для них вечным посохом! Если же им бежать, то стану для них мостом-лестницей!»

После этого подали Кийтюн-Кэкэ-Зеве кушанья и напитки, и сказали ему хан с ханшей: — «Те семьдесят пять черных мангусов находятся на дальней южной стороне». — Заявил им тогда Кэкэ-Зеве:—«Убью я мангусов, которых надо убить, одолею я мангусов, которых надо одолеть! Приобрету я небесную красавицу священную!»—Закачался он, как тонкое дерево, заколыхался, как яркий цветок, и вышел. Нацепил он свои доспехи богатырские, вскочил на своего мудрого темно-рыжего коня и поскакал, направившись на южную сторону. Стегает он коня так, что остается рубец с лог величиной, падает запекшаяся кровь кусками величиной с жеребенка, и скачет быстро; проскакал он день и ночь, и вот впереди, перед Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Зеве, полиняли цвета-краски неба и земли, протянулась разноцветная радуга.—«Это, наверное, радуга-мгла, создавшаяся от яда мангусов, чертей!» — подумал он, выхватил свой острый черный меч, положил его на правое плечо и поехал дальше. И увидел он, как лоснятся бесчисленные головы тех мангусов, как выдвигаются бесчисленные головы. Гаркнул тогда Кийтюн-Кэкэ-Зеве: — «Коли есть среди этих семидесяти пяти черных мангусов Докшин-Чингель с братьями, сыновья прекрасного Мингмийе-хана, уходи с моей дороги! Прочь от моего коня!»— Но Докшин-Чингель с братьями бились в течение нескольких лет, оглохли их уши, и не услыхали они поэтому возгласа Кэкэ-Зеве. Но слоново-соловый конь казакский, на котором сидел Докшин-Чингель, все услыхал, не упустил ничего, подхватил он своего хозяина и, закусив удила, бросился бежать на макушку можжевелистого сокровенного Хангая. Тогда остальные шесть богатырей последовали за ним, решив, что старший брат знает, что надо делать. А те семьдесят пять черных мангусов с главным Дою, семидесятипятиголовым черным мангусом, ударили все своих коней и бросились в атаку. Увидел это Кийтюн-Кэкэ-Зеве, крикнул: — «Глупые, желтые дурачины, точно куцые сивые волки, нападающие на отсталых овец!»— стегнул своего темно-рыжего коня и кинулся на них. Разрубил он на семьдесят частей семидесятипятиголового Дою, черного мангуса, свалил его, а затем порубил-повалил одного за другим тех черных мангусов. Те же мангусы порассыпали

горы, поиссушили воды, сокрушили скалы, выдернули лиственницы; кровь их потекла кровавым морем с семью скалистыми островами в истоке, с тринадцатью песчаными островами в низовьях. В то время, как Кийтюн-Кэкэ-Зеве в течение дня и ночи избивал тех мангусов и истребил их, Докшин-Чингель переговаривался со своими братьями:—«Мы в течение семи лет не могли перебить этих мангусов, а вот этот богатырь избивает их в один день и одну ночь. Если мы даже побежим со страху, он все равно может убить нас; если мы прибегнем к хитрости, он все равно сможет нас убить. Плохая будет слава для имени нашего батюшки, если будут говорить про нас, что погибли мы во время бегства; славно будет имя батюшки, если скажут про нас, что погибли мы в бою». — Переговорив так с братьями, Докшин-Чингель нацепил свои доспехи и с криком бросился на Кийтюн-Кэкэ-Зеве, а за ним последовали все его братья. Подумал тогда про себя Кийтюн-Кэкэ-Зеве: — «Я изничтожил в одинь день да ночь семьдесят пять мангусов, которых они не могли убить, и тем не менее они, как бешеные, бросаются на меня. Смелые это, прямодушные богатыри!»—Спрятал он свой меч, вложил в ножны и остановился. Когда же приблизился к нему Докшин-Чингель с шестью братьями, Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Зеве выступил им навстречу и осведомился о благоденствии, спросил о благополучии. Богатыри те стали в изумлении, ничего не понимая. Вдруг у Докшин-Чингеля прояснился уммышление, и обратился он с такими словами к Кэкэ-Зеве:— «Милое дитя мое, подобный синему коршуну, с шумом летающему поверх макушки синей горы, ставший сердцем всего народа! Где твоя великая отчизна? Как твое великое, славное имя? К кому твоя нужда-устремление? К кому твои дальние мысли-помыслы? Расскажи, скажи нам, славный витязь, малое дитятко, рожденное мудрым, славным богатырем, явившийся перерожденцем бодисатвы?»—Ответил ему Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Зеве: — «Я трехлетний Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Зеве, лучший из богатырей, сын Дайчи-Бурул-хана, трехсот семидесяти семи лет, рожденного владыкой дальней восточной стороны, и волшебной госпожи, Бурул-ханши. А что касается устремлений моих, моей нужды, то вот они каковы: есть, говорят, на дальнем западе, на расстоянии девяноста девяти лет пути прекрасный Мингмийе-хан, у которого семь сыновей, старший из них Докшин-Чингель; услыхал я про то и вот приехал, чтобы черной силой отбить-отобрать единственную дочь прекрасного Мингмийе-хана, красавицу Хара-Нюдюн. Хотя я и имел такие замыслы, но выпил я желто-белого молока из груди ханши-матушки Докшин-Чингеля и вступил в связь через то с семью ее сыновьями, семью братьями, не мог я уже думать об убий-

стве кого-нибудь из них. Услыхал я, что Докшин-Чингель с шестью братьями уехал воевать на южную сторону с семьюдесятью пятью мангусами и прошло с тех пор семь лет, я и отправился, чтобы стать для них стременем, ребром, чтобы помочь-пособить».—Тогда же семь богатырей спрыгнули со своих коней и стали состязаться друг с другом, кто скорее из них поцелует братца меньшого, Кийтюн-Кэкэ-Зеве. Когда перецеловали они все, обласкали Кийтюн-Кэкэ-Зеве, Кэкэ-Зеве обратился к ним с такими словами:—«Семь братцев моих, пустите меня! Я сейчас угощу вас!»—Показал он тут свои достоинства молодецкие: в один миг ниспустил с небесного эфира вина и мяса, которое могли бы поднять лишь десять верблюдов, и поднес своим братьям. Запировали они и просидели, так пируя, пять суток, пять дней и пять ночей. После того заговорили восемь богатырей: — «Вернемся мы на родину, завладев великими кочевьями этих семидесяти пяти черных мангусов!»—Сказали так они и отправились, все восемь богатырей на восьми боевых конях, в кочевья тех мангусов. Рысят восемь боевых коней, соединивших свои торока; рысят богатыри, яростью объединенные, распевая звучно песни; рожденные под ветром кони рысят, позвякивая; рожденные в блаженстве богатыри рысят, распевая звонко песни. Поехали они по берегу черной реки—ограды владений черных мангусов—и переправились через нее. Тогда сандаловый темно-рыжий конь Кийтюн-Кэкэ-Зеве заржал, как жеребенок, и заговорил человеческим голосом: — «Почему это, по какой причине река-вода этих мангусов течет так чисто, почему травы произрастают так пышно, тучно?»—Отвечает коню Кийтюн-Кэкэ-Зеве:—«Мы не знаем. Если знаешь ты, то говори!»—«В прежнем перерождении,—сказал тогда сандаловый темно-рыжий конь,—был я тонким кречетовидным сивым конем красного богатыря Нагарджуны с восемьюдесятью восемью косичками. В то время эта черная река заканчивалась ядовитым желтым морем. Если приблизиться к нему на расстояние суток пути, то умрешь; такое уж это море. А из пены его сама собой произошла черная баба-чудище. От нее, говорят, родилось семьдесят пять лягушат. Господин мой, красный богатырь Нагарджуна, не убил их. А те семьдесят пять лягушат стали семьюдесятью пятью черными мангусами. Пока не умрет, не пропадет их мать, черная баба-чудище, этих мангусов совсем невозможно прикончить; они опять встанут». — Услыхав это, Докшин-Чингель и Кийтюн-Кэкэ-Зеве сказали остальным шести богатырям:—«Вы завладевайте кочевьями, скотом и подданными мангусов, а мы оба найдем ту черную бабу-чудище и одолеем ее!»—«Хорошо», — сказали шесть богатырей и вступили в пределы кочевий мангусов.

А два богатыря отправились искать черную бабу-чудище. Докшин-Чингель обыскал тринадцать скалистых пещер на теневой стороне Алтая; Кийтюн-Кэкэ-Зеве обыскал двадцать три пещеры на теневей стороне Хангая. И увидел Докшин-Чингель в одной пещере какого-то ламу, сидящего в созерцании. Стал он вглядываться в него, разбирать приметы и понял он, что это не лама-перерожденец бодисатвы, а зловредное существо дьявольского, чертовского происхождения. Выхватил Докшин-Чингель свой острый черный булатный меч и говорит: — «Ты, лама, предай мне в руки мать семидесяти пяти мангусов, черную бабу-чудище, покажи ее глазам моим. Если не сделаешь ты этого, зарублю я тебя до смерти!»—Тогда тот лама принял свой настоящий вид, превратился в черную бабу-чудище. Поднялась она и схватилась с Докшин-Чингелем. Стали они бросать друг друга туда-сюда, стали кидать друг друга, потрясли они золотую землю, навели разорение на все живые существа. Услыхал Кийтюн-Кэкэ-Зеве шум их борьбы и поспешил скорее. Подъехал он и рубанул своим острым черным булатным мечом ту черную бабу, схватившуюся с его старшим братом, и перерубил ее пополам, отделив грудь от живота. Тогда из живота той бабы вылез пятнадцатиголовый скорченный мангусенок и схватился с Докшин-Чингелем. Кийтюн-Кэкэ-Зеве повернулся кругом и ударил того мальчишку, перерубив его пополам, отделив грудь от живота. Тут одна голова того мангусенка сказала следующее: — «Мне не хватало еще семи месяцев! Если бы я родился через семь месяцев и принял имя черного мангуса Дархан (Кузнец), то прикончил бы я вас, прервав ваш род. Теперь же я умираю из-за того, что я недоносок, недостает мне семи месяцев!» — Сказав так, подох мангусенок. Зажгли Кийтюн-Кэкэ-Зеве и Докшин-Чингель огонь с гору величиной; подгребли угли с горку величиной и сожгли черную бабу-чудище вместе с ее мангусенком, изничтожили. Хотели они двинуться далее, но тут заговорил сандаловый темно-рыжий конь:—«Кийтюн-Кэкэ-Зеве мой, как ты думаешь, почему воды, травы этих кочевий мангусов пышны, тучны, изобильны? Прежде, когда я возрождался тонким сивым конем красного богатыря, Нагарджуны, посреди этого ядовитого желтого моря находился шалаш, а внутри его стояла трехлетняя черная корова; внутри же коровы—золотой ящик, а внутри ящика три—золотых птенчика. Если не убить тех птенчиков, то эти все мангусы опять восстанут». — «А есть способ убить их?» — спросил Кийтюн-Кэкэ-Зеве.—«Как не быть».—Насадил тогда Кийтюн-Кэкэ-Зеве быструю белую стрелу на свой крепкий желто-пестрый лук; стал натягивать его с утренним желтым солнцем, а спускать стал стрелу с полдневным желтым солнышком. Пуская стрелу,

нашептал он волшебной стреле:—«Пробей ты насквозь черный шалаш, что находится посреди того моря, и, перевернувшись, превратись в черно-пеструю осу величиной с трехлетнего барана и начинай жалить толстые бедра трехлетней черной коровы, гнать ее вон!»—Спустил он с этим наказом стрелу. Со свистом полетела стрела, разбила вдребезги черный шалаш и превратилась в черно-пеструю осу величиной с трехлетнего барана, которая стала жалить корову, прокалывая насквозь толстое мясо на бедрах, стала гнать ее вон. Когда вышла та корова, Докшин-Чингель навстречу наложил быструю белую стрелу на крепкий желто-пестрый лук и выстрелил с расстояния трех месяцев пути. Прострелил он корове шейные позвонки и разбил золотой ящик. Три золотых птенчика полетели тогда по небесному эфиру. Увидел это Кийтюн-Кэкэ-Зеве и подумал:—«Невозможное ведь произошло!»—Показал он тогда свои девяносто девять чудесных достоинств: убрал он небесное солнце, а на луке своего седла установил желтое солнышко величиной с коленную чашку, а затем подбросил волшебный камень и напустил на небесный эфир холодный черный ураган тысячи калп. Все птицы и дикие звери той стороны издрогли, иззябли и пришли греться к желтому солнышку величиной с коленную чашку. Через трое суток прилетела, зазябнув, птица гаруда, черно-пестрая. Под правым же крылом той гаруды притаились три птенчика. Схватил их Кийтюн-Кэкэ-Зеве и раздавил. Зажег он затем огонь величиной с гору и спалил их совсем, изничтожил. Отпустил он небесное желтое солнце и успокоил все живые существа той стороны.

Собрались уже два богатыря ехать назад, но тут заговорил сандаловый темно-рыжий конь: — «Докшин-Чингель с шестью братьями, вы зачем в самом начале приехали? Теперь как же вы хотите вернуться? Когда узнали вы, что эти семьдесят пять мангусов захватили восемь небесных красавиц во главе с Отхан-хара (Младшая-черная), прибыли вы, чтобы захватить добычу мангусов, сломить их гордость».— «Теперь много годов уж прошло, ничего мы не знаем», — сказал Докшин-Чингель. Говорит тогда сандаловый темно-рыжий конь:— «Посреди купы черных кустарников, куда не пролезет и мушиный нос, находится широкая белая поляна, посреди которой стоит черный шалаш; внутри же того шалаша — восемь красавиц. А кустарник этот — такой трудно-доступный кустарник, что его невозможно объехать, невозможно пролезть через него в течение дня. Выстрели ты, Кийтюн-Кеке-Зеве, и войди внутрь вслед за стрелой». — Наложил Кийтюн-Кэкэ-Зеве быструю белую стрелу на свой крепкий желто-пестрый лук, натянул его и пустил стрелу в тот кустарник; сам он затем пустился в путь,

помчался догонять свою стрелу. А быстрая белая стрела Кийтюн-Кэкэ-Зеве пробила насквозь ту купу черных кустарников, пробила путь, по которому можно было гнать скот стойбищами, можно было кочевать. Покатился, помчался тогда сандаловый темно-рыжий конь, проскакал те кустарники насквозь, догнал выпущенную ту стрелу. Подобрал Кийтюн-Кэкэ-Зеве свою стрелу и нацепил на нее, на стрелу, оказавшийся там шалаш. И увидел он тогда, что под ним ползают восемь живых существ, восемь пауков. — «Это души мангусов?» — спросил он. — «Заберите их, — сказал сандаловый темно-рыжий конь, — очистите, воздвигши тринадцать воскурений, омойте, низведя нектарный благодатный дождь, и тогда посмотрите!»

Докшин-Чингель и Кийтюн-Кэкэ-Зеве посадили себе за пазуху по четыре паука, поскакали прежним путем и взобрались на макушку можжевелистого сокровенного Хангая. Очистили они там пауков, воздвигши тринадцать воскурений, омыли, ниспустивши нектарный благодатный дождь. Тогда пауки превратились в восемь красавиц, которые сияли, точно лучи-свет солнца. Увидели богатыри, что сидят красавицы поблескивая; увидели они: красавицы так прекрасны, что невозможно на них смотреть без того, чтобы не исхудало лицо, не померкли глаза. А те небесные красавицы обратились с мольбой о помощи к своим родителям, тридцати трем небожителям, от всего сердца, так как не было у них одежд-украшений, чем бы они могли прикрыть себя. И в один миг мировой вихрь принес им на колесе прекрасные парчевые и шелковые одеяния-украшения.

Когда для семи из тех красавиц ниспустились одеяния, заговорила красавица Отхан-хара: — «Докшин-Чингель с братьями — суженые моих семерых младших сестер. Я теперь отправлюсь доложить хану Вечному Небу радостную весть о том, что нашли они свою судьбу».—Сказав это, превратилась она в мудрого, искусного попугая и улетела к небу. А между тем у оставшихся семи красавиц не было подвершных коней, не было седел с уздами коней седлать. Тогда Кийтюн-Кэкэ-Зеве выдернул из хвоста сандалового темно-рыжего коня семь волосков, выхватил семь волосков из гривы, связал волоски узлом и поднес к носу сандалового темно-рыжего коня, под его дыхание. И тотчас появилось семь коней, темно-рыжих со звездочкой, с седлами и уздами, которые играли головами, бились, не могли стоять на месте. Два богатыря посадили тех красавиц на коней и вдевятером направились к кочевьям Докшин-Чингеля. Когда проскакали пространство трех суток пути, повстречались они с шестью братьями Докшин-Чингеля, которые возвращались к себе, завладев людьми-подданными и скотом мангусов.

Кийтюн-Кэкэ-Зеве и Докшин-Чингель оставили им семь красавиц, а сами поскакали вперед. Достигли они владений прекрасного Мингмийе-хана, слезли, вошли в ставку, спросили о благоденствии батюшки и матушки, подробно рассказали обо всем, что с ними случилось. Сказал им тогда прекрасный Мингмийе-хан:—«Дети мои, про отправляющегося на охоту говорят: меткий стрелок; отправляющемуся в поход говорят: щедрый дар. Пожалуйте мне что-нибудь в дар из вашей добычи». — Тогда они поднесли ему каждый по два поколения народа, каждый по два отдела скота.

Вслед затем стали собирать, приготовлять радостный, веселый пир-пирование по случаю того, что одолели семьдесят пять мангусов и обрели семь небесных красавиц. Между тем прибыл караван, пришли люди-подданные. Кийтюн-Кэкэ-Зеве принял то, что должен был взять, отдал то, что должен был дать, все выделил, а Докшин-Чингель с братьями взяли себе в жены семь небесных красавиц, а Кийтюн-Кэкэ-Зеве взял себе в жены красавицу Хара-Нюдюн. Начался тогда свадебный пир, на котором пировали восемьдесят суток. Поставили затем на выстойку верблюдов и коней, чтобы Кийтюн-Кэкэ-Зеве мог вернуться в родные кочевья; пожаловали своей Хара-Нюдюн красавице золотые Ганджур и Данджур. На тысячу пятьсот желтых лысых верблюдов навьючили ровно золотые Ганджур и Данджур, покрыли коврами золотыми народа Ак (Белый) и пустили караван, разбив верблюдов по пятидесяти да по пятидесяти, приставив к каждому вьюку для поддержки по богатырю. На тысячу пятьсот легких одногорбых верблюдов навьючили ставку из черных соболей с занавесками из важного шелка, покрыли коврами народа Ак и вывели караван на золотисто-желтую дорогу. Для красавицы Хара-Нюдюн оседлали, ловко наладив, седло с уздой да украшения, драгоценность-коня, иноходца, у которого в восьми берцовых костях промежутков не было, ездя на котором выросла красавица; дали ей в спутницы восемь прислужниц, распросили ее и рассказали ей о широком да далеком, об узком да коротком, обо всех делах, и отправили ее в хвосте каравана. Кийтюн-Кэкэ-Зеве пожелал благоденствия батюшке и матушке и поехал вместе со своими семью братьями. Вывел он караван-вьюки, народ-подданных на путь-дорогу, пожелал благоденствия своим семи братьям и отпустил их назад. Затем Кийтюн-Кэкэ-Зеве заставил итти свои караваны и днем, и ночью, и утром, и вечером. Тогда красавица Хара-Нюдюн заметила:—«Говорят, брошенный камень останавливается!»—И расстояние на девяносто девять лет пути сократила до расстояния в пять суток, пять дней и ночей. Прошли они средним ходом пять суток и вступили в кочевья Кийтюн-Кэкэ-Зеве.

Вышел им навстречу старец-табунщик, поздоровались они, побеседовали обо всем случившемся.

Кийтюн-Кэкэ-Зеве поехал вперед к хану-батюшке, осведомился он о его благоденствии, спросил о его благополучии, доложил ему о том, как ездил. Приказал тогда хан-батюшка собрать все нужное для великого безбрежного пира. А в то время, как стали приготовлять, устраивать место, где воздвигнуть ставку из черных соболей, подошел караван. Спустили тогда золотые Ганджур, Данджур, спустили. Развязали ставку из черных соболей и стали воздвигать ее. Поставили ее как раз посредине высокой, красивой площадки, вдоль широкого прекрасного луга; утвердили все прекрасное, очистили все скверное, воздвигли прекрасную ставку, как терем с золотыми украшениями. Золотые Ганджур и Данджур поместили в золотой храм-ступу, совершили освятительное молебствие. Собрали затем всех, все живые существа, и начали великий, безбрежный пир, запировали. Пировали они, радуясь как кукушка; и с ними все двуногие существа полностью предались забавам да радостям. Были покойны их помыслы, были полны их сосуды, наслаждались они, как хотели. Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Зеве снял седло, узду с сандалового темно-рыжего коня и отпустил его к товарищам. Стал он жить, говорят, блаженствуя до пределов блаженства; не было зимы, все было лето, смерти не было, все стало вечным, не было весны, все была осень, не было сухой травы, а все была мурава. Не стало над ним врагов-недругов, с которыми надо было бы сражаться; не стало подле него зловредных препон, которые могли бы ему помешать; не стало ничего страшного, не было никаких утерь, все шло по-здоровому, по-хорошему.

ЕГИЛЬ-МЕРГЕН

I

Береза-дерево становится красою, лебеди-лебедихи творят радость; лиственница-дерево становится красою, коршуны-птицы творят радость. Бьют ключи-источники, кричат олени-маралухи, распространяется добродетель и счастье, толпятся сотни тысяч подданных...

Во время, когда Дайбун-хан был малым ребенком, когда все великие народы этого мира начинали подрастать, во время, когда море Бум (Сто тысяч) было лужицей, а седой аргали был теленком, в то время, когда впервые пал луч желтого солнышка, когда стала расти вера тысячи будд этой калпы, когда жители этого подсолнечного мира только что начали расти-множиться, во время, когда стала распространяться вера Шакьямуни, в то время родился славный витязь, которому подчинились народы этого мира.

Лебедиха радость творит, цветы, листочки красуются. Было, говорят, Хрустальное море, было Сахарное море, было, говорят, Молочное море, было море Бум; родился владыкою их славный витязь.

В то время, когда гора Сумеру была малым перевалом, когда великое Молочное море было лужицей, в то время, когда семьдесят семь царей нижней стороны были малыми детьми, когда Дара-еке была богинькой, а Далай-лама был послушником, в то время, когда царь тридцати трех небожителей, Хормуста, вступил в трехлетний возраст, славный витязь родился, говорят, безраздельно завладев этим подсолнечным миром. Стал он славным витязем подсолнечного мира, родился он, став владыкою этого подсолнечного мира.

Выходя на свет из желтой утробы матери своей, держал он во рту алмазный черный меч; таким родился он, говорят.

Родился он, говорят, зажав в руке кусок запекшейся черной крови величиной с печень. Стали про него говорить, что нет на подсолнечных восьми материках молодца, который мог бы превзойти его; пошарили, говорят, у него по спине и не нашли позвонка, который мог бы согнуться, поискали, говорят, у него в ребрах и не нашли места-промежутка, куда можно было бы ввести черный булат. Этот славный витязь вырос привольно на руках своей матушки, вырос, говорят, привольно-самовольно на руках своего батюшки; светло-желтые прекрасные извилистые косички рожденного славного витязя прикрывали блеск его лопаток; обладал он прекрасными глазами-подзорными трубами, прекрасными раковинными зубами. Родился он владыкой народов этого подсолнечного мира, завладев царствами, государствами. Десять с лишним лет прошло с тех пор, как потеряли счет стадам-скоту; сколько лет уж прошло с тех пор, как потеряли счет овцам, быкам и верблюдам; родился славный витязь владыкой царств-государств этого подсолнечного мира. Родился он, не зная врагов над собой; родился, не зная зловредного подле себя. Отцом его был Енке-Мэнкэ (Спокойствие-Вечность), а матерью—Ердени-Джиргал (Драгоценность-Радость). Так родился славный витязь; так родился славный Егиль-Мерген.

Начало ложбины, которую звали Тюмен (Десять тысяч), прекрасная белая равнина, которую звали Тюлькюр (Ключ); на ней то была воздвигнута прекрасная ставка славного витязя. На дверцах ставки была изображена парящая царственная гаруда, на косяках—собаки Хасар и Басар, на верхнем косяке—попугай-птица. На решетке же и на жердях крыши были вырезаны бодающиеся козлы, на подпорках—схватившиеся тигры и львы, а на круге дымового отверстия—бодисатвы всех сторон. Такая была, говорят, белая ставка-море с семьюдесятью пятью подпорками. Воздвигли эту ставку так, что она встречала светлучи солнца и луны. Воздвигли ее, набросив двадцать четыре стенных покрывала, воздвигли, завязав двадцать четыре пояса. Покрывало переднее крыши было подбито шкурами оленей, а сверху обшито цветистым белым шелком. Широкое покрывало дымового отверстия было сделано из прекрасного шелка, а все завязки из цветистых красных нитей. Такая была у славного витязя ставка с семьюдесятью подпорками. А про то, что внутри ее было, какая потребная утварь была, говорят следующее. Водворен там был престол с львиными ножками, водворено там было изображение Аю-бодисатвы. Собраны там были золотые чистые желтые курительные свечи, собраны были золотые Ганджур и Данджур, лежали разостланные ковры народа Ак (Белый). Поставили там двадцать пять престолов славного

витязя, разостлали двадцать пять двойных четырехугольных ковриков, поставили двадцать пять прекрасных сандаловых подпорок для стены. Такую прекрасную ставку славного витязя воздвигли, воздвигли и закончили, говорят. Поставили таган с семьюдесятью пятью поясами, бронзовый котел; втащили бурдюк для кумыса из слоновой шкуры, всунули било из сандалового дерева; втащили бурдюк из шкуры буйвола, всунули било из ракитника; втащили бурдюк из шкуры быка темно-рыжего, всунули било из тальника. Протянули привязь в шестьдесят саженей, привязали-насадили, точно рыбок, множество жеребят. Стали бить красный драгоценный кумыс.

Рассеялись там сотни тысяч подданных-простого народа, ими всеми владел славный витязь. И славного того витязя звали: преждерожденный Егиль-Мерген. У славного витязя Егиль-Мергена был конь Ердени-Хонгор (Драгоценный-Светло-Желтый). На спине того коня не было, говорят, гнувшихся позвонков, в ребрах не было промежутка, куда бы можно было просунуть острие черного булата; воздушный был конь, говорят, преждерожденного Егиль-Мергена.

Созрела пора славному витязю, преждерожденному Егиль-Мергену, отправляться в поход. Докладывает он хану-батюшке и матушке, говорит, что созрела пора ему отправляться в поход. Но хан-батюшка и матушка сильно рассердились, разгневались. Славный витязь должен был поехать добыть себе красавицу Дуту-Мэндэр, дочь Дюрскюленг-хана, живущего на западе, в стране захода солнца; созрела пора славному витязю добыть себе ту красавицу; настала пора преждерожденному Егиль-Мергену оставить родные кочевья. И преждерожденный Егиль-Мерген с конем Ердени-Хонгор решил, что должен добыть себе ту красавицу, решил, что созрела пора отправиться ему в путь. Лучшему из табунщиков, табунщику Ак-Сахалу (Белой-Бороде) приказал преждерожденный Егиль-Мерген привести прекрасного воздушного коня. Отправился табунщик Ак-Сахал, отправился к воздушному коню витязя. Наскочил он на бесчисленных коней, ходивших под лучами солнца, наскочил с криком на коней, ходивших под лучами луны. Наскочил он, табунщик, чтобы поймать воздушного коня славного витязя. Стал искать он его среди тех коней. Надел он на белый укрюк в восемьдесят восемь саженей волочившийся за ним аркан в сто восемь саженей. И поймал табунщик Ак-Сахал коня Ердени-Хонгор. Тогда тот конь стал рваться и бить задом. Взбрыкнулся он кверху, посчитал небесные звезды-планеты; взбрыкнулся он книзу, потряс основы-основания земли. Но табунщик подтащил его и схватил. Надел он на коня оброть и повел, привел он его к белой ставке-море с семьюдесятью пятью подпорами. Остановившись подле ставки, он увязал коня крепко, как скала, надел путы крепко, как ящик. Зашагал табунщик Ак-Сахал и вошел в белую ставку-море с семьюдесятью подпорами. Осведомился он о благоденствии высшего, святого князя своего, раз за разом семьдесят два раза преклонил колена и доложил:—«Привел я прекрасного воздушного коня славного витязя».—Доложив это, принялся он пить красный чай с мускатными орехами, поднесли ему чай, наливши в красный сандаловый кувшин, поднесли ему, наливши в сандаловую чашу. Поставили перед ним белого, как мел, сахара, воткнув ложку из белой бронзы; поставили перед ним льдистого сахара, воткнув ложку из серебра, поднесли ему разных вкусных яств. Покушал табунщик Ак-Сахал, напился—утолил свою жажду.

А между тем настала пора преждерожденному Егиль-Мергену седлать своего воздушного коня Ердени. Надел он на коня серебряную с чернью узду. Потник был сделан, говорят, из шерсти тьмы овец, отделан он был прекрасным сукном с глазками. На потник Егиль-Мерген наложил подстилку из шкурок сорока девяти гнедых со звездочкой соболей; наладил затем седло, оседлал своего воздушного коня. Подтянул славный витязь передние шестьдесят пять подпруг, подтянул задние восемьдесят пять подпруг; подсадил потфею в шестьдесят саженей; а белую наказную плеть с бронзово-серебряным покровом, с петлей из шкуры дикого барана, с рукояткой из дерева гунша он навесил на золотые повода. За переднюю и заднюю луку наладил он повода, а за последний из восьмидесяти двух тороков, за нежный черный, привязал он сырые черные треноги. Оседлав таким образом своего воздушного коня, увязал он его. Оседлав так воздушного коня Ердени-Хонгор, преждерожденный Егиль-Мерген облачился в кольчугу, облачился в сырые белые шаровары, сделанные из лобной шкуры тьмы быков, обулся в красные сапоги вместе с белыми ватными чулками. Прицепил он затем тисковый черно-булатный нож с ножнами из сандалового дерева, с тисками из слоновой кости. Прицепил-приладил он также шелковый кисет, вместе с красным, лютым табаком, данным Дайбунг-ханом, привесил он также блестящее черное огниво величиной с трехлетнего бычка. Засунул преждерожденный Егиль-Мерген за голенище серебряную трубку. Тридцать две черные косички матушка заплела ему; на концы же тридцати двух косичек надел он повязку со ста восемью переломами. Надел он затем раковинно-белый шлем с шариком, с красными ушками; опустил он назатыльник, освободил кольца, распустил закрышки, опустил нащечники, надел его над толстым челом. Так облачился, говорят, славный витязь.

Приготовил он затем крепкий желтый лук в девяносто восемь сил; вынул и поставил посошное красное копье с железной частью в сто саженей, с рукояткой в шесть саженей; вынул он и черно-стальной меч с тисками; вынул шаловливую белую саблю с девяносто восемью переломами. Затем прицепил он, надел все доспехи-вооружение. Подняв на себе все доспехи, отправился он в путь, говорят. Пошел его конь скакать, бить; выехал Егиль-Мерген из кочевий матушки да батюшки, выехал, направившись на запад, в сторону захода солнца.

Рысит преждерожденный Егиль-Мерген, туманится дорожная пыль, крутится дорожный песок. Виднеется он по степям, возвышается на перевалах, волнует он четыре великих моря, потрясает мир. Белеет свет на острие его копья, сияет на верхушке его шлема; трясутся восемь подсолнечных материков, крутится тонкая светло-желтая пыль, проехал он насквозь без задержки тьмы черных гоби, проскакал в один миг десятки тём гоби. Едет он, кружась по желтому тростнику, переправляется через обширную желтую степь; едет он, переправляясь через восемь подсолнечных материков, едет, направляясь на запад, в сторону захода солнца. Доспехи его за спиной торчат, как лиственницы на теневой стороне горы. Проезжает он по теневым возвышенностям Алтая, выезжает на теневой склон черной горы, рысит он, направляясь в сторону захода солнца. Под ногами коня Егиль-Мергена потряслись восемь материков, взволновалось море Бум, содрогнулись божественные Алтай и Хангай. Едет преждерожденный Егиль-Мерген, направляясь на запад, в сторону захода солнца. Время проходит, падает снег, сугробы навеваются, а он скачет месяцы, скачет, не отдыхая в знойный день, скачет, не укрываясь в туман, скачет, не спотыкаясь на плоском камне.

Наезжает преждерожденный Егиль-Мерген на черную скалу оградой, в которой не было прохода. Выхватил он тогда свой черно-булатный меч и стал рубить скалу, и прорубил врата, через которые мог бы пройти караван в тысячу верблюдов, следующих с ревом один за другим. Так прорубил он врата и миновал ту скалу. Оттуда дальше он едет и, проезжая далее, наталкивается на великую, горячую гоби, кипящую чугуном; вверх подняться—нет ей начала, вниз сойти—нет ей конца. Ниспустил он тогда дождь и град в течение семидесяти суток и перевалил через ту гоби. Так удалялся от кочевий матушки и батюшки преждерожденный Егиль-Мерген. Расстояние в год пути он сокращает в месячное, расстояние в день пути он поглощает в пол-дня и достигает таким образом он дальних мест; десять и еще сколько-то лет прошло с тех пор, как покинул

славный витязь родные кочевья, а все не мог он достигнуть кочевий Дуту-Мэндэр, дочери Дюрскюленг-хана, тот лучший из витязей, Егиль-Мерген. И во время поездки растет тело славного витязя, развиваются его плечи, лопатки, развивается все тело, развиваются его достоинства, разум, прибавляется сила, мощь. В один миг переправляется он через тьмы гоби; возвышаются мысы, зияют ущелья. Туманится степь, тускнеет перевал, а он переваливает с горы на гору, следует берегом морским. Продолжая двигаться, направляясь на запад, на заход солнца, встречается он с яром, у которого нет начала, нет конца. Выхватил Егиль-Мерген свой чернобулатный меч и прорубил врата, через которые могли бы пройти караваны верблюдов. Прорубил он врата и миновал тот яр. Оттуда далее поехал преждерожденный Егиль-Мерген и доехал до края кочевий Дуту-Мэндэр, дочери Дюрскюленг-хана, доехал до края кочевий ее. Прибыв к тому хану, тот славный витязь спустился с коня, спустившись, увязал коня и, сняв свои доспехи, сложил кучей. Затем вошел он в белую ставку. Дверную занавеску в семьдесят рядов отбросил он, не дав коснуться до блеска своих лопаток, и вступил, шагнул во внутрь. Тотчас семьдесят два раза преклонил он колени перед господами-князьями да опять поклонился; преклонил он тупое колено, поклонился круглой головой и сел; преждерожденный Егиль-Мерген спросил о здравии, благоденствии и сел. Заговорит тогда тот хан:—«Где твое кочевье, где же твой дом; чей ты сын, как тебя зовут; как имя матушки и батюшки, как звание сестры; чей ты сын, как именуешься? С какими помыслами, зачем странствуешь?»—Поднесли славному витязю красного чаю с мускатным орехом, поднесли красно-сандаловой каши. Славный витязь покушал, утолил свою жажду, насытился. Обратился затем Егиль-Мерген к хану с такими словами:—«Как раз вот ваша красавица—моя настоящая суженая, предопределенная неизменными пророческими благопожеланиями. С этим я явился, чтобы доложить вам».—После этого сказал тот хан:—«Получай эту красавицу и возвращайся».—Поднес тогда Егиль-Мерген батюшке подарок штофным шелком, матушке поднес хадак; поднес десять тысяч кусков штофного шелка, прошитого желтым золотом.

Настала тогда пора тому славному богатырю принять ту красавицу. Начался тут восьмидесятидневный пир. Начали пиршество, начали забавы. Играли они, постукивая ногами вареного барана, подносили друг другу бурдюки вина. Как начали пир, забавы, так и пропировали восемьдесят суток. Была, говорят, тьма белых верблюдов, золотом они были занузданы, серебром закляпаны; вот и приготовили их везти

ставку с семьюдесятью пятью подпорами той красавицы. Монастырь там был с правым святым ключником, с маслянистым, черным кумысодателем, с уставщиком, который обладал могучим драконовым голосом, с девяносто четырьмя управителями. Били посреди круглого монастыря в бронзовый, серебряный барабан, распределяли даяние людям-живым существам. Летали желто-темно-красные платы, рассыпались желто-красные монахи. Был там походный шатер-храм с восемьюдесятью восемью подпорками, собирались там на восемьдесят тысяч служений. Туда-то пригласили золотую красавицу того хана, начали великое служение повременное. Задули в белую раковину, очистили все страхи безвремения; ударили в грозный желтый барабан, разбили в прах всех чертей; запели песнопения в честь грозных гениев. Заставили ту красавицу поклониться тому служению.

После того стали выделять той красавице наследие, выделили ей прекрасную державу, выделили ей круглые красные монастыри; выделили красавице наследие из скота четырех родов, оседлали для ханской дочери тонкого солового коня с восемьюдесятью восемью прядями, привесили кисть восьми цветов, подобную тонкому сандаловому дереву с распустившимися листками. Избран был потом лучший день из лучших дней месяца, и прекрасный день месяца был восьмое число среднего осеннего месяца. Настала, созрела пора отправлять в путь красавицу. Начали тогда пир на восемьдесят суток, начали забавы на шестьдесят суток. Не стало больше зимы, а все было лето; прекратилась смерть, все стало вечным; не стало бедных, все стали богатыми. Наступил день, когда Егиль-Мерген, лучший из витязей, преждерожденный Егиль-Мерген, должен был увезти ту красавицу, Дуту-Мэндэр; наступила восьмая новина среднего осеннего месяца. Выбирали тот день восемь звездочетов и глава той церкви, благородный лама. Навьючили на верблюдов вьюки, навьючили изображение Аю-бодисатвы, навьючили золотые Ганджур и Данджур, навьючили на тьму верблюдов все вьюки. Навьючивши все вьюки, прикрыли их, начиная с самых первых, кончая последними, коврами народа Ак. Засияли золотые намордники, заблистали, забелели серебряные кляпы. Выехал тот славный витязь со своей красавицей. Выступил караван в путь и направился на восток, в сторону восхода солнца, направился в сторону отчизны, богатого Алтая. Звучит ржание коней, раздаются голоса людей. Проходят они белую гоби, которую годами не миновать, проходят они прекрасную белую гоби, которую месяцами не пройти насквозь. Преждерожденный Егиль-Мерген везет красавицу Дуту-Мэндэр, дочь Дюрскюленг-хана. Кочевали они уже десять с лишком лет, кочевали, пропуская

годы, часы; кочевали, видя, как падал снег, наметались сугробы. Все-то кочевали они без остановки; хватали солнце и держали его на приколе, хватали луну и пристегивали.

И вот показался родной тринадцати-вершинный богатый Алтай, показался двадцатитрехвершинный Хангай. Прибыл преждерожденный Егиль-Мерген к краю кочевий матушки и батюшки. Как вошли они на край родных кочевий, содрогнулось Молочное море, потряслась гора Сумеру. Поскакал тогда Егиль-Мерген, заставляет он коня переступать через большие перевалы, заставляет переступать через широкие перевалы. Смеется он раскатисто, блестят его белые зубы величиной с лопату, раздается рыкание тигра и опять гремит. Рысит он с грохотом—подымается ветер-ветерок; рысит он с шумом—начинает крутиться вихрь-ураган. Напрягает он ноги так, что кривятся ушки тяжелых серебряных стремян, вытягиваются ремни. Едет он, и дрожит поверхность сырых лугов, краснеет цвет синего Вечного Неба. Направляется преждерожденный Егиль-Мерген к своим родным кочевьям, к тринадцати богатым темно-рыжим Алтаям, стремится он к отчизне, к милостиво-святым тринадцати Алтаям, к молодым красным духам Алтая. А дочь Дюрскюленг-хана, красавица Дуту-Мэндэр, расставшись с матушкой и батюшкой, удалившись от родных кочевий, попадает на чужую родину. Затуманивается ее прекрасная белая грудь, думается ей тринадцать мыслей, бьется ее черное сердце, пучатся ее легкие, думаются разные мысли, и струятся ее водяные черные слезы. Прибыл преждерожденный Егиль-Мерген к белой ставке-море с семьюдесятью пятью подпорами, прибыл затем и караван. Прибыли верблюды, сияя золотыми намордниками, поблескивая серебряными кляпами; блестит изображение Аю-бодисатвы, сияют Ганджур и Данджур золотые. От быстрого шага славного витязя потряслась белая ставка-море с семьюдесятью пятью столбами, потряслась пушистая серебряная стенка, потряслась четырнадцатая серебряная крыша. Вступил преждерожденный Егиль-Мерген в белую ставку, осведомился о благоденствии матушки и батюшки, семьдесят два раза преклонил колени и еще раз поклонился. Заявил витязь батюшке с матушкой, которые, скучая без него, слезы проливали: — «Одолел я врага, добыл себе небесную красавицу». — Отвечали ему батюшка с матушкой: — «Значит, славный витязь ты — одолевший врага, добывший себе небесную красавицу!»—Устроен был тут великий пир-пирование, зажили все после того в мире и блаженстве.

Кончился первый отдел о славном витязе, о преждерожденном Егиль-Мергене, о том, как добыл он себе небесную красавицу.

2.

Преждерожденный Егиль-Мерген отправился в поход, говорят. Вперед он отправился, на восход солнца. Удалился славный витязь от своей отчизны, тринадцати богатых темно-рыжих Алтаев. Проскакал он весь год и увидел красно-желтое солнце следующего года. Был в то время, говорят, Байханхан-Арсалан, одетый в ловкую желтую одежду, обладавший конем желтой масти в пять саженей. Поджидал он преждерожденного Егиль-Мергена. Выехал он, да слез с коня, увязал коня, да сложил свои доспехи. Алтай он взял себе, как подушку, и скривил его, в Хангай он уперся ногами так, что покривил его, и заснул он так, говорят. Спит он, заняв путь, по которому должен был ехать преждерожденный Егиль-Мерген. Заметил он, что приближается поджидаемый им молодец, заметил и продолжал лежать. А тем временем славный витязь, преждерожденный Егиль-Мерген, подъехал к нему. Посмотрели они друг на друга, посмотрели в разные стороны и спросили друг друга славные витязи о здоровье да о благоденствии. Задает затем тот Байханхан-Арсалан вопрос Егиль-Мергену: — «Где твои кочевья, где твой дом? Чей ты сын, как зовут тебя? Как зовут матушку да батюшку, как величают старшую сестрицу да младшую? С какими помыслами да зачем едешь ты? Откуда да куда направляешься?» — Отвечает ему Егиль-Мерген: — «Стойбище мое — начало ложбины, кочевья мои — сандаловая излучина. Батюшка мой — Енке-Мэнкэ, матушка моя — Ердени-Джиргал. Именуюсь я — преждерожденный Егиль-Мерген, обладающий конем Ердени-Хонгор. А твои кочевья где, где твой дом? Как зовут батюшку да матушку, как величают старшую сестрицу да младшую? Чей ты сын, как именуешься? С какими мыслями, замыслами едешь ты?». — «Я, — отвечает витязь, — Байханхан-Арсалан, облаченный в желтое одеяние, обладающий золотисто-желтым конем в пять саженей. Отец мой — Орху-Наран (Заходящее солнце), мать моя — Гарху-Наран (Восходящее солнце). Что же ты, согласен состязаться плечами да лопатками, пожалованными нам батюшкой и матушкой? Или ты желаешь сражаться оружием, сделанным мастерами-искусниками?» — «Ни того, ни другого не надо бояться», — заявил Егиль-Мерген. — «Ну, так поищем под ясным солнцем да в молодых годах забавы-прибыли!»

Отправляются они вдвоем, отправляются на своих боевых конях. И вот сталкиваются те витязи и начинают колоть друг друга копьями, но не могут ничего поделать друг с другом. Выхватывают они тогда свои черно-булатные мечи, рубятся и ничего не могут поделать друг с другом. Стреляют они друг

в друга из крепких желых луков и совсем ничего не могут поделать друг с другом. — «Будем состязаться плечами да лопатками, пожалованными нам батюшкой и матушкой!» — воскликнули они. Сбрасывают они тогда свои латы, кольчуги; обнажаются оба и сходятся, выступая шагом преважным. Сошлись они и схватились бороться, схватились бороться два славных богатыря-витязя. Время - часы проходят, а они все борются; снег падает, сугробы навеваются, а они все борются; борются они и не могут ничего поделать друг с другом. Тут разошлись плечи-лопатки у преждерожденного Егиль-Мергена, прибавилась сила, мощь. Поднял он кверху того Байханхан-Арсалана, облеченного в желтое платье, поднял он, как черную шапку, с криком поднял над черной головой и бросил он, ударил о землю того славного витязя. Бросивши, придавил Егиль-Мерген коленом грудь того витязя, белую, огромную, точно море, придавивши, стал допрашивать, допрос держать: — «Сколько братьев у тебя, что могут прийти к тебе? Сколько детей у тебя, что могут прийти мстить за тебя? Заржавеет в твоей прекрасной шее алмазный черный меч!» — Пролил тогда тот славный витязь блестящие, красивые черные слезы, как град, из черных прекрасных глаз и воскликнул: — «Пусть славный витязь пожрет мое мясо, утолит свой голод, пусть выпьет мою черно-красную кровь, уймет свою жажду!» — Поднял преждерожденный Егиль-Мерген свой алмазный черно-булатный меч, но подумал: — «Как я убью славного чужого молодца, сына чуждого человека?» — подумал он так и поднялся, поднялся и лежавший под ним славный витязь Байханхан-Арсалан. Поднявшись, стали они братьями: полизали они дуло ружья, обменялись клятвою перед Буддой, пролезли вместе под золотисто-желтой тетивой лука; стали они братьями. Преждерожденный Егиль-Мерген и Байханхан-Арсалан, оба стали братьями, стали братьями, рожденными в одном одеянии. Надели они свои латы и отправились вдвоем, поехали, отправились вместе вдвоем. Поехали они в сторону кочевий Байханхан-Арсалана. Прибыли они на родину Байханхан-Арсалана и пожили там счастливо. Оттуда отправился далее преждерожденный Егиль-Мерген; вперед направился он, на восход солнца. Едет он, охотясь на антилоп, на дичину, направляясь на Алтай. Проскакал он весь тот год, увидел желтое солнце следующего года. Выехал он на возвышенности теневой стороны южного Алтая. Стал он подзывать степных антилоп, стал он призывать горных зверей, стал постреливать из крепкого желтого лука в девяносто восемь сил; набил много дичи, навалил огромную кучу. Зажег он огонь величиной с гору, нагреб углей величиной с горку, зажарил мясо; стали затем они вкушать это мясо, утолили

свой голод. Решили они провести там ночь. Увязали славные витязи своих коней, собрали в кучу свои доспехи и улеглись почивать, сделав Алтай подушкою, упершись ногами в Хангай.

Долго спали там, говорят, славные витязи, десять и еще сколько-то лет прошло, как уснули они. Тогда подвершные боевые кони славных богатырей стали бить их по головам, по черным круглым головам, и разбудили. Поднялись витязи не спеша, оделись неторопливо. Вынули свои серебряные трубки и закурили крепкий синий табак. Отстегнули они застежки, на которых висели их огнива величиной с трехлетнего быка, вынули острые желтые кремни, наложили крупные желтые труты, повысекали крепко огонь. Сидели они, попыхивая ртами, подобными отверстиям труб, проясняться стало их далеко-мудрое сознание. Покуривши так табаку, посидели они еще спокойно, весело. Накурившись, засунули за голенища свои трубки, засунули за пояс свои огнива, нацепили свое вооружение и отправились в путь. Отправились в путь они, говорят, держа сторону восхода солнца. Потрясли они четыре моря вселенной, вступили на золотисто-желтую дорогу. Солнце они схватили и взяли на привязь, месяц схватили и взяли на пристяжку, пространство в тысячу лет пути поглотили они в один день и прибыли к девяноста черным мангусам, девяноста братьям. Прибыли к черным мангусам преждерожденный Егиль Мерген, лучший из витязей, и славный витязь Байханхан-Арсалан. Расходится запах черного пороха; рассыпается черный булат, потрясается земля-поверхность. Избивают славные витязи черных мангусов, рубят головы, красными от крови становятся сами они и их мечи. Вверх они едут—доходят до начала, вниз они едут—доходят до конца. Избивают они всех братьев, всех девяносто черных мангусов, прерывают их род, развевают их основу. Потом зажигают славные витязи огонь величиной с гору, выгребают уголь величиной с горку, сжигают тела тех черных мангусов. Уничтожают так, что корове, как бы она ни искала, не осталось ничего пожевать, лисе, как бы она ни искала, не осталось ничего понюхать.

После этого славные витязи двинулись далее. Двинулись они, направляясь на восход солнца. Подъехали они, говорят, к сотне тысяч бухарских воинов да к тьме тюкярских воинов. Выхватил тогда преждерожденный Егиль-Мерген свой черенковый черно-булатный меч и бросился избивать неприятелей. Дал себе волю тут преждерожденный Егиль-Мерген, то великое бухарское воинство перебил он все, то великое тюкярское воинство перебил он все. Поехали славные богатыри далее и встретились, говорят, с тысячью отборных воинов Шара-хото (Желтый город), избили они их всех и поехали далее. Проскакали они целый год и прибыли они на край алтайских кочевий.

Бьют-кипят ключи, кричат олени, маралухи; распространяется вера Будды, полно там народа-подданных, нет им числа. Зелень лугов разливается, кукуют тонкоголосые кукушки; колышатся прекрасные сандаловые деревья, кричат ястребы и беркуты, переплетаются между собой кустарники, зеленая мурава стоит грядой. Тянется синий дымок по тем местам, весело воркует голубь, прекрасная птица, тонкие сандаловые деревья колышатся, не в силах поднять своих ветвей; играют, радуются прекрасные попугаи, качаются, подымаясь на склонах гор, разные кустарники, рассеиваются тушканчики и белки, красою становятся лиственницы, радость творят коршуны; красою становятся березы, радость творят лебеди и лебедихи. На высоких прекрасных сандаловых деревьях воркуют удоды, воркуют густоголосые удоды. По теневым склонам шумят можжевельник и сандал, по южным склонам шумит одинокая жимолость; рассыпаются, блуждая по ветвям, горностаи и белки, рассыпаются, взобравшись на плоские красивые скалы, горные бараны и козлы. Выдры и соболи наслаждаются. Степи подергиваются синей дымкой, дремлют перевалы; колышатся моря-озера, видные с разных переездов. Разбегаются стаи рыб, видные с берега, коль итти по краю озер-морей. В такую прекрасную отчизну вступили они, вступили в пределы тринадцатиглавого богатого темно-рыжего Алтая. Жаворонки, прекрасные птицы, парят и радуются, темно-синяя мурава шумит-шумит. Распространяется запах могучего Алтая, шумят люди, слышен скот, шумят, гремят голоса людей. Подвершные кони стучат копытами, шумят шаловливые, красные молодцы. И вот прибыл на грани этих кочевий преждерожденный Егиль-Мерген, лучший из богатырей.

Подъезжают витязи к белой ставке-море с семьюдесятью пятью подпорами; подъезжают, сходят с коней. Потрясаются пушистые серебряные стенки, волнами ходит четыреугольная крыша. Сойдя с коней, вступают они во внутрь ставки. Дверную завесу в семьдесят рядов отбрасывают они, не давая ей коснуться до блеска их лопаток. Входят витязи и садятся на почетное место, садятся, упершись макушками своих шлемов в жерди крыши, садятся они на красный, как сырое мясо, столпрестол, подавляющий важность тьмы людей. Поднесли тем витязям красного чая с мускатным орехом, наливши его в сандаловый красный кувшин, поднесли, наливши в драгоценные сандаловые чаши. Подносил чаши, поднявшись, славный из витязей, знаменитый вельможа. После этого владыка его, князь, сидящий над ним, встает, поднимается, преклоняет перед витязями

колени семьдесят два раза, да еще раз кланяется и спрашивает.— «Где, молодцы, ваша родина, где ваш дом? Куда и зачем вы стремитесь?»—говорит так он. Ответил ему преждерожденный Егиль-Мерген, лучший из витязей: — «Стойбище мое — начало одной ложбины, кочевья мои—сандаловая излучина. Есть у меня девяносто две черных зимовки, водопой мой в белом море. Я сын Енке-Мэнкэ и Ердени-Джиргал, преждерожденный Егиль-Мерген, обладающий конем Ердени-Хонгор, так зовут меня. Родился я могущим погасить восемь материков подсолнечной. Я ведь родился могущим поспорить с небом, я родился могущим посостязаться с землей. Родился я стать повелителем этого немолодого мира, родился я покорителем всех злобных врагов. В восьми материках подсолнечной нет молодца, который мог бы победить меня, не родился еще; а если и родился, то не принял еще державы да веры; не появился еще, а если и появился, то не признал еще земли да воды. Теперь я хочу разбить твою великую яшмовую державу, хочу завладеть твоими ханскими кочевьями, хочу перевести твоих многочисленных подданных в свою отчизну, на свой тринадцатиглавый богатый темно-рыжий Алтай».—Заявив так, приказал он холить верблюдов да готовить вьюки, погнал он тех бесчисленных подданных. Прокочевали они весь тот год, увидели красно-желтое солнце следующего года. Прибывает к себе на родину славный из витязей, преждерожденный Егиль-Мерген, вводит подданных-народ в пределы родного кочевья, вводит в пределы божественных Алтая и Хангая сотни тысяч народа. На одном полуострове останавливает он караван в тьму верблюдов, в одной ложбине останавливает он караван в тысячу верблюдов. Вступили те подданные в пределы новых кочевий, стали подданными нового князя и зажили счастливо. А завладевший ими преждерожденный Егиль-Мерген стал наслаждаться, отдыхать.

Взошел преждерожденный Егиль-Мерген в свою ставку и начал пир на восемьдесят суток, начал забавы на шестьдесят суток. Отпустил он своего боевого коня, снял седло, узду, отпустил его в табун к товарищам. Снял с себя бесшовные одеяния, стал наслаждаться отдыхом; увеличил он десять белых добродетелей, очистил десять черных грехов, стал наслаждаться миром, спокойствием, владеть страною-государством. И не было врага над ним, не было зловредного подле него. Прогремело тогда славное имя преждерожденного Егиль-Мергена, славного из витязей.

Кончился большой отдел о славном витязе Егиль-Мергене.

ЕРГИЛЬ-ТЮРГЮЛЬ

В промежутке между концом прошедших прекрасных, спокойных веков и началом теперь приходящих прекрасных, покойных тысяч веков, во время, когда жили сотни тысяч лет, преисполненных мира и благоденствия, великих радостей, во время богатых, широких богатырей-воителей, в одно прекрасное время, твердое, спокойное, преисполненное совершенных, далеко распространенных добродетелей... Стопы солнца утвердились недавно, проповеданы были тогда восемьдесят четыре тысячи учений, начали тогда жить по восьмидесяти тысяч лет заново... В то прекрасное время утвердились, говорят, державы и вера.

Возвышается отчизна—сокровенный пятидесятиглавый Хангай, выросший под одним вихрем, подымаются семьдесят двойных Алтайских гор, выросших вместе с одним оголенным утесом. Возвышается можжевелистый сокровенный Алтай, белеют десять великих морей-озер, с водами целящими, нектарными. В тех кочевьях колышутся, синея, синие прекрасные сандаловые деревья, кукушки кукуют радостно и сладкозвучно. Качаются, колышутся развесистые прекрасные деревья, воркуют, поют-шумят разно-пестрые птицы. Черные молодые беркуты стонут, ища добычу на горных площадках, колышется, все наполняя и переплетаясь, темно-рыжая сандаловая трава на четырех лукоречьях. Все живые существа-четвероногие в счастьи и блаженстве. Черные молодые беркуты стонут, ища добычу на нагорных холмиках, колышется, все наполняя и переплетаясь, трава трех лукоречий. Снег на возвышенностях тает с шипением, тонкоголосые кукушки под утренним желтым солнышком кукуют, усевшись на вершинах высоких сандаловых деревьев. Поют и щебечут жаворонки и воробьи шестидесяти родов; лани семидесяти цветов пасутся с топотом... Вот какова, вкратце, отчизна — высокий, богатый Алтай и Хангай.

Выросший, совершенно наполнив теневую сторону Алтая и Хангая, табун пестро-гнедых коней пасется спокойно; хватают

кони головки трав, пьют чистоту вод, кормятся тучностью трав. Завладел пестро-гнедой табун той стороной. Наполнив гоби с солончаковой пылью, повырастали красно-желтые верблюды. Холощеные верблюды и верблюдицы разделяются на десятки и десятки сотен тысяч; молодые верблюжата ревут вместе; так много этих красно-желтых верблюдов, что и сообразить нельзя, сколько их; завладели они той стороной. Был там неспокойно-бегающий красный рогатый скот. Черные и сивые быки бегают взапуски по узким ущельям так, что стон стоит, и, встречаясь друг с другом, бодаются; молодые бычки и коровки трусят-бегают по балкам и рытвинам, прыгают и скачут. Телята и телушки кружат по сырым лукоречьям и пасутся. Были там раковинно-белые овцы, наполнившие устья тринадцати Алтайских перевалов, которых караулило целое поколение народа. Кладеные бараны и козлы ходят отдельно, козлята и барашки блеют шумно; завладел этот мелкий скот той стороной.

Теми кочевьями, водами, той державой и верой, тем скотом, людьми, всем владея от рождения, был славный витязь. Отцом его было Синее Вечное Небо, а матерью Користая Золотая Великая Земля, появился он на свет из узорчатого черного камня, появившегося на перекрестке трех балок, который сам по себе растрескался. Именовали его: трехлетний Ергиль-Тюргюль, лучший из витязей. По милости матушки и батюшки Ергиль-Тюргюля создались его держава и вера. На южной стороне можжевелистого сокровенного Хангая, у разлива целительного моря, посреди обширной желтой равнины возвышается теремовидный белый храм-собор, блистают золотые и серебряные ганджиры, сияют кровли хрустальных храмов, распространяется запах курительных свечей. Звенят, дребезжат голосистые колокольчики, молитвенные барабаны под весенним черным ветром сами собой поворачиваются радостно, со скрипом. Веет грива желтых высоких шапок, ликуют звуки позвонков и колокольчиков, возвышается ставка славного ламы-управителя, подымаются ставки бесчисленных монахов,—такой там утвердился монастырь. А на северо-запад от него находится ханский дворец с восемьюдесятью восемью лестницами, — блестящий золотисто-желтый субурган. Народы-подданные девяти языков, которым меры нет, которым потерян счет, живут-множатся посреди тех кочевий. А Ергиль-Тюргюль с тех пор, как появился на свет, не упускал земли-воды; с тех пор, как родился, не потрясал державы и веры своей, славным витязем был, говорят. На макушке его явился Ваджрадара, на темени—Дзонкава, на челе—Махакала. В руках его была сила гаруды и тигра, в костях—мощь тридцати трех драконов; на обоих плечах его явился Хоншим-бодисатва, в лопатках проявлялась сила семи-

десяти царственных гаруда. Ергиль-Тюргюль с тех пор, как появился на свет, не упускал в течение трех лет пиров и забав, днем и ночью. Сидит он, проглотив раз за разом двойной красной водки да арзы в узорчатой пестрой чаше, которую не могут поднять семьдесят человек; сидит он на болтливом, прохладном красном рыжке, проглотив раз за разом семьдесят три чаши черного вина с виноградным вкусом. Говорит он затем, наморщив свое темное, как курительная свеча, чело, поблескивая белыми зубами величиной с лопату; говорит прежде всего начальнику правой стороны, владыке, восседающему на крепких белых подушках, сановнику Барс - Хара (Тигр-Черный):— «Завладел я этою страной, наслаждаюсь по милости матушки и батюшки. Теперь поскорее соберите мне да пожалуйте хорошего подвершного коня, хорошее седло седлать да узду, доспехи всех родов, латы да шлем, вот это все. Да укажите мне, пожалуйте, где могут оказаться витязи, прибывающие с криком, где оружие, со звоном приближающееся, где копыта с топотом прибывающих коней. А я отправлюсь искать!»—Не оказалось тут человека, который издал бы звук, не оказалось человека, который бросил бы косой взгляд. Заговорил тогда опять Ергиль - Тюргюль: — «Что же вы сидите молча, не можете признать слова мои дельными да хорошими? Что же вы отбрасываете их, как пустые да худые? Почему не даете вы ответа на мое слово?» — Тогда начальник правой стороны, сановник Барс-Хара, провел три раза по черным милым усам и бороде, трижды расправил их и заговорил: — «Милое, милое дитя мое! Черное, как курительная свеча, мясо твое еще не заправилось, крепкие твои берцовые кости не окостились еще, темно-рыжая, красная кровь твоя еще не загустела! Но коли уж говорить о славном богатырском коне, которому бы пристало носить тебя, то вот что скажу: есть темно - гнедой конь, Хара - Таша (Черное Бедро) величиной с Хангай, это и есть конь, предназначенный судьбой носить тебя. Красавицу же суженую, которую надлежит тебе взять, ты добудешь своей богатырской силою, добудешь сам. А доспехи-вооружение, латы да шлем, седло да узду, это все я дам тебе!»—Сказав это, открыл он с треском замок белого сундука со слонами, которого не двигали десять лет, и достал серебряную узду, хангайское черное седло да мангутскую черную плеть, да белый потник. Схватил Ергиль-Тюргюль пожалованное и выбежал наружу. Остановился он под прекрасным развесистым сандаловым деревом и трижды позвенел серебряной уздой, трижды позвякал ею, встряхнувши. Услыхал темно-гнедой конь Хара-Таша, как встряхивает узду Ергиль-Тюргюль. — «Настала, должно быть, пора моему хану-господину отправляться в путь,

настала, должно быть, пора порастянуть десять моих белых жил»,—подумал конь. Перевернулся он раз, другой на тучной, прекрасной мураве, захватил раз, другой свежей травы, поднялся, как возвышенность Алтая и Хангая, раскрыл свой ротущелье, выставил свои четыре клыка, точно лиственницы, и вступил на золотисто-желтую дорогу. Поскакал он скоком лисы, поскакал скоком волка, затрусил ходом овцы и прискакал, прыгая и прискакивая. Ергиль - Тюргюль выбежал ему навстречу, схватил коня за длинные пряди гривы и надел оброть с кольцами. Надел он затем узду да оседлал коня как следует. Привязал он затем коня к развесистому сандаловому дереву и вбежал к себе в ставку. Сел он там с грохотом на священный золотой престол с восемью ножками да выпил, вкусил вкуснейшего от вина да водки. Поднялся тогда опять сановник Барс-Хара и раскрыл белый длинный ящик со львами, который не двигали десять лет. Достал он из него серебряный шлем, черный панцырь, лук и стрелы, и черно-булатный меч да красное копье. Пожаловал он это все Ергиль-Тюргюлю. Ергиль-Тюргюль приказал себе налить семьдесят три раза под ряд черного вина и обратился к старшим да сановным ханской державы: — «Живите вы по-хорошему, безбоязненно да во здравии, ничего не упуская. Я же поеду поблуждать по Алтаю и Хангаю, поохочусь на аргали, на оленей, на белок, лис, волков, выдр, на рысей, корсаков, на всех диких зверей. Вы же, пока я не вернусь, не прерывайте этого радостного пира». — Соизволив так сказать, заколебался он, как тонкое деревцо, закачался, как разноцветный цветок, засиял, как небесное солнце, заблистал, как алмазная черная скала, и вышел. Вскочил он на коня, как тушканчик, зашумел, как коршун, и отправился в путь. А конь его заскакал, запрыгал, натянул удила. Взял Ергиль-Тюргюль свое красное прямо-бьющее копье под мышку и направился в дальнюю западную сторону; в миг один проскакал он расстояние в добрых семь месяцев пути.

Повел Ергиль-Тюргюль за собой собаку и беркута. Проскакал он трое суток, три дня и три ночи, и выехал на западный край своих родных кочевий. Взобрался он на главную белую скалу из тринадцати выступающих Алтайских скал, потянул удила подвершного своего темно-гнедого коня и остановился. Стал он смотреть дозором на четыре подсолнечных материка и восемь краевых материков своими нежными пестрыми глазами величиной с чашу, могущими видеть на расстоянии пятнадцати лет пути. И не представилось глазам Ергиль-Тюргюля ничего, что бы виднелось вдали, как муха, не показалась ему светло-желтая пыль величиной и с пуговицу. — «Какой славный витязь, какой стороны, собрал витязей, с криком прибывающих?

Какой славный витязь, какой стороны, увел, собрав, боевых коней, с шумом прибывающих? Ну, раз уж нет врага-недруга, с которым можно было бы сразиться, так ведь не уничтожились еще дикие звери, дичина Алтая и Хангая!»—подумал Ергиль-Тюргюль и достал белую тонкую свистульку для приманки, которая была прилажена к его седельной доске; стал он подзывать степных зверей, стал он приманивать горную дичь. Пустил он их по одной дороге, пустил по одной тропе. Положил белую быструю стрелу на свой крепкий желто-пестрый лук, натянул и пустил стрелу в добычу. Застрелил он диких зверей семьдесять стад, прострелил насквозь пятьдесят стад. Стрела же Ергиль-Тюргюля прошла дальше, попала в восемьдесят черных скрытых гоби и зажгла там пожарище величиной с тьму тем овец. Отобрал Ергиль-Тюргюль из убитых диких зверей самых лучших, увязал на черные треноги двести оленей да двести маралух и набросил вьюком переметным на своего темно - гнедого коня Хара-Таша, большого, как Хангай. Отобрал он затем из соболей седовато-черных, из белок самых гнедых, из лис тонко-красных, всех самых дорогих, и привязал к торокам, наполнив свои восемь крепких тороков. Вскочил он затем и отправился далее. Проезжая так лесом по южному хребту Алтая, повстречал он прекрасную местность, в которой травы и воды были изобильны, с большими, красивыми лукоречьями, с широкими, прекрасными площадками. — «Разве не было сказано: утеха молодцу — вольная степь!» — подумал Ергиль - Тюргюль, слез с коня и снял туши оленей и маралух. Развел он огонь величиной с гору, устроил из четырех лиственниц вертела, насадил мясо четырехсот оленей и маралух на четыре вертела и стал жарить. Сжарив, показал он тотчас же свои девяносто девять достоинств-чудес: в одно мгновение воздвиг он три хрустальных дома-субургана. Шкуры соболей и белок, шкурки всех пушных, все самые дорогие отобрав, поместил он в красивые палаты западной стороны, а свои доспехи поместил в палаты восточной стороны, развесил там. Затянул он удила темно-гнедого коня, Хара-Таша, величиной с Хангай, крепко, как скала, увязал для выстойки, точно ящик; забрал он затем свое седло да потник, вошел в средние палаты, разостлал потник, подложил под голову седло и улегся спать, заснул, растянувшись, как ремень, покраснев, как таволожник.

И вдруг среди сна вздрогнул он, содрогнулся и проснулся; привиделось ему во сне, что бьется он с великим богатырем, которого невозможно признать, сколько ни думай; от того и проснулся он. Пришел он в смущение от того сна, стал разбирать его. — «Что значит этот сон?»—думал он, принялся он есть мясо четырехсот оленей и маралух, выбрасывая толстые

кости ртом, а мелкие кости через нос. Прикончив мясо, оседлал он своего темно-гнедого коня, Хара-Ташá, собрал свои доспехи и поскакал к родным кочевьям. Когда вернулся он назад, то увидел, что его прежними подданными-народом, его скотом-стадами завладел кто-то и угнал всех на север. Когда же прибыл он к дверям золотисто-желтого субургана, увидел он письмо, привязанное к ветви развесистого сандалового дерева. Взял он его и стал читать. Вот какие прочел он слова, написанные ему сановником Барс-Хара:—«Пришел богатырь Хадайн-Хара-Кюрмю (Скалистая Черная Куртка), рожденный повелителем северо-западной стороны, обладающий верным конем Хайсан (Котел) величиной с Хангай, и завладел нами. Дорогой мой, не ходи за своими людишками, не теряй своей прекрасной жизни, продолжай себе жить тут! Хара-Кюрмю в семь раз больше тебя, а вороной его конь в три раза больше твоего коня».—Заметил он тогда:—«Витязь рождается, шеей насколько превышая человека; спрошу я: насколько витязь, родившись, превышает плечами другого витязя? Говорят: сын отца обладает саженью маховой,—сын жеребца прямотой!»—Сказав так, вскочил Ергиль-Тюргюль на своего коня и отправился в путь. Вступил он на золотисто-желтый путь, по которому прошли его подданные, и поскакал далее. Перевалил он через восемьдесят перевалов и подошел к устью восьми перевалов. Тут увидел он впереди, на дороге, сидящего сиво-седого старика с бородой белее снега. Крикнул ему тот старик:—«Ергиль-Тюргюль мой, закружившийся в глупой скверне, Ергиль-Тюргюль мой, ошибившийся в проказливой скверне! Отдав в добычу Хадайн-Хара-Кюрмю свое великое достояние, свой скот и людей, едешь ты теперь по следам?»—«А ты что за старик, зачем сидишь на моем пути да дивишься моей глупости, беспомощности?»—спросил старика Ергиль-Тюргюль. Сказал ему тогда тот старик:—«Ведь твой отец—Вечное Синее Небо, твоя мать—Користая Великая Золотая Земля. Я старец—дух-хранитель твоей матушки. Когда будешь ты бороться с Хадайн-Хара-Кюрмю, то не выдержат у тебя ременные шаровары».—С этими словами он подал Ергиль-Тюргюлю синие железные шаровары величиной со степь. Тот взял и подсунул их под подушку седла. Подался он далее, но старик тот заговорил:—«Дорогой Ергиль-Тюргюль мой, отправившись отсюда далее и перевалив через семь перевалов, ты встретишь совершенно белую аргали с ягненком, рога у которого золотые. Не смей пускать против них, распустив кольца цепи, свою ловчую черную с белым пятном собаку».—Наказав так, остался старик позади, а Ергиль-Тюргюль поскакал далее. Перевалил он через семь перевалов и начал взбираться на восьмой перевал. Тут вскочила и

побежала совершенно белая аргали с ягненком, рога у которого были золотые. Подумал тогда Ергиль-Тюргюль:—«После того, как витязю попалась такого рода дичь-добыча, что же ему еще делать?»—Подумав так, отпустил он свою ловчую собаку и понукал ее. Погнала уже собака белую аргали с золоторогим ягненком. Но прежде чем успела собака схватить аргали за раз вместе с ягненком, та аргали с золоторогим ягненком сразу перепрыгнули через черную яму в шестьдесят саженей. Ловчая собака, ничего не замечая, слетела в ту черную яму. Подъехал Ергиль-Тюргюль и узнал, что его черная с белым пятном ловчая собака свалилась в адскую яму.—«Дорогая моя ловчая собака, вот ведь как пришлось тебе стать стражем адской ямы»,—подумал Ергиль-Тюргюль и зарысил далее. Переправился он после того через семьдесят перевалов и вступил в устье восьмого перевала. Тут увидел он сидящего на золотисто-желтой дороге, на белом перевале, сиво-седого старика, белая борода которого достигала до пупка. Заговорил тот старец:—«Ергиль-Тюргюль мой, ошибившийся в скверной глупости, Ергиль-Тюргюль мой, заблудшийся в скверной шалости! Отдав в добычу Хадайн-Хара-Кюрмю свои родные владения, ты едешь теперь по его следам? Погоди, постой, держи!»—Обернулся тогда Ергиль-Тюргюль и остановился, а старик тот заявил ему:—«Ергиль-Тюргюль мой, когда ты будешь бороться с Хара-Кюрмю, твой ременный гачник не выдержит!»—С этими словами старец подал ему синий железный гачник и прибавил:—«Ергиль-Тюргюль мой, ты поедешь отсюда, переедешь через семь перевалов и вступишь на восьмой перевал. Тогда повстречается тебе седая черно-сивая волчица ростом в пять саженей, с хвостом в пять саженей,—не смей тогда пускать своего грозного желтого беркута, сняв с него путы и колпачок, говоря: дичь встретилась!»—Наказав это, остался старец, а Ергиль-Тюргюль поскакал далее. Перевалил он через семь перевалов и вступил на восьмой перевал. Тут поднялась перед ним и побежала сивая волчица ростом в пять саженей с хвостом в пять саженей. Подумал Ергиль-Тюргюль:—«Раз встретилась такая дичь витязю, что ему еще делать?»—снял с грозного, желтого беркута путы и колпачок и пустил его на волчицу. Догнал ту сивую волчицу беркут и забрал в когти ее куцый хвост. Но волчица, обернувшись, выскользнула, разорвала грозного желтого беркута и исчезла. Подъехал тут Ергиль-Тюргюль, узнал, что погиб его беркут и промолвил:—«Дорогой мой грозный желтый беркут, вот как ты попал в пасть черно-сивой волчице!»—Сказав это, поехал он дальше. Скача далее, повстречался он с сивым, седым стариком, с белой бородой до пупка, с головой белее снега; сидел он на золотисто-желтой дороге, на белом пере-

вале. Обратился к нему тот старик с такими словами: — «Ергиль-Тюргюль мой, закружившийся в глупой скверне, Ергиль-Тюргюль мой, закружившийся в шалостях! Отдав в добычу Хадайн-Хара-Кюрмю свои владения, ты теперь по его следам едешь? Дорогое дитя, Ергиль-Тюргюль мой, когда ты, миновав это место, поедешь далее, перевалишь через семь перевалов и вступишь на восьмой перевал, тогда подымется и бросится бежать светло-желто-красный олень с рогами в двадцать четыре развилины. Ты не смей догонять его, ударяя по бедрам своего темно-гнедого коня, Хара-Ташá, величиной с Хангай!»—Остался старик с этими словами позади, а Ергиль-Тюргюль перевалил через семь перевалов, стал взбираться на восьмой перевал; тут впереди его поднялся и бросился бежать светло-желто-красный олень с рогами в двадцать четыре развилины. Подумал тогда Ергиль-Тюргюль:—«Если встретилась витязю такая прекрасная дичь, что ему еще делать?»—Крепко ударил он по бедрам своего коня, Хара-Ташá, и бросился за оленем. Перевалил он через семьдесят перевалов и стал уже нагонять дичину, но тогда тот светло-желто-красный олень вскочил на скользкую черную скалу. Темно-гнедой конь последовал за ним, вспрыгнул на скалу, но, поскользнувшись на черной скале, полетел вниз и сломал себе бедро. Ергиль-Тюргюль сошел с коня, обняв, перенес его со скалы на ровное белое место, снял седло, узду и навалил ему под подбородок травы, под губы пустил воду бежать. — «Выздоровев и поправившись, возвращайся на родину!»—сказал он, увязал свои доспехи, седло с уздой, взвалил себе на плечи и пошел по золотисто-желтой дороге. Через большие перевалы он переступает, через широкие перевалы перешагивает; бежит он весь тот день, бежит всю ночь. Под утренним желтым солнышком следующего дня увидел он, что на склоне черной горы, покрытой тонким темно-рыжим сандаловым лесом, при устье узкой черной реки, которая течет, повернувшись на солнечную сторону, синеет пар подданных-народа, наполняя вселенную; подымается пыль от стад-скота, истончаясь к небу. Затем увидел он посредине широкой, прекрасной желтой равнины, на южном склоне той черной горы с темно-рыжим сандаловым лесом, три величественных белых ставки, увидел он возвышающийся прекрасный монастырь. Бросился тогда бежать Ергиль-Тюргюль, приблизился спереди к величественной белой ставке, свалил на землю свою ношу, отшвырнул дверную занавеску и вошел во внутрь. Войдя, увидел он прекрасную красавицу, которая сидела и чесала свои волосы. Спросил он ее о здоровье, осведомился о благоденствии, погладил ее правую косу, поцеловал в правую щеку и уселся. Говорит ему тогда та красавица: — «Глупый, желтый дурачина, ты

как же так поступаешь? Где твои родные кочевья, как твое имя, звание?»—«Отец мой—хан Вечное Небо, мать—владычица черных драконов; я—Ергиль-Тюргюль, вышедший из узорчатого черного камня, выросшего из перекрестка трех балок и разломившегося по своей воле. Свои родные великие владения отдал я в добычу ворогу и пошел по его следам. Загубил я свою собаку, беркута и коня своего и вот пешком хожу теперь».—Говорит ему та красавица: — «Домохозяин наш—Шаралда-Мерген. Он отправляется охотиться, подымаясь по западному скалистому ущелью, и возвращается, спускаясь по восточному скалистому ущелью. Сегодня он должен вернуться. Вот поэтому я и убираю свои волосы-красу, вычесываю пепел, пыль. Наш домохозяин немилостив, суров, ты сегодня уходи отсюда».—Отвечает ей Ергиль-Тюргюль: — «После того, как встретился я со свободным богатырем да бесплодной женщиной, что за нужда мне? Я не уйду, а останусь у вас ночевать».—Не стерпела его слова красавица, схватила сандаловую кочергу, ударила его по голове и выгнала вон. Выскочил вон Ергиль-Тюргюль и вошел в среднюю ставку. Погладил он правую косу сидевшей там красавицы, расчесывавшей свои волосы, поцеловал ее в правую щеку и уселся. Говорит ему та красавица:—«Наш домохозяин—Боролдо-Мерген. Отправившись на охоту, подымаясь по западному скалистому ущелью, он возвращается, спускаясь по восточному скалистому ущелью. Сегодня он должен вернуться домой с охоты. Вот поэтому я и убираю свои волосы, вычесываю пепел, пыль. А ты, глупая дрянь, целуешь меня по своей воле, думая, что эти кочевья без хозяина, думая, что я безмужняя жена!»—Сказав это, схватила она сандаловую кочергу, ударила его по голове и выгнала вон, приговаривая:—«Убирайся!»—После этого Ергиль-Тюргюль, забрав свою ношу, вошел в крайнюю юрту с севера. Там тоже сидела красавица и расчесывала свои волосы. Ергиль-Тюргюль погладил ее правую косу, поцеловал в правую щеку и уселся. Заговорила тогда та красавица:—«Наш домохозяин—Харалда-Мерген; он отправился на охоту, подымаясь по западному ущелью; сегодня, когда прошло уже семь суток, он должен вернуться домой. Поэтому-то я и убираю свои волосы-красу, вычесываю пепел, пыль. А ты почему же считаешь меня дурой, считаешь кочевья без господина? Ты почему же по своей воле хватаешь чужую жену да целуешь?»—«Ничего-то ты не знаешь, женщина!—сказал ей Ергиль-Тюргюль.—Разве не слыхала ты, что человек без жены—ночной нищий, человек без седла—дневной нищий?»—Услышав эти слова, красавица ударила Ергиль-Тюргюля по голове и выгнала вон. Ергиль-Тюргюль положил тогда свои доспехи, седло, узду на юрту Харалда-Мергена; подобрал он затем черную шелковую полу к крепкому черному

бедру, взял мангутскую черную плеть, бьющую так, что отделяется мясо от костей, и побежал вверх по восточному скалистому ущелью.

При славном полуденном солнышке забулькал по восточному скатистому ущелью дождь, потянул, подул ветерок. Подумал тогда Ергиль-Тюргюль: — «Это ведь богатыри приближаются!»— Превратился он в кривой конский помет и улегся на дороге. Тем временем приблизился Шаралда-Мерген верхом на желто-пестром коне, ведя за собой желтую с белым пятном ловчую собаку, пустив рядом лететь желто-пестрого беркута. Когда стал он проезжать мимо, Ергиль-Тюргюль поднялся из-под правого его стремени, стащил Шаралда-Мергена с коня, ударил его о землю и, выхватив быстрый черный аркан, подбираемый под колено, увязал его так, что подбородок и колени богатыря сошлись вместе. Бросив его, спросил Ергиль-Тюргюль:—«Ты ведь захватил в добычу моих подданных, мое достояние?» — «Я не захватывал твоего достояния,—отвечал Шаралда-Мерген,—я ездил охотиться на аргали по Алтаю и Хангаю».—Оставил тогда Ергиль-Тюргюль там Шаралда-Мергена и побежал далее. Превратился он в воробушка и уселся на пути Боролдо-Мергена, стал поджидать. Тем временем приблизился Боролдо-Мерген верхом на сером коне, ведя за собой серую собаку, пустив лететь подле себя серо-пестрого беркута. Когда стал он проезжать мимо, Ергиль-Тюргюль поднялся из-под правого его стремени и стащил богатыря с его серого коня. Затем он связал его ременным канатом так, что подбородок и колени Боролдо-Мергена сошлись вместе, и бросил его на том месте. Сам же он побежал далее и, превратившись в ласточку, уселся на пути, по которому должен был проехать Харалда-Мерген. Тем временем прибыл Харалда-Мерген верхом на вороном коне, ведя за собой черную ловчую собаку, пустив лететь подле себя черного беркута. Черная ловчая собака Харалда-Мергена выкусила из ноги Ергиль-Тюргюля пестрое мясо величиной с чашу, а черный беркут выклевал с плеч Ергиль-Тюргюля кожу величиной с чашу. Когда же Харалда-Мерген стал проезжать мимо, Ергиль-Тюргюль стащил его с коня на бок и ударил о землю. Выхватил он затем ременный канат и связал богатыря так, что подбородок его и колени сошлись вместе.—«Вы ведь завладели моими родными уделами, вы трое?»—спросил он. Отвечает ему Харалда-Мерген:— «Я не забирал в добычу твоего удела». — «Ну, если кто знает, так это вы знаете,—воскликнул Ергиль-Тюргюль,—если кто видел, так это вы видели!»—С этими словами увязал он Харалда-Мергена вместе с его конем за раз и прибыл к Боролдо-Мергену, забрал он и Боролдо-Мергена вместе с конем себе на плечи и прибыл к Шаралда-Мергену. Забрал он и Шаралда-Мергена

вместе с конем его и понес всех трех связанных богатырей и трех связанных коней на плечах своих.—«Если кто видел мой удел, так это вы, если кто знал про него, так это вы, если кто забирал, так это вы!»—заявил он. Не выдержали те три богатыря тех уз и заговорили:—«Покончились наши жизни, порвалась наша кожа! Отпусти нас, будем мы четырьмя братьями на всю жизнь! Твой народ, твоих подданных увел богатырь Хадайн-Хара-Кюрмю. Мы же—охотники, которые верхом ездим на охоту за дичью-дичиною!»—Расхохотался тогда Ергиль-Тюргюль, как тигр, рассмеялся, как дикий конь, прошел немного побыстрее и отпустил трех богатырей. Наговорили они тут друг другу дружеских речей в уши, съели, забирая разом в рот, вкусной еды и стали братьями на всю жизнь.

Говорит Шаралда-Мерген: — «Дорогое дитя, Ергиль-Тюргюль мой, садись на моего желто-пестрого коня и поезжай, я же побегу пешком».—Согласился Ергиль-Тюргюль и отправился на желто-пестром коне Шаралда-Мергена. Переехал он на нем через три мыса, и стал тогда желто-пестрый конь мочиться кровью, ржать по-жеребячьи и наконец остановился в изнеможении. Сказал тогда Боролдо-Мерген:—«Дорогое дитя, братец мой, садись на мою серую лошадь и поезжай!»—Согласился Ергиль-Тюргюль, вскочил на серого коня Боролдо-Мергена и отправился. Переехал он четыре мыса, но тут серый конь стал мочиться кровью и пристал. Тогда Харалда-Мерген сказал:— «Хан старший братец, Ергиль-Тюргюль мой, садитесь на моего вороного коня и поезжайте. Я же побегу пешком».—Согласился Ергиль-Тюргюль, вскочил на вороного коня и пустился в путь, переехал он семь перевалов, и остановился конь, дойдя до крайности, не в силах выдержать тяжести. После того заявил Ергиль-Тюргюль: — «Братья мои, скачите вы на своих конях вперегонки, а я буду состязаться с вами пешим вплоть до ваших жилищ». — Согласились богатыри, и пустились вперегонки три богатыря на конях, а Ергиль-Тюргюль пешком к жилищам Харалда, Шаралда и Боролдо. Ергиль-Тюргюль выскочил вперед и прибежал к жилищам трех богатырей на трое суток раньше.—«Харалда, Боролдо и Шаралда приближаются. Я гонялся с ними вперегонки и пришел первым. Готовьте напитки и кушанья!»—Между тем прибыл Харалда-Мерген, за ним прибыл Боролдо-Мерген и в конце Шаралда-Мерген. Братья вчетвером начали великий, необъятный пир и запировали. Пропировали они семьдесят суток, семьдесят дней и ночей.

Тогда прибыл табунщик Харалда-Мергена, богатырь Аля-Шара (Шаловливый-Желтый), прибыл поспешно с пастьбы табунов и заявил: — «В наш табун этой ночью ниспустился с неба конь, тучевидно-сивый, величиной с гору!»—Тогда сказал ему Ергиль-

Тюргюль: — «Что за приятное, радостное слово говоришь ты, Аля-Шара-богатырь! Что за приятное из приятных слов говоришь ты, Аля-Шара-богатырь!» — Сказав это, вышел наружу Ергиль-Тюргюль, вытащил из-под седла своего черно-серебряную узду и встряхнул ею, заставив ее прозвенеть три раза, заставив ее прогреметь три раза. Затем он сказал: — «Хан Вечное Небо, отец мой! Если это пожалованный мне конь, то пусть он прибежит на звук моей узды!» — Произнес он это и остановился. А тот тучевидно-сивый конь величиной с гору разинул свой рот-ущелье, выставил свои хрустальные белые клыки, зализал своим змеистым красным языком и прискакал к нему. Тогда Ергиль-Тюргюль схватил его за длинные пряди гривы, поднял черно-серебряную узду свою и надел ее на коня. Надел, наладил хангайское черное седло и, оседлавши, привязал коня к драгоценному синему железному столбу в шестьдесят саженей. Побежал он затем обратно и вошел в ставку. Начали тогда еще раз пир по случаю того, что владыка-Небо пожаловало Ергиль-Тюргюлю свежего коня.

После того, когда Ергиль-Тюргюль собрался погнаться за Хадайн-Хара-Кюрмю, Харалда-Мерген сказал: — «Хан братец мой старший! Отыскав Хадайн-Хара-Кюрмю, да прервете вы его поколение, развеете его пепел, заберете всех многочисленных подданных, весь люд и да вернетесь вы, добыв себе захваченную в плен красавицу Набчи-Го (Лист-Красота), дочь хана Наран-Далай (Солнце-Море)!» — Воскликнул тогда Ергиль-Тюргюль: — «Над радостью радость, над утехой утеха! Какова прекрасная прелесть той дочери Наран-Далай-хана, каковы ее достоинства-мудрость? Если ты знаешь, то говори!» — Отвечает на вопрос Харалда-Мерген: — «Говорят, она обладает светом, который проходит сквозь юрту, и щеками краснее тонких веточек; говорят, она обладает лучами, которые проходят сквозь юрту, говорят, у нее черные глаза, как у телушки. Она может на сухом дереве произвести листья, может по сухому руслу заставить бежать воду, такими волшебными свойствами, говорят, она обладает». — «Ладно, еду!» — воскликнул Ергиль-Тюргюль, прицепил свои доспехи молодецкие, вскочил на тучевидно-сивого коня величиной с гору и пустился в путь. И Харалда-Мерген вскочил на своего вороного коня и отправился с ним вместе. Поехали они на поиски Хадайн-Хара-Кюрмю, направились на его кочевья, вступили они на золотисто-желтую дорогу и поскакали, выдаваясь, возвышаясь, проскакали они день да ночь и взобрались на вершину черной горы, покрытой сандаловым лесом, на юго-восточном краю кочевий Хадайн-Хара-Кюрмю. Остановились они и стали смотреть дозором, и увидели монастырь и дворец, стоявшие на северо-западной стороне, на южном склоне слоновой белой горы, на обширной желтой равнине, на берегу целительного моря-озера. Гаркнул тогда Ергиль-Тюргюль так, что голос его поднялся к небу, так, что голос его ударился в землю: — «Пожравший своего отца Хадайн-Хара-Кюрмю! Чужие уделы захватывать в добычу отец тебя научил твой? Мать твоя обучила? Глупый черный дурачина! Скорей сюда выходи! Скорей туда выходи! Под ранним солнышком да в молодых годах поиграем, выйдя на теневой склон черной горы с сандаловым лесом, посреди ровной белой равнины! Кто из нас окажется могучее, тот пусть убьет немощного, завладеет его скотом и людьми, возьмет в подруги его жену!» — Услыхал его Хадайн-Хара-Кюрмю и подумал: — «Ну, настала пора теперь подохнуть этому несчастному Ергиль-Тюргюлю!» — Собрал он свои доспехи молодецкие, вскочил на своего мудрого вороного коня, Хайсан, и отправился поспешно навстречу Ергиль-Тюргюлю. Сказал тогда Ергиль-Тюргюль: — «Харалда-Мерген мой, года твои малы, кровь твоя жидка, сиди на вершине этой горы и наблюдай за мной, за твоим старшим братом, я же, встретившись с Хадайн-Хара-Кюрмю, побьюсь с ним!» — С этими словами вскочил он на своего тучевидно-сивого коня и бросился на нем вниз с горы. Покатился он, точно камень, пущенный вниз по балке. Встретились тут, столкнулись богатыри с двух сторон и, не сказав друг другу слова приветствия, стали рубиться. Бились они с грохотом, треском, точно молния хана Неба пала на черную скалу; рубились они со стуком, точно столкнулись друг с другом вол и бык. Бились они без остановки-задержки пять суток и не могли справиться друг с другом; притупились острия их острых сабель, не стали брать больше, тогда взяли они на перевес свои прямо бьющие красные копья и стали колоться, выискивая друг у друга зрачки черных глаз, жилы черных сердец, все мягкие части. Бились они копьями в течение трех суток и не могли ничего поделать друг с другом. Когда затупились их пики, воскликнули они: — «Невозможно стало с этим! Будем стреляться!» — С этими словами разошлись они на расстояние месяца пути друг от друга. Крикнул тогда Хадайн-Хара-Кюрмю: — «Ергиль-Тюргюль, ты прибыл сюда в запальчивости, ты и стреляй первым! Я же находился на своем месте, я буду стрелять в конце!» — Ергиль-Тюргюль наложил на крепкий желтый лук, преисполненный девяноста девяти сил, молниеносную, быструю, сумасшедшую белую стрелу, натянул лук и пустил стрелу. С железка стрелы закипел чугун, от древка ее потянулась радуга, от развилинки заклубился дым. Волшебная белая стрела ударилась в подставленную открытую белую грудь Хадайн-Хара-Кюрмю, точно скат каменистой белой скалы, удари-

лась, точно молния пала на черную скалу, и с треском упала на землю, расщепившись. Воскликнул тогда Хадайн-Хара-Кюрмю:—«Теперь мой черед ведь!»—Наложил живую, быструю белую стрелу на свой крепкий желто-пестрый лук, натянул лук и пустил стрелу! Ударилась стрела в середину белой груди Ергиль-Тюргюля, точно скат крепкой темно-рыжей скалы, ударилась, точно молния пала на каменистую скалу, и с треском упала на землю, расщепившись. Крикнул тогда Ергиль-Тюргюль:—«Хадайн-Хара-Кюрмю, оружие, сделанное мастерами, не берет нас с тобой! Попытаемся побороться силою, пожалованною нам многими духами-хранителями!»—Обнажился Ергиль-Тюргюль, надел синие железные шаровары, обнажился и Хадайн-Хара-Кюрмю и надел красно-желтые шаровары. Сошлись затем богатыри и начали бороться, стали бросать друг друга туда и сюда, стали швырять друг друга так и сяк; потрясли они золотую землю, навели разор на все живые существа. Когда проборолись они без перерыва пятнадцать суток, разогрелось не разогревавшееся тело Хадайн-Хара-Кюрмю, неразмокавшее тело его размокло, вспухло его тело, вспухли его сосцы, стали, как холмики, вспухло мясо вдоль спинного хребта, стало желтыми буграми, с ясного, красивого чела покатился желтый пот. Поднял он с криком Ергиль-Тюргюля и ударил его о перед. Но Ергиль-Тюргюль был рожден славным витязем, встал он на ноги и продолжал борьбу. Еще проборолись они без перерыва десять суток. Тут разогрелось тело Ергиль-Тюргюля, разошлось, преисполнился он силы земли. Поднял он с воплем Хадайн-Хара-Кюрмю и ударил его назад, поднял с криком и ударил его о перед. Помутнело тогда ясное, прекрасное сознание Хадайн-Хара-Кюрмю, заснул его искусный, хороший разум. Ухватился покрепче Ергиль-Тюргюль, потянул наперед Хадайн-Хара-Кюрмю, ударил его о закраину скалы, ударил о лиственный лес; поднял затем с криком над теменем и ударил о землю. Наступил затем ему на грудь и оторвал голову. Поднес он ее в жертву высшим восьми отделам и девяноста девяти небожителям; вытащил сердце с главной жилой и поднес в жертву нижним семидесяти отделам, царям драконов. А восем крепких берцовых костей Хадайн-Хара-Кюрмю спалил он на огне величиной с гору. Уничтожил так, что не осталось ничего корове пожевать, не осталось ничего лисе понюхать; прервал он его род, развеял пепел, уничтожил его совершенно.

Надел затем Ергиль-Тюргюль одеяния, украшения богатырские и поехал на своем тучевидно-сивом коне величиной с гору, а на вороного коня, Хайсана, величиной с Хангай, навьючил доспехи Хадайн-Хара-Кюрмю, его латы, шлем. Вступил он в великий удел Хадайн-Хара-Кюрмю и встретился там со всеми

своими подданными, во главе которых был сановник, Барс-Хара. Так как дочь Наран-Далай-хана, красавица Набчи-Го, которую Хадайн-Хара-Кюрмю, подавив проклятием-заклятием, похитил черной силою, оказалась безошибочно суженою Ергиль-Тюргюля, то пропировал он, проблаженствовал с нею пятнадцать суток, днем и ночью. Под конец собрал Ергиль-Тюргюль народ-подданных, собрал скот-стада, золото-серебро, собрал разные предметы, поставил на выстойку верблюдов и коней, навьючил караван и вывел его на золотисто-желтую дорогу. Когда выходили народ-подданные Хадайн-Хара-Кюрмю да Ергиль-Тюргюля, их скот-стада, то протянулись по дороге, как большая черная река с тысячью истоков, с тьмою притоков. Ергиль-Тюргюль и Харалда-Мерген погнали караван, не давая отдыхать. Шли они пятнадцать суток и вступили в удел Харалда, Шаралда и Бороллдо. Пополдневали они там. Забрал тогда с собой Ергиль-Тюргюль троих братьев с их уделом и направился в сторону своих великих кочевий. Прошли они день и ночь, прокочевали и достигли того места, где Ергиль-Тюргюль оставил своего темно-гнедого коня, Хара-Таша, но там не оказалось его коня. Пойдя оттуда далее, достиг Ергиль-Тюргюль места, где погиб его грозный желтый беркут, но от него не осталось и перышка. Дальше проехал он и достиг того места, где погибла черная ловчая собака, но от нее не осталось и шерстинки. Когда же приблизился Ергиль-Тюргюль к родным кочевьям, увидел он своего темно-гнедого коня, Хара-Таша, который поправился и стал таким, каким был прежде, увидел он своих собаку и беркута, которые стали такими, какими были прежде.

Ввел свой караван Ергиль-Тюргюль, приказал развьючиваться, а сам вступил в свои раньше воздвигнутые хрустальные палаты. Три брата рассадили народ-подданных по стойбищам, поставили скот-стада по пастбищам и стали сами спереди и сзади Ергиль-Тюргюля. Установили они монастыри-обители, устроили державу-правление. Собрал затем Ергиль-Тюргюль с братьями все живые существа всех языков и начал великий, беспрерывный пир. Не стало над ним врага-недруга, с кем бы надо было воевать, не стало подле злой помехи, которая могла бы повредить; стал он жить, блаженствуя, как думалось, безбоязненно—в спокойствии, не зная смерти—вечно, не зная бедности—богато; мысли его были покойны, а сосуды полны.

ШАРА-БОДОН

Кочевья—горы Арсалан-Цаган (Львиные-Белые), воды—десять морей с крутыми берегами—барханами песков, восемь белых ключей. Виднеется, белея восемьюдесятью утесами с ледяными обухами и снежными хребтами, пятидесятиглавый Хангай; виднеется, возвышаясь и белея, сокровенный пятидесятиглавый Хангай. Белые полноводные моря волнуются. Лиственницы и разные деревья виднеются купами. Возвышается отчизна—нагромоздившийся семидесятиглавый Алтай, протягиваются семьдесят больших красных песков. Посреди Алтая и Хангая дымятся десять равнин широких, синеют, ровняясь, ковыль да разные травы. Плодовые и сандаловые деревья качаются и колышутся, а удоды и кукушки-птицы воркуют и кукуют, летают стайками. Виднеется, возвышаясь, великая отчизна—Хангай, старая и молодая мурава колышется; виднеется, подымаясь, великая отчизна—Алтай, теснятся можжевеловые и сандаловые заросли. Степная полынь и ковыль повыростали вместе, подымаются разноцветные цветы; поддерживают друг друга стебельками, ударяют друг друга макушками, переплетаются корнями. Для людей, для всех живых существ они несут исцеление, для Алтая и Хангая они—краса, эти дивные разноцветные цветы! Белые антилопы, которым тьма лет, кружатся и сбираются вместе, широко разбредаются и пасутся. Бегают, играя, тигры и медведи. Шумят лебеди и лебедихи, радуются собравшиеся разные птицы. Дикие кони скачут с грохотом.—Счастливая отчизна, изобильная, всякой дичью переполненная, Хангай мой!

Владыкой этого всего, владыкой этой отчизны, господином всех подданных был Шара-Бодон (Желтый Витязь), отцом его был Далай-Мерген-Дайчи-Бурул-Докшин-Череб (Море-Мудрый Воитель-Седой-Грозный-Череб)-хан, а матерью Дара-Цецек (Дара-Цветок)-ханша. По теневой и солнечной стороне имели свои стоянки его бесчисленные подданные, стоял монастырь-обитель веры Будды, распространившейся там. Был Шара-Бодон чрезмерной силы и мощи, был велик славным именем. Безгласно

ведал он северо-западной стороной, безраздельно господствовал над нею. Родился он под гремящим небом, родился на выпуклой земле. Был он для отца и матери судьбой назначенным детищем, для вселенной родился великим богатырем, славнейший из витязей, Шара-Бодон.

Был у него табун пестрых и гнедых коней, который, возрастая, наполнил Алтай. Среди этого табуна был вороной, как беркут, конь величиной с Хангай, родившийся от вороных с лысинкой жеребца и кобылы.

Шара-Бодон родился от отца, матери и достиг трех лет. Достигнув трех лет, вышел он из детского разумения и стал он разуметь, как взрослый человек; стал он понимать язык отца, матери, стал понимать язык всех живых существ.

И вот однажды, сидя дома, повел он такую речь:—«Хан, прекрасный батюшка мой, ханша-матушка моя! Доложу я вам обоим одно слово!»—«О, мое дитятко, говори, поведай!»—«Завершились мои малые годы, окрепло мое тело; прошла одна пора моей жизни, обрезали мне детские волосики. При жизни батюшки знакомятся с людьми, а когда есть подвершный конь, знакомятся со странами. Муж родится на ковре, а умирает на сыром лугу; родится у стенных настилок, а умирает у подножья скалы! Укажите мне, поведайте, хан-батюшка и матушка, землю, куда ехать мне; укажите мне, поведайте предопределенную мне судьбой, суженую. Соблаговолите мне пожаловать славного подвершного коня; пожалуйте мне седло, узду, все орудия молодецкие, все убранства конские; пожалуйте мне доспехи четырех родов, какие пристало носить витязю; пожалуйте мне хорошую шапку на голове носить!»—Сказав это, достал он хадак Намджи-Бандан, преклонил свои колени чашковатые, склонил свою черную голову и поклонился прекрасным теменем, поклонился батюшке и матушке.—«Дитятко,—сказали они,—то, что ты говоришь,—истина. Но проведи этот год здесь, а на следующий год отправляйся пораньше. Годы твои малы, кровь жидка; дитя ты, у которого кости да члены не окрепли. Солнце бывает ранним, годы бывают малыми. Чужая сторона трудная, люди все гордые; иная сторона тяжелая, Хангайская страна каменистая, черные мангусы могучи! Твоя суженая, судьбой предопределенная, прежними пророческими благопожеланиями обретенная — красавица Набчи-Го-Зандан (Лист-Красота-Сандал), дочка хана Наран-Сюндюл-Дархана, живущего на передней стороне, на восходе солнца, на дальнем расстоянии в восемь тысяч лет пути. Конь же, который может носить тебя—вороной, как беркут, конь величиной с мглистый Хангай, родившийся от павлинье-серой кобылы. Дорогое дитя, еще не познавшее деяний дальнего врага, еще не принявшее

разума отца и матери, пробудь здесь этот год, отправляйся на будущий год пораньше! Мы соберем тебе доспехи молодецкие, устроим радостный пир для нашего мальчика! Когда все это будет устроено, ты и отправляйся».—Услыхал Шара-Бодон эти слова, и вернулось ему желание; желания, помыслы явились опять.—«Как бы не случилось препятствия для задуманного мною,—сказал он себе,—как бы не омрачилось светлое мое небо! Должен я торопиться!»—«Отправляюсь я быстро, немедленно,—заявил он так,—собирайте всех молодых, жалуйте мне молодецкие доспехи четырех родов! Обыщу я все табуны, отыщу я своего коня. Поскачу я днем и ночью, не говоря, что надо дневать, надо ночевать; поскачу я с утренним желтым солнышком, а с полуденным желтым солнышком доеду! Хан-батюшка мой, ханша-прекрасная матушка моя, видел я во сне темной ночью, что моя суженая достается кому-то; видел я во сне, что уходит от меня добыча моя; видел я во сне, что бился со многими чертями-людоедами. Если минует это все, успокоится вселенная, все живые существа станут блаженствовать».

Собрался он так в путь, а табунщик, старец Ак-Сахал (Белая Борода), сел верхом на быстрого буланого коня. Сев верхом, взял он укрюк из березового дерева, прицепил петлю-аркан и отправился к табунам-коням. Поймал он коня вороного, как беркут, величиной с мглистый Хангай, милого дитятки Шара-Бодона, повернул назад и привел домой. Привязал он черный чумбур за ветви развесистого сандалового дерева узлом, который удобно было молодцу развязать на бегу, и вошел в ставку. Спросил его Шара-Бодон:—«Хан седой табунщик, седой господин мой! В добром ли здоровье скот-табуны, в добром ли здоровье подданные, уделы?»—Так говоря, о разном его спрашивал, расспрашивал.—«Как здоровье подданных, уделов не знаю я,—отвечал Ак-Сахал,—а скот-табуны в добром здоровье».—Стал тогда Шара-Бодон пред своим отцом с матерью, и пожаловали ему батюшка и матушка седло, узду, всю сбрую славную. Оседлал тогда Шара-Бодон своего коня, крепко увязал его на выстойку и осмотрел его, разобрал, исследовал. Доложил он затем матушке и батюшке, уведомил их:—«Теперь это все сполна есть у меня. Пожалуйте же мне необходимое для меня самого, пожалуйте мне драгоценное шелковое одеяние, пожалуйте мне оружие четырех родов. Теперь я перед самым отправлением в путь; поеду я, будь то день или ночь!»—Пожаловали ему тогда отец с матерью, хан с ханшей, одеяние из черного шелка, посадили его с правой стороны от себя, ласкали, погладили, поцеловали да стали наставлять:—«Ну, сынок, чужая сторона трудная, люди все гордые! Везде, где будешь проезжать, посматривай ты назад да молись батюшке и матушке!»—Сказала ему и матушка:—«Я наперед знаю, что должно случиться; знаю о том, что уже миновало! Отправляйся ты в поход славно, по-хорошему! После того, как ты вступишь на золотисто-желтую дорогу да совершишь путь, встретятся тебе три поспешных дела. Поезжай ты, не останавливаясь на ночлег даже на местах с тучной травою; поезжай, не заезжая даже на пепельные стойбища! Дорогой здоровайся с тем, кто будет караулить скот. Не радуйся богатому человеку, не отличай его от сироты. Спрашивай о здравии старца, старого годами; поезжай дальше, дав ему сказать три слова. Непременно постарайся миновать без задержки да поскорее стойбище, которое будет на твоем пути, посреди трех обрывистых черных гор, которое будет смотреть в сторону восхода солнца!»—Когда окончила она, дитятко спросил у своей матери, у матушки:—«А матушка моя, а если бы я заехал на стойбище с пеплом, смотрящее в сторону восхода солнца, находящееся посреди трех обрывистых черных гор, то кому бы и какое бы бедствие приключилось? Дара-Цецек-ханша, матушка моя, знающая наперед проходящие три несчастия, знающая прошлые тридцать три бедствия, соизволь мне поведать ясно и открыто! Пожалуй мне благословение на дело, с которым не управиться, пожалуй мне нектара на случай поранения, пожалуй мне святое наставление на случай смерти!»—Взяла тогда его мать нектара в золотом сосуде и подала с благословением. На случай же мучения от голода надоила она своего материнского молока из нежной, белой груди и смешала его со съедобными ягодами. Пожаловала она затем ему златоцветного песку со словами:—«Посыпь это, когда встретишься со злым препятствием!»—Вот, как поступила матушка.

Стал после того говорить Шара-Бодон батюшке—просить пожаловать ему то, о чем он докладывал. Вынул тогда хан-батюшка латы да шлем, меч да лук со стрелами, вынул красное копье и все это пожаловал. Получил Шара-Бодон из длани батюшки и матушки, согласно своему слову-докладу, и одеяния, и доспехи, оружие четырех родов. Настала ему пора отправиться посмотреть движение дальнего врага.

Поздно стало, наступила пора ложиться спать. Хан и ханша отошли ко сну на престольной кровати, а милое дитятко их отошло ко сну рядом с ними, легло оно на постели на земле. Заснул Шара-Бодон и проснулся. А когда проснулся, услыхал он, что отец и мать его ведут между собой беседу шопотом.—«О чем это разговаривают престарелые мои батюшка с матушкой после того, как уже заснули раз?»—подумал он, поднялся темной ночью и стал слушать. И услыхал он тогда, как Дара-

Цецек-ханша соизволила сказать следующее:—«С десяти сторон собрались состязатели для того, чтобы добиться красавицы Набчи-Го-Зандан, дочки Наран-Сюндюл-Дархан-хана, что живет на передней стороне, на восходе солнца. Прибыл туда Ерким-Хара-богатырь (Высший-Черный), сын величественного Неба, и состязуется. Узнала я об этом, узнала я такое слово».—Вслед затем заговорил хан-батюшка, Далай-Мерген-Дайчи-Бурул-хан:—«Если служанка будет речь держать, то попадет в беду, если газель полезет первая в воду, попадет в грязь. Не говори ты, старая баба, разных врак! Если наш единственный сын услышит эти слова да, отправившись в путь, уедет от нас, останемся мы с тобой, старой бабой, одни без сына. Не смей никому говорить об этом».—Услыхал это все Шара-Бодон, поднялся незаметно, вышел потихоньку и собрал все свои вещи. Подошел он к привязанному своему вороному коню, надел свои доспехи молодецкие и отправился по-тихому, по-хорошему на своем коне. Отъехав, повернул он голову коня вдаль, свою голову обернул назад и крикнул: — «Батюшка и матушка мои, живите в добром здоровье, в благоденствии!».—Попрощавшись так, вступил он на золотисто-желтую дорогу, удалился от отца и матери, выехал из пределов родных кочевий, горы Арсалан-Цаган. Выехал из пределов родных кочевий, вступил он в пределы чужих уделов. И встретилась ему тогда на пути обрывистая черная гора, которую нельзя было ни объехать, ни проехать. Поскакал Шара-Бодон и стал прыгать, как горный желтый тушканчик, стал носиться, как коршун, и проник в середину между оказавшимися там тремя обрывистыми черными горами. Протекала там белая река, направляясь в сторону восхода солнца, виднелись там восемь белых стойбищ с пеплом, на которых колыхались разноцветные цветы, волновалась свежая мурава. Когда стал Шара-Бодон проезжать по тем стойбищам с пеплом, сбоку поднялась и побежала быстро желтая лиса в тридцать саженей, с хвостом в три сажени. — «Если ты проворный конь, догони меня! Если ты родился могучим молодцом, давай сразимся посреди трех гор, посреди трех материков»,— крикнула лиса. Потянул тогда Шара-Бодон удила своего вороного коня, ударил его наотмашь так, что заржал он по-жеребячьи: разогрелось тогда его тело, вошло в него твердое мужество. Погнался за лисой Шара-Бодон, а затем бросился на перерез через три огромные стены, повернул кругом и выскочил спереди той лисы. Бросилась лиса к трем черным горам и кинулась поспешно на обрывистую скалу, на которую не мог бы взлететь орел, но как раз в этот миг хлестнул ее Шара-Бодон, схватил ее затем поспешно и разорвал, отделив живот от груди.—«А слова-то, поведанные матушкой, оказались истинными! Ведь это оказался мерзостный, страшный и зловредный враг на золотисто-желтом пути!»—подумал Шара-Бодон и ниспустил благодатный дождь со словами: — «Смилуйтесь, духи-хранители батюшки и матушки!» — Воздвиг он после этого тринадцать воскурений и совершил очищающее омовение. Поехал он затем по пути, по которому ехал раньше, и направился на переднюю сторону, сторону восхода солнца.

Проехал он пять суток, пять дней и пять ночей. И вот, когда он ехал таким образом, встретился ему горбатый старик с белой, как вата, бородой, одетый в нагольную шубу, верхом на куцом пестром воле, на котором была плохонькая оброть да скверненькое высохшее седло с деревянными стременами; старец караулил множество овец.—«А, старичок, здоров ли?»—«Здоров, ты по-здоровому ли?» — «Старик, чьих это овец, ты стережешь?» — «Когда сам хозяин караулит своих овец, ты что еще спрашиваешь, чьи овцы?» —воскликнул тот старик, потянул своего куцого вола, напряг стремена так, что поломались плохонькие деревянные ушки, и бросился на Шара-Бодона, чтобы поколотить его. Но Шара-Бодон увернулся ловко, обернулся искусно и хлестнул старика вместе с волом его черной мангутской плетью своей, бьющей так, что отделяется кожа от мяса. Свалил он их обоих на землю и поехал дальше. Ехал он так, ехал и повстречался с каким-то человеком, караулившим большой табун. — «Старец-табунщик, в добром ли вы здоровье, в благоденствии?» — «Я живу по-хорошему, а вы хорошо ли?» — «Старик, чей это табун такой большой вы стережете?»—«В прежнее, славное время это был табун Наран-Сюндюл-Дархан-хана, а теперь он принадлежит небесному Ерким-Хара». — «Как же он попал так в чужие руки?» — «А пришли состязатели с десяти сторон, пришли зловредные со всех сторон; небесный Ерким-Хара завладел этим всем. А вы, молодчик, чей вы сын, как именуетесь? Где ваши родные кочевья великие, как величают ваших батюшку и матушку, как ваше собственное имя? Какая у вас нужда, какая цель? К кому отдаленные ваши помыслы? Расскажите мне, поведайте! Не бегу я от грозного врага, не боюсь я молодца родовитого! Милое дитя мое, расскажите-ка мне о своей нужде!».—Тогда ответил ему Шара-Бодон на его слова:—«Зимовки мои на возвышенностях пятидесятиглавого Хангая со снежным хребтом, осенники мои при восьмидесяти скалах с ледяными обухами, летовки мои на горе Арсалан-Цаган, сторожевое мое место на горе Алан-Сундул, водопои мои—восемь нектарных ключей. Батюшка мой—Далай-Мерген-Дайчи-Бурул-Докшин-Череб-хан, а матушка моя—прекраснейшая из красавиц, Дара-Цецек-ханша, меня же зовут грозный Шара-Бодон, нападающий бесстрашно на непобедимого

врага. Суждено мне взять себе красавицу Набчи-Го-Зандан, дочку Наран-Сюндюл-Дархан-хана. Услыхал я, что с десяти сторон собрались состязатели и ведут поединки-состязания, и отправился в путь, чтобы победить страшного врага и добыть себе суженую красавицу. Вот какова моя нужда, мои помыслы. Живите же в добром здоровье и благоденствии, сторожа свой скот да посматривая на людей!» — «Подожди, мальчик, дитятко мое, я тебе скажу что-то. На твоем пути будет старик-коровник, ты заезжай к нему и скажи ему хорошие слова-речи, поступай по словам этого старика, принимая его слово, как приказ высшего!»

Поскакал далее Шара-Бодон и повстречался со стариком коровником. — «Старик, здоровы ли?» — «Здоров, здоров, ты по-хорошему ли?» — «Старик, чьих это коров вы караулите?» — «Прежде это были коровы Наран-Сюндюл-Дархан-хана, а теперь стали принадлежать небесному Ерким-Хара». — «Как же это они были раньше того хана, как же это теперь перешли к Ерким-Хара?» — «А с десяти сторон, — отвечал ему старик, — собрались состязатели, с двадцати сторон сошлись вредоносные, начали вести состязания. Вышел Ерким-Хара победителем в тех поединках-состязаниях. Вот почему этот скот, а там и люди все стали принадлежать Ерким-Хара... Ну, дитятко, поезжай ты по-хорошему, в благоденствии, на дороге твоей три великих врага будут; тебе не одолеть их и не пройти дальше». — «Какие же это, старик, три великих врага, как называют их?» — «По сю сторону вот этих кочевий находится пятьсот воинов с саблями, далее же находится пятьсот воинов с сагадаками, а далее, на расстоянии трех дней пути, находится огненная красная струя. Вот какие три врага; берегись ты их! Ерким-Хара неизмеримо могуч разными ухватками да силой страшною; страшный, ужасный он человек! Как бы ты не погубил свою жизнь, как бы не оставил свою кожу!» — «Гордый молодец сломает свою гордость, отберу я у добычливого молодца свою добычу! Хороши мои доспехи, изготовленные мастерами; судьбой пожалованные плечи да лопатки мои крепки! Ну, старичок, по-хорошему да в добром здоровье карауль-те своих коров! На возвратном пути я заверну сюда и заберу к себе вас, старичок, вместе с вашими коровами!» — Сказав это, поехал дальше Шара-Бодон. Ехал он, ехал, проскакал трое суток, скача днем и ночью. Тут повстречал он пятьсот воинов с саблями. Начал он биться с ними; треск и звон пошел; перебил он всех тех воинов и поскакал далее. Двое суток днем и ночью скакал он и достиг пятисот воинов с сагадаками. Без промедления он вступил с ними в бой, без замедления начал их рубить. Навалил он их трупы, точно

связанных верблюдов, нагромоздил их трупы, точно срубленные деревья. Набросал их черные кости по степи на диво каждому. Пустился затем Шара-Бодон в дальнейший путь, проскакал семь суток, семь дней и семь ночей, и увидел кипящую огненную, красную борозду, через которую нельзя было проехать, которую нельзя было объехать. Подъехал Шара-Бодон, лучший из витязей, к берегу этого кипящего моря, слез с коня и стал читать грозные черные заклинания с семью началами. Совершил он мановения в сторону небожителей Хормусты и низвел холодный, черный дождь, который шел трое суток, днем и ночью: превратилось тогда огненное, красное море в глину, которую можно было мешать. Поскакал тогда Шара-Бодон далее и, проезжая так, увидел верблюдов, которыми полна была гоби. Подъехал он к тем верблюдам и встретился со славным молодцом, сидевшим на быстрой желтой верблюдице, держа в руках бич с петлей и с ручкой из березы. — «Ей, молодец, это чьи верблюды? Ты чей сын, как тебя зовут?» — «Эти верблюды прежде принадлежали Наран-Сюндюл-Дархан-хану, а теперь перешли к Ерким-Хара небесному, я же сын царя черных драконов, Гунун-Хара-Бэкэ (Трехлетний-Черный-Силач). Был я побежден страшной силою Ерким-Хара и стал его подданным, его воином; теперь вот караулю его верблюдов. А вы, братец, чей сын, как прозываетесь?» — «Я — Шара-Бодон, сын Далай-Мерген-Дайчи-Бурул-Череб-хана и Дара-Цецек-ханши. Еду я добыть себе красавицу Набчи-Го-Зандан, дочь Наран-Сюндюл-Дархан-хана». — «Братец мой старший, да вы в эту сторону и приехали, этот Наран-хан как раз здесь и находится. Но дальше, чем эти верблюды, нельзя ехать, там будут места, куда никак нельзя проникнуть человеку. Там находится черный, как гриф, верблюд-жеребец, преисполненный силы бешеного слона; подбородок его обтирает траву, а макушка его обтирает небо; не пропускает он никого, кто бы мог повредить державе его хана. Как же это он, с чего пропустит незнакомого человека?» — «Кто же это тебе рассказал, что сын человека, рожденного в счастьи, позволит убить себя скотине, рожденной под ветром? Ведь наверно уже сумеет сын человека, питающегося мясом, убить плод скотины, питающейся травою! В моей стране это так бывает! В моей стране нет скотины, питающейся мясом, нет человека, питающегося травой! Что ты за дурень, болтающий глупую чепуху? Ну, да ладно, живи себе по-хорошему, я дальше еду!». — С этими словами поехал далее Шара-Бодон, а за ним сын царя черных драконов, Гунун-Хара-Бэкэ, проехали они посреди бывших там верблюдов и направились далее. Тут показался им черный верблюд-жеребец; точно камень по канаве, катился он, потряхивая головой,

оскаливая свои двенадцать клыков. Тогда Шара-Бодон сошел с коня, взял в руки свою плеть и увязал своего коня крепко, как скала, спутал ему ноги крепко, как ящик. Снял он затем с себя доспехи молодецкие и положил осторожно на землю, подобрал полы своего одеяния к крепким, прекрасным бедрам и пошел навстречу верблюду-жеребцу. Приблизился к нему верблюд и хотел было схватить его зубами, но он, славный витязь, Шара-Бодон, прыгнул вперед и, схватив верблюда за задние ноги, ударил о землю. Затем своей черной мангутской плетью хлестнул он верблюда по ребрам. Повылезли тогда шерсть и пух у верблюда, порвались шкура и мясо, проникла плеть до костей, заревел верблюд, как верблюжонок, и затрусил прочь, заревел, как молодой верблюд, и, прыгая, ускакал к своим сотадникам. А славный витязь, Шара-Бодон, сел опять на своего коня и пустился в путь, направившись к ханской ставке. Остановился он около одинокого жилья, у края стойбища; там превратился вороной, как беркут, конь в поганую вороную лошаденку, а сам Шара-Бодон превратился в глупенького человечишку, отправившегося искать потерянных верблюдов. Остановился он и зашел в юрту старика, которому было много лет.— «Молодчик, куда ты едешь? Чей ты? Нужда какая? Говори, поведай мне!» — «Я — верблюдчик возвышенного Неба. Ушел куда-то кладеный верблюд с большими горбами да трехлетний черный жеребец-верблюд, ушла также с ними молодая желтая верблюдица, которой еще не протыкали носа. Вот эдаких-то трех верблюдов я и потерял. Не известно ли у вас, в вашей стране, о таких верблюдах, такого рода?» — «Теперь в нашей стороне верблюдов стало мало, кроме того я и не хожу-то никуда»,—отвечал старик. Подал он затем Шара-Бодону сваренного красного чая, утоляющего жажду. Выпил он красного чая и заявил старику: — «Старик, я у вас останусь ночевать. Дам отдых своему коню, посплю сам досыта!»—Сказав это, вытянулся он, как ремень, покраснел, как тамариск, и стал погружаться в черный сон. Отвернулся он в сторону и притворился заснувшим. И вот, когда он лежал так, старик повел беседу со своей старухой: — «Этот молодчик не верблюдов ищет! Это враки, будто он отправился искать верблюдов. Что касается его потерянных верблюдов, так вот, что это значит: его черный кладеный верблюд, это—Ерким-Хара, славный богатырь, вот что это! Черный верблюд-жеребец — Гунун-Хара-Бэкэ, сын царя черных драконов, а молодая желтая верблюдица, которой еще не протыкали носа—красавица-дочка нашего хана. А, старуха, он тут не не при чем, имеет тут касательство; не зря он тут, есть у него дело; дочь нашего хана — суженая, судьбой предопределенная этого человека. Это не вредоносный, а хороший,

прекрасный человек. Человек, сидящий свободно, без стеснения, наверно, скажет свои помыслы. Человека же, сидящего с осторожностью, надо разбирать. Если разобрать этого молодца, то надо признать, что он обладает приметами богатыря. Не малый он, а большой; не глупый человек, а умный он, которому суждено будет успокоить вселенную. Не простой он человек, а как раз тот, кто возрадует все живые существа. Славный богатырь это шествует, славный человек появляется».— «Так ты, старик, расспроси хорошенько!»—сказала старуха. Тогда старик обратился к Шара-Бодону с такими словами: — «Ну, молодчик, пробудись от сна. Если ты голоден, то поешь! Не отличаешься ты ничем от моего сына. Дети людские от отца да матери учение принимают, птичьи птенцы, следуя за матерью, научаются летать. Ты молодец, у которого есть хорошее слово, скажи-ка мне, старику, славное словечко о себе!»—«Я—Шара-Бодон, сын Далай-Мерген-Дайчи-Бурул-Черебхана и Дара-Цецек-ханши. Собираюсь я взять себе из здешней стороны красавицу Набчи-Го-Зандан; выступил я в путь потому, что она предопределена мне судьбой, завещана в силу прежних пророческих благопожеланий, определена прежними благими деяниями. В этой стране я никого не знаю, не ведаю местности, нет путей, по которым бы я прежде езживал, нет людей, за которыми хаживал. Вы ведь отец и мать все равно кого, поведайте же мне по-хорошему об обычаях этой страны да о виде ее, расскажите здешние навыки, скажите мне одно, два слова о здешних намерениях! Вот у меня какая нужда. Отправился я в путь потому, что услыхал, будто явились сюда черные мангусы да небесный Ерким-Хара, славный богатырь, и повели состязания,—правда это, старик, или ложь? Подумал я, что если приеду по настоящему, как витязь, то произойдет бой, а если предстану плохоньким дурачком, то все обойдется. Поэтому превратил я своего вороного коня величиной с сокровенный Хангай в плохонькую лошаденку, а сам превратился в пастушенка, доспехи, оружие свое обратил в деревянные валки. И вошел я к вам, старик со старухой, напиться да послушать ваши речи, поразузнать обо всех обстоятельствах. Вот каковы мои дела, мои поступки! Теперь ваш хан далеко отсюда или близко? Людей много при нем или мало? Кто же побеждает в богатырских состязаниях, как называют, величают того великого богатыря, чьи доспехи самые прекрасные? В борьбе чья сила оказывается самой большею, на скачках чей конь оказывается быстрее всех? И что же, дочку-красавицу вашего хана взяли замуж, устроив законный свадебный пир, или забрали силою страшною, или взяли после богатырских трех состязаний?».—Отвечает ему старик, говорит такие слова: — «Наш

хан недалеко, близко; не много там народу, маловато. Находятся там состязатели с десяти сторон, находятся там злоносные молодцы с двадцати сторон, находятся там три брата пустынных мангуса, находится там небесный Ерким-Хара-богатырь, находится Гунун-Хара-Бэкэ, сын царя черных драконов. Быстр главный подвершный конь с шестью крыльями, принадлежащий черным мангусам, быстр и облачно-сивый конь Ерким-Хара, сына Неба, быстр и вороной с лысинкой, принадлежащий Гунун-Хара-богатырю. Нельзя, повидимому, сказать, который из этих трех коней самый быстрый. Устраивают эти три стороны состязания. Сговариваются о том, чтобы поставить для бега коней с расстояния в девяносто девять суток пути, хотят устроить стрельбище с того же расстояния, хотят померяться силами, мощью плечей да лопаток. Решили они, что тот, кто победит в борьбе, кто выйдет первым в стрельбе из лука, чей конь придет первым, тот и возьмет себе дочку нашего хана».— «Ну, коли стрелять из лука, — воскликнул Шара Бодон, — то я могу; если будут пускать коней для бега, то и я могу; могу я также и бороться! Ну, старик, что за славные словеса соизволил ты изречь; на радость радость, на утеху утеха! Ну, старик, теперь я отправлюсь в путь; теперь до моего возвращения живите бесстрашно, в благоденствии. Когда опять заеду сюда, буду вас приветствовать, поднесу вам подарок от своей добычи».—«Поезжайте, молодец, безбоязненно, по-хорошему, поезжайте в добром здравии! Все задуманные дела исполняйте по закону Будды и наслаждайтесь счастьем! Приедете к нам благополучно, ведя за собой народ юртами, с караванами кладеных верблюдов. Добудьте себе Набчи-Го-Зандан, славную красавицу, приблизьте свою судьбу, объедините пророческие благопожелания!».

Уехал от того старика Шара-Бодон, направился на юго-западную сторону. Показались ему восемнадцать белых морей, Алмас-тенгис (Алмазное море), показалась ему, выдвинувшись, пестрая большая гора; показались подернутые мглою можжевеловые и сандаловые заросли. Возвышается прекрасное стойбище на горной площадке, колышется ровно зеленая мурава, качаются, сплотившись, деревья со всей земли. Полынь и ковыль переплетаются, качаются под свежим ветерком ветви и веточки сандаловых и грушевых деревьев. Величественная, обширная ставка Наран-Сюндюл-Дархан-хана с сорока четырьмя решетками, с четырьмя тысячами крышными жердями стоит посреди прекрасного, широкого стойбища, под синей тенью деревьев, по-разному разукрашенная, золотом убранная. Восьмиступный золотой субурган сияет под лучами солнца. Виднеется сторожевая горка с тонким сандаловым лесом. Подъехал Шара-Бодон, лучший

из витязей, к белой, величественной ставке, слез с коня подле находившихся там аргамаков и привязал своего боевого коня к можжевеловому столбу. Снял он затем с себя доспехи молодецкие и вонзил в землю на девять локтей вглубь свое красное острое копье, снял с плеч крепкий белый лук и положил его на стрелы. Дверную белую занавеску с семьюдесятью кольцами, изукрашенную надписями, отбросил он, не дав ей коснуться блеска своих лопаток, и вбежал во внутрь ставки. Осведомился он о благоденствии Наран-Сюндюл-Дархан-хана, осведомился о здравии ханши Мэсюн-Герель (Ледяной-Блеск); поздоровался со всеми богатырями, там сидевшими, с каждым в отдельности, поздоровался и с Ерким-Хара. Соизволил обратиться к нему со словом Наран-Сюндюл-Дархан-хан: — «Ну, молодец, чей ты сын, как прозываешься? Где кочевья твои великие? Как величают отца да матушку, как самого тебя прозывают? Расскажи, зачем приехал, с каким намерением?» — «Кочевья мои,— ответил Шара-Бодон,—при восьмидесяти глухих белых скалах, водопои мои — пятьдесят черных рек, не знающих устьев. Летовки мои на горе Арсалан-Богдо-Цаган. Я—Шара-Бодон, сын Далай-Мерген-Дайчи-Бурул-Череб-хана и Дара-Цецек-ханши. Прибыл я сюда для того, чтобы добыть себе красавицу Набчи-Го-Зандан. Если можно будет взять ее мирно по закону, то возьму ее по мирскому обычаю; если есть тут злое препятствие, то повоюю я вашу державу, разобью вашу яшмовую ограду, добуду себе дорогую, единственную девушку. Пустился в путь я, чтобы отбить у удачливого молодца его добычу, остановился я для того, чтобы сломить гордость горделивого молодца. Вот что могу я вам рассказать, вот какие слова могу я вам поведать».—Хан заметил ему тогда следующее:—«Ах, молодец! Не говорит так человек про человека, не наскакивают таким образом. Я тоже был молод, был горделив, тоже езживал воителем, но не говорил я так, не задевал я таким образом. Есть у меня единственное дитятко, но не отдам я его в руки горделивого человека, в торока пугливой лошади. Муж-молодец должен пройти через три богатырских состязания. Возьмет мою дочь тот, отдам я ее тому, кто победит на богатырских состязаниях трех родов. Выдам я ее, устроив по закону свадебный пир, свадебные забавы-игрища, избрав счастливый день, подождав благословенного часа, следуя всем мирским обычаям. Таков закон нашей страны, да и всех людей обычай таков! Ну, старуха! подайка-ка этому молодцу вкусных яств голод утолить, поднеси ему красного чая жажду унять. Побеседуем мы с ним, поговорим обо всем, обо всех обстоятельствах. А ты, молодец, дай отдых коню, дай подсохнуть поту! А о том, вести ли вам состязания или не вести их, ты поговори вот с бога-

тырями трех сторон!» — «А, старец-батюшка мой, — воскликнул Шара-Бодон, — обрадовался я до того, что чело мое едва не разломилось, разохотился я до того, что грудь моя едва не разломилась. Нет препятствий моим помыслам, нет завязки моим расчетам!»—Налили Шара-Бодону красного чая, испукающего запах мускуса, поднесли с коленопреклонением, с поклонами, поднесли разных плодов, вкусных ягод. Выпил Шара-Бодон чай, съел плоды, насытил жажду и голод. Переговорил он с Ерким-Хара, с тремя братьями-мангусами да с Гунун-Хара-Бэкэ. Заявил им Шара-Бодон: — «В нашей стране стрельба с расстояния девяноста девяти суток пути считается плохой стрельбой; скачка коней на расстоянии девяноста девяти суток пути считается скачкой плохоньких лошадей; а борьба без признания друг друга врагом-недругом — борьба детская». — «Ну, в таком случае ты говори, предлагай»,—сказали витязи.— «Богатыри бьются между собой, как враги-недурги, а когда испортятся доспехи, вооружение, борятся тогда, состязаются силою плечей да лопаток. А затем пускают коней состязаться в беге, ставят их скакать с расстояния девяноста девяти лет пути и это называют состязанием средним. Впрочем, как угодно! Славному делу моему не будет препятствия, чистому небу моему не бывать мрачному!»

Решил тогда хан-батюшка, что первым состязанием должна быть скачка богатырских коней на расстоянии девяноста девяти суток пути. Братья черные мангусы пустыни выставили пять вороных коней, пятиголовых, с чертовской поступью, сын величественного Неба, Ерким-Хара, выставил своего облачно-сивого коня, Гунун-Хара-Бэкэ выставил вороного коня, Шара-Бодон— своего вороного, как беркут. Из мангусов на ристалище отправился пятнадцатиголовый скрюченный черный мангус, отправились и другие три богатыря; все четыре молодца отправили коней в сопровождении сорока человек. Путь в девяносто девять суток поглотили они в девять суток, путь в девять суток поглотили они в одни сутки и достигли мест, где были знаки. На том месте выстроились они в ряд, ровно выравнявшись. Пустили затем богатыри своих коней вскачь: потянулась светло-желтая пыль, раздались громкие голоса, приблизились дальние шумы, послышались людские речи, зазвучало ржание коней. А хан-повелитель вместе со всеми своими подданными, черными и желтоодежными, вышел тем временем посмотреть-подивиться на быстроту коней. Ерким-Хара сказал, что приближается его конь, заявил это же и пятнадцатиголовый черный мангус, Гунун-Хара-Бэкэ заявил, что его лошадь приближается. А Шара-Бодон сказал:—«Приближается шум моего коня, это наверно!».— Тут послышалось, как потряслась широкая гоби; показалось,

будто тысяча коней скачет; потянулась пыль, как от тысячи коней, мрак-туман заволок все; послышалось только, что кто-то останавливается со звоном. Оказалось, что это вороной, как беркут, конь Шара-Бодона, пришедший первым из всех коней. После него пришел конь Ерким-Хара, затем конь черного мангуса и последним — Гунун-Хара-Бэкэ. — «Ну, хан-батюшка,—воскликнул Шара-Бодон,—победа в состязании коней всех осталась за мною?»—«Твоя победа!»

Затем решено было, что вторым состязанием будет стрельба. Победившим должен быть тот, чья стрела, пущенная с расстояния в пол-дня пути, пройдет через ушко тонкой иглы, пройдет через отверстие большой иглы, перебьет стебель ковыля, пройдет через отверстие таза лисицы, затем пройдет под кривым деревом и вдребезги разобьет большой валун-камень.— «Кто же будет первым стрелять?»—спрашивали богатыри.— «Шара-Бодон, вы первый стреляйте!»—сказал Ерким-Хара.—«Нет, возразил тот,—раз вы называетесь сыном Неба, так уж вам надо стрелять первому».—Затем решили богатыри, что Гунун-Хара-Бэкэ пойдет в товарищи Шара-Бодону, а пятнадцатиголовый черный мангус станет товарищем Ерким-Хара, и поведут они состязание, разделившись так на две части. Натянул после этого Ерким-Хара свой лук и пустил стрелу; прошла стрела все отверстия, перебила ковыль и, пройдя под кривым деревом, ударилась о валун-камень и, расщепившись на десять частей, свалилась на землю. Тогда Шара-Бодон натянул свой белый лук и пустил стрелу. Прошла его стрела через все отверстия, прошла под кривым деревом и вдребезги разбила черный валун-камень.— «За мной этот заклад, хан! Из второго состязания вышел я победителем!» — воскликнул Шара-Бодон. — «Я единственный сын, — продолжал он, — родные кочевья мои далеко, батюшка и матушка мои ветхи. Пора мне возвращаться назад! Хан, седой батюшка мой, в промежутке между днем и ночью приготовляйте скорее духовный пир, готовьте радостное свадебное пиршество. Эти состязания все мои будут, изо всех я выйду победителем. Старец, хан-батюшка мой! Пусть начнется борьба, укажите нам место!»—Указал тогда Наран-Сюндюл-Дархан-хан место для борьбы, указал широкий, красивый луг при верховье тонкой реки, на солнечном склоне черной горы с сандаловым лесом. Отправились туда разные молодцы во главе с удальцами-богатырями.

В давнее время рожденный Шара-Бодон слез со своего вороного коня и надел на себя одеяния, чтобы вести борьбу; поступил так же и Ерким-Хара. Стали красоваться они, как молодые, тонкие деревца, покачиваться, как разноцветные цветы, покачиваться, как одинокая жимолость, выросшая на южном

склоне горы. С расстояния в пол-дня пути побросали они в воздух траву и землю, схватились руками и начали бороться. Стали бросать они друг друга туда и сюда, стали швырять в разные стороны. Повернул Ерким-Хара Шара-Бодона, бросил его и придавил к земле. Прижал он затем его грудь коленом и стал спрашивать, какие у него есть три печали молодецкие.— «Есть у меня сожаление,— воскликнул Шара-Бодон, — что ты убил своего отца, да вот еще сожалею, что не узнал, как с тобою быть! У трубки нет печали, пеший человек не знает пыли».—Не сказал больше ничего Шара-Бодон, не стал говорить, о чем жалеет, а толкнул-пихнул Ерким-Хара, шваркнул его, точно лягнул гобийский верблюд. Начали они затем опять бороться, начали они опять бросать, швырять друг друга. Поднял Шара-Бодон над своим теменем Ерким-Хара с криком и бросил его на землю. Поставил он затем свое колено как раз посреди его груди и стал спрашивать о трех печалях молодецких. Отвечал ему Ерким-Хара: — «Дал я прежде клятву, что дам отрубить себе пальцы, если поддамся какому-нибудь молодцу из любой страны. Теперь поддался я, и вот мое первое сожаление. Говорил я, что дам отрубить себе плечи да лопатки, если попадусь впросак плечистому молодцу. Теперь оплошал я, и это второе мое сожаление. Прибыл я в эту страну и думал, что выйду победителем изо всех состязаний. Проиграл, и это главное мое сожаление о неисполненном желании. У умершего нет сожалений, а если мне и придется живым ходить, то радости мало!» — «Ах, бедняжка!— воскликнул тогда Шара-Бодон,— недавно я поехал на эти игрища, недавно приступил я к ним. Но исполню я славное дело для державы. Тебя-то убить мне легко, удобно содрать с тебя кожу. Но в начале этого игрища не разлучу я тебя с жизнью!»—Так сказал он, и стали они с Ерким-Хара братьями на всю жизнь, произнесли пророческие благопожелания; потянули они вместе табаку, полизали вместе нож, произнесли прекрасные благопожелания.

— «Ну, теперь я вышел победителем из всех трех состязаний!»—заявил Шара-Бодон. Затем все с богатырями во главе отправились к Наран-Сюндюл-Дархан-хану. Собрались у хана тьмы тем, поднесен был всем светло-желтый кумыс, поднесены были всем разные напитки, кушанья. Все с ханом и богатырями во главе пропировали без перерыва семьдесят суток. И настала пора Шара-Бодону получить, взять себе красавицу Набчи-Го-Зандан. В восьмую новину первого летнего месяца заставили Шара-Бодона и Набчи-Го-Зандан поклониться желтому солнышку, зажать в руке бабку. Надели на Набчи-Го-Зандан черную шелковую накидку, надели высокую черную шапку и заставили ее поклониться духу-хранителю хана-батюшки.

А хан-батюшка и ханша-матушка подарили ей драгоценность-хрусталь величиной с конскую голову да льдистого белого сахара величиной с голову лошади, подарили ей чистый платок шелковый. Выделили они ей долю — третью часть своих подданных, третью часть своего удела да из стад своих выделили ей третью часть. Поднесли ей еще золотые Ганджур и Данджур, изречения закона.—«Ах, дочка моя,— сказал Наран-Сюндюл-Дархан-хан, — чужая земля трудная, люди же все гордые. Живи ты, почитая батюшку и матушку, благоговея перед спасительными тремя драгоценностями. Подавай милостыню простым людям, а старших почитай. В стране хромых ходят, кривя ноги; в стране слепых—прикрывают глаз. Человеческое дитя, следуя обычаю, находит счастье; птичий птенец, следуя за туманом, находит ветреное место. Дитя мое, где только слышат уши, прислушивайся к голосу отца и матери, где только видят глаза, присматривайся к батюшке да матушке. Пришли мои старые годы, стала горбиться моя спина; прошла теплота с ветерком, прошла пора моей радости! Ты же живи в благоденствии, безбоязненно; живи в благополучии, ничего не теряя! Как дневное солнце, лучи испускающее, единственная дочь моя! Как утренняя звезда сияющая, единственная дочка моя! Как полная луна лучистая, дочь моя! Как на пустынной горе качающийся цветок, дорогое дитя мое! Живи же долго, как Будда Беспредельного Света; будь счастлива богатством, как Кубера! Наслаждайся, исполняя веления Будды!»

После этого наставления хан-батюшка и ханша-матушка поцеловали, поласкали, погладили Набчи-Го-Зандан красавицу. Тут настала пора отправляться ей в путь. Вышли все из ставки наружу. А снаружи была воздвигнута волшебная белая ставка-море, с решетками из сандалового дерева, с занавесками из прекрасного шелка, с драгоценными подпорками, с черно-желтым стальным таганом, с драгоценным бронзовым котлом. В ставку внесен был львиный престол, воздвигнуто было изображение Будды Беспредельного Света, установлены разные жертвоприношения, затеплена лампада, зажжены душистые курительные свечи. Собраны были также в той ставке сундуки да ящики, шкафы да полки; расставлены сосуды, ведра всякие, всякая утварь. Женщины-красавицы принесли все вещи эти, безошибочно уставили, по-хорошему расставили, по-правильному убрали, собрали. Привели Набчи-Го-Зандан и Шара-Бодона в ту ставку и в положенный час, когда настало то время, протянули перед ними занавеску из белого шелка. Разостлали малые и большие стеганые ковры и тигровые шкуры, начался тогда великий пир, пирование. Затем на тонкого, легкого коня надели седло, всю сбрую и приготовили его нести красавицу.

На девяносто девять раковинно-белых верблюдов наложили хомы, завязали их короткими да длинными хадаками и навьючили на них Ганджур и Данджур, положенные в прекрасные ящики. Навьючивали прекрасные юные удальцы, которые покрыли затем вьюки коврами народа Ак (Белый). Повели тех верблюдов восемь отборных богатырей, а восемь молодцов однолеток последовали за ними сзади. В провожатые же Набчи-Го-Зандан были даны восемь ловких девушек, проворных да нрава прекрасного, звонкоголосых да красивых, миловидных. Проводили красавицу Набчи-Го-Зандан, посадили ее на белого, тонкого коня и отправили ее в путь, отправили на западную сторону, сторону, где растворяется желтое солнышко.

Двинулся караван, ступают верблюды, раздается топот коней. Старики ведут беседы, молодые люди игры заводят, звонко распевают песни да посвистывают. Прошел караван края кочевий Наран-Сюндюл-Дархан-хана, стал обметать края кочевий дорогого мальчика, Шара-Бодона. Тогда Шара-Бодон обратился к своим с такою речью: —«Воины, братья мои, подданные мои, вам всем сообщу я слово одно!» —«А, государь, богатырь-господин наш, вещай свои повеления!» — «Вышли мы из пределов чужих кочевий, прибыли на края своих родных кочевий. С тех пор, как я выехал с родины, прошло много времени. А у меня престарелые отец с матерью. Поэтому я поеду вперед, поскорее вернусь к себе. Буду спрашивать о здравии батюшку да матушку, буду готовить свадебный пир, радостное пиршество! Вы же идите, продолжайте путь в благоденствии, в добром здравии прибывайте на место!»—Хлестнул затем Шара-Бодон своего вороного коня и помчался вперед от каравана, поскакал вперед от подданных, воинов своих, приветствовать отца с матерью.

Прибыл он к себе на родину, прибыл к батюшке и матушке. Далай-Мерген-Дайчи-Бурул-Череб-хан вышел наружу, Дара-Цецек-ханша вышла ему навстречу; вышли навстречу все подданные, приняли поводья своего владыки-богатыря. Шара-Бодон прежде всего по обычаю преклонил колени перед батюшкой и матушкой и осведомился об их здравии; а все бесчисленные подданные по закону осведомились о здравии Шара-Бодона. Обратился к нему хан-батюшка: — «О, дитя мое милое, съездил ли ты в благоденствии, съездил ли ты в добром здоровьи? Добыл ли ты себе золотую красавицу? Привел ли с собой народ, пригнал ли караваны навьюченных верблюдов?»—Поднес тогда Шара-Бодон отцу и матери лучшую часть добычи своей. После того был приготовлен великий пир, какого еще не бывало во вселенной. А табунщик, Ак-Сахал, отправился к скоту, к табунам; собрал он скот, табуны, выросшие и наполнившие

Алтайские рощи и луга; отобрал он молодых, хороших кобылиц, пригнал к ханской ставке. Срублены были затем стройные деревья и из них сделаны копья; из шкур же сотни быков накрутили привязи. Поставили кобыл с жеребятами, из молока тех кобылиц приготовили напитки пировые: кумыс, водку да арзу с хорзой. Тем временем прибыл караван, прибыла прекрасная красавица со своими подданными, со своими воинами. Воздвигли, поставили, наладили да разукрасили ее по-разному, величественную ставку Набчи-Го-Зандан. Запылали сандаловые деревья, поставили на огонь бронзовый котел и сварили горьковатый красный чай как следует, по-хорошему. После этого старшие распустили косы красавицы Набчи-Го-Зандан, помазали их желтым клеем и, разделив на две части, убрали их в два чехла из золотой парчи, убрали, привесили все положенные украшения. Надела Набчи-Го-Зандан черное шелковое покрывало, надела высокую черную шапку со свешивающейся красной кистью, утерла слезу и вознесла в честь духов-хранителей хана черную лампаду, поднесла гениям мяса с салом. Затем можжевельником совершила она жертвоприношения ханскому очагу и поклонилась ему, поклонилась гениям-хранителям хана-батюшки и ханши-матушки. Тогда хан-батюшка соизволил слово молвить, ханша-матушка соизволила слово молвить, одну треть своих подданных, одну треть воинов своих, треть от стад своих дали они в удел, в приданное красавице Набчи-Го-Зандан. А затем, после этого, поднял хан-батюшка острием стрелы занавеску бело-шелковую, открыл золотую красавицу. Устроен был затем великий пир, такой, какого еще не видели в этом мире.

После свадебного пира, через семь суток, Шара-Бодан вышел ночью из своей ставки и стал привязывать коня своего вороного. Услыхал он тогда, что хан-батюшка беседует с ханшей-матушкой, услыхал, как гудят их голоса. Подошел он к их ставке снаружи, как раз против того места, где находились они, и стал слушать прекрасными ушами своими: — «На северо-востоке, на южном склоне скалистых гор Зюркюн (Сердце), два богатыря, Архай и Шархай да два богатыря, Хада (Скала) и Харгай (Лиственница), да три черных силача-борца царя восьми драконов, да еще богатырь Кюдюр-Улан-Бодан (Кабарга-Красный-Витязь), сын Кюджи-Кюрюль-Дархан-хана (Душистая свеча-Бронза-Кузнец), ведут состязания, желая добыть красавицу Мэсюн-Герель (Льдистый Блеск), дочку Меньдюр-Дархан-хана (Град-Кузнец). Об этом не надо говорить нашему Шара-Бодону, не так ли?»—Услыхал этот разговор Шара-Бодон, повернул своего вороного коня, отвел его, оседлал, надел свои доспехи богатырские и ускакал потихоньку темной ночью. Уда-

лившись от родного дома, достигнув стоянки табунов, поехал он потихоньку и выехал на вольные места так, что отец с матерью ничего не услыхали, ничего не заметил никто. Затем поскакал он так, что потянулась светло-желтая пыль. Забелела дневная заря, день настал, встало утреннее желтое солнышко. Взобрался Шара-Бодон на макушку высокой горы и стал дозор держать, осматриваться. И заметил он на просторах Алтая, посреди обширной, вольной желтой степи, красную обрывистую гору, а рядом с той горой несколько голов крупного скота. Подумал он: — «Странная эта гора, одинокая сиротина на широкой, вольной желтой степи! Удивительный этот скот, что бродит подле нее. Поеду-ка я туда, к той горе!»—Помчался он, как степной пожар, как камень, пущенный по крутому склону. Когда подъехал он, то оказалось, что это не гора, а красно-рыжий конь, игравший головой, поводящий бедрами. И то, что казалось ему скотом, на самом деле был богатырский сагадак, перья стрел его. Увидел Шара-Бодон, что там спит молодой молодчик с растрепанными косичками, с поломанными зубами, вытянувшийся, как ремень, покрасневший, как тамариск, обожженный горячим полуденным солнцем.

Подъехал к нему Шара-Бодон и крикнул:—«Вставай!»—Трижды кричал он, но никак не мог разбудить молодца. Крикнул он тогда:—«Славный ты витязь иль лежишь ты от стыда? Или скверненький ты мужчинка и валяешься от страха?»—С этими словами Шара-Бодон хлестнул молодца крепко между лопаток. Тогда тот сквозь сон пробормотал: — «Эх, скверная блоха кусается!»—повернулся и уснул снова. Схватил тогда Шара-Бодон свое красное копье и вонзил его в ляжку того молодца. Но тот пробормотал: — «Эх, кусается мерзкая блоха! Ну, да все равно!» — «Это, может быть, отец и мать твои блохи, а я не блоха! Вставай! Что ты за существо, что спишь таким образом?»—Тогда тот молодец пробудился, поднялся и воскликнул: — «Безумный ты дурак, раз колешь спящего человека! Темный ты дурачина, раз хлещешь попусту сонного! Если ты проворный молодец, померяемся силой плечей да лопаток! Если ты просто глупый человечишко, то проезжай себе спокойно!»—Тогда Шара-Бодон слез с коня, снял с себя доспехи богатырские, и начали два богатыря бороться посреди безлюдной широкой степи. Поднял молодца Шара-Бодон и бросил его на землю. Распластал, придавил и стал спрашивать, какие у него три печали богатырские? — «Буду я тебе говорить о своих печалях? Видел ты кого-нибудь, кто бы после борьбы в безлюдной степи стал спрашивать, о чем сожалеют? Прежде, чем спрашивать, ты наверх посмотри, вниз посмотри; тогда уж и спрашивай!» — «Плохое говорит этот человек, — подумал Шара-Бодон, — но у витязя нет пристрастия, в безлюдной местности нет счастья!»—Подумал он так и посмотрел вверх; увидел он после этого, что оба колена молодца и макушка его головы соединились вместе, посмотрел Шара-Бодон вниз и увидел, что сам находится на сажень от земли. — «Этот молодец не простой человек, не зря болтается, с основанием!»—подумал богатырь и обратился к молодцу с таким вопросом:—«Эй, молодец, где родные кочевья твои великие, каково звание твоих батюшки да матушки, как тебя самого называют? Куда стремишься ты? К кому далекие помыслы твои? Говори, рассказывай!» — «А ты сойди с меня, — заявил тот молодчик, — как это ты слово у человека спрашиваешь, сидя на нем? Нельзя ехать, лежа на лошади!»—Слез тогда с него Шара-Бодон, а молодчик тот поднялся и сел с ним рядом. — «А ты чей сын, как именуешься, куда направляешься?»—спросил он Шара-Бодона.—«Я сын Далай-Мерген-Бурул-Дайчи-Череб-хана, Шара-Бодон».—«А я,—заявил тот молодец,—имею зимовки на прохладных восьми Хангаях, летники мои при прохладном белом море. Я сын Сендель-Дархан-хана и Сиди-Герель-ханши, зовут меня Сенкер-Улан-Бодон (Светло-Голубой-Красный Витязь). Услыхал я, что на северо-восточной стороне шесть сторон богатырских устраивают богатырские состязания, и отправился порушить мужей, поломать пальцы, позабрать добычи, сокрушить гордыню. Вот какова моя нужда, мои помыслы». — «Да сколько тебе лет?»—спросил Шара-Бодон. — «Я достиг трех лет, конь у меня четырехлетний». — «Одно у нас с тобой место, куда мы стремимся, одна у нас дума думанная, одинакова у нас мощь богатырская, лопатки и плечи ровны».—Так сказал Шара-Бодон, и стали они братьями. Пролезли они под тетиву лука, полизали острия оружия и стали братьями, давшими обеты наилучшие. После этого оба богатыря сели на своих коней и пустились в путь. Поют богатыри, рысят с громом их кони.

И вот подъехали они к южному краю великих кочевий Мэндюр-Дархан-хана. На южном склоне необъятной, огромной горы возвышалась там страшная, величественная белая ставка. Виднелись там бесчисленные боевые кони. Многочисленные молодцы, там собравшиеся, услыхали шум прибывающих двух богатырей, поговорили между собой да поразъехались по своим кочевьям, поразъехались по своим домам. Остались только шестеро, шесть витязей: Архай-богатырь да Шархай-богатырь, Хада-богатырь да Харгай-богатырь, сын Кюджи-Кюрюль-хана, Кюдюр-Улан-Бодон и сын царя восьми драконов, Гунун-Хара-Бэкэ. Остановились богатыри, Шара-Бодон и Улан-Бодон, у ставки Мэндюр-Дархан-хана, привязали своих коней и, войдя во внутрь, представились хану. Предложили богатырям красного

чая да разных плодов, обратился к ним Мэндюр-Дархан-хан с таким словом: — «Чьи вы молодцы, как прозываетесь, где ваши кочевья великие, зачем поехали, куда направляетесь?» — «Зимовки мои — спокойные восемь Хангаев; водопои мои — прохладное белое море; я сын Сендель-Дархан-хана, Сенкер-Улан-Бодон»,—заявил один витязь.—«Кочевья мои—горы Арсалан-Цаган, водопои мои — нектарные ключи, я сын Далай-Мерген-Дайчи-Бурул-Череб-хана, Шара-Бодон. Услыхали мы, — продолжал Шара-Бодон,—что у здешнего хана шесть богатырей ведут состязания, мы и отправились, чтобы к борцам борцов выставить, к коням коней выставить, в стрельбе стрелы свои показать, против врагов обратить свое оружие. Хотим мы успокоить вселенную, хотим возвеселить все живые существа; отымем мы добычу от удачливого молодца, отвратим гордость от кичливого молодца! Сенкер-Улан-Бодону судьбой суждено, древними пророческими благопожеланиями предопределено получить красавицу Мэсюн-Герель, дочку Мэндюр-Дархан-хана».

В богатырских состязаниях остались тогда победителями Шара-Бодон и Сенкер-Улан-Бодон, который и получил красавицу Мэсюн-Герель. После них выделился Кюдюр-Улан-Бодон, сын Кюджи-Кюрюль-Дархан-хана. Три Бодона стали братьями; трое их, а вместе с их жизнями-желчами (женами)—в шестером дожили они вместе, наслаждаясь счастьем и благополучием. Народ и скот на Алтае и Хангае стали тогда тоже наслаждаться счастьем.

Перевел с монголо-ойратского
Б. Владимирцов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

УКАЗАТЕЛЬ МОНГОЛЬСКИХ И ДРУГИХ ВОСТОЧНЫХ СЛОВ

Абида — Будда Беспредельного Света, по санскрит. Амитаба.
Айран, по монг. айрик — название молочного кушанья в роде простокваши.
Аранзала — волшебный конь.
Аргали — ovis argali, Pall., дикий баран.
Арза — дважды перегнанная водка из кумыса или айрана.
Аю-бодисатва — имя одного бодисатвы, сына Дара-еке.

Басар — прозвище, даваемое хорошей собаке.
Бимба — название растения с красными плодами.
Бодисатва — существо, готовящееся стать Буддою; существо, отказывающееся, по буддистским представлениям, от нирваны ради спасения всех живых существ.
Будда Беспредельного Света — Абида.
Будда-Наставник — монгольск. прозвание Будды-Шакьямуни.
Бум (море) — одно из морей буддистской космогонии

Ваджрадара — будда мистический, одна из главных личностей пантеона северных буддистов.
Ваджрапани — гений-хранитель буддизма, являющийся в грозном и милосердом облике.

Ганджир — золоченое вазообразное украшение, помещаемое на крышах буддийских храмов.
Ганджур — «Словеса (Будды)», собрание буддийских канонических произведений, приписываемых северными буддистами Будде.
Гаруда — волшебное птицеобразное существо индийской мифологии.
Гелюн — буддийский монах.
Гецель — буддийский новициат.
Гоби — безлесная степь, каменистая и песчаная, но не совсем лишенная травы.

Дайбун-хан — эпическое монгольское прозвание китайского императора.
Далай-лама — монгольский титул буддийских святителей Тибета, в образе которых перевоплощается бодисатва Авалокитешвара.
Данджур — «Пояснения (словес Будды)» — собрание буддийских канонических сочинений, составленных разными лицами (не приписываемых Будде).
Дара-еке — женское милосердое божество северного буддизма.
Джавук — деревянный жезл, носимый уставщиком буддийских монастырей Тибета и Монголии.

Дзонкава — знаменитый святитель тибетского буддизма, основатель могущественной церкви-секты «желтошапошников» (1355—1417 г.).

Дипанкара — будда отдаленных времен.

Замлин гунчиб — название особого сорта душистых курительных свечей.

Кабчал — узкое ущелье.

Калпа — период времени.

Кувера — божество богатства индийской мифологии.

Кудурзала — волшебный конь.

Куша — волшебная трава.

Лама — буддийский монах.

Лана — китайская мера веса.

Майдари — бодисатва, по-санскритски Майтрейя, который станет Буддою и начнет проповедывать буддизм, когда угаснет учение, основанное Буддою Шакьямуни.

Мангус — чудовище, пожирающее людей.

Махакала — грозное божество, гений-хранитель буддизма (северного).

Мегдзема — гимн в честь Дзонкавы.

Нагарджуна — знаменитый учитель буддизма, живший в Индии около I века нашей эры.

Намджи-Бандан — название мистической формулы.

Наринзала — волшебный конь.

Онгон — шаманское божество, изображение шаманского божества.

Очир, санскрит. ваджра — жезл, скипетр, перун, алмаз; жезл, употребляемый ламами, предающимися практике мистицизма, а также во время разных религиозных обрядов.

Сум (море) — одно из мифических морей, по космогоническим представлениям народов индийской культуры.

Сумеру — мифическая гора, находящаяся в центре мира, по воззрениям индийской космогонии.

Шакьямуни — «Мудрец из рода Шакья», прозвание исторического Будды.

Шинкам гунчиб — название особого сорта душистых курительных свечей.

Шурган — снежная буря.

Хадак — приветственный шелковый плат.

Хасар — прозвище, даваемое хорошей собаке.

Хом — потник, подкладываемый под вьюк у верблюдов.

Хоншим-бодисатва, иначе Авалокитешвара, или Арья-Бало, милосердый бодисатва, воплощающийся в образе далай-ламы.

Хорза — трижды перегнанная водка из кумыса или айрана.

Хормуста — верховный глава тридцати трех небожителей, соответствующий санскрит. Индра.

Хорон — несколько раз перегнанная водка из кумыса или айрана; яд.

Худжир — солончак.

Хурал — религиозное собрание буддийских монахов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие Б. Я. Владимирцова	7
Бум-Ердени	55
Дайни-Кюрюль	103
Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве	191
Егиль-Мерген	204
Ергиль-Тюргюль	217
Шара-Бодон	232
Указатель монгольских и других восточных слов	253

ВЫШЛИ В СВЕТ ИЗДАВАЕМЫЕ

„ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“

ЖУРНАЛЫ:

„Современный Запад“

книги 1-я, 2-я и 3-я.

Под редакцией Е. И. Замятина, А. Н. Тихонова, К. И. Чуковского и Абр. Эфроса.

Печатается № 4-й.

„Восток“

книги 1-я, 2-я и 3-я.

Под редакцией академика С. Ф. Ольденбурга, академика И. Ю. Крачковского, профессора В. М. Алексеева, проф. Б. Я. Владимирцова и А. Н. Тихонова.

Печатается № 4-й.

Торговый сектор Государственного Издательства:

МОСКВА. Ильинка. Биржевая площадь. Богоявленский пер., 4.
ПЕТРОГРАД. Проспект 25-го октября (Невский), 28.

МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА:

В Москве: 1) Советская площадь, под гост. «Дрезден», тел. 1-28-94. 2) Моховая ул., под гост. б. «Националь», тел. 1-31-50. 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13, зд. Консерватории, тел. 2-64-95. 4) Никольская ул., д. 3, тел. 49-51. 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 2-84-82. 6) Кузнецкий мост, 13, тел. 1-01-35. 7) Лялинский пер., 11. 8) М. Харитоньевский пер., 4. **В Петрограде:** 1) Проспект 25-го октября (Невский), 28. 2) Ул. Володарского (Литейный пр.), 21. 3) Проспект 25-го октября (Невский), 13.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА"
ПЕТЕРБУРГ
Моховая №36